

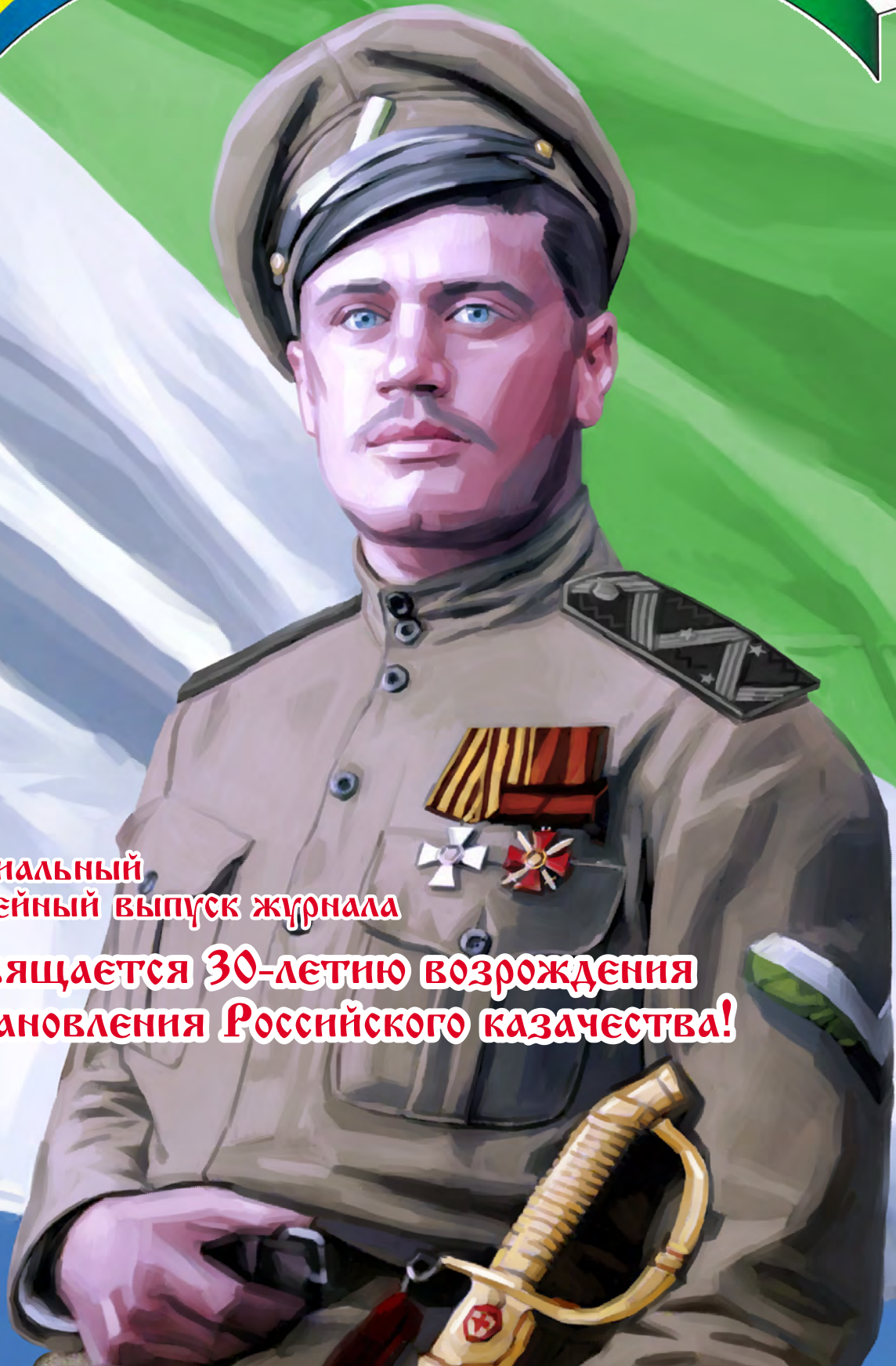
Историко-литературный
казачий журнал

Томск | № 9 |
декабрь 2020 г.

Специальный
юбилейный выпуск журнала

Посвящается 30-летию возрождения
и становления Российского казачества!

*Посвящается 30-летию возрождения и становления
Российского казачества!*

Господа Атаманы, братья казаки, уважаемые читатели, дамы и господа!

Прошло 30 лет с того памятного исторического события, когда 20 июня 1990 года в Москве состоялся большой учредительный круг Союза казаков России. Именно с этого времени в России по Божьему промыслу и началось возрождение казачества.

Несомненно, казачество во все времена являлось именно той силой и частью нашего народа, о которой без всякого преувеличения говорится, что она отождествляет собой элиту нации, веками, стоящую на защите его интересов, создавшую и отстаившую наше Российское государство в его нынешних границах.

К сожалению, после стольких лет кровавого геноцида и политики репрессий в отношении Российского казачества, когда враги казачества и православия всеми силами пытались тотально извратить истинную суть его многовековой истории и культуры, предать её забвению, некоторая часть из числа наших российских сограждан не видят и не понимают необходимости его полного возрождения и становления, как того требуют историческая справедливость и интересы Российского государства.

Несомненно, что, перед лицом как внешней, так и внутренней угрозы, в свете последних мировых событий как никогда становится, очевидно, насколько наше государство нуждается в профессиональных воинах, недостаток которых восполнить по силам только казачеству. С учётом последних вызовов России как за рубежом так и внутри её, казаки остаются верным и надёжным звеном в поддержке решения нашего правительства противостоять этим мировым силам, как того требует честь казака, слава наших предков и законы Российской Федерации.

Исходя из того, какое огромное внимание уделяется нашим правительством и президентом России на создание в нашей стране крепких межнациональных и межконфессиональных отношений, укрепления единства народов Российской Федерации, обеспечения межнационального согласия, и мира, мы полагаем, что наша журналистская деятельность в этом направлении служит гарантом общего успеха в достижении именно этой цели.

Мы надеемся на то, что, несмотря на различия наших казачьих организаций и мнимые противоречия,

о которых так любят говорить наши оппоненты, мы с вами являемся единым народом. У нас нет никакого права обособляться друг от друга и не подавать друг другу руки помощи, так как для казака нет уз святее товарищества. Слава Богу, что в последние время в этом направлении происходят существенные изменения, способные коренным образом придать новый положительный вектор развития всего Российского казачества на общегосударственном уровне.

Выпуская наш журнал, мы казачьи писатели и журналисты стремимся прежде всего вести активную пропаганду уклада и образа жизни казачества, его исторического наследия и славы наших предков, желая в полном объёме довести до внимания нашего читателя весь имеющийся у нас культурно-исторический материал.

**Слава казачеству, слава России!
С Богом!**

*Председатель
Союза Казачьих Журналистов,
главный редактор журнала
Алексей Сафронov и ред. коллегия
ТОМСК-Сибирь*

На первой странице обложки:

графика художника Андрея Баташева. «Командир 1-го Средне-Сибирского Армейского Корпуса генерал-лейтенант Пепеляев Анатолий Николаевич»

В журнале представлены работы Томского фотографа Александра Рауша и других авторов.

На четвёртой странице обложки:

фотография Томского фотографа Александра Рауша «Епископ Колпашевский и Стрежевской Силуан и Томские казаки».

Историко-Литературный Журнал

Казачье Братство

ЯВЛЯЕТСЯ ОФИЦИАЛЬНЫМ ПЕЧАТНЫМ ИЗДАНИЕМ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЮЗА КАЗАЧЬИХ ЖУРНАЛИСТОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА. ЕГО НАЗВАНИЕ И ЛОГОТИП ЯВЛЯЕТСЯ СОБСТВЕННОСТЬЮ ОРГАНИЗАЦИИ, ЕГО САМОВОЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАПРЕЩЕНО ЗАКОНОМ РФ ОБ АВТОРСКОМ ПРАВЕ

*Издаётся по благословению
Его Высокопреосвященства*

*Высокопреосвященнейшего Кирилла,
Митрополита Ставропольского и Невинномысского,
Председателя синодального комитета РПЦ МП
по взаимодействию с казачеством и содействию
Администрации Томской области*

Состав правления, учредители журналистской организации и редакционный совет журнала
Председатель Межрегиональной Общественной Организации «Союз Казачьих Журналистов Сибири и Дальнего Востока», Главный редактор журнала «Казачье Братство», управляющий делами издательского дома «Томский острог», член Всеславянского Союза Журналистов, профессор Международной Славянской Академии наук Образования, Искусств и Культуры Западно-Сибирского отделения Сафронов А. В.

Редакционный совет журнала:

гл. редактор Сафронов А. В., члены ред. совета и председатели отделений (филиалов) организации: Савченко Фёдор Олегович, Родионов Андрей Иванович, Торопчин Максим Викторович, Усачев Иван Игоревич

Учредители и члены правления: Сафронов Алексей Владимирович, Матюхов Николай Петрович, Торопчин Максим Викторович, Савченко Фёдор Олегович, Крекер Александр Петрович, Волков Николай Васильевич, Родионов Андрей Иванович, Фабрика Юрий Аркадьевич.

Адрес для писем: 634062, г. Томск, ул. Беринга, 2, офис 083, тел. офис (3822) 67-49-59, сот. 8 (903) 914-79-42, E-Mail: rusrati@yandex.ru

Журнал издаётся при поддержке и участии:

Администрации Томской области, Союза казаков воинов России и Зарубежья, Международной Славянской Академии наук Образования, Искусств и Культуры Западно-Сибирского отделения, Ассоциации единоборств древней Руси и Томского клуба ЕДР Димитрий Донской, Томского Казачьего Корпуса, ветеранов МВД и ВС России. межрегионального казачьего центра по борьбе с наркоманией и наркобизнесом по СКФО РФ.

*Мнение редакции не всегда совпадает
с мнением автора.*

Реквизиты МОО СКЖС и ДВ:

ИНН 7017999873, КПП 701701001, ООО «Иркутский тракт» в г. Томск ОАО «Промсвязьбанк», 634049 г. Томск, ул. Иркутский тракт, 53Б, р/сч 40703810604000000055, кр/сч 30101810500000000816, БИК 045004816

Периодичность издания журнала — один раз в три месяца, кол-во тиража журнала 600 экземпляров. Рассылкой и распространением журнала производится региональными представителями отделений (филиалов) журналистской организации.

**Журнал издаётся
в полиграфическом издательстве «Ветер»
г. Томск.**

ИНТЕРВЬЮ АТАМАНА

► У истоков возрождения казачества..... 2

КАЗАК БЕЗ ВЕРЫ — НЕ КАЗАК

► 30-летие «Союза казаков» томские казаки отметили в Воскресенском храме ... 12

ВАЖНОЕ СОБЫТИЕ

► 17 июля 2020 года состоялось важное для казаков событие, которое можно смело назвать историческим 16
► Сибирские казаки Новосибирской области объединяются!..... 17

ВОСПОМИНАНИЯ КАЗАЧКИ

► За руку с Цесаревичем 18

ПАМЯТНЫЕ СОБЫТИЯ

► Семилуженская чудотворная икона свт. Николая Мирликийского — чудаеса на Томской земле 20

КАЗАЧЬЯ ПРОЗА

► Чёрт в казачестве, или Инструкция по борьбе с грехопадением..... 23

ГЕРОИ СИБИРИ

► Жизнь и смерть генерала Пепеляева 34

ПАМЯТИ АТАМАНА

► От редакции журнала 42
► Обращение атамана Анатолия Ивановича Острягина к Сибирским казакам 43

СЛОВО СВЯЩЕННИКА

► Пророческие слова протоиерея Василия Ермакова 44

КАЗАЧЬИ РОДОСЛОВНЫЕ

► Гребенские казаки Федюшкины и истоки их вайнахского происхождения..... 46

КАЗАК БЕЗ ВЕРЫ — НЕ КАЗАК

► На Святом Белогорье 12 июля престольный праздник отмечает село Погромец... 51

КАЗАЧЬЕ ЗОДЧЕСТВО СИБИРИ

► От резной лошадки до деревянного зодчества 53

КАЗАКИ И ЦЕРКОВЬ

► Казак без веры — не казак! 58

КАЗАКИ НА НЕВЕ

► К 30-летию возрождения Невской станицы..... 60

ОБРАЩЕНИЕ К КАЗАКАМ

► К казакам Святой Руси 63

КАЗАЧЬИ ВЕСТИ

► Новый виток развития Амурского казачества..... 67

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

► Камчатские казаки, очерк о староодежной жизни, о службе казачей и упряжных нартовых псах, их ездовых собаках 69
► Казаки на Камчатке 76

КАЗАЧЬИ ШЕРМИЦИИ

► Возрождение казачьих традиций 83

НЕИЗВЕСТНЫЕ ГЕРОИ

► Есаул Сыроешкин, или Попытка спасти монархию сто лет назад 85

ВОПРОСЫ ИДЕОЛОГИИ

► Небольшевизм и его опасность! 89

КАЗАЧЬЯ ПАМЯТЬ

► Слово о «природном» атамане Фёдоре Набокове 92

ОРУЖИЕ

► Короткое оружие казаков 98

ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА

► Иркутское казачество в 1917–1920 годах 104
► Немного о себе и своём литературном творчестве 131

БОРЬБА С НАРКОБИЗНЕСОМ

► КАЗАКИ В БОРЬБЕ С НАРКОМАНИЕЙ И НАРКОБИЗНЕСОМ 132

СКАЗАНИЕ О ЗЕМЛЕ СИБИРСКОЙ

► Томск сакральный, или Тайны подземного города 139

НОВОЕ ИЗДАНИЕ

► 1918–1933 года геноцида казаков: свидетельства жертв, документы террора... 145

ПОДМЕНА ХРИСТИАНСТВА

► Не трогайте Господа он был и остаётся белым или Black Lives Matter как (анти)религия 146

СТИХИ И ПРОЗА ТОМСКИХ КАЗАКОВ

► Еду домой 148

КОНКУРС

► ИНФОРМАЦИЯ ПО ИТОГАМ ПЕРВОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА В ЧЕСТЬ 75-ЛЕТИЯ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ 164
► Избранные стихи и проза участников конкурса 171

У истоков возрождения казачества

Представляем Вашему вниманию интервью главного редактора журнала «Казачье братство» Алексея Владимировича Сафронова с первым атаманом Сибирского казачьего войска, почётным казаком СКВРиЗ, атаманом регионального отделения Общероссийской общественной организации по развитию казачества «Союз казаков-воинов России и зарубежья, казачьим полковником Юрием Алексеевичем Белозерцевым, взятого у него в сентябре 2020 года в г. Барнауле Алтайского края.

Алексей Владимирович Сафронов: Юрий Алексеевич, казачеству Сибири хорошо известно, что вы один из тех казаков, кто был в рядах основоположников возрождения Сибирского казачьего войска. Как всё это начиналось?

Юрий Алексеевич Белозерцев: В августе 1990 г. в г. Омске прошёл 1-й круг сибирских казаков, создавших казачью организацию «Союз сибирских казаков» с избранием Сергея Смолякова атаманом Союза. На Алтае в это время существовало только инициативная группа потомков казаков, возглавляемая подполковником Ю. А. Абрашкиным. Эпизодически мы взаимодействовали с казаками г. Новосибирска. Только в августе 1991 г. нам удалось провести полноценную юридическую регистрацию краевой организации «Алтайский отдел Сибирского казачьего войска». Казаки Алтая первыми указали на необходимость воссоздания своих исторических корней. В Омске дальше Союза непозволительно было и мыслить.

16 сентября 1992 г. в Новосибирске прошёл учредительный круг Урала-Сибирского казачьего землячества, атаманом которого был из-

бран А. Захаров. У меня остались самые добрые воспоминания об этом человеке. По поручению Ю. А. Абрашкина я постоянно посещал все проводимые в Новосибирске мероприятия и рассказывал о них в Барнауле. Омск изначально не вызывал симпатий казаков Алтая своими ярыми делениями на «белых» и «красных», с непримиримой междоусобицей, способной только погубить возрождающееся казачество. 22–23 июня Омские казаки предприняли попытку создать Сибирское казачье войско в этом городе, но собравшиеся не имели какого-либо серьёзного представительства в других регионах Сибири, а войско призвано было быть межрегиональной казачьей организацией. Тем ни менее В. Дорохов, взявший на себя фамилию своей жены, хотя и был озвучен атаманом войска, но так и не был признан большинством казаков Сибири, да и само войско ещё не имело юридической регистрации.

Сафронов: Можно понять государственных чиновников, ответственных за регистрацию казачьих организаций. Память о Сибирском казачьем войске была напрочь уничтожена. Они знали только Дон и Кубань по сценариям советских художественных фильмов. Как же удалось преодолеть сопротивление Министерства юстиции РФ.

Белозерцев: Это было очень не просто. На всех мероприятиях Союза сибирских казаков, куда приезжали уже не только казаки Омска области, но и Томска, Кургана, Барнаула, Петропавловска и др. более мелких поселений, постоянно будировался вопрос о необходимости создания войска и возрождении всех его организационных структур. При подаче документов о регистрации войска в Министерстве юстиции РФ их постоянно по различным причинам возвращали. После смерти атамана С. Смолякова и ухода временно исполняющего его обязанности Гренера, атаманом Союза Сибирских казаков при высоком авторитете Алтайского отдела атаманом Союза Сибирских казаков был избран Ю. А. Абрашкин. Авторитет Юрия Александровича был подкре-

плён реальными делами в Алтайском крае, где уже был создан первый в Сибири Центр культуры Сибирских казаков и сформирован значительный организационный состав краевой казачьей организации количественно превосходящий все казачьи организации Сибири.

Сафронов: Как же вы этого достигли?

Белозерцев: Это не простой и очень болезненный для меня вопрос. Прежде всего это крепкая инициативная группа в составе атаманского правления, куда входили А. Останин (товарищ атамана), Б. М. Астахов (председатель совета стариков), и ряд других преданных делу людей. Я в то время занимал сразу несколько должностей. Был зам. Атамана по внешним связям, по культуре и информации, а также по взаимодействию с Русской Православной церковью. По окончании учёбы с красным дипломом Алтайского государственного института культуры, где я был оставлен на преподавательскую работу, мне удалось убедить в необходимости создания Центра культуры сибирских казаков руководство края, главной целью которого являлось средствами и методами работы учреждений культуры возродить и развивать казачество в крае. Был предоставлен транспорт, а сотрудники Центра, набранные из числа казачества, были рабочим органом общего дела. Руководство Центром и ответственность за результаты работы были возложены на меня. На средства, принадлежащего мне лично производственно-художественного предприятия мы не дали погибнуть фольклорному ансамблю «Песнохорки» во главе с хорошо известной на Алтае О. Абрамо-

вой. В школе № 12 мы создали казачьи классы, а в план работы Центра были включены краевые праздники, фестивали и конкурсы самодеятельного народного творчества. Благочинный Алтайского округа обратился ко мне с предложением об участии казаков в воссоздании Воинского Никольского храма. Всё это мы с честью выполнили. Авторитет казаков возрастал. В итоге всё это дало нам возможность проводить большую культурно-массовую, историко-краеведческую работу в крае. Ежедневно, по плану совместной работы приходилось выступать по радио и телевидению, перед студентами, школьниками и жителями края, приходившими на наши концерты и казачьи праздники. А к этому всякий раз нужно было готовиться. Запомнились поездка в г. Уральск, на юбилей Уральского казачьего войска, на Общероссийский казачий фестиваль в далёкую Тамань, неоднократно на детский фестиваль «Казачок» в г. Анапу, на первую Рождественскую кремлёвскую ёлку в г. Москву, на юбилейные торжества, посвящённые первооткрывателю Беренгова пролива С. Дежнёву на мысе Чукотки. Я уже не говорю о постоянных поездках по Сибири и в Горный Алтай. С такой занятостью и напряжением мне пришлось оставить преподавание в ВУЗе и начавшуюся научную работу. Горьким является то, что я столкнулся с непониманием и скрытым противостоянием части казаков на Алтае. Общеизвестная для специалистов истина о том, что основой возрождения и становления всякого народа или этнической группы является традиционная культура и его история долго не находила понимания. Громче

Томские казаки. Лето 1992 года

всех возражали те, кто в противовес моим инициативам доказывал необходимость «государевой службы» и военизации казачества.

Сафронов: И чем это кончилось?

Белозерцев: В итоге многолетнего «кровопития» и ярого противостояния большинство из тех о ком я сказал сегодня вновь в рядах нашей организации, но уже без крика и недовольства мной как атаманом.

Сафронов: Юрий Алексеевич, вы ведь первый атаман Сибирского казачьего войска и вы выполнили наказ сибирских казаков о его регистрации. Расскажите об этом.

Белозерцев: Неприятный эпизод из жизни казачества предшествовал всему этому. В декабре 1992 г. в Москве на очередном Совете атаманов Союза казаков, куда входили все крупные казачьи организации России, атаман Ю. А. Абрашкин единогласной волей атаманского состава Союза сибирских казаков был отстранён от атаманской власти до проведения Большого круга. Приказом атамана Союза казаков А. Г. Мартыновым я в этот же день в Москве был назначен наказным атаманом, а 23 января 1993 г. Большим кругом Союза сибирских казаков был избран атаманом.

Сафронов: Какие же основополагающие задачи вы поставили перед собой и межрегиональной казачьей организацией?

Белозерцев: Прежде всего создание именно организации в полном понимании смысла этого слова, укрепление организационной структуры, дисциплины, соответствии внешнего вида казаков, их официального поведения, согласно сибирским казачьим традициям. Казаки в Томске создали соответствующее методическое пособие. Мы его размножили и раздали всем атаманам организаций входящих в Союз. Это была первая методическая публикация для казаков. Немаловажной оставалась необходимость укрепления авторитета казачьих организаций и самих казаков в их делах перед населением и органами государственной власти. Я обязан был быть везде и всюду, научиться слушать, а когда нужно — говорить. Не зря в народе живёт древняя поговорка: «Каков поп — таков и приход». Можно долго и интересно рассказывать о поездках, делах и заботах по Сибири. Много ярких и поучительных встреч с самыми разными людьми. На примере Алтая я доказывал руководителям регионов, городов и Сибири песенных и танцевальных коллективов. Я сам мог без стеснения спеть старинную казачью песню, рассказать о ней и о конкретном историческом событии, породившем её. Армейский постулат «Делай как я, а если можешь — делай лучше». 29 апреля 1994 г. Министерство юстиции РФ зарегистрировало Сибирское казачье войско как межрегиональное казачье объединение. Начался новый этап возрождения сибирского казачества.

Сафронов: Но ведь административным Центром — столицей Сибирского казачьего войска был г. Омск?

Белозерцев: Да, и мы никогда не стремились оспаривать это. Омские казаки в то время погрязли в коалиционной борьбе. Могу привести пример. Именно в это время в Омске произошла одна из запомнившихся мне встреч с одним из ярких и типичных представителей «казачьей дури» г. Волиным, человеком прекрасной фамилии, потомком славного казачьего рода. При случайной встрече я протянул ему руку для приветствия и он с пафосом ответил, что не подаёт «красным» руки. Самое смешное заключалось в том, что в это время главная краевая газета «Алтайская правда» опубликовала список «врагов советской власти на Алтае» с удивлением я увидел, что одной из первых стояла моя фамилия. Знал бы г. Волин! Хотя я помню мой ответ ему: «Ты не можешь мне сказать, на какой зоне ты так побелел?». Хотел бы встретиться с ним ещё раз, если он жив и здоров. Ещё один случай. Чарышский район в Алтайском крае, с. Чарышское — старинное казачье поселение. Крови здесь в гражданскую войну пролито немерено. Для встречи с атаманским составом собрался полный зал жителей села. Я рассказывал о старом и современном казачестве, о целях и задачах нашей организации, отвечал на вопросы собравшихся. Встаёт женщина средних лет, учитель по профессии и говорит мне, что её дедушку в гражданскую войну убили казаки. Мне оставалось только спросить её, не знает ли она сколько казаков убил её дедушка. Вот и ответ на вопрос. Подобных случаев забавных, курьёзных, а иногда и откровенно враждебных в моей памяти много. Они закономерны, особенно в период возрождения казачества.

Сафронов: А что, Юрий Алексеевич, в вашем роду не было красных?

Белозерцев: Были. Один из моих дедов был официально признан героем гражданской войны на Алтае. Кроме двух «Георгиев» и двух медалей за «храбрость» за первую мировую войну, по окончании гражданской войны он получил орден Боевого Красного знамени и имел наградной маузер. Что подтверждено документально. Другой дед, как и большинство сибирских казаков, ушёл с Колчаком и никаких сведений о нём родные больше не получали. Помню время, когда я был ещё подростком, часто к нам приезжали родные. Накрывался праздничный стол начинались разговоры о жизни и событиях. Невольно я был слушателем их доверительных воспоминаний. Мой отец Алексей Фролович был 1905 г. рождения, а моя мама Марфа Васильевна (урождённая Брежнева) с 1910г рождения. Они хорошо помнили гражданскую войну и Великую Отечественную хорошо знали. Вот в этих беседах и обнажалась народная правда. Много позже начались правдивые публикации об этих событиях для всеобщего обсуждения и подавались народу как недавно открытые секретные факты. Но люди моего поколения всё это знали от своих родителей с детства без идеологического лукавства, а иногда знали больше, чем нам рассказывали официально в средствах массовой информации. Несмотря на это я понимал закономерность действий власти большевиков. В 1969 г. будучи старшиной первой статьи Краснознамённого Тихоокеанского флота, я был принят в ряды КПСС и гордился этим, служил своему Отечеству честно и добросовестно, как и большинство коммунистов. Мы не знали многого, верили в газетную правду, думали что «перегибы» на местах. Сгнила верхушка КПСС и народ ей этого не простил. Я не бросал, в отличие от так называемого «белого» казачества кусков грязи в адрес коммунистов. Ни в «красные», ни в «белые», будучи

атаманом, не записывался, но и историю, правду жизни всем в меру своих сил необходимо знать и помнить.

Сафронов: Юрий Алексеевич, я знаю, что вас ранее просили переехать в г. Омск для руководства войском, в г. Воронеж, для руководства Верхне-Донским казачеством, в Москву для работы в составе атаманского правления Союза казаков. Я знаю о ваших многочисленных званиях и титулах на ниве науки и искусства, вы всегда были в гуще важнейших событий казачества страны. У вас в кабинете висят многочисленные портреты выдающихся деятелей сибирского казачьего войска. Среди них портреты А. Мартынова и В. Наумова.

Белозерцев: Казаки Сибири должны быть благодарны этим людям и их делам. Можно в чём-то не соглашаться с их убеждениями, но мы все в нашей стране должны знать, что только в составе Союза казаков формировался и развивался современный костяк лидеров казачьего движения, только Союз казаков, не позволил своими делами превратить современное казачье движение во всенародное посмешище. Одним своим величием самой крупной казачьей организации страны не давала нашим неприятелям, а часто и откровенным врагам затоптать и очернить возрождение казачества.

Сафронов: А всё же вы вышли из состава Союза казаков.

Белозерцев: Да. И это не было моим единоличным решением. В том, чтобы мы ушли, оказался заинтересован новый атаман сибирского казачьего войска С. Толмачёв. Но и не в нём дело. В моей атаманской жизни было два эпизода, когда казачество Сибири могло само соорудить себе надгробие. Первый эпизод: события и наши действия в период расцвета ярого национализма в Казахстане и когда начались ответные реакционные заявления участников сибирских казаков, призывающие нас к открытой войне и вооружённой защите оскорблённого русского населения. Понадобилась большая работа по разъяснению коварных методов работы по подрыву братских отношений с сопредельным народом, разбор и анализ возможного развития событий, ошибка, при которых может привести к роковым последствиям. Второй эпизод: события, связанные с попыткой использования казачества в действиях генерала Рохлина. Мне пришлось занять непримиримую позицию в дебатах с полковником В. Наумовым, которого я всегда считал своим другом и единомышленником. Атаман Толмачёв, скорее всего, не был даже посвящён в их содержание. Время показало, что я был прав. Мы сами себе могли нанести удар, который скомпрометировал бы нас в глазах правящего режима и предоставил бы благоприятную возможность выставить казачье движение антинародной силой. Я никогда не говорил об этом, а молчание

позволило моим недоброжелателям высказывать неместные эпитеты в мой адрес и придумывать различные причины выхода из Союза. На фоне этих разногласий решающую роль сыграл атаман Сибирского Войскового казачьего общества Плетнёв, обратившийся к казакам Алтая и ко мне лично с просьбой укрепления его действий в создании государственного реестра казачества в Сибири. Сибирские казаки изначально были призваны как служилое сословие

г. Барнаул. Большой Сибирский Казачий круг 2/Х/92г.

в Сибири. Это мы знаем и не могли нарушить заповеди предков. Попытки атамана Толмачёва создать новую казачью организацию на Алтае кончились полным провалом. И всё же Союз казаков России — колыбель современного Сибирского казачьего войска, а лидеры его уважаемы.

Сафронов: Юрий Алексеевич, вот я старший казачий офицер, человек хорошо информированный, вижу такую же ситуацию в нашей Томской области. Какие пути решения кризиса казачьего движения вы видите?

Белозерцев: А никакого кризиса нет. Есть закономерные пути дальнейшего развития, которые нам следует понимать и не стремиться нарушать ход естественного исторического развития. Мы сделали за эти годы несколько попыток по созданию крупных казачьих объединений. В итоге чётко увидели социальное расслоение в наших рядах. При этом всё более крепнут горизонтальные связи казачьего актива, атаманского состава и простых казаков, использующих услуги интернета. Обмениваясь реальной информацией и осмысливая всю проблематику деятельности казачьих организаций на местах, они делают свои собственные выводы, более правдивые. Произошёл закономерный отрыв правящей верхушки казачества от чаяний простых казаков. Мы наблюдаем волнообразное развитие идей новых приходящих атаманов, которые напоминают старые грабли, на которые мы всякий раз наступаем, и это происходит по всей стране, становится закономерным явлением деградации казачьего движения. Создаётся впечатление, что вся правовая база в отношении казачества, все заявления органов государственной власти ведут только к развалу. Мне бы хотелось думать, что это результат отсутствия крепких знаний науки управления, но скорее всего это осознанная политика. Откуда

взялась идея создания государственного реестра? Кто придумал что казачество можно создать из безработных с улицы. Для создания настоящего казачьего движения нужна непрерывная преемственность поколений. По крупицам, по частям но комплексно объединённая одной целью формирования сознания казака-государственника, чётко осознающего свою культурно-историческую особенность. Правовая база в отношении казачества создана для того чтобы разрушить вековые устои казачества. Сегодня она точно отражает то состояние нашего государства, которое мы получили с вкрадчивой, боязливой попыткой создания новой конституции. Отделить реестровое казачество от общественного — это тоже самое, если формировать армию и флот из числа жителей других стран. Мне часто приходится слышать небрежные трактовки понятия «общественное». Но ведь общественное это и есть истинно народное, с исторической памятью и безграничным энтузиазмом. Чего стоит только утверждение погибшего, но известного генерала, призванного возглавить казачество, о том, что они (имеется ввиду органы государственной власти) создадут новое казачество, без опоры на старое-навозное. Но любой казак понимает, что к «навозному» он относит всю многовековую государственную службу казаков, всю пролитую кровь и безмерные усилия по созданию, укреплению и охране пределов России. И что мы ждём от тех, кто разделяет такие взгляды, кому поручено следовать определённым такими генералами путём.

Сафронов: Да, тяжело это слышать и понимать. К каким выводам вы пришли, Юрий Алексеевич?

Белозерцев: По окончании моих уставных полномочий в должности войскового атамана, когда я 10 лет был в постоянных поездках и казачьих

Атаман Северного округа Томской области Казаков Александр Петрович 1993–96 год

Атаман СКР Томского отдела Корнев Владимир Васильевич, 1990-е годы

Анатолий Иванович Кирсанов Заместитель Атамана по кадрам Томского отдела СКР — 90 годы

Атаман Кривошеенского казачьего округа Попов А. В.

Атаман СКР Томского Казачьего землячества Дорохов Валерий Васильевич, 90-е годы

Атаман Томского отдела Союза Казаков России Пискунов Анатолий Семёнович

делах, без отпусков и отгулов, вернулся к работе в качестве зав. отделом традиционной казачьей культуры Алтайского государственного дома народного творчества с убеждённой уверенностью, что наши прежние утверждения об окончании процесса возрождения казачества и начале периода государственного становления оказались преждевременными. Что-то мы делали не так и во многом нарушили естественный ход исторического развития. Я был намерен вновь заняться наукой, поступил в аспирантуру и собрал огромный материал для работы над диссертацией «Генезис государственного становления казачества». Больше для себя, чем для научной общественности, мне хотелось выявить закономерности перехода формирования из свободолюбивого казачества в государевых людей, оказавшихся под прессом могущества московского царства и турецкого владычества. С иронией над всеми нами и горькой улыбкой над собой пришло знание о том, что идею реестрового казачества в середине 17-го века породили поляки в своём стремлении уничтожить запорож-

цев силами наймитов — казаков, оформленных в реестровое казачество.

По окончании учёбы в аспирантуре и работы над диссертацией я как-то спокойно для себя понял, что с такими выводами защиты диссертации не будет. Но я рад был одному, что в 1996–1997 гг. выступал в Государственной Думе при обсуждении концепции развития казачества и проекте закона о казачестве. Мои рассуждения оказались без изменений. Сидящие напротив меня депутаты Государственной думы, лидеры политических партий, согласно кивали головами. Но в итоге мы получили то, что получили. Сейчас, я могу только коротко изложить четыре основных мысли. Первая: казачество должно быть законодательно закреплено как единая казачья организация (все лево-демократические утверждения казачеством приняты быть не могут, так как исторически в нём господствовали законы военной демократии). Второе: в ряды казачества принимаются по рекомендации двух-пяти казаков решением первичной казачьей организации с последующим утверждением Большого круга казаков выше стоящей организации. Третье: единение казачества определяется созданием единого органа управления, в котором две ветви власти — гражданская и воинская. Обязательства по несению государственной службы принимаются двумя ветвями власти. Четвёртое: обучение, исполнение договорных отношений, контроль за исполнением возлагаются на военную часть. Формирование военной части казаков происходит по надобности, исходящей от содержания договорных отношений. По окончании исполнения договорных отношений занятые в них казаки возвращаются в состав первичных организаций. Все остальные функции казачества в сфере науки, культуры, просвещения относятся к разделам гражданской службы. Возникает вопрос, почему сделано всё не так? Ответ простой и понятный. Вокруг идеи государ-

ственной службы казачества кормится большое количество чиновников. Их силами имитируется бурная деятельность в сфере государственного реестра казаков, а всех остальных взять под контроль и фильтровать по принципу надобности, «ненавозные», без исторической памяти, так как в истории казачества всё это уже было и оборачивалось мятежами казаков и большой кровью. На этом этапе современного государственного развития казаки не нужны. В сознания высоких чинов это род войск с шашками и конями, а не системное формирование воина-защитника Отечества, собранного воедино по территориальному принципу. Спешить казакам, чтобы надеть на себя неподъёмный и неудобный хомут не следует. У нас найдутся другие заботы: по укреплению исторической памяти, работе с молодёжью, пропаганде и развитию традиционной казачьей культуры, любимой всем народом.

Сафронов: Юрий Алексеевич, вы обладаете большими знаниями по истории Сибирского казачества, у вас большая личная историческая библиотека и вы стремитесь создать музей Сибирского казачьего войска. Много уже сделано.

Белозерцев: Заявлять, что я всё знаю по истории родного войска, было бы большой глупостью. Со всяким проявлением знаний приходит понимание того, что знания безграничны. Я занимаюсь только историей Сибирского казачества и понимаю, что оторвать его от истории других казачьих войск невозможно. Всякие знания проявляются в сравнении и в практическом применении. Например, при выработке решений на советах атаманов, в беседах с казаками и простыми людьми. Не люблю спорить. Спор это не поиск истины и обмен знаниями. Это всегда противостояние спорящих личностей. Мне очень часто, без лукавства, практически постоянно приходится рассказывать об истории и культуре Сибирских казаков. Я очень радуюсь, когда мне в руки попадает новая книга о казачестве знающего своё дело автора, без надуманности и мифотворчества. С годами в работе с казаками и казачьими организациями крепло убеждение, что сохранение исторических корней и любых правдивых свидетельств, беседы и общения с родовыми казаками-носителями исконных обычаев и традиций всегда взаимно обогащают. Справедливым является утверждение, что одной из основных задач современного казачества является сохранение исторической памяти и родовых казачьих корней. Погибнут корни генеалогического древа, не вырастет здоровая поросль. Вот вам и вся доктрина целей и задач возрождения казачества в своём основании. Сегодня же мы получили большой приток «Иванов, непомнящих родства». Вы посмотрите, сколько рядом с казачьими корнями сорной растительности, но и они не без родовых памяти. Им бы заниматься своим делом, но, надев казачью форму, они сразу

Томские казаки в составе сводного отряда перед отправкой на Кавказ летом 1995 года. Фото: вокзал Томск-1

же считают себя казаками, а часто и казачьими офицерами. Обилие этой дикой растительности даст укрепиться казачьей поросли, задавят и погубят её своими псевдо знаниями и диктатом. Они собирают вокруг себя себе подобных, создают новые организации и присваивают им такие же незаконные чины. После этого очень сложно убедить этих людей, что они не туда попали, что это симптомы природного слабоумия. Эта одна из болезней современного этапа возрождения казачества. Поддержка таких организаций органами государственной власти — это осознанная их политика. Такими организациями псевдо казачества управлять легко. У нас ведь демократическое государство и им неведомо, что у казаков во все века господствовали законы, обычаи и традиции военной демократии. Без неё казачество не сохранилось бы в перипетиях человеческой истории и борьбы в многочисленных войнах. Не сохранились янычары, ушли в небытие мамелюки, играют в детско-юношеские игры потомки славных японских воинов-самураев. В отличие от них казачество породило свой говор, свою культуру, свои исторические территории. Это всё признаки казачества как народа. Каждое казачье Войско — это прежде всего наличие этих признаков и писать его надо всегда с большой буквы. Всё лучшее, что было богатством культуры и быта сопредельного народа, впитывалось культурой и бытом казачества, становилось гарантом его выживаемости. Даже в едином Сибирском казачьем войске элементы

казачьей культуры имели свои существенные отличия. Не зря так легко на базе Сибирского, Уральского и Оренбургского казачьих войск по государственной надобности было создано Семиреченское казачье войско. До сих пор в их списках мы встречаем наши сибирские древние казачьи фамилии. В своё время об этом хорошо написал в своей статье «Об истории казачества и не только об этом» Сергей Зинченко из Томска. А теперь почитаем рассуждения донского интеллектуала В. Мальцева с его идеей развития движения восстановления станиц и создания города-государства Новочеркаска. В его словах много правды и сладкого, подобно булки с изюмом, но подспудно в сознание читателя он заносит вирус утверждения, что главной задачей всех нас является требование особого юридического статуса городу Новочеркаску. Одной из серий этой «трагикомедии» я видел во время моей работы в составе рабочей группы по делам казачества при Министерстве культуры РФ. В то время прорабатывалась идея проведения общероссийского казачьего фестиваля в Москве и поручение этого дела казачьей полковнице Н. Бабкиной. Никто не станет оспаривать талант певицы и популярность её ансамбля, но с каких пор так щедро раздают казачьи чины?! Обдумайте, господа казаки, Всевеликого Войска Донского. И она не одна такая с такими погонями. Могли бы придумать какое-нибудь другое почётное звание в области культуры. А многомиллионный по себестоимости фестиваль в Москве, когда на местах, в провинции ни рубля не получают для своего развития самостоятельные казачьи коллективы, а культурой казачества руководят люди не имеющие никакого представления о нём — это перебор и не возрождение казачества в стране, а создание видимости внешнего благополучия. Простой казак никогда не попадёт на этот фестиваль, и никогда не увидит экспозиций Центрального казачьего музея. Тогда для кого это всё? Для казаков или для любителей казачества? Возрождение казачества начиналось снизу от простой казачьей семьи и развивалось далее своим естеством при поддержке государством, когда-то обобрававшего свой народ до нитки. Вот и ещё одна попытка г. Мальцева урвать миллионы для Новочеркаска в ущерб другим казачьим регионам. В каждом казачьем войске есть своя столица, своя гордость поддерживать нужно их, одновременно воссоздавая историческую правду и здоровое казачье движение. Так должно развиваться возрождение казачества, от поддержки их Центров. Такие Центры будут крепкими и способными сохранить славную историческую память казаков. Окрепнув, они в дальнейшем гордо поднимут своё историческое знамя — г. Новочеркасск. А так, он подобно промокашке, будет впитывать и впитывать в себя новые миллионные дозы, об-

растёт огромным количество паразитирующих на шее казачества государственных служащих и г. В. Мальцев об этом хорошо знает.

Ещё один пример. Хорошо известный и уважаемый атаман Кубанского казачьего войска В. Громов, в своей статье о возрождении казачества на Кубани, пишет о непомерных усилиях казаков и руководства области, но не написал главного о том, что в этой работе, для того, чтобы на него обратило внимание тоже самое руководство области, принимало участие всё казачество России силами своих лидеров. Войсковые атаманы Союза казаков в этот период всю свою работу сместили в поддержку атамана Громова. По два раза в год, по всякому важному для кубанцев поводу целыми делегациями и по одиночке от имени своих казачьих войск, они приезжали на Кубань и воспевали здравицу Кубанскому казачьему войску. Такое единение казаков в стране, такая массовая наглядная агитация убедили власть города, области и государства в огромнейшем потенциале казачества. Не следует забывать, что не меньший потенциал и у других казачьих войск. Ясно, что одни кубанцы такой возрождения не осилили бы.

Учитесь, Сибирские казаки, донской и кубанской заповеди: «сначала съедим своё, а потом каждый своё».

О возрождении станиц могу сказать следующее. На Алтае не сохранилось ни одного названия станиц. Даже само слово «станция» исчезло. Пример. Была самая красивая в Сибирском казачьем войске станция Антоньевская. Целую плеяду выдающихся казачьих офицеров дала она войску и казачеству России. Ныне — это село Антоньевка. По такому же принципу именованы другие казачьи поселения. Ни великолепных казачьих, офицерских, купеческих и дворянских домов в них не сохранилось. Всё было уничтожено в годы гражданской войны и коллективизации. Тоже самое произошло со станицей Чарышской — крупнейшей казачьей станицей, где перед самым началом гражданской войны планировалось создать учебный Центр для казаков Сибири.

В советских историко-краеведческих работах о казаках-сибиряках, появилось утверждение о бедных казачьих семьях. Да никогда не было бедных казаков в Сибири. Об этом можно прочесть в научных работах выдающихся учёных, посещавших Алтай в 18–19 и начала 20-х веков. Всегда отмечались добротность казачьих поселений, хлебосольный и добродушный характер казаков Алтая. Пример. Виднейший историк-краевед В. Гришаев в своей молодости написал много замечательных книг, но он очень ошибался в отражении темы казачества. Мы с ним много беседовали, общались, строили общие планы работы. Проехали по многим казачьим поселениям. Он в них погостил, разговаривал с людьми своего поколения и осознал необходимость внести большие изменения в своё мировоззрение о периоде Русско-Японской,

Первой мировой и гражданских войн на примере судеб сибирских казаков. Царствие ему небесное, прожив 80 лет, он кое-что успел переосмыслить и отразить в своей научной работе.

Сафронов: Вы правы, Юрий Алексеевич. Историческая правда всегда идеологизирована. Для одних она правда, потому что так было надо, для других — потому, что сегодня мы так хотим. Ни в этом ли причина, что вы лично занялись историей казачества. А точнее музеем истории и культуры Сибирских казаков.

Белозерцев: Если желаешь достичь цели, не передоверяй другому то, что можешь сделать сам. Когда-то в 90-е годы Митрополит Омский и Тарский Феодосий приглашал меня к себе в гости и мы с ним долго беседовали о судьбах казачества. Вероятно, он чувствовал во мне что-то такое, что совпадало и с его задачами. Уже тогда он благословил меня для исполнения этой работы. Много позже такую же надежду выразил Анатолий Иванович Острягин Депутат Государственной Думы, Атаман Сибирского войскового казачьего общества, казачий генерал. Идея создание музея стала реальностью. Я сделал проект здания, расписал план экспозиций и определился с этапами исполнения. Самым правильным оказался путь воссоздания того, что было накоплено нашими предками и великими мастерами исторической живописи и скульптуры в темах истории Сибирских казаков. Отбросив личные амбиции, я прежде всего сделал точные копии их художественных произведений, понимая, что они опирались на точные данные ещё живущих участников многих событий. Далее я мог себе позволить писать портреты выдающихся деятелей Сибирского казачьего войска на основе найденных старинных фотографий. Чаще всего они находились в плачевном состоянии, но как историк я не мог придумывать образы в отрыве от реалий. Положительным моментом созданной экспозиции было то, что люди с наибольшим удовольствием рассматривали картины и скульптуры, чем выслушивали голые наиздания лектора, хотя лектором был я сам. Хорошим подспорьем в работе были материалы собранные Ю. А. Фабрикой, В. А. Шулдяковым и другими историками казачества современности. По приказу Войскового Атамана А. И. Острягина мы создали Войсковой научный совет, куда меня назначили координатором работы. Мне пришлось проехать по многим регионам Сибири, включая Москву и далёкий Ямал с выставками своих работ в виде слайд-шоу и одновременно рассказывать об истории конкретных исторических событий родного войска. Хорошим подспорьем в работе было издание войсковой газеты «Сибирский казак». Она издавалась как методическое пособие и отражала все стороны деятельности казачьих организаций. Исторический парадокс заключался в том, что мы сами не ведая о том, что газета с таким же названием издавалась белой эмиграцией в Харбине по-

вторили его. В этот период я был увлечён поиском сибирских казачьих регалий, развезённых по всему миру. Следы некоторых из них удалось найти. Важным моментом возрождения Сибирского казачества стало воссоздание скульптуры Атамана Ермака, установленного первоцелинниками в Казахстане в г. Ермак и в дальнейшем разгромленного реакционными националистами. Остатки памятника казаки не отдали на поругание и привезли в г. Змеиногорск, где мы его заново воссоздали и с 1996 г. ежегодно проводим грандиозный казачий праздник «Потомки Ермака». При поддержке Войскового Атамана А. И. Острягина нам удалось издать несколько замечательных книг по истории Сибирского казачества, восполнивших большие пробелы в знаниях современников. Здесь свою роль сыграли наши добрые отношения с казачеством русского дальнего зарубежья, сохранившего эти знания.

Вся поисковая и научно-исследовательская работа вскрыла один общий недостаток. Никакой учёный не отдаст в общее пользование исторический документ или даже фотографию, никто не будет бесплатно работать, и надеяться на это было бы наивно. Господь даровал мне ряд способностей и профессиональных знаний для того, чтобы я принял на себя эту тяжёлую миссию. Всё это привело к тому, что однажды А. И. Острягин перед Кругом казаков предложил мне оставить атаманскую работу и заняться только историко-краеведческой деятельностью, заявив при этом, что атаманов мы найдём сколько угодно, а человека способного воссоздать нашу историю Господь даёт один раз. Не прошло и года, как он же просто и доверительно сказал мне о необходимости вернуться на все прежние занимаемые должности, не снимая с себя миссии создателя музея. Мне удалось собрать актив энтузиастов, силами которых собирался необходимый музейный материал. Но помещение, выделенное нам государственным Домом народного творчества в г. Барнауле очень скоро оказалось не в состоянии вместить всё созданное нами. Мы изменили методику работы и активизировали выставочную культурно-просветительную деятельность. Выставки различной тематической направленности постоянно экспонируются по краю и за его пределами. Безвременный уход из жизни А. И. Острягина оставил меня один на один в решении этой исторической миссии. Ни Совет по делам казачества при Президенте РФ, ни работа Комиссии Государственной Думы РФ по патриотическому воспитанию, ни Министерство культуры Алтайского края не оказали должной помощи в предоставлении выставочных площадей не дали должного развития так необходимого в период возрождения казачества комплексного в своей работе краевого Центра культуры сибирских казаков, основой которого является воссоздание и сохранение исторической памяти, о которых так много

говорит Президент РФ Владимир Путин. У нас всё созданное называется скромно «Зал воинской славы Сибирского казачьего войска». Несмотря на высокую оценку вышеназванной комиссии, мы не ощутили никакой реальной поддержки, но поступило предложение Верховной власти передать всё собранное и сделанное нами в создаваемый Центральный казачий музей в г. Москве.

Сафронов: Как же вы, Юрий Алексеевич, справлялись с валом должностных обязанностей по основному месту работы в качестве заведующего сектором традиционной казачьей культуры Алтайского государственного Дома народного творчества и с миссией Атамана регионального отделения СКВРЗ, при этом писать и безвозмездно дарить большое количество икон, портретов героев казачьим организациям и православным церквям, воинским частям и кадетским корпусам?

Белозерцев: Нормально. С годами это стало нормой жизни и даже приносило радость за каждое удачно проведённое общественно значимое мероприятие. Каждое из них сопровождалось художественно-документальной выставкой с различными экспозициями, но объединёнными одной темой героического прошлого Сибирского казачьего войска. Казаки Алтая этим гордятся.

Сафронов: Мне не привелось видеть воочию ваши работы, но восторженные отзывы обо всём, что делают казаки на Алтае. Много слышал и видел фотографии экспозиций и концертный программ. Мне говорили, что количество мероприятий запомнить и перечислить невозможно. Вы не могли бы примерно описать содержание выставочных экспозиций?

Белозерцев: Пожалуйста. Это не составляет мне особого труда. Назову лишь главное:

- Портретная галерея всех войсковых атаманов Сибирского казачьего войска, включая избранных в период его возрождения;

- Копии художественных произведений всех выдающихся художников дореволюционного прошлого, отразивших тему Сибирского казачьего войска;

- Полную серию работ академика живописи Н. Каразина, выполненную по заказу Государя Императора Александра Второго в 1891 г. по истории Войска;

- Серию живописных полотен посвящённых теме боевых действий Сибирских казаков в Русско-Японскую и Первую Мировую войны;

- Серия: Сибирские казачьи крепости и церкви;

- Выдающиеся деятели Сибирского казачьего войска;

- Сибирские казаки в освоении Сибири;

- Групповые портреты Сибирских казаков георгиевских кавалеров (по старинным фотографиям всех войн);

- Большая серия портретов казаков-современников «У истоков возрождения»;

- Серия портретов священноначалия РПЦ, духовно окормлявших и окормляющих Сибирских казаков в настоящее время;

- Большая скульптура Атамана Ермака Тимофеевича;

- Большая скульптура купца Семёна Строгонова и атаманов — сподвижников Ермака;

- Несколько бюстов исторически значимых для нас и нашего возрождения деятелей, а также лидеров белого движения и целый ряд других работ.

Сафронов: Чем же вы заняты сейчас, Юрий Алексеевич?

Белозерцев: Огромная работа по созданию мемориала «Казачьей славы» у подножия 12-метровой фигуры Атамана Ермака в г. Змеиногорске, где будут собраны частицы земли с мест жизни и деятельности Сибирских казаков со всей планеты. Создание аллеи казачьей славы в станицах Антоньевской и Чарышской. Продолжение установки памятных православных крестов на местах боевых действий и гибели Сибирских казаков. Создание мраморных досок с полным списком всех казаков и офицеров СКВ — георгиевских кавалеров. Создание и установка гранитного георгиевского креста рядом с воинским Никольским храмом в г. Барнауле. В работе находится создание зала традиционной казачьей культуры, в котором найдут своё отражение жизнь и деятельность Сибирских казаков, учёных, инженеров, деятелей искусства и культуры, выдающихся музыкантов, а также роль и значение казачьих коллективов самодеятельного народного творчества Алтая в период возрождения связанного с нашей деятельностью. Ко всем портретам, картинам, скульптурам и редким фотографиям написаны исторические справки, а иногда и целые лекции. Всё это должно служить современному казачеству в его дальнейшем развитии. В Москву, мы конечно же, ничего не отдадим. Всё, что нами сделано — это фундамент нашего дальнейшего возрождения и развития.

Сафронов: Юрий Алексеевич, я благодарю вас за эту беседу. Понимаю. Что вы далеко ни всё рассказали о перипетиях казачьего возрождения. Я желаю вам крепкого здоровья и долгих лет жизни, которые, я убеждён, принесут Сибирскому казачеству много пользы. Ценю вашу скромность и всё же хочу поздравить, пусть с опозданием, с присвоением вам звания «Почётный член СКВРиЗ», награждением вас от имени Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла медалью «Андрея иконописца», высшим орденом ДОСААФ «За заслуги».

Белозерцев: Служу казачеству, Отечеству и Вере православной.

30-летие «Союза казаков» томские казаки отметили в Воскресенском храме

12 сентября 2020 года стал особым днём для членов Томского регионального отдела Общероссийской общественной организации «Союз казаков». Тёплым солнечным утром казаки вместе с семьями собрались в храме, чтобы принять участие в историческом событии для всего томского казачества, регионального отдела и значимом для каждого из них.

В этом событии соединились празднование 30-летнего юбилея «Союза казаков России», освящение знамени отдела и посвящение в казаки новых членов организации — «верстание казачьей молодёжи». Пришёлся праздник на день памяти перенесения мощей святого благоверного князя Александра Невского — великого святого Православной

Церкви и военачальника, чья судьба и подвиги служат примером для современных защитников Отечества.

Слова о том, что нынешние поколения казаков являются продолжателями славных традиций предшественников, не раз звучали в этот день в храме и «на плацу» — площадке за церковной оградой, где продолжился праздник.

«К церемонии прибавки знамени приступить!»

Начался он в верхнем приделе храма. Братьев-казаков и всех собравшихся там встретил настоятель церкви иерей Дионисий Мелентьев. Поздравил участников торжества атаман Томского регионального отдела Борис Кириллов:

— Сегодня у нас огромное событие: наш отдел обретает знамя, и мы становимся полноценной боевой единицей. Для казака знамя — священная хоругвь, которую он должен защищать ценой своей жизни. Без знамени нет ни отдела, ни части, ни подразделения. Поэтому сегодня проводится традиционная церемония прибавки и освящения знамени. Становись!

Казаки выстроились в две шеренги, и почётный караул внёс знамя, возложив полотнище с древком на столы напротив иконостаса. По команде атамана к знамени по очереди подходили «самые уважаемые казаки», и в тишине то и дело раздавался необычный для атмосферы церкви стук молотка: в древке утопали торчащие из него шляпки гвоздей. По традиции завершил торжественную церемонию сам атаман.

— Еже подати силу и крепость христоробивому казачеству и мужественное и храброе супротив всякого врага и супостата себя показать,

и рабом Своим мир и утверждение и от всех бед и вражьих наветов скорое освобождение даровать... Господу помолимся, — благословлял молящихся, освящая знамя, иерей Дионисий под благоговеиное пение клироса.

После троекратного окропления знамени святой водой с возгласием: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!», — казачий триколор с ликом Спаса Нерукотворного взметнулся на древке. Приклоняя колено, казаки целовали освящённое полотнище и шашку, как когда-то, в разные годы нашей истории, склоняли головы перед боевыми знамёнами защитники Отечества. И все мы — «виновники» торжества, их родственники и друзья, гости, прихожане, ставшие свидетелями события, словно прикоснулись к давнему и во многом забытому прошлому, оживающему в судьбах продолжателей традиций сибирских казаков — основателей Томска.

Возрождение и укрепление этих традиций — одна из задач участников казачьего движения. В областном центре местом его средоточия по-прежнему является Воскресенская церковь, где с XVII века до советских времён хранились знамёна томских, в том числе и казачьих, формирований. Знамя регионального отдела «Союза казаков» после праздника также заняло специально отведённое ему в алтаре место.

Служить Отечеству и Церкви Православной

В тот день ряды томских казаков пополнили девять мужчин разного возраста. «Перед Всемогущим Богом, Святым Евангелием и Животворящим Его Крестом» они присягнули «верой и правдой служить Отечеству, Церкви Православной, жить, соблюдая заповеди Господни, быть преданными казачеству, свято хранить казачье братство, обычаи, традиции, соблюдать заветы дедов и отцов, почитать родителей...».

Для казаков это были не только торжественные слова.

— С теми, кто готовился вступить в казаки, мы провели духовные беседы: рассказывали о необходимости стать христианами не в теории, а на деле — исповедоваться, причащаться. Некоторые из тех, кто сегодня принимал присягу, впервые в жизни участвовали в таинствах, — пояснил духовник отдела иерей Дионисий. — Это уже благотворно повлияло на их жизнь. Казачество, на мой взгляд, даёт возможность человеку возвращения к традициям быть истинным христианином. Казаки не только этой организации, но и других, приходят в храм на праздники, дни памяти святителя Николая Чудотворца — покровителя казачества. Мы всегда обращаемся к казакам с просьбой организовать дежурство по храму во время пасхальных мероприятий. В этом году они помогали на Рождество. Среди

казаков отдела есть прихожане и сотрудники нашего храма.

Поздравляя участников юбилейных торжеств, настоятель напомнил, что ни на поле брани, ни в мирное время «мы не должны забывать Божий дом».

— Ваше возрастание, — напутствовал духовных чад священник, — будет заключаться в ваших шагах на пути духовного роста. И, как мы говорили во время наших бесед, вы будете делать всё, чтобы стать достойными христианами. Казак без веры — не казак... Если будут какие-то вопросы, вы можете рассчитывать на то, что я всегда помогу, объясню, подскажу. Обращайтесь! Буду рад видеть всех вас.

— Любо! — прозвучал в ответ казачий возглас.

На церемонии награждения в благодарность за духовное окормление атаман отдела вручил иерею Дионисию юбилейный нагрудный знак «30 лет возрождения казачества России». Этим же знаком от руководства Общероссийской общественной организации «Союз казаков» и другими поощрениями отметили деятельность многих казаков.

Представитель томской организации Всероссийского общественного движения «Волонтёры-медики» поблагодарил отдел и его руководителя «за вклад в проведение Всероссийской акции взаимопомощи во время пандемии коронавируса».

Особым стал праздник для 26-летнего Александра Хасанова, вступившего в **казачье братство**.

— Не передать словами, что значит для меня это событие! — заметно волнуясь, сказал Александр после присяги. — Нам нужно показывать народу, что есть такой Союз, притягивать молодёжь. Мы должны помогать народу, полиции — поддерживать порядок, участвовать в лесных патрулях. И по храму, когда нужно, всегда помогаем.

Мама молодого казака, вместе с мужем принимавшая участие в торжестве, призналась, что испытывает гордость за сына. Александр был произведён в чин казака с вручением удостоверения.

По словам руководителя отдела, сегодня растёт интерес молодёжи к казачеству.

— Молодёжь интересуется казачьей историей, традициями, — отмечает Борис Кириллов. — Сейчас после всех мероприятий мы отправляемся заниматься традиционным казачьим рукопашным боем. Работаем совместно с организацией ветеранов боевых действий «Боевое братство», членом которой я являюсь. У нас есть ребята, владеющие нагайкой. Они будут проводить обучающие курсы. Мы арендуем конюшню: какой казак без коня? У нас создан хутор Семилуженский, планируется создание хутора в селе Могочино. Сегодня в нашей организации — около 40 человек из Томска и пригородов.

Большинство участников казачьего движения приобщаются к нему, узнавая о предках-казаках. Через семейные предания протягиваются нити из прошлого в настоящее, томичи приходят в организации, встречая там единомышленников, близких по духу людей. Многие этим путём приходят к вере и Богу, обретая главное — смысл жизни.

О Боге, о вере и большом казачьем празднике, состоявшемся в Воскресенской церкви, по окончании торжеств гулко возвестил горожанам с колокольни храма томский Царь-колокол.

*Ирина Киселёва
Фото: пресс-служба
Томской епархии*

17 июля 2020 года состоялось важное для казаков событие, которое можно смело назвать историческим

В этот день в здании Всероссийского казачьего общества атаманом Вско Николаем Александровичем Долудой и Верховным Атаманом СКВРиЗ Николаем Леонидовичем Дьяконовым в торжественной обстановке было подписано Соглашение о стратегическом сотрудничестве и взаимодействии между СКВРиЗ и Вско.

О важности подписания соглашения с самой крупной общественной казачьей организацией заявил атаман Вско Н. А. Долуда. Оно соответствует духу времени

и политике государства в отношении казачества в настоящее время. Верховный Атаман СКВРиЗ Н. Л. Дьяконов в своём слове после подписания документа сказал о том, что данное соглашение предусматривает равноправное сотрудничество в разных сферах деятельности организаций и является инструментом в устранении перекаса многих аспектов взаимоотношений между Вско и СКВРиЗ, а также инструментом воздействия на региональные и муниципальные власти.

Это соглашение способствует консолидации казачьих обществ и объединений. Ведь многие цели и задачи, стоящие перед казаками, во многом совпадают.

*Пресс-служба
СКВРиЗ и Вско*

Сибирские казаки Новосибирской области объединяются!

14 декабря 2020 года в преддверии Дня Николая Зимнего Небесного покровителя сибирских казаков и Дня Сибирского казачьего Войска состоялось важное для казаков новосибирской области событие: в штабе Новосибирского отдела СВКО (госреестр) было подписано Соглашение о стратегическом сотрудничестве и взаимодействии между Новосибирским отдельским казачьим обществом СВКО (НОКО СВКО госреестр) и Региональным отделением общероссийской общественной организации по развитию казачества «Союз Казаков-Воинов России и Зарубежья» по НСО («СКВРиЗ» по НСО).

В этот день, с учётом ограничений, действующих на территории Новосибирской области в штабе НОКО СВКО собрались представители двух казачьих организаций и руководитель отдела по взаимодействию с казачеством Новосибирской Митрополии, протоиерей Дмитрий Полушин.

По казачьей традиции казаки начали мероприятия с совместной молитвы. Затем атаман НОКО СВКО войсковой старшина А. В. Харитонов и атаман СКВРиЗ по НСО казачий полковник В. В. Вареник выступили с предысторией подписания Соглашения и стратегических планов на будущее.

После этого, атаманы своими подписями и печатями организаций скрепили Соглашение, которое устранил перекося во многих аспектах взаимоотношений между ними, ведь цели и задачи, стоящие перед казаками, во многом совпадают. Тем более, что сибирских казаков к этому шагу подтолкнуло подписание Соглашения о стратегическом сотрудничестве головных организаций казаков Вско и СКВРиЗ в июле 2020 года.

Казаки договорились о совместной деятельности, которая включает в себя развитие

системы казачьего образования, организацию работы с молодёжью, мероприятия, посвящённые истории казачества, вопросы экономического развития и многое другое. Оба атамана отметили значимость соглашения и его пользу для казаков, проживающих в России и за рубежом.

Сибирские казаки Новосибирской области сделали реальные шаги к объединению казаков.

Казаки всегда стояли на страже государственности, веры православной и традиционных семейных ценностей. И это Соглашение станет дополнительным инструментом для консолидации казачьих обществ и объединений в Новосибирской области.

*Новосибирский отдел
СКВРиЗ*

За руку с Цесаревичем

(Рассказ)

*Посвящаю моей бабушке — казачке
Сафроновой Марии Прокопьевне*

Моя бабушка, по отцу Сафронова Мария Прокопьевна, в девичестве Лысенкова, Царствия ей Небесного, родилась в 1901 году в семье потомственного казака на хуторе Мочаинском, что находился близ Самары, старинного русского города, стоящего на берегу великой реки Волги, где и проживала она до своего замужества. Семья была не очень большая: вместе с бабушкой, двух её старших братьев, отца с матерью в ней проживали ещё и старики. Работать в семье любили, и их жизнь была в полном достатке. Денег хватало, дети посещали сельскую школу. Глава семьи, мой прадед Прокопий, был известным в уезде крепким хозяином и добрым казаком.

Бабушка Мария прожила долгую, но совсем не лёгкую жизнь. Как и всех девушек, живших в сельской местности в Российской империи, её, по тогдашнему укладу, выдали замуж в 16 лет. Мою деду, Сафронову Василию Алексеевичу, на то время было 17, что по нынешним меркам считается возрастом юным для женитьбы. В то время у молодых сильно никто и не спрашивал, любят они друг друга или нет, всё решалось по воле родителей и с их благословения, хотя жених и невеста, конечно же, ранее знали друг друга, так как выросли вместе с детства и проживали по соседству. Бабушка ранее много интересного и нравоучительного рассказывала о своей жизни. Многие вспоминала о жизни в царской России, о лихолетье Гражданской войны и о голоде, который охватил Поволжье в начале тридцатых годов. Зимой 1933 года она и мой дед Василий на основании Постановления СНК и ЦИК СССР от 1.02.1930 г. были признаны кулаками и отправлены на спец. поселение в Сибирь. Домой — на родину, в Поволжье, они так и не вернулись. Здесь у Василия и Марии Сафроновых родилось одиннадцать ребятишек, двое из которых умерли во младенчестве. Но остальных девяти своих детей бабушка воспитала и поставила на ноги. Словом, Сибирь стала для них второй родиной, как и для многих других, кто по воле злых обстоятельств связал с нею свою нелёгкую судьбу. Из всех поведанных мне в детстве бабушкой историй больше всего запомнилась одна, очень яркая и незабываемая, отложившая глубокую отметину на всю мою дальнейшую жизнь.

Незадолго до начала войны с Германией, вернее, летом 1913 года к ним в дом приехал атаман городской станицы с сообщением, что в город Самару на пароходе прибывает Государь Император Всероссийский Николай Второй вместе с наследником престола Цесаревичем Алексеем. Как известно, летом того года члены царской семьи на пароходе посетили многие города, располагавшиеся на реке Волге, вплоть до Астрахани. Собиравшись на сходе это необыкновенное известие, городской атаман к всеобщему ликованию добавил, что желает забрать с собой встречать Государя и свою крестницу, то есть мою бабушку Марию. Получив согласие её родителей, крёстный привёз Марию к себе в дом в Самару, где проживала его семья, к всеобщей радости её крёстной матери и их детей.

На следующий день после её приезда вся семья городского атамана вместе с Марией в отутюженных платьях и справе вышла встречать Государя и Цесаревича. Город к приезду царственных особ был вычищен и блестел, как новый целковый. От фасадов домов пахло свежей краской и белилами. Город был украшен народными флагами, венками и гирляндами из ярких цветов, от которых в воздухе пребыл необычайно сильный аромат и кружилась голова, что придавало всему действу чувство

необычайной радости и торжественности. Солнце играло ослепительными отблесками на золотых куполах церквей, с колоколен которых малиновым перезвоном лилась небесно — чарующая музыка колоколов. В небе не было видно ни облачка. Кружились стаи белоснежных голубей, и, казалось, сама природа ждала и готовилась к столь знаменательному событию. И только там, высоко в небе властвовали сильные восходящие потоки воздуха, это было видно по гордо развевающемуся государственному имперскому флагу, закреплённому на шпилье городской думы. В городе было много встречающих, стоящих вдоль дороги по пути следования Государя и наследника престола, было много полиции и казаков городской сотни, стоящих в оцеплении. Почти в полном составе был выстроен полк Александрийских гусар в чёрных парадных мундирах, ослепительно отливавших чистейшим серебром. В центре города была расстелена ковровая дорожка, по которой должны были пройти Государь и Цесаревич. Невдалеке замерли в ожидании встречи депутации от простого народа, купечества, местного дворянства и духовенства. Рядом по фронту выстроилась группа военных и государственных чиновников в обшитых золотом белоснежных мундирах.

Марию вместе со своими детьми крёстный оставил с группой других ребятшек под присмотром специально приставленных для этого случая дамам, которые, раздав девочкам по букету цветов, строго следили, чтобы дети не шалили и вели себя достойно. Но, как оказалось, эта строгость по отношению к детям была совсем не нужной, дети, как и взрослые, стояли не шелохнувшись, затаив дыхание. Сколько продолжалось это томление духа, сейчас сказать уже невозможно, может, час или два, а может, и целую вечность, но в какой-то момент со стороны пристани послышались продолжительные гудки парохода и раздались восторженные крики: «Государь приехал!». И все со словами «Слава тебе, Господи!» стали возлагать на себя крёстные

знамения. Прошло опять некоторое время, и по тому, как народ всколыхнулся, и по нарастающим приветственным возгласам Мария поняла, что Государь и Цесаревич Алексей уже где-то рядом.

Но вот крики ликования, казалось, взлетели к самому небу, и тут Мария, не поверив своим глазам, увидела идущих в сопровождении губернатора и других военных лиц Государя Императора Николая Александровича и наследника престола Цесаревича Алексея. Государь и Цесаревич смотрелись как сошедшие с открытки всем знакомые и родные персонажи русских народных сказок. Эту открытку, на которой был изображён Цесаревич, подаренную ей кем-то на день его тезоименитства, она хранила очень бережно, и вот теперь он от неё находится в нескольких шагах. Цесаревич выглядел не старше 9–10 лет, был одет в яркий военный мундир, расшитый золотыми галунами, был бодр, и ничего не выдавало в его лице признаков недовольства или нерешительности. Он шёл рядом со своим отцом, и лишь когда отставал, то кто-то из идущих позади него мужчин брал его и нёс на руках. Но вот когда Государь и Цесаревич почти поравнялись со стоящей в ближайшем к ним ряду Марией, у неё вдруг появилось необъяснимое желание протянуть руку и прикоснуться к Цесаревичу. Она почти решилась на этот поступок, но, испугавшись, отронила от себя эту мысль. У неё мелькнуло в голове: вдруг подумают, что она дурно воспитана или, не дай Бог, сумасшедшая. Но секунды уходили в бесконечность вместе с мыслью об этом желании, и она вдруг поняла, что это, возможно, её единственный шанс в жизни и такого случая более никогда не представится. Слёзы выступили на её глазах, и когда она уже была готова разрыдаться, то увидела, что Цесаревич, повернувшись к ней, стоит рядом. Видимо, поняв её желание, увидев в её глазах сильное смятение, он подошёл к ней и, улыбнувшись, взял её за руку. Так они и прошли некоторое расстояние вместе...

На следующий день, накупив крестнице Марии кучу подарков, сотник повёз её обратно домой. Некоторое время он ругался и сильно гнал коня, но на середине пути вдруг развеселился и сказал: «Вот же нашла себе дружку!». Это выражение долго не сходило с его уст.

Мария всю дорогу молчала. Необыкновенное чувство радости и детской любви не покидало её.

...Прошли долгие годы, и в самые трудные времена жизни ей, Марии, всё представлялось, что Цесаревич Алексей идёт с нею рядом и продолжает чудесным образом держать её за руку...

*Алексей Сафронов, 2013 г.
город Томск*

Семилуженская чудотворная икона свт. Николая Мирликийского — чудеса на Томской земле

Село Семилужки, прежний волостной центр, было для жителей томской губернии святым местом. Напомним, что в России статус села издревле получали лишь те поселения сельской местности, в которых не просто проживало многочисленное население, но и где обязательно имелся православный храм. Семилужки прославились именно своим храмом в честь свт. Николая Мир Ликийских, а точнее хранимой в нём иконой святого Чудотворца. Сюда, в дальнее сибирское село, приезжали известные и именитые люди — только для того, чтобы помолиться перед иконой великого христианского святого. Здесь, в сельской церкви, у чудотворной иконы святителя Николая молились томский старец Фёдор, местночтимая блаженная Домна и даже последний российский император, в ту пору бывший ещё только цесаревичем Николаем. К иконе святителя молитвенно обращались также святой Даниил Ачинский (сосланный в Сибирь на каторгу), святитель Иннокентий Иркутский первый правящий православный епископ Восточной Сибири, и преосвященный Макарий (Невский), томский архиерей.

Семилужки стали местом паломничества православных в связи с явлением здесь в нач. 18 в. **чудотворной иконы свт. Николая**. Тогда же, в памятнике *ранней духовной литературы в Сибири* — в «*Повести о чудесном явлении иконы святителя Николая*» — было описано само явление чудотворной иконы. Обратимся к повествованию.

7 июля 1702 г. в деревне Крестинино Томского округа, в доме вдовы Саломеи Прокопьевой, лежал на смертном одре некто казак Григорий Рожнев. Был он из известного — старинного казачьего рода, шедшего от казака — первопроходца и великого воина Степана Рожи. Но теперь Больной потомок великого воина метался в бреду, а окружившие его постель родственники, исполненные отчаяния, ожидали скорого разлучения его души от тела.

И вдруг невидимая сила подбросила недужного прямо к потолку, а потом он стал быстро говорить, словно отвечая на чьи-то вопросы. И, наконец, воскликнул: «*Все сие, Господи, сотворю, помилуй мя*». После этого Григорий пришёл в себя и сразу сделался совсем здоров, о чём и сообщил изумлённой родне. Однако ещё большее удивление вызвало неожиданное появление на божнице не весть откуда взявшегося образа святителя Николая Мирликийского!

На следующий день Григорий Рожнев рассказал священнику Иоанну Кузмину о том, что, лёжа на одре болезни, он вдруг увидел множество отвратительных и мерзких чудовищ, переполнявших его комнату и даже толпившихся на улице! Они с яростью набрасывались на больного, и тот из последних сил взмолился к Господу о спасении. Внезапно в комнате стало необыкновенно светло, и бесы все исчезли. А Григорий увидел, как по воздуху летит сияющая, словно солнце, икона Николая Чудотворца. Следом за ней шёл муж, похожий на образ той иконы — в архиерейском облачении и с копьём в руке. Икона сама стала на божницу и перед ней сама собой загорелась свеча. Тот же благочестивый муж возложил на сердце больного своё копьё, и Григорий тотчас стал здоров. Тогда старец грозно спросил: «Зачем ты, злой человек, полагаешь надежду на дьявола и недобре говоришь о богатстве?» И тут Григорий вспомнил, что он, действительно, соблазнялся чужими деньгами. Он подумал, что богатым собирать деньги помогают бесы, а потому хорошо бы и ему подружиться с ними. В этом он тотчас покаялся старцу. В ответ святой муж воскликнул: «Оказали тебе бесы какую помощь в твоей болезни и во всей твоей скорби? Если бы я не поспешил тебе на помощь, то злые те зверообразные демоны погубили бы тебя душевно и телесно, как тех беззаконников, которые имеют с ними дружбу в чародействе и в волшебстве. Да знаешь ли ты кто я? Я — Николай, архиепископ Мирликийский Чудотворец, скорый христианам помощник в бедах. Икона же, на которой изображён лик мой, доселе находилась в доме соседа вашего Илии Крестинина, но вместе со мной отошла оттуда, потому что пребывать ей там зело мерзко, — там одно беззаконие и одна неправда. Дети его и внучата воспитаны беззаконно, растленны умом... в дом его отовсюду собираются кудесники для бесчинных игр, плясок и песен, и всё это сквернит человека, на последнюю ведёт погибель. В дом сей вдовицы Саломии пришёл я, любя чистоту её и страннолюбие». Однако далее святой муж стал укорять и Саломию — за то, что и в её доме

тоже творится много худого: она плохо смотрит за своими детьми, которые «растут в ругательствах и во всякой богомерзкой брани. Со сверстниками своими не уважают ... святых дней». Он строго наказал Григорию, чтобы тот повелел им всем исправиться перед Господом, иначе все погибнут.

Вошедшую в дом Соломии **икону он наказал отнести в деревню Семилужную** и поставить её в часовню, чтобы верные почитали сей образ. Также Григорий должен был идти в Томск и там, без какой бы то ни было боязни, сказать всем городским священникам, начальникам и прочим гражданам, что *«все они прогневили Творца своего, ходят путём беззаконий и мирских похотей»*.

Крестьяне, в сопровождении священника, перенесли образ святителя Николая в часовню деревни Семилужной. Григорий Рожнев исполнил полученное повеление и рассказал всем о грозном предупреждении Николая Мирликийского — архимандриту Алексиевского монастыря Варлааму, городским священникам и жителям Томска.

Для отвращения гнева Божьего от Томска воевода и собрание горожан решили поститься, а после долгого добровольного поста принести в Томск икону для покаянной молитвы перед ней.

Жители всего города, от мала до велика, с радостью и с умилением вышли встречать икону Святителя Николая. Согласно благочестивой традиции, место «встретения» верующих с чудотворными иконами отмечалось возведением храма, часовни креста. Томский воевода распорядился поставить на месте первой встречи томичей с чудотворной иконой, у Дальнего Святого Ключа, расписной крест.

С тех пор, с далёкого 1702 г., в Томске родилась новая традиция: **ежегодно, 8 мая в город из Семилуженского приносили святую икону для покаянной молитвы перед ней жителей Томска**, — дабы вновь, по небесному ходатайству Святителя Николая, Господь призрел на слёзы покаявшегося народа и сменил Свой гнев на милость.

По сохранившимся описаниям, Семилуженская икона Николая Чудотворца была выполнена в традициях Московской школы начала 17 в. Композиция иконы канонична: в левой руке Чудотворец держит раскрытую книгу Священного Писания, правой благословляет. Евангелие в левой руке раскрыто на тексте от Луки (Лк. 5: 17), который читается обычно во время службы св. Николаю.

По молитве перед чудотворным образом свт. Николая свершились многие чудесные исцеления. Известно также, что все, получившие помощь, давали **обет каждый год ходить крестным ходом встречать в Томске и провожать в Семилужное Чудотворную икону**.

Даже в годы советской власти, **вплоть до 1930 г.**, в Томск крестным ходом из села Семи-

лужного приносили икону Свт. Николая. Затем также, крестным ходом, образ переносили из одного городского храма в другой, а потом носили его по домам верующих. Однако в 1930 г. крестные ходы в Томске были запрещены, Семилуженская церковь закрыта.

Чудотворная икона Свт. Николая была перенесена сначала в Воскресенскую церковь г. Томска, а после её закрытия в 1936 г. — в Троицкую единоверческую церковь, в которой в разных приделах совершали богослужения как верующие Русской Православной Церкви, так и старообрядцы-единоверцы. После закрытия в 1937 г. Троицкой единоверческой церкви следы Семилуженской чудотворной иконы затерялись. Хотя верующие люди говорили, что уже в конце 40-х гг. видели эту икону, скрываемую от безбожников одной из прихожанок томского храма.

Сегодня нам известно только предание о чудотворной иконе, а место обитания самой чудотворной иконы Святителю Николаю неизвестно. Однако опыт Православной Церкви учит нас, что святые не исчезают бесследно и при искреннем раскаянии народа в содеянном, святые обретаются вновь, согласно воле Божией.

Своеобразным подтверждением сказанного служит история самого семилуженского

храма. Развалины разрушенного в 30-е гг. храма окончательно сравняли с землёй в начале 90-х гг. прошлого века. Однако вскоре после этого *участковый инспектор Томского РОВД Владимир Ильин* увидел во сне старца, приказавшего ему заново строить церковь. Спустя некоторое время, волей судьбы майор Ильин стал директором семилуженского совхоза и уже в качестве такового обратился в Томско-Асиновскую епархию с просьбой помочь открыть в селе церковь. В этих целях он даже предложил перестроить предназначенный для его проживания новый дом. Так, при очевидном для всех, промыслительном стечении обстоятельств, *в 2001 г. в Семилужках вновь был отстроен и освящён Свято-Никольский храм.*

В тексте использованы материалы монографий Евтихиевой И. А. «Явление Святителю Николаю и его иконы на Томской земле» и протоиерея Олега Безруких «Храмы Томска»

Чёрт в казачестве, или Инструкция по борьбе с грехопадением

Современная сказка или инфернальная повесть — о жизни современного казачества в одном славном Сибирском городе

От автора: какие-либо совпадения имён или событий, описанные в данном «высокохудожественном произведении», с реальными, совершенно случайны, ни на кого конкретно не указывают и, вообще, если угодно, являются плодом фантазии...

— Пропадать приходится мне, грешному! Ничто не помогает на свете! Что будет, то будет, приходится просить помощи у самого чёрта. Что ж, Пацюк? — произнёс кузнец, видя неизменное его молчание, — Как мне быть?

— Тому не нужно далеко ходить, у кого чёрт за плечами, — ответил равнодушно Пацюк, не изменяя своего положения.

(«Ночь перед Рождеством».
Н. В. Гоголь)

Часть 1

Помяни, и он явится...

Некоторое время назад, зимой, в аккурат перед Рождеством отдельский атаман Дубинкин в кругу своего Атаманского правления заявил:

— Браты-казаки, что будем делать? Никто нас не слышит и не соизволит помочь в наших бедах?! Казна наша пуста! Денег нет, не то, чтобы справу новую пошить, но и за интернет заплатить. Мои регулярные обращения и просьбы об оказании помощи администрация области делает вид, что не замечает или отписывается многообещающими заверениями в полной лояльности и поддержке. Что говорить, на нас просто не обращают внимания, работы не дают, да и, вообще, никакой помощи не оказывают!..

Сие выступление атаман продолжал около часа, подыскивая для описания происходящих событий, самые красочные и, подчас, не совсем удобные к употреблению в широком обществе слова и сравнения.

— Нас постоянно обманывают и вводят в заблуждение, — продолжал он. В конце выступления, распаясь, Дубинкин добавил свою любимую и трескучую квасную фразу, — Нас просто опустили ниже плинтуса!

Потом атаман, выдержав многозначительную паузу, оглядев присутствующих и вытерев от испарины лоб, вернулся в своё кресло, хлопнув в завершении своей весьма эмоциональной речи рукой по крышке офисного стола.

Все молчали, каждый из присутствующих думал о своих личных проблемах, предстоящих в новом году, и особо делами казачьего отдела не заморачивался. «Есть атаман и его замы, есть, чёрт возьми, чиновники в администрации ответственные за эту работу. Да и губернатор прошлым летом обещал им подсобить», — думали они.

Да, надо признаться, все ждали от государства прихода каких-то больших денег на развитие казачества, преференций и льгот, полагая, что время былого казачьего величия вернётся само собой. Вернут землю и сельхозугодия, воссоздадутся станицы и хутора, а с этим — почёт и уважение. И не за горами их «звёздный час», когда лихая казачья сотня на вороных жеребцах с гиканьем и посвистом проскачет с шашками наголо по улицам и переулкам близкого их сердцу родного сибирского города, на удивление всем местным обывателям и прочей уличной живности. Но этих событий пока, к всеобщему сожалению, не происходило, и когда они произойдут, пока, увы, известно одному Богу. Оставалась только призрачная надежда и добрые пожелания войскового атамана, но, как говорить в старой казачьей пословице, «Думкою и дурень богатеет».

Все молчали, молчал даже старый казак — отставной участковый инспектор по прозвищу Анискин, состоящий при атамане в должности зама по общим вопросам, про которого по ошибке или другому недоразумению несколько лет назад, приехавшие по культурному обмену американские скауты, написали, что Анискин,

он же — Петя, начал завоевание Сибири вместе с атаманом Ермаком Тимофеевичем и, посему, является ему сотоварищем. То ли наш переводчик был не внимателен, толи американские гости поняли его не правильно, да сейчас это уже и не важно, но до своего отъезда в Штаты гости перед Петей снимали шляпы и с особым подобострастием жали ему руку. Петя гордился этой оказией и, при случае, любил похвастаться. Но Петя сейчас молчал и никаких предложений не высказывал, он просто, как старый учёный кот, дремал, уткнувшись в журнал «Сельское подворье».

Атаман обвёл всех присутствующих взглядом, но казаки сегодня были явно «не в духе», и, посему, проблески нужных ему мыслей ни как не желали проявиться на их весьма колоритных лицах. Взгляд их был тускл и ничего не выражал. Сегодня был явно «не их день». У Дубинкина, видимо, было тоже самое настроение, и он подумал, что сей томный вечер опять закончится ничем, и уже хотел распускать сие высокое собрание. Но в этот момент в углу за шкафом раздался голос Коли Солохина.

Он был обликом чернявый и кудрявый, и, посему, как бы выразиться помягче, не очень соответствовал общепринятому образу российского казака. Коле, бывшему ранее следователем милиции РОВД, иногда удавалось внести некий ажиотаж и разнообразие в работу правления, и этим он был ценен в казачьих рядах. Николай

был весьма практичным, к его словам часто прислушивались. И на этот раз слова прозвучали как выстрел из пушки. «В себя пришли» все, даже Пётр Аниськин, который, проснувшись от неожиданности, уронил свой любимый журнал на пол кабинета. Коля изрёк:

— А не написать ли нам жалобу самому ... — и, немного промолчав, добавил, — ...самому главному? Президенту России?!

— Да хоть самому чёрту, — встрепенувшись от услышанного, добавил Атаман, — лишь бы могло.

И тут, на всех присутствующих напало какое-то непонятное веселье и нездоровый кураж. И жаль, никто из них тогда не обратил внимания, что как будто само собой зашаталась и покосилась на стене икона со святым Николаем Чудотворцем. Никому из присутствующих тогда казаков, не пришло в голову прочесть молитву и помянуть Бога. Ну, а как правило, где забывают про Бога, всегда есть место для некоего курьёза.

На том и порешили: Написать письмо самому ... и отправить его по электронной почте на его представительский сайт. Написали на листе бумаги и тут же утвердили, передав его Петру для отправки. Некоторое время спустя, Петя, выпроводив казаков, удобно расположился в кресле атамана и, одновременно прихлёбывая крепкий чай из видавшей виды керамической кружки, одним пальцем отпечатал письмо.

Был Пётр стар и, к тому же, после перенесённого им накануне глубокого похмелья, находился далеко не в здравом состоянии. Мысли путались, заставляя его думать совершенно о другом. И, как итог, рука его на клавиатуре нечаянно дрогнула, и письмо ушло совсем по другому адресу.

— Вот и всё! — скрипучим как старая деревянная половица голосом произнёс Пётр, — Вот и славненько потрудились. Теперича ни грех и до ночного магазина пройтись.

А опосля, запев свою любимую казачью песню со словами «Во саду яблоня цветет, а казак у паход идеть!», бодрым, почти строевым шагом направился, так сказать, «по зову души и сердца»...

Эх, кабы знал казак кудыть по его ошибке попало письмо!..

Кудыть попало письмо, или Что из сего получилось

Лохматая и когтистая лапа почесала у себя за свинячим ухом, пяточок наморщился и глаза округлились. Чёрт подскочил со своего кресла и одновременно взвизгнул от неожиданности. Он дважды перечитал электронный адрес, на который было отправлено письмо, и его содержимое. Всё правильно, письмо от казаков, и адрес их сатанинского департамента верно указан: АД министрания. И жалоба верная — казаки денег желают, и даже Бог не упомянут. Но как-то не верилось, что от казаков... Что-то обмельчали они в последнее время и превратились непонятно во что. Балаган!

Чёрт отложил письмо и через некоторое время, пригласив специалиста по данному вопросу — такого же чёрта как и он, только чином ниже, вручив ему письмо, пояснил:

— Вот, что. Слетай туда, коллега, и разберись на месте. Побудешь там засланным казачком. Бери сразу за кадык этого страждущего до денег атамана и его никчёмных казаков. Пообещай им кучу денег и удовольствий. Отверни их окончательно от Бога, опорочь их священника и добрых казаков, наведи им такую смуту в умах, чтобы сам хозяин наш разобраться не смог. На деньги, при случае, не скупись... Короче, загоняй их к нам поближе, а мы их — голубчиков всех схомутаем! Стало быть, примем!.. К атаману ихнему можешь сразу без утайки явиться, он к нашему брату слабость питает!

— Понял, — ответил бодрым похрюкиванием чёрт-исполнитель и, щёлкнув молодецкато начищенными до блеска копытами, исчез из «того» мира.

И вот, проходит некое время, является этот поверенный чёрт к отдельскому атаману Дубинкину и в приватной беседе говорит ему:

— Получили мы, стало быть, письмо ваше о лихоимствах и обидах чинимых в отношении вас чиновниками областного департамента. Де-

нег вам не дают и прочие гадости вам горемычным творят. Это нашему руководству известно. Всё правда, без вранья и преувеличения — никому вы не нужны, все отвернулись от вас и даже знать не хотят. Подарков не делают, по чинам продвижения никакого, да и медалек, и орденов вовсе вручать перестали. Правильно ты сказал, что опустили вас ниже преисподней.

Вздыхнув, нечистый продолжил вкрадчиво:

— Ведь мы с вами не чужие люди, почти братья — казаки-разбойники. Меж собой всегда порешаем. Обдумав ваше непростое положение, моё руководство решило направить меня к вам для оказания практической помощи и прочего взаимодействия. Да и личный интерес у меня к этому делу есть, и у тебя, я полагаю, тоже имеется. Слухай, батька. Решил и я в казаки записаться, устал я в простых чертях ходить и скитаться между всякого мелкого антисоциального элемента. Не интересны они мне, да и заказ на них из адской канцелярии всё меньше поступает, поскольку всё в аду сверху донизу переполнено этой публикой. Как ни посмотришь — одни наркоманы, алкаши и прочая шушера. Начальство мной недовольно, всё результатов требует, грозиться в мир больше не выпускать и перевести в простые кочегары. А я так не могу, я простор и масштаб люблю, если пакостить, то по-крупному, а по мелочам тратить свой талант я больше не намерен. Ну, давай, батька, лапу... Тьфу, то есть, руку, — и потянулся к атаману...

Атаман оторвался от годового отчёта, который он безуспешно пытался составить с самого утра, и упёрся очами в беса.

— Ты кто таков будешь и какого хрена припёрся?! — начал он. — Сидишь тут, понимаешь, с утра, вникнуть в проблемы государственные пытаешься, а тут, какой-то актёр в козлячьей маске меня — старого ветерана развести пытается! Иди, вот, к моему заместителю — Петру, он, в аккурат, молочными и пуховыми козами занимается. К тому же, он опять с утра в драбадан пьяный, и ему твой визит в радость будет! Глядишь, может, пить и бросит!

Нечистый поёжился, но, выдержав суровый взгляд атамана, произнёс:

— Меня козы не интересуют, да и ваш Петя — старый шаромыжник мне тоже без интересу. На нём самом уж давно ни клочка шерсти не осталось. Из него животновод, как из меня — певчий на клиросе. Не серьёзный он человек, хоть и в Москву в казачий институт регулярно свои проекты отсылает. У него только один проект к реализации подходит, — и, ухмыльнувшись, закончил, — выпить среднего размера озеро с водкой. Возьми меня, атаман, не прогадаешь, — напрашивался чёрт, — и деньги будут, и врагов-недрузгов твоих выгоним. И штаб у нас ни в какой-то забегаловке будет, а в настоящем офисе с кондиционером! Форму лапсердаковую всем пошьём и медали

всем выдадим. Людей всяких наберём, дружину казачью создадим и город под нашу охрану возьмём. И заживём мы с тобой, атаман, не хуже, чем князя или олигархи. И всё у нас «в шоколаде» будет без всякого на то обмана...

Бес как будто приподнял лапу для крёстного знамения, но, видимо вовремя одумавшись, опустил её, глянув на портрет мера города, закончил фразу:

— Как перед иконой говорю...

Атаман побагровел и, привстав, чуть было не засветил чёрту между глаз компьютерной клавиатурой, но тот, ловко увернувшись, визгливо произнёс:

— Но-но, только без лишних телодвижений! Привыкли тут сувенирными шашками махать? Настоящею-то и в руках не держал? К ним с такими заманчивыми предложениями приходишь, а тут тебя, ни только как достойного посетителя не принимают, но и физической расправой угрожают. Забыл совсем, что уже не в полиции служишь, а в самом наиглавнейшем из всех казачьих обществ атаманись, в самом Госреестре удостоен руководить?! Мы — черти — знаешь, как вас уважаем? — и, наморщившись, чуть было не пустил слезу на годовой отчёт атамана.

Батька-атаман хотел прочесть молитву, но забыл её, вернее, толком и не знал, сколько ум ни напрягал — ничего не вспоминалось. Руки у него вдруг одеревенели и перестали слушаться, ноги у него подкосились, и он, плюхнувшись в кресло, простонал:

— Да ты с ума сошёл? Как же я тебя приму? Ведь ты же — чёрт! У тебя рога и хвост..., ноги лохматые и, воняет, как из мусорного бака. Мои свиньи и то приятней выглядят.

— Не бойсь, атаман, всё устроим! Будет всё по лучшему разряду! Причешемся, умоемся, рожки под папаху спрячем, спреем набрызгаюсь и буду красавчиком. Все атаманы тебе завидовать будут! Скажут: «Ты где такого гарного хлопчика раздобыл?!». С точки зрения устава и положения городской станицы, противоречий никаких нет. Там же прописано, что членом реестрового общества может стать любой гражданин нашего государства, достигший совершеннолетия, любой национальности и вероисповедания и, заметьте, любой идеологии, разделяющие взгляды...

Чёрт щёлкнул пальцами, после чего папка с листами устава казачьего общества раскрылась, её содержимое вылетело, словно стая птиц, и начала кружиться вокруг кресла, где сидел атаман.

— И заметь, что в них ничего не сказано, что чертей принимать в казаки нельзя. Ну, а если не запрещено, то, значит, можно.

После чего хлопнул ладонью по столу, и бумаги, в последний раз пролетев мимо выпученных глаз атамана, в том же порядке опустились на стол.

Отдельский атаман, выдержав небольшую паузу, уже нетвёрдым голосом произнёс:

— А как же церковь? Как туда заходить будешь?

— Да никак, — ответил чёрт. — Буду на улице дежурить, вас фотографировать для истории. Да и никто не обратит внимания... А если кто прицепится, скажу, что в некой деревне Большехреново храм посещаю... Пойди, проверь...

— А как присягу принимать будешь? Ведь, на Евангелие... Да и крест целовать придётся... — не унимался атаман.

— Надо будет, и крест поцелую! Я для любого поганого дела на всё готов, даже тебя поцеловать, — захохотал нечистый и, щёлкнув хвостом, вальяжно развалился в кресле.

— А образование позволяет? — продолжал спрашивать атаман, обращаясь к тому же чёрту. — Грамоту разумеешь, языками владеешь?

— Конечно! — ответил чёрт. — Не просто владею, а знаю их в совершенстве, начиная от языка атлантов и древних шумеров. Могу на иврите (атаман поморщился при этом слове), могу балакать, гутарить, мову знаю лучше любого хохла.

И, вдруг, запел на чисто украинском: «Дивлюсь я на нэбо, чай думку хадаю»!..

— Ладно, ладно, верю тебе, — замахал рукой атаман. — Ну, а по англицки смогешь или по-немецки?!

— Атаман, — ответил ему чёрт вальяжно, — вы что, не доверяете мне — авторитетному бесу? Да я уже не одну тысячу, слава «хозяину»!, этих англосаксов и всю эту западную шушеру в преисподнюю проводил! И сенаторов, и конгрессменов, и их пасторов, которые под личиной благочестия суть — сектанты и извращенцы всех мастей, — чёрт плюнул и добавил, — одни гомосеки и прочие садомиты! Да их даже соблазнять не надо, их с детства в таком грехе воспитывают, а к старости печать ставить некуда. Все перепродались на сто раз и ещё думают: «Куда и кому свою душу впарить?».

Чёрт перешёл на блатной жаргон и, начиная загибать пальцы, продолжил:

— Да мне с ними возиться «в падлу». Здесь, в России, тоже всякого дерма хватает, но тут есть для нас — рогатых — одна проблема...

— Какая же? — спросил Атаман.

Чёрт почесал затылок и нехотя ответил:

— До Бога здесь ближе, ловить вас сложнее, чем этих забугорных уродов. На каждом шагу храмы православные стоят, крёстные ходы проходят, гомики все в подполье сидят, втихую свои дела делают. Гей-фестивали не проводят... Скукота у вас. Только в кого вцепишься и потащишь до нашего батьки, так ваши святые, тут как тут, проходу не дают, отнимут претендента на муки, и ещё по рогам навтыкают. Попы, оборзевшие, гоняют... Негде нам — сирым места нет... Прими нас, батька, а мы уж для тебя по-

стараемся, не подведём! — Чёрт даже всхлипнул и вытер кисточкой хвоста левый глаз, — Ей-ей... (чёрт пропустил какое-то слово) ...не подведём! Могу поклясться хоть на... — чёрт обвёл взглядом помещение штаба, но ничего не нашёл подходящего, сказал, — ...Вот увидишь, генералом будешь казачьим! Не пройдёт и года, как всё «в ажуре» будет. Не печалься, поправим твои дела! Самое главное — нам теперича договор о взаимодействии и сотрудничестве подписать необходимо, так сказать, соблюсти формальности между сторонами.

— Может, без бумаг обойдёмся? — спросил атаман. — Так сказать, остановимся на устной договорённости? Я так понимаю, что всё должно быть конфиденциально и без свидетелей?!

— Конечно, конечно, — соглашался с атаманом нечистый. — Но, сначала, извольте ручку приложить, как говорится: «Стулья — вечером, а деньги — вперёд»...

Вдруг, прямо из воздуха перед атаманом появляется папка из кожи красного цвета, которая, раскрывшись, обнаружила в себе уже готовый договор.

— Подписывай, не меньшежуйся. — гаркнул чёрт. — Мне ещё работы невпроворот, договор, вот, у своего шефа утвердить, планы и предложения по выводу из кризиса твоего отдела готовить. Давай, пиши, детали опосля«перетрём». В обиде не будешь!

Атаман ещё раз перечитал договор и, ненайдя в нём ничего крамольного, подписал его. Чёрт схватил папку и, засунув её под мышку, с пафосом произнёс:

— Ты лучший из лучших атаманов прошлого и настоящего! История не забудет тебя! Ну, прощаться не будем...

И, хлопнув атамана по плечу, шагнув через дверной порог, обратившись в дым, исчез.

Атаман протёр глаза, недоуменно повертев головой, открыл створку окна. В кабинете было душно и сильно пахло серой.

Сон атамана, или Страсти по отдельски

Приехав домой, атаман достал из холодильника бутылку коньяку, налил себе полный стакан и, выпив его не закусывая, произнёс: «Двадцать лет в ментовке отработал, но ни хрена ещё подобного не видел. Чудеса, да и только!».

Спал он плохо, всю ночь ему снился один и тот же сон. Как будто вокруг казачьего отдела маршируют черти в новой справе и, при виде его, кричат «Любо, батька!». А когда он после парада решал зайти в отдел, то увидел висящую около двери табличку «...ой бесовский отдел адского войска».

После привидевшегося кошмара, он с криком проснулся и перекрестился. Стало легче. Он опять уснул. Больше атаману ничего не снилось.

Проснулся атаман только к обеду. Болела голова, и чувствовал он себя весьма неважно. Вспомнилась вчерашняя беседа с каким-то придурком и сон. «Вот, приснится же такое: черти в справе маршируют, а их сотник мне шашкой честь отдаёт. Кому рассказать — не поверят. Такой сон только моему заму — Пете с глубокого бодуна привидеться мог. С его стажем — только чертей и гонять».

Позавтракав и собравшись, атаман съездил по своим делам, после чего, уже повеселевший и пришедший в себя после вчерашних событий, заехал в штаб.

Около штаба он обратил внимание на припаркованный ауди последней модели цвета «blacknight» с тёмными тонированными стёклами и литыми воронёными дисками. Атаман посмотрел на номер и обомлел: на жестянке были выбиты три шестёрки и буквы «АД». Увидев это, все события происшедшие с ним накануне всплыли с новой силой, голова опять заболела, после чего появилось страстное желание достать монтажку и «расхреначить ко всем чертям» этот автомобиль. Атаман перекрестился и снова посмотрел на номер. Буквы изменились, прибавилась «З». Атаман протёр очки и прочитал: «ЗАД». Но к этому ещё прибавился «13 регион».

— Да-а, — сказал он вслух. — Чего только ни покажется.

Зашёл в штаб. На встречу ему попался Петя Его большой красный нос смотрелся как спелый помидор, только что снятый с грядки, глаза его блестели, и посему было видно, что он опять «навеселе».

— Батька, а ты куда пропал? — спросил он. — Тут с утра тебя человек дожидается, по виду — наших кровей. Говорит — кубанский казак. Недавно приехал к нам в город на постоянное место жительства. Наш человек, я братьев-казаков за версту чую! Мы с ним даже общие корни нашли. Пока ты в отъезде, батька, был, мы с ним уже как одну бутылку горилки «приговорили». Я уже за второй в магазин пошёл.

— Хорош бухать! Пойди лучше делом займись, а то из дома опять жена выгонит. Весь штаб провонял табаком и сивухой, дышать нечем. Пойдём в мой кабинет, посмотрим на твоего казачка — ответил ему атаман.

Пётр вздохнул и пошёл вслед за атаманом.

Войсковой отдел казачьего войска располагался на втором этаже в старинном кирпичном здании, находящегося почти в самом центре города. Зданию давно требовался капитальный ремонт, часть помещений выглядело так, как будто тут проживает заезжий табор цыган. Деревянные перекрытия и пол сгнили на столько, что, казалось, ещё немного, и они рухнут вместе со всем содержимым, в том числе, с членами казачьего сообщества. И ни куда-нибудь, а напрямиком в преисподнюю.

Зайдя в свой кабинет, атаман увидел сидящего за столом казака в новой каракулевой папахе. Лихо закрученные вверх усы и пристальный взгляд выдавали в нём недюжую волю и силу. Он был одет в новую, с иголки, чёрную кожаную бекешу с погонами сотника, темно-синие шаровары без лампас и блестящие хромовые сапоги, в которых казалось, отражалась вся непритязательная обстановка данного помещения.

Гость посмотрел атаману в глаза, и в душе атамана что-то сжалось. Как будто кто-то схватил его за сердце леденей хваткой и сжал так, что у него всё заглохло внутри. Атаман перевёл дух и подумал: «Коньяк пью в последний раз». Но неизвестный казак, вдруг, резко изменившись в лице, заулыбался и, лихо подскочив, представился:

— Казак Всереестрового казачьего войска 13-го отдела станицы Шайтановской, сотник Молохов Александр Александрович. Прибыл к вам в город по поручению самого верховного атамана, со всеми полномочиями и верительной грамотой. И, посему, без лишнего на то шуму и огласки, как решили всем кагалом, будем вспоможествовать вам по всем вопросам.

Папаха казака была заломлена на самый затылок таким образом, что, казалось, что, вот-вот немного, и она свалится. Но она держалась, как будто на шурупах, и из под неё выглядывал огромный чуб чёрных густых волос.

Сотник, обратившись к атаману, прибавил:

— Здорова ночевал, батька-атаман?

Атаман произнёс «Слава Богу!», но как-то невнятно, с надрывом.

— Я всего лишь несколько дней в вашем чудном сибирском городе, но достаточно быстро разобрался во всех его тонкостях. Архитектуру и историю я частично почерпнул из интернета, побывал уже в нескольких музеях, а главное — успел проникнуться духом его старины и многообразием форм искусств.

— Вот-вот, — лихо, совсем не по-стариковски подскочил Пётр, — как сказал Ермак Тимофеевич, отбирая золотишко у хана Кучума: «Искусство принадлежит народу и, посему, казачеству тоже».

— Петя, пройди, проветришь на улице. Хватит всякую хрень нести! Дай с человеком пообщаться! — сказал атаман и сел на своё место за письменным столом.

На столе перед ним оставалась лежать папка с незавершённым, порядком опостылевшим ему отчётом. Как его составлять атаман не знал, да и неумел. Последний начальник штаба, ранее занимающийся составлением подобных бумаг, был недавно изгнан с позором за кражу чекушки водки у того же Пети.

Петя, уже не дожидаясь повторного приказа, схватив со стола ещё несколько бумажных купюр, побежал, так сказать, на улицу «прове-

триться» — купить сигарет и другой сопутствующий товар для встречи с новым казаком.

Сотник, посмотрев на атамана, произнёс одобрительно:

— Прыткий у тебя зам. по общим вопросам! Прямо как заяц скачет, хрен догонишь.

— Не надо его догонять, — ответил, махая рукой атаман. — Когда он бежит в магазин, его ничем не остановишь, даже выстрелом. Не смотри, что он старый как леший, водку хлещет как Ниагарский водопад, старый ал... — чуть не произнёс он, но, вовремя спохватившись, поправился, — Одним словом, ветеран.

А ветеран уже, встретив на углу рюмочной таких же, как он, старых «ветеранов» всех войн и конфликтов, рассказывал им о своих новых проектах по возрождению казачества, разливал по стаканам «Зубровку», закусывая при этом пирожком месячного хранения. Он уже забыл о приезде казаке, в его мыслях крутились только одни пушные и молочные козы, причём, только белого цвета.

Оставшись один на один с атаманом, сотник тут же, изменив тембр голоса, спросил у «батьки»:

— Что, братан, оставим «наших баранов» и вернёмся к нашему вчерашнему разговору?!

— К какому разговору? — непонимающе спросил атаман, быстро, как мотылёк крыльями, хлопая глазами. — Мы ведь сегодня только знакомы, и дел с Вами я никаких не имел.

— Да как «не имел»?! А кто обещал мне должность зама по душевной и прочей работе?! Кто мне вчера лапу жал и о проблемах своих плакался?! Я тут всю ночь с шефом своим совещался и планы готовил по развитию отдела, а ты мне тут глазки строишь!... — схватив атамана за грудки, как меха старого баяна, прохрипел сотник Молохов.

— Ты, что есаул себе позволяешь? — делая попытку привстать с кресла, с усилием упираясь ногами в пол, заверещал отдельский атаман.

Вдруг, вспомнив, кто перед ним находится, с огромным усилием высвободившись от захвата, атаман подбежал к двери. Он попытался распахнуть дверь, но, не тут-то было, дверь оказалось запертой. Атаман понял, что он попался, сел на стул и заплакал.

Есаул Молохов, вдруг, преобразился. Он превратился в маленького человечка и, забравшись на плечо атаману, ласково заверещал:

— Не бойсь, атаман, прогремим на всю Рассею! — и при этом захохотал — Бля, последним гадом буду, если не возродимся!

И снова, преобразившись в нормального человека, добавил:

— На завтра собирай своё правление, и преступим к делу. Представишь меня, введёшь в члены правления городской станицы, и назначишь меня своим замом по стратегии и идеологии.

Потом, чёрт, задумавшись, продолжил:

— Я доведу до тебя и правления все основные директивы вышестоящего начальства. Нашего, разумеется! — и, направив указательный палец в низ, подмигнул атаману.

— Слушай, Сан Саныч, — обратился к чёрту атаман, — А почему бы тебе в администрацию не пойти? Нашёл бы себе место где-нибудь в департаменте национальной политики или финансов. В экономику или ещё куда по интересней?.. Там, ведь, не то, что в нашем захолустье, там возможностей, в смысле устройства крупных гадостей — будь здоров!..

Чёрт почесал затылок и вздохнул:

— Думал я туда влезть, да там давно нашим братом места все забиты. Нет там вакансий. Там такие спецы сидят, воду мутят, что мне до них — далеко. Зубры своего дела! Думаешь, почему в вашем царстве-государстве так всё хреново, почему кризис за кризисом идёт, и вам жизни нет?! Все как в угаре, суетитесь? Не знаешь, атаман, и не узнаешь! Правда — она как клад в земле зарыта, не всякий её вырыть может. Посему, так глубоко зарыта... А в администрациях всех уровней, такие спецы рогатые сидят, что меня — сирого туда и близко не пустят, хотя, кое с кем у меня контакт налажен. Хоть и другое наше бесовское ведомство, но контора — одна. Нам, батька, просто обязаны помочь в наших злодействах. Иначе, какие же мы — бесы?!

В это время на лестнице, что-то загрохотало и, буквально сразу, в кабинет ввалился Петя. Зам был в изрядном подпитии и виновато озирался по сторонам.

— Браты-казаки, извиняйте, тут по дороге оказия случилась, — затараторил он, глотая слова, — купил я коньяку и только из магазина вышел, как, смотрю, мне на встречу наш губернатор идёт со своими «причиндалами». Увидел меня, обрадовался и, обнимая, гутарит, что, мол, за организацию моего плана оказывания... Извиняюсь, — поправился он, — оказывания, мне выделяют по гранту пять миллионов рублей. Ну, и пришлось им всем по стакану налить, да и как не налить-то, ведь, никакие-то шаромыжники, а... — и, незакончив свой рассказ, упал на диван, захрапел, отключился.

— Его мы оставим — наш человек! — посмотрев на Петра, сказал сотник Молохов, — А вот кое-кого мы выгоним, без всякого на то сожаления.

— Ко всем святым отправим, только не обмани, — подытожил речь нечистого отдельский атаман.

— Да какой же тут обман? — взъерепенился нечистый. — Сделаем, как надо. Не один комар в наши дела носа не подточит. А отчёт твой готов. Можешь отправлять в войско, — и, выдержав некоторую паузу, добавил, — Не отчёт, а сказка!

Когда Пётр проснулся ни атамана, ни приезжего казака он в штабе не обнаружил. Посмотрев

на часы, он увидел, что время уже полночь, и на автобус в свою деревню он опоздал. «О, чёрт... — выругался он, — Опять будет скандал». Опять его горячо любимая супруга будет готовить к его возвращению домой большую покрытую керамикой сковородку. «Ну, и хрен с ней! Пуцай колотит... За казачье дело и пострадать не грех». Не в первой Петру оплеухи от неё получать.

Переведя взгляд на стол, казак обомлел: на нём стояла пол литра «кедровки» и лежала нераскрытая пачка сигарет. Тут же рядом — чёрный хлеб и кусок свиного сала. Петя повеселел и чуть не крикнул от восторга: «Вот это казак! Настоящий товарищ! Больше бы таких приходило, глядишь, и работа в отделе пошла бы в гору». Потирая руки от нетерпения, он увидел лежащую под стаканом записку. Одев очки, прочитал: «Петя, обзвони всех членов правления и пригласи их на после обеда», и подпись «Атаман Дубинкин». «С чего это он кипешует?» — пробормотал Петя. «Надо, значит соберём!». И со вкусом выпив стакан настойки, тут же глубокомысленно изрёк: «Душевный у нас в отделе люд! С такими — хоть к чёрту в зубы»...

На утро, еле встав, продравши глаза, наш ветеран вспомнив наказ атамана, обзвонил всех членов правления и пригласил их на назначенное время.

На заседание правления явились практически все без опоздания. Первым, как и полагается, приехал отдельский атаман Дубинкин, лихо припарковав своего «гнедого японского коня» к баку с мусором у входа в штаб. Он вылез из своего кроссовера и, задрвав кверху голову, зычно крикнул:

— Петя, хватит спать, отворяй калитку!

Дверь штаба немедленно приоткрылась и из-за неё выглянул его зам по общим вопросам.

— Что кричишь, батька? — спросил он в ответ и продолжил, — Я уже с утра на ногах, приказ твой исполняю. Навёл порядок к твоему приезду и жду дальнейших указаний.

— Молодец ты у меня, Пётр! Не пил бы, давно был бы генералом. Все вопросы решаешь, работать с тобой — одно удовольствие! В сельском хозяйстве разбираешься и в других смежных вопросах соображаешь, — сказал атаман Дубинкин, обнимая Петра.

— И ты, батька, — ответил Пётр, — нет тебе равных ни в чём! Из всех атаманов — ты самый великий и умнейший. Смотри, каких свиней вырастил ты на своём хуторе! Одним словом — реестровые свинки, особой атаманской породы! Скоро хрюкать будут по-нашему, извиняюсь, гутарить...

Так, нахваливая себя, они поднялись в кабинет правления, где, удобно расположившись за столом, стали пить чай с карамельками.

Практически сразу же начали «подтягиваться» и другие сотоварищи. Среди них, практически все

были колоритнейшими личностями, в своё время так или иначе зарекомендовавшими себя в истории своего старинного сибирского города. Каждый из них был уже далеко не юного возраста и не первой свежести.

В атаманском правлении в последнее время стали появляться довольно странные лица среднего возраста, желающие стать казаками, но не признающие, как они сами о себе заявили, «догматы христианской веры». Атаман их набрал из какой-то организации под странным и непонятным названием «Фронт лесного царя Берендея», которым руководил известный в узких кругах местной общественности Ярилин Волимир Богусралович — мужчина в возрасте 30–35 лет. Ярилин тоже был уже здесь. Сидя на стуле, он несколько раз как мантру повторил одну и ту же фразу: «Ах, как чудно пахнет серой». В своё время атаман Дубинкин набрал их с надеждой, когда-нибудь привив им казачьей культуры, довести это воинство до требуемой кондиции и привести к некому общему знаменателю.

Собравшаяся публика напоминала что-то среднее между собранием партийной ячейки коммунистов времён тридцатых годов и почитателями таланта местного режиссёра (с не совсем правильной ориентацией) Кузикина-Старшего. Тут же находились трое бывших сослуживцев атамана по службе в милиции: зампохоз Дыркин на должности начштаба казачьего отдела, работник медвытрезвителя капитан Сергей Опупелов на должности атамана городской станицы и, уже нам известный, есаул Николай Солохин. Присутствовали и другие лица, которые, впрочем, никакой роли в жизни казачества не играли и были довольны только тем, что им была дана возможность собраться и обсудить любую значимую для них тему. Словом, как будто это был не славный реестровый отдел казачьего войска, а какой-то обыкновенный клуб по интересам.

Атаман, допив стакан чая и посмотрев на часы, произнёс в полголоса:

— Где этого Молохова черти носят?!

Тут же раздался громкий звук открываемой металлической входной двери и непрерывный чёткий цокот каблуков по межэтажной лестнице.

— Поминали?! — спросил Молохов, зайдя в кабинет, и тут же представился, — Есаул Всероссийского казачьего войска, из низовых казаков — Александр Александрович Молохов прибыл к вам в помощь!, — и, немного выдержав паузу, добавил, — Желаю вступить в вашу общину! Если, конечно, супротив не будете?!

— Добре, добре! Явился, спаситель ты наш! — громко в ответ произнёс Пётр.

Он подскочил к Молохову и троекратно расцеловал его. Чёрт поморщился, но смолчал, подумав про себя, что давно так не лобызался. Но, ради успеха своего поганого дела, мог и расцеловать не токмо Петю, но и всё, «чо хошь».

— Что можно сказать о предстоящем пред нами казаке? — продолжил конфирмацию есаула Пётр. — Человек он со всех сторон наш, сразу видно, казак справный, всё при нём. Одет по уставу, с иголки. Пряма, образец для всех нас! Природный, что ни на есть, потомственный.

— А кресты с медалями за службу имеются? — спросил Солохин и хитро при этом улыбнулся.

— Имеются, — ответил Молохов. — Медалей полная грудь, а вот крестов нам не надеть, — завершил он.

— Верно, верно, — поддержал Ярилин. — Крест — это пережиток, а медаль — круглая и, посему, вторит лик солнца — божества древних славян. А мы — славяне...

— Ладно, — прервал его атаман, — будет вам чепуху молоть. Послушаем нашего нового сотоварища есаула Молохова. У него есть дельные к нам предложения по выходу из кризиса нашего казачьего отдела.

Вальпургиева ночь в штабе отдельского общества

Молохов, откашлявшись и набрав полную грудь воздуха, картинно засунул руку под кавказский пояс и продолжил:

— Браты-казаки, по воле случая, я узнал о вас и о ваших бедах. Хоть Сибирь и находится за тысячи километров от столицы, но, помня вашу скорбь и беду, наш комитет счёл возможным отправить меня до ваших чудных мест, как говорится: «где Макар телят не пас». Но ничего, несмотря на эти трудности в этих забытых Богом местах, мы с вами, с помощью... (палец его руки почему-то указал в низ) ... преодолеем это лихолетье и станем образцовым казачьим отделом во всём Сибирском войсковом сообществе. Я буду вашим товарищем и куратором, и, посему, чтобы разделить с вами тяготы вашей службы, попросил бы у вас небольшой для себя должности: исполнять обязанности зам. атамана по Душевной работе и связью с потусторонними организациями.

— Какими, какими организациями? — переспросил приказной казак Рожнев и, выпучив от удивления глаза, уставился на говорившего Сан Саныча.

Но есаул Молохов, злобно зыркнув на него, продолжал:

— Да, браты-казаки, по нашему с атаманом совместному решению, с сегодняшнего дня я буду товарищем атамана и его советником по всем вашим вопросам. Планы и рекомендации уже подготовлены и согласованы, о чём члены правления могут ознакомиться прямо сейчас и принять меры к их исполнению.

Он поднял со стола толстого вида красную папку с золотым теснением написанным то ли по латыни, то ли старославянскими буквами. Мно-

гие казаки могли поклясться, что на её обложке они увидели страшную бесовскую рожу, которая, вращая огромными на выкате зрачками, показала им длинный раздвоенный язык.

— Не надо бояться трудностей с реализацией нашего проекта, — продолжал Молохов, — их больше не будет, поскольку, обратившись к нам, вы призвали огромные творческие силы, которые способны изменить всё кардинальным образом. Все, кто жаждет денег и казацкой славы, получат их сполна. Мы создадим своё поселение, в котором каждый казак будет иметь свой дом и хозяйство. Мы вернём свои старые привилегии и выберем себе такую власть, которая будет исполнять нашу волю. Всем супротивникам и несогласным мы приготовим по холщевому мешку и скинем с коммунального моста без всякого на то сожаления. Мы вернём наши старые законы, исходящие к Великой Тартарии, которым, на самом деле, многие тысячи лет. Ведь двести тысяч лет назад казаки-неандертальцы были трёх метрового роста и джигитовали на мамонтах двухметровыми шашками... Мы вернём наши древние знания подземных богов Санурия и демонов Булхуды!

Мелехов распалиясь продолжал, и казаки, раскрыв от удивления рты, слушали с замиранием сердца, не зная, верить всему услышанному или отнести к разделу «фэнтези».

— Всех нынешних попов РПЦ мы выгоним, как врунов и сластолюбцев, хотя, некоторых тайных почитателей культа, мы оставим, поскольку покажем народу их неумное стремление к наживе и богатству. Наши сторонники есть везде. Они способны оказать нам необходимую помощь в нашей непростой, но нужной работе. Сегодня я приоткрыл лишь малую часть наших замыслов, но придёт тот час, когда наша с вами борьба приведёт к всеобщей победе, и проведение позволит нам избрать МИРОВОГО АТАМАНА.

Речь Сан Саныча звучала всё патетичней и брутальней. Он преобразился. Его типаж стал всё больше приобретать черты то ли вождя мирового пролетариата, то ли великого вождя немецкого народа времён Третьего рейха. Со стороны это было похоже на театр абсурда с одним актёром, но казаки видимо этого совсем не понимали, громко крича, свистя и завывая, тем самым выражая ему полное на то согласие и одобрение. Громче всех выражал восхищение родновер глава группы «берендеев» Ярилин и его товарищ по «лесной и болотной культуре Сибири» Лиха Одноглазова, а так же известный краевед-казак, атаман хутора Малый Шайтановский Калин Бармул Задулаевич по прозвищу «Лесной царь». Радовались все: заместитель атамана Пётр «Аниськин», предвкушающий по окончанию совета хорошее застолье; Солохин, мечтающий о наградах и дивидендах; даже начштаба Дыркин, который от изумления от сего услышанного открыл свой губастый рот, после чего стал похож на речного на-

лима. Все кричали «Любо!», пытаясь безуспешно приобнять Сан Саныча и троекратно расцеловать его. Молчали только двое присутствующих: казак Григорий Рожнев и атаман отдела Дубинкин, перепуганный насмерть и уже ничего не понимающий от увиденного. Отдел неистово ликовал, с ним так же ликовала вся привлечённая к этому событию нечистая сила.

Григорий Рожнев перекрестился и в испуге оторопел. Только сейчас он увидел, истинно происходящие в штабе события, мастерски скрытые под дьявольским наваждением. Он попытался встать и вздохнуть полной грудью, но не получилось. Как будто кто-то большой и лохматый держал его за плечи сзади и дышал на него нестерпимым перегаром. Отвернуться уже сил не было, пот прошиб его по всему телу, и он начал задыхаться. Рожнев увидел скачущими по всему отделу казаков в перемешку скакими-то толи жабами, толи гномами. В середине помещения стоял настоявший бес с оленьими рогами, лохматый, лихо перебирающий в танце копытами. Чёрт, то есть бес, держал в руках помойное ведро, из которого он угощал присутствующих смрадными помоями. Григорий закричал от неожиданности, пытаясь обратить внимание других на этот адский спектакль, но, увы, безуспешно. Казаки как угорелые, с выпученными, как у раков, глазами кружились и орали всякую непотребщину. Не в силах более терпеть эту вакханалию, Рожнов из последних сил поднял руку и перекрестился, при этом, не забыв помянуть святого Николая Угодника.

Рядом громыхнуло так, что больно ударило по ушным перепонкам Григория. Какая-то недюжая сила подхватила его и подняла на воздух. Что было дальше, он помнил смутно. Помнит, как бежал по улице без папахи, и зимний морозный воздух наполнял его лёгкие долгожданной свежестью. Ему представилось, что за ним скачет, цокая копытами, их новый зам атамана Сан Саныч и кричит ему вдогонку: «Не уйдёшь, всё равно достану. Я великий и ужасный!»... Казак, не помня себя, прибежал домой и, грохнувшись об пол перед святыми образами, произнёс: «Вот, попал под раздачу! Господи, прости многогрешного!». Он не помнил, как добрался до кровати и уснул тревожным сном.

Ибо по делам их узнаете

На следующее утро, проснувшись, Рожнов решил более не ходить в штаб, пока не разберётся в происшедшем. Он и ранее встречался с нечистой силой, но в этот раз всё оказалось гораздо страшней. В их правление проникла нечистая сила и захомутала казаков «по самые оглобли». И что далее с этим делать известно только самому Богу!

Поскольку день был воскресный, Григорий направился в храм. Отстояв службу и никого там из казаков не застав, решил подойти к настоятелю

храма и рассказать об увиденном им накануне. Но не получилось... Странно: казаков не было, отец Сергей уехал на семинар... Григорий в раздумье о прошедших событиях, подошёл к иконе святителя Николая, попросил помощи у него.

Прошло около недели. Рожнев счёл необходимым уехать из города и на неделю другую поселиться в их старом доме в посёлке Крестинино. Дом был древний, но ещё добротный, сложенный из сосен огромного размера. За крепким деревянным забором он смотрелся как острог. «Займка», как любил говорить его дед — старый сибирский казак. Вспомнился их разговор:

— Нашему дому, почитай, не менее как двести годков будет. Удивительно, что так сохранился, как будто кто его оберегает. Его в 18 веке ещё наши деды — казаки ставили, род которых идёт от казака, пришедшего с атаманом Ермаком четырёхста лет назад, Стёпки по прозвищу Рожа.

— Странное прозвище, — тогда сказал Григорий, — бандитское какое-то.

— По твоему разумению, Григорий, тогда все казаки разбойниками были?! — перебил его дед Данила, — Да, всякие были, и поразбойничать любили, и мощну купеческую иной раз обобрать. Лихие люди были, но сильно не озоровали, поскольку все на государевой службе находились. Каждый казак в то время был и защитником, и судьёй, на нём вся власть держалась. И суд, и расправу чинили. С врагом-басурманином бились до смерти и Бога чтити. Без Него — никуда. Как на новую землю приходили, Крест ставили, потом — часовенку, со временем, как деревня разрасталась — храм Божий.

Много чего в своё время рассказывал дед Данила. Один раз нашли они в огороде при копке картошки старинное чугунное ядро, а в тыне со стороны леса вытащили два железных наконечника стрел кыргызских кочевников. Дед смеялся, что, если хорошо поискать, можно фузею или мушкет найти.

Вспомнилось как дед рассказывал однажды:

— В начале прошлого века, перед самой войной с «япошками» у бабки Калисы сгорел дом со всем хозяйством, осталось она почти в исподнем. Как могли люди собрали ей деньги, но и тех оказалось мало. Но вот чудо, в подполье осталась у неё кадка с квашенной капустой. Захотела она капустки той, открывает её, достаёт гнёт, то есть, камень, чем капуста придавлена и...

— Что далее оказалось? — Григорий с интересом посмотрел на деда.

— Блеснул на солнце тот камень, заиграл он на свету так, что сбежалась вся деревня. Камушек-то, пудовым золотым самородком оказался, — продолжил дед Данила. — Его в качестве гнёта для капусты с грибами хрен знает сколько времени использовали. И не знал никто.

— И, что потом? — сгорая от нетерпения и любопытства продолжал спрашивать он деда.

— Что, что? Заяц в манто, — передразнил его дед. — Продала она этот камушек купчишке одному за хорошие деньги и в Москву подалась. Молода ешо была... Потом урядник сказывал, что в Америку укатила. А как там её судьба сложилась? Одному Богу известно...

Потом, постояв и подумав некоторое время, дед продолжил:

— А камушек-то пропал тот. Не довёз его купчина-то до города. Нашли его на следующий день в своей бричке в шести вёрстах от нас в стороне Гавриловки прямо в Лешачьем логу. Всё осталось в целости, только камень пропал. Купцу кто-то по горлу чем-то полоснул, аж кадкы вырвали. Сначала грешили на приказчика с кучером, что, мол, они, сговорившись, купца того порешили, но потом и их на Чёртовом болоте нашли умершими от разрыва сердца. Дело судебное завели, но потом закрыли, списав всё на медведя. Дед Силантий, водивший дружбу с местными селькупками, сказывал, что шаман их Вахитка обмолвился потом, что самородок этот прибрал демон из подземного города Грустины. Но далеко не унёс, поскольку где-то здесь вход недалече. И не камень это вовсе, а глаз их владыки подземного бога смерти Гамбулчи.

— Да, — сказал Григорий, — сказки это для малых народов Севера.

— Ну, для кого — сказки, для кого — и нет, — закончил тот сказ дед Данила.

Через какое-то время, гуляя с дедом ближе к вечеру, Григорий спросил у него:

— Дед, а откуда тут золото взялось? Ведь я не слышал ранее, что его здесь мыли или прииски стояли.

— Было тут золотишко, — ответил дед, — да и сейчас кое-где осталось. Всё от того, что гоняется человек за большим, а под ноги не смотрит. А под ногами, как раз, штучный товар спрятан. Вот, смотри...

Дед подвёл внука к неглубокой деревенской речке Киргизке, бежавшей неспешно по мелким камням. Опустив в неё руку, он недолго что-то искал, потом, достав и разжав кулак, показал Григорию небольшой блестящий камушек.

— Золото! — вскрикнул тот и попытался выхватить его из рук деда. Но камушек, словно живой подпрыгнув на ладони деда иплюхнулся в воду. Дед засмеялся:

— Мыли его когда-то, несколько веков назад, да, видать, не весь. Золотая жила осталась, вот, её потихоньку и вымывает из-под земли.

Потом вспомнилось Григорию, как дед на Троицу водил его к старому деревенскому храму. Деревянный храм, полуразвалившийся и заросший березняком, стоял на краю села, на высоком берегу реки. Со слов деда, служба в нём не велась аж с середины тридцатых годов прошлого века. Потом из храма сделали сельский клуб, в середине семидесятых годов построили новый, а зда-

ние бывшего храма вовсе заколотили досками. Дед тогда, постояв некоторое время держась рукой за старую проржавевшую церковную ограду, подняв голову, произнёс:

— Эту церковь казаки строили. Всем миром собирали деньги, купол из сусального золота был. Когда закрывали, жители по домам все иконы разобрали, и мы взяли одну, до сих пор у нас дома находится.

Так, за разговором, они завернули за храм и вышли на старинный погост. Тут уже не было крестов, лишь ряды заросших бугорков означали, что тут когда-то были похоронены люди. Очень много росло рябины и боярышника вперемешку со спелой калиной, ягоды которых смотрелись как капли крови.

— Тут все наши предки похоронены, все, кто когда-то в эти края пришёл и нашёл тут новую Родину.

Потом, подумав о чем-то и почесав рукой свою окладистую седую бороду, отвёл Григория к заросшему мхом и лишайником камню. Дед Данила, наклонившись, потёр его рукавом пиджака. Григорий, внимательно наблюдавший за действиями своего деда, через некоторое время увидел надписи, как оказалось, не на камне, а на могильной плите. Буквы местами стёрлись, но, кое-что из написанного, разобрать было ещё можно: «Лето Христово...от сотворения мира... раб Божий казак, атаман Стёпка Рожа».

— Вот он — предок наш. Почитай, четыреста лет лежит. А прозвище его «Рожа» от того была, что бился он с кыргызским мурзой Ишкебом или Ишкинбеком, который в бою достал саблей нашего предка Степана. Располосавал ему клинком лицо косым ударом от бровей до подбородка, заодно зацепив и мочку уха. Но татарину повезло ещё меньше, распорол ему следующим ударом Стёпка пузо, да так, что кишки его собрать не могли. Долго мурза мучился, даже их шаман с Чартаныша помочь не смог.

— А наш Степан как? — спросил Григорий.

— Да как? Ещё сорок лет прожил, заросло на нём, как на собаке. Только лицом стал страшным, левым глазом плохо видеть стал. Местные селькупы дали ему прозвище «Волк-оборотень». Живуч и страшен был он в схватке, без колебания мог выйти один против целого отряда воинов. Редко кто из них мог устоять. Его не токмо люди, медведи и вепри стороной обходили. Имя его вселяло ужас в сердца аборигенов. Многие его боялись и уважали. Один раз казака с жинкой туземцы ограбили и убили. Через некоторое время этих людишек со всем их стойбищем с перерезанными горлом охотники нашли. Кто это сделал? Так и не прознали... Но местные «подъясашные» говорили, что это шайтан-урус по тайге волком ходит и страх наводит. Даже песню про него сложили. Как только кто-то из их детей становился непослушным, им говорили:

«Вот сейчас придёт одноглазый волк и сожрёт вас целиком».

Дед улыбнулся, и продолжил:

— А как иначе поступить, если их уважение к тебе на страхе и силе построено? Казаки их всех в страхе держали. За Сибирь мы аж двести лет бились и сейчас ещё бьёмся, начиная с татар, кыргызов и китайцев. Только бы Москва нас не сдала, сейчас опять времена поганые настают, враги из-под всех углов зубы свои скалят. Зазеваешься часом, и оторвут наше достояние кровью и потом добытое.

Многое чего ещё рассказывал дед. Любил ругать местное и вышестоящее начальство за бесхозяйственность, воровство и лихоимство. Многие боялись его и считали его чуть ли ни колдуном. Мог он и болезнь вылечить, и скотине помочь, в каждом сложном деле к нему обращались сельчане. Он любил давать дельные советы и помогать людям.

Дед Данила давно жил один, был он среднего роста, жилист и крепок неимоверно. В юности «на кулачках» не было ему равных. Любимое его увлечение было — ходить с ружьём по тайге, причём, одному и без собаки. Любил он рыбачить и у ночного костра рассказывать всякие байки и былины, да такие, что Григорий, отродясь, таких и не слышал. В лесу дед, казалось, знал всякое дерево и каждую птичку, видел и чувствовал, казалось, то, чего другим людям не было возможным. А ещё, любил он вставать по ветру и вдыхать носом воздух. Наберёт и так же: то медленно, то быстро выпускает. «Человек, — говорил ему дед, — должен видеть и чувствовать всем, что дал ему Бог». Учил он внука видеть глазами птицы и зверя. «Человек Богом поставлен над зверьми и птицами и посему они должны ему подчиняться и исполнять его волю. Твоё сознание должно руководить ими. И, кто это понимает, тот многое постигнет», — говорил он внуку.

Теперь деда нет как полгода, умер он спокойно и безболезненно. Попросил у племянницы на рассвете попить воды и представился ко Господу. Долгую жизнь прожил, пройдя несколько войн, не получив ни одного ранения.

Теперь его внук Григорий, уже поздно под вечер, зимой, жарко натопив печь, сидел в доме деда. Он, раздевшись, сел за стол, крепко сколоченный, как и вся мебель в этом доме, разложив приготовленный ужин. Он перекрестился, и хотел уже помянуть деда чаркой кедровой настойки, оставшейся от прежних запасов покойного, когда в дверь кто-то поскрёбся, а потом тихонько постучал. Григорий прислушался, стало немного «не по себе»: «Кого это нелёгкая принесла?» — подумал он и, встав из-за стола, снял кованный крючок с входной двери.

Алексей Сафронов
*(Продолжение
в следующем номере журнала)*

Жизнь и смерть генерала Пепеляева

К столетию со дня последнего боя белых воинов
под командованием ген. А. Н. Пепеляева в Якутии —
17 июня 1923 года

Сопrotивление интернационал-большевицкому завоеванию России не окончилось эвакуацией последнего оплота Белой армии генерала М. К. Дитерихса из Владивостока в октябре 1922 г. Уже после провозглашения СССР вместо России (30 декабря 1922 г.) на землях Дальнего Востока шли боевые действия — в Якутии и на побережье Охотского моря, продолжавшиеся с сентября 1921 г. до июня 1923 г. Белые их называли «Якутским походом», а красные — «пепеляевщиной», по имени белого генерала А. Н. Пепеляева.

Биография генерала Пепеляева Анатолия Николаевича до сих пор привлекает внимание исследователей и энтузиастов, изучающих отечественную историю. Одним из многочисленных, но ярких эпизодов в ве-

За любимым вождем
К Вятке путь мы пробьём,
Обратим вражьи полчища в трупы.
Мы — могучая рать,
И врагу не сдержать
Пепеляевской Северной группы...

(Слова из песни)

ренице кошмара, который всегда несёт с собой любая гражданская война, является знаменитый Якутский поход генерала Пепеляева. Мятаж показал мужество и трагизм народа бывшей Великой Российской империи, став грозным напоминанием потомкам о том, к чему приводят развал и раскол общества в угоду различных политических сил, готовых даже с оружием в руках доказывать своё право на власть.

АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ ПЕПЕЛЯЕВ (15.07.1891 — 14.01.1938) родился в Томске в семье потомственного дворянина генерал-лейтенанта Николая Пепеляева. Его братья, кроме старшего, прошли военное обучение. Старший брат Виктор был депутатом Государственной думы от партии кадетов, а после 1917 г. — пред-

седателем Совета министров в правительстве адмирала А. В. Колчака (и расстрелян был красными вместе с Колчаком).

Анатолий окончил Омский кадетский корпус, затем Павловское военное училище в С.-Петербурге и в чине подпоручика продолжил службу в родном Томске, в пулемётной команде 42-го Сибирского пехотного полка. Там он женился на Нине Ивановне Гавронской (1893–1979), родом из Нижнеудинска, родился его первенец — сын Всеволод.

С началом Первой мировой войны он отправляется на фронт в должности командира конной разведки своего полка. В этой должности он отличился под Пшаснышем и Сольдау. Всего за боевые отличия Пепеляев получил такие награды:

- Орден Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость»
- Орден Св. Анны 3-й степени
- Орден Св. Анны 2-й степени
- Орден Св. Станислава 3-й степени
- Орден Св. Станислава 2-й степени
- Орден Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом
- Орден Св. Георгия 4-й степени и Георгиевское оружие
- Французский Военный крест с пальмовой ветвью

Февральская революция застала Пепеляева на фронте в чине капитана. Несмотря на разложение армии, он держал свой отряд в постоянной боевой готовности и при этом не впадал в немилость у своих солдат, как это было во многих других частях. Его авторитет даже у рядового состава был настолько велик, что в бунтарском 1917 г. Совет солдатских депутатов батальона, которым к тому времени командовал уже подполковник Пепеляев, вновь избрал его своим командиром.

После заключения большевиками Брест-Литовского мира в марте 1918 г. Пепеляев подался в родной Томск, где в мае этого же года при поддержке белочехов возглавил восстание против большевиков, и в Томске установилась власть Временного Сибирского правительства П. Вологодского. В июне Пепеляев по поручению этого правительства сформировал из офицерских добровольческих дружин 1-й Среднесибирский стрелковый корпус, который участвовал в освобождении Красноярска, Верхнеудинска и Читы. Затем его корпус в Забайкалье соединился с казаками атамана Г. М. Семёнова. В результате был полностью очищен от большевиков Транссиб. Пепеляев был произведён в чин полковника.

Поздней осенью 1918 г. уже в звании генерал-майора Пепеляев со своим корпусом воевал на Урале. Здесь он одержал блестящую победу, взяв 24 декабря силами своего корпуса Пермь, захватив в плен около 20 тысяч красноармейцев, которых всех по его приказу отпустили по домам. Освобождение Перми совпало с очеред-

ной годовщиной взятия Суворовым крепости Измаил, поэтому пепеляевцы прозвали своего командира: «сибирский Суворов». В январе 1919 г. адмирал Колчак произвёл Пепеляева в генерал-лейтенанты и назначил его командиром Северной группы Сибирской армии, которая начала наступление на Вятку для соединения с войсками генерала Е. К. Миллера.

Но не только о военных победах раздумывал Пепеляев, к этому времени он, убеждённый антибольшевик, всё более отчётливо начинает понимать, что только одними военными мерами большевиков не победить. Он неоднократно обращался к адмиралу Колчаку с просьбой созвать «Земский собор» для решения вопросов по «демократическому» устройству Сибири. К этому времени стали заметнее проявляться его политические взгляды и репутация «эсерствующего» военачальника, хотя к партии эсеров он не принадлежал. По сути, Пепеляев был сибирским «областником», одно из подтверждений этого — принятие им позже неофициального бело-зеленого флага Сибири. На этой почве у Пепеляева возник конфликт с Верховным правителем. Уладить разногласия удалось только с помощью родного брата Пепеляева Виктора, который занимал в правительстве Колчака пост премьер-министра.

В 1919 г. удача отвернулась от белых армий, красные успешно наступали, армия Анатолия Николаевича Пепеляева прикрывала отход Капеля и Войцеховского. Несмотря на героические усилия, конец был неизбежен. Его армия была полностью уничтожена, а сам генерал заболел тифом. Но судьбе было угодно, чтобы он выжил.

Пепеляев вместе с семьёй выехал на восток, но как сказано выше в дороге заболел тифом, пришлось остаться в Верхнеудинске, где после выздоровления он сформировал в марте 1920 г. из остатков своей 1-й Сибирской армии Особый Сибирский партизанский отряд. Он сражался в Забайкалье в районе Сретенска с красными партизанами.

В апреле 1920 г. Пепеляев перебрался в Харбин, где создал «Воинский союз» из бывших сибирских соратников. Но на жизнь приходилось зарабатывать в артелях извозчиков, плотников, грузчиков. Тем более что в Харбине в 1922 г. родился второй его сын Лавр.

К 1921 г. под контролем белых оставался небольшой участок Приморья, в так называемой буферной зоне — Дальневосточной республике. А в советской России политика военного коммунизма и чекистские репрессии вызвали повсеместно вооружённые восстания (наподобие Тамбовского), в том числе в Сибири. Осенью 1921 г. вспыхнуло восстание и в Якутии. Население обширного региона (около 250 тысяч человек, из них 10% русских), где жили в основном охотники и скотоводы, естественно, у них имелось личное оружие, встретило в штыки политику совет-

Февральская революция 1917 г. В Томске

ской власти, установленной в Якутии в декабре 1919 г.

В сентябре 1921 г. в Майском районе выступил сформированный белый отряд (200 человек) во главе с корнетом Михаилом Коробейниковым, а в октябре в Охотске высадился небольшой отряд есаула Бочкарёва, присланный сюда из Приморья. Восстание начало разрастаться, охватив к марту 1922 г. Якутский, Камчатский, Колымский, Олекминский и Вилюйский уезды. Восставшие в селе Чурапча сформировали Временное якутское областное народное управление во главе с эсером Петром Куликовским, сподвижником Бориса Савинкова. (Куликовский после убийства московского градоначальника находился в Якутии на поселении.)

Началось истребление коммунистов и советских работников. 6 февраля 1922 г. в районе посёлка Тектюрь вместе с 50 красноармейцами был убит командующий войсками Советской Якутии, известный партизан-анархист Нестор Каландаришвили. 23 марта объединённые отряды восставших во главе с Коробейниковым захватили Якутск, который находился в осаде с октября. Но регулярные части красной армии, отряды ЧК и ЧОН под командованием Н. Байкалова, когда

начался ледоход на Лене, сумели пройти по ней на 11 судах с 10 орудиями и 30 пулемётами и отбить в июле Якутск.

Для усмирения в селениях красноармейцы расстреливали каждого пятого жителя. 27 апреля 1922 г. большевики объявили об образовании Якутской Автономной ССР. В результате многие якуты и тунгусы сложили оружие, другие скрылись в тайге, а остатки армии Коробейникова отступили к Охотску и Нелькану. Но якутское восстание далеко ещё не было подавлено...

Ещё в начале 1922 г. во Владивосток прибыли участники якутского восстания во главе с Куликовским и Ефимовым, якутом по национальности. Они обратились за помощью к Приморскому правительству Спиридона Меркулова, ибо в Якутии не хватало боеприпасов и офицерских командных кадров. Они сумели привлечь на свою сторону и генерала Пепеляева, который в июле 1922 г., прибыв во Владивосток, приступил к формированию отряда. Это была, по сути, частная экспедиция, организованная силами «Совета уполномоченных сибирских организаций».

Планировалось после высадки на побережье Охотского моря занять Якутск, объединив силы восставших, захватить Иркутск, сформировать

Генерал А. Н. Пепеляев и его сибирские стрелки в дни последнего наступления белых частей Восточного фронта, август 1919 г.

там Временное Сибирское правительство и заняться подготовкой к выборам в Учредительное собрание. Учитывая настроения якутов и вообще сибиряков, Пепеляев решил выступить не под бело-сине-красным российским флагом, а бело-зеленым флагом Сибирской автономии, провозглашённой в 1918 году.

Отметим, однако, что, дистанцируясь от советской России и большевизма, белая Сибирь тогда боролась за сохранение общероссийской государственности, требуя при этом лишь автономии, которая позволила бы учесть экономические, культурные и природные интересы восточных регионов страны. Вот цитата из послания временного Сибирского правительства Совету Народных Комиссаров (10.6.1918 г.): «Власть большевиков в Сибири уничтожена... Временное Сибирское правительство не стремится к отделению Сибири от России, оно думает и печалится о тяжёлом положении общей родины России., мы, уполномоченные временного правительства, готовы обеспечить скорейшую и непрерывную отправку продовольствия в голодающие губернии России и вступить в переговоры относительно условий снабжения Великороссии, которую временное Сибирское правительство считает неразрывно и кровно связанной с Сибирью» («Декреты Советской власти». — М., 1959, т. II. С. 409).

Отряд Пепеляева, называвшийся «Милиция Татарского пролива», получил на вооружение 1,4 тысяч винтовок разного образца, 2 пулемёта, 175 тысяч патронов и 9800 ручных гранат. Тёплое обмундирование было получено во Владивостоке, частью куплено представителями якутской власти. Ядром отряда стал 1-й Сибирский стрелковый полк под командой генерал-майора Евгения Вишневого. В отряд стало поступать много добровольцев-сибиряков: офицеров и стрелков. Из Приморья в состав отряда вошло 493 человека, из Харбина — 227. Были сформированы три батальона стрелков, отдельный кавалерийский дивизион, отдельная батарея, отдельный сапёрный взвод и инструкторская рота.

Батальонами, ротами командовали полковники и подполковники, такие же молодые, как их командир.

29 августа 1922 г. первая группировка отряда в составе 553 человек отплыла из Владивостока. Отправка воинов генерал-майора Вишневого ожидалась 21 сентября.

Утром 6 сентября 1922 г. в порту Аян с канонерской лодки «Батарея» и парохода «Защитник» на берег Охотского моря высадились первые добровольцы под началом Пепеляева. Здесь их встретили около двух сотен якутских партизан, командовали ими Коробейников и поручик Рязанский. На следующий день состоялось совещание, на котором управляющий Якутской областью Куликовский и другие якутские общественные деятели уверяли Пепеляева, что фактически разгромленное антисоветское движение можно легко создать вновь, так как ещё много партизанских отрядов находится в тайге, и достаточно будет начать боевые действия, как их в массовом порядке поддержат добровольцы. В подтверждение этого якутские купцы передали в дар отряду около 300 оленей. Пепеляев был утверждён командующим всеми белоповстанческими отрядами вместо Коробейникова, а его партизаны вступили в отряд, составив третий батальон. Сам отряд получил название 1-й Сибирской добровольческой дружины. В дружине было введено обращение «брат»: «брат капитан», «брат полковник».

Первый удар Пепеляев решил нанести в урочище Нелькан, на реке Мая, где стоял гарнизон экспедиционный отряд ЧОН под командованием чекиста И. Карпеля с запасами продовольствия и вооружения и двумя баржами.

Выступив 10 сентября по осеннему бездорожью, через болота и незамерзшие реки дружина за 19 дней прошла более 240 км, преодолев безлюдный и труднопроходимый Джукджурский хребет. Но 29 сентября отряд Карпеля, предупреждённого тремя дезертирами из дружины, видимо, завербованными ещё во Владивостоке, в панике погрузился вместе с продовольствием на баржи и отплыл вниз по реке. Трофеями дружины стали только 14 лошадей и зарытые ещё весной партизанами 120 винчестеров, 50 винтовок и 50 тысяч патронов к ним.

Суровые дальневосточные реалии оказались неожиданными. Пепеляев узнал, что местные жители настроены совсем не так дружелюбно, как ему докладывали. Действовавшие в районе побережья отряды Коробейникова и Бочкарёва занимались грабежами якутов и тунгусов.

Не сумев захватить продовольствие и баржи, отрезанная от Аяна осенней распутицей, дружина оказалась в капкане. Начался голод, добровольцы съели всех лошадей, собак и стреляли ворон, а некоторые даже варили кожу, содранную с дверей. Только после прибытия в Аян

На фото кроме генерала А. Н. Пепеляева, К. М. Дитерихс и Радола Гайда. Ст. Оловянная, 1918 год

1 октября на пароходе «Томск» второго эшелона дружины (187 человек) под командованием генерала Вишневого и создания на побережье тылового района в Нелькан был отправлен первый конвой с продовольствием, который пробился к пепеляевцам лишь 19 ноября. Пепеляев решил выждать, когда в декабре начинается передвижение на оленях, чтобы наступать на Якутск. Генерал обратился к якутам и тунгусам с воззванием: «Мы пришли не навязывать свою волю, свою власть. Мы не будем насаждать ни монархии, ни республики. Поможет Бог, отстоим область, и тогда само население скажет, кого оно хочет... Я бы желал только сосредоточить распоряжение всеми военными силами дружины. Идею движения, руководство и питание его должны взять вы, местные люди...».

Опираясь на помощь местного населения, дружина за два месяца организовала себе транспорт, запасы провианта и тёплой одежды. Разведка дружины под руководством полковника Худоярова установила контакты с партизанскими отрядами Артемьева, Сысолятина, Алексева, Волкова и др. От партизан стало известно о дислокации частей Красной армии: в Якутске были расквартированы артдивизион, отряд ЧОН, конный дивизион ГПУ и комендантская команда под командованием Карла Байкалова, отряд красных партизан Ефима Курашева с 2 орудиями и несколькими пулемётами в селе Чурапча, отряд Ивана Строда и база снабжения в селе Петропавловском, отряд Николая Суторихина в слободе Амга. Через эту слободу, занимавшую центральное положение, осуществлялась связь между разбросанными по Якутии частями красноармейцев. Именно здесь Пепеляев решил

нанести внезапный удар, с которого планировалось начать наступление на Якутск вместе с охотским отрядом генерал-майора Ракитина.

Как всегда, Пепеляев действовал решительно и дерзко. Командиры Красной армии в Якутии никак не ожидали удара в районе, который и сейчас известен как полюс холода, где морозы достигали минус 50 градусов. Двигаясь с 26 декабря вслед за авангардным батальоном генерала Ракитина, дружина заняла сёла Усть-Маю и Усть-Милю. 22 января 1923 г. для взятия сильно укрепленной слободы Амги был послан из Усть-Миля отряд полковника Рейнгардта силой до 400 бойцов при двух пулемётах. Расстояние более чем в 200 км отряд прошёл за шесть суток и в ночь на 2 февраля штурмовал Амгу с трёх сторон при поддержке партизанского отряда полковника Сурова.

Внезапная и дерзкая атака во весь рост с винтовками наперевес решила исход боя. Отряд, потеряв убитыми 22 человека, захватил 13 пулемётов, 150 винтовок, много патронов, гранат и 60 человек пленных. 7 февраля сюда прибыл и сам генерал Пепеляев. Падение Амги открывало теперь ему дорогу на Якутск, где было объявлено военное положение, спешно возводились укрепления и куда срочно стягивались остальные красные части.

12 февраля на помощь красному Якутску из Петропавловска вышел отряд Строда с обозом в 150 подвод. Он пробился сквозь многочисленные засады партизан Артемьева и 14 февраля столкнулся с инструкторской ротой и 1-м батальоном генерала Вишневого, направленного на перехват Пепеляевым. Несмотря на то, что Строд потерял убитыми и ранеными 56 человек, он сумел укрепиться с тремя сотнями красноар-

Пепеляев А.Н. (в середине) в тюрьме во время проведения следствия

мейцев в двух заброшенных юртах для скота на окраине якутской деревни Сасыл-Сысы — Лисья Нора в 25 км севернее Амги.

«Ледяная осада», которая продолжалась 18 дней, сыграла ключевую роль в якутском походе. К вечеру 14 февраля в Лисью Нору прибыл сам Пепеляев вместе с 1-м, 2-м и 4-м батальонами, кавалерийским дивизионом и партизанским отрядом Артемьева, которые окружили деревню. К красноармейцам отправились парламентёры с требованием сдачи в плен при гарантии сохранения жизни. Но Строд отверг ультиматум, предложив пепеляевцам самим сложить оружие. Он приказал поднять красное знамя, а красноармейцы запели «Интернационал».

Пепеляев, зная из перехваченного донесения о ранении Stroda, о нехватке у красных боеприпасов и медикаментов, всё-таки ожидал капитуляции красноармейцев и продолжал с ними переговоры до 18 числа. А красноармейцы сумели укрепить свои позиции непробиваемым для пуль кизяком и соорудили из него брустверы. Рано утром 15 февраля пепеляевцы начали штурм, но отряд Stroda отразил его пулемётным огнём. Потеряв более 150 человек убитыми и ранеными, тем не менее Пепеляев решил не снимать осады, вынуждая красных сдаваться из-за неизбежного голода. Пепеляев не желал сохранять у себя в тылу такой крупный отряд, оставив в Амге лишь 120 человек.

Была ещё одна штурмовая атака, но Строд с помощью пулемётов и большого числа осветительных ракет снова отразил её. К этому времени отряд Stroda потерял 63 человек убитыми и 96 ранеными, бойцы питались только мясом трупов лошадей, служивших одновременно

бруствером. И всё же красный отряд выдержал 18-дневную осаду до 3 марта 1923 г., оттянул на себя главные силы Пепеляева, не дав ему развернуть наступление на Якутск.

Уже во время «ледяной осады» в штаб дружины стали поступать сведения, не вселявшие оптимизма. Во-первых, красная армия в октябре 1922 г. заняла Владивосток, а в декабре — Петропавловск-Камчатский. Во-вторых, выяснилось, что с момента объявления Якутской АССР симпатии якутской интеллигенции стали переходить к интернационалистам-большевикам, которые обещали «светлое будущее» малым народам, ранее угнетённым «царизмом». После объявленной амнистии для восставших из их числа для борьбы с дружиной были сформированы якутские «народно-революционные отряды». И в-третьих, красный командир Байкалов, собрав сильную группировку войск, начал 21 февраля 1923 г. контрнаступление на амгинском направлении. Всё это не могло не сказаться на боевом духе дружины.

Рано утром 2 марта под прикрытием густого тумана более 600 красноармейцев при поддержке двух орудий пошли на штурм Амги. Гарнизон из 150 добровольцев отчаянно сопротивлялся, но к полудню всё было кончено. Трофеями большевиков стала вся оперативная переписка штаба дружины, главный провиантский и интендантский склад, госпиталь с 70 ранеными добровольцами и 80 пленными офицерами. При этом были освобождены все попавшие в плен красноармейцы. Была захвачена вся верхушка «Гражданского управления» во главе с Куликовским, который покончил жизнь самоубийством.

Это поражение заставило генерала Пепеляева отступить к 8 апреля в Нелькан, а к 1 мая на побережье в Аян. Отряд Ракитина отошёл за это время к Охотску. Части красной армии не решились повторить переход Пепеляева и повернули назад. Эти боевые действия стоили дружине более 370 человек убитыми, ранеными и пленными.

Эвакуация дружины за границу была возможна лишь морским путём с открытием навигации по Охотскому морю. Генерал-майора Вишневого командировали в Охотск для сбора у якутских купцов пушнины и золота на 250 тысяч рублей, необходимых для фрахта судна. К командующему Сибирской флотилией контр-адмиралу Георгию Старку в Шанхай был послан курьер с просьбой направить корабль для эвакуации дружины. Одновременно с этим, не желая снова оказаться в западне, генерал Пепеляев приказал построить рыбацкие баркасы — кунгасы, чтобы летом по чистой воде уйти на Сахалин, который в то время был оккупирован Японией.

Но курьер был перехвачен отрядом ОГПУ на советско-китайской границе и командующему 5-й армией Уборевичу стало известно о планируемой эвакуации. Была организована Охот-

На освящении и открытии памятника Пепеляевым в Томске

ско-Аянская экспедиция красной армии для разгрома остатков войск генерала Пепеляева. Возглавил экспедицию заместитель Уборевича по особым поручениям, «мастер внезапных ударов», краском С. Вострецов. Причём особо оговаривалась необходимость захвата пепеляевского золота и пушнины.

26 апреля экспедиционный отряд 5-й армии (800 красноармейцев из состава 2-го Нерчинского полка) отплыл из Владивостока на двух вооружённых судах. Весь май корабли простояли затёртые льдами и лишь в конце мая двинулись на северо-запад. Как только море очистилось ото льда, с судов в 30 км западнее Охотска высадился десант и внезапным ударом утром 5 июня захватил город. 78 офицеров-добровольцев попали в плен, а командир охотского отряда генерал-майор Ракитин застрелился. Добровольцы готовились отражать десант прямо в портах, но не ожидали нападения с суши и тем более такого раннего прихода судов.

Вострецов 14 июня высадил десант (476 человек) в устье реки Алдомы в 80 км западнее Аяна. Делая 25-километровые переходы в день по бездорожью и сопкам, отряд незаметно подошёл к городу. Рано утром 17 июня, воспользовавшись утренним туманом, красноармейцы просочились в город, окружили дома, землянки и палатки без единого выстрела. Пепеляев обратился к своей дружине в последний раз: «Вся советская Россия объединена, прибыла регулярная армия, которой мы взяты в плен. Надеюсь, что вы выполните мою последнюю просьбу и, не разсмотревшие в глаза смерти, во избежание на-

прасного кровопролития сложите оружие. Я готов предстать перед судом и благодарю Бога, что всё обошлось без пролития братской крови».

Это были последние регулярные белые части на территории только что образованного СССР. Всего в плен сдалось 356 человек, в основном офицеров, которые 24 июня отплыли вместе с экспедиционным отрядом Вострецова во Владивосток. Несколько десятков добровольцев во главе с генерал-майором Вишневым были спасены японскими рыбаками. Впоследствии он написал об этом книгу «Аргонавты белой мечты». Другая часть рассеялась по якутской тайге и ещё не раз принимала участие в антисоветских восстаниях (Тунгусском восстании 1924–1925 гг., восстании конфедералистов 1927–1928 гг.).

Из рядовых добровольцев, участников похода 162 человека подвергнуты административной ссылке, 78 человек во главе с Пепеляевым были отданы под суд военного трибунала 5-й армии в Чите. Сам Пепеляев и его ближайшие соратники в числе 26 человек были приговорены к расстрелу, но по окончании гражданской войны большевики, пытаясь агитировать белоэмигрантов за возвращение на Родину, заменили расстрел десятью годами лишения свободы. Он отбывал наказание в Ярославском политизоляторе, где овладел специальностью столяра-краснодеревщика.

В 1933 г. заканчивался срок приговора, но Пепеляеву добавляли ещё по одному году отсидки до трёх раз. В августе 1936 г. его выпустили, однако без права проживания в ряде городов и местностей, указанных НКВД. Он поселился

в Воронеже, где устроился столяром, позднее был помощником начальника конного депо Воронежторга. Но в августе 1937 г. его снова арестовали, в стране шла массовая кампания по искоренению остатков «враждебных классов». Пепеляев был доставлен в Новосибирск, он обвинялся в «контрреволюционной кадетско-монархической деятельности». Тройка УНКВД по Новосибирской области приговорила его к расстрелу, и 14 января 1938 г. приговор был приведён в исполнение. Его противник И. Строд по злой иронии судьбы был расстрелян в феврале 1938 г. Советская власть подвергла репрессиям жену и обоих сыновей Пепеляева, когда в августе 1945 г. красная армия заняла Харбин.

20 октября 1989 г. по инициативе сибирских патриотов прокуратура Новосибирской области реабилитировала Пепеляева. В Томске на кладбище Бактин в 2011 г. был торжественно открыт памятник самому молодому и популярному в Сибири генералу гражданской войны Анатолию Пепеляеву и его отцу генерал-губернатору Томска Николаю Пепеляеву. Вечная им память!

Единственные сохранившиеся три стихотворения генерала Пепеляева Анатолия Николаевича. Все они написаны в 1923 году, в Якутии. В последствии были обнаружены в материалах уголовного дела.

БРАТЬЯМ-ДОБРОВОЛЬЦАМ СИБИРСКОЙ ДРУЖИНЫ

Не на радость, на подвиг тяжёлый мы шли,
От людей мы не ждали награды.
На пути разрушая преграды,
Крёстный путь мы свершили одни.

По болотам, лесам, по оленьим тропам,
Высоко поднимаясь в горы,
Через овраги, ущелья, загоры
Смело шли мы навстречу врагам.

И осенней порой чрез хребет Становой,
Далеко растянувшись по скалам,
По лесистым крутым перевалам
Перешли мы Джугджур снеговой.

Внук Пепеляева Виктор Лаврович при открытии памятника деду и прадеду в Томске

Летний зной нас палил, дождь осенний мочил
И морозила зимняя вьюга.
По дремучей тайге, завывая в пурге,
Отрывая ряды друг от друга,
Шёл дружинный отряд, не страшася преград,
С твёрдой верою в правду и в Бога,
Нёс идею свою и в суровом краю
Проложил он к народу дорогу.

ПАМЯТИ П. А. КУЛИКОВСКОГО

В тяжёлой борьбе за свободу народную
Ты пал одиноко, сражённый судьбой,
Тебе не увидать Россию свободною,
Оставил её ты покорной рабой.

Всю жизнь ты боролся за счастье народное
И сил не берёг ты в неравной борьбе.
Томилося сердце твоё благородное
То в ссылке далёкой, то в мрачной тюрьме.

Но волю сберёг ты среди испытаний,
Её не сломили тюрьма и острог,
В годину тяжёлых народных страданий
Ты праздным остаться не мог.

И вновь за свободу, за правду святую
Пришёл ты бороться с обманом и злом,
С дружиною нёс ты страду боевую
И болен ты был, и врагами пленён.

Враг в злобе коварной придумывал муки,
Мольбе о пощаде заранее рад.
Ты сам наложил на себя свои руки
И в сердце горячее принял ты яд.

Ты умер, и сердце твоё уж не бьётся,
Но память о жизни твоей не умрёт,
И время придёт, и Россия проснётся,
Про жизнь твою громко расскажет народ.

*Использована в сокращении
и с небольшими добавлениями
статья Евгения Музрукова*

Дом на Кузнецова, 18 (Томск), в котором в конце XIX века жила семья Пепеляевых. Глава семьи генерал-лейтенант Николай Михайлович Пепеляев командовал 42-м томским стрелковым полком

Памяти атамана

От редакции журнала

19 августа 2019 г. в возрасте 69-ти лет ушёл из жизни наш земляк — Анатолий Иванович Острягин, родился в феврале 1950 года в Кемеровской области. А с 18 лет Анатолий Иванович начал свою трудовую деятельность. Прошёл путь от рулевого моториста Моряковской эксплуатационной базы Томской области до первого заместителя губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа. В начале 80-х работал заместителем начальника Таркосалинской нефтегазоразведочной экспедиции. В 1996 году возглавил компанию «Пурнефтегазгеология». Являясь потомственным сибирским казаком, Анатолий Иванович занимал должность атамана Сибирского войскового казачьего общества. Указом президента РФ ему присвоили чин казачий генерал. Большую часть своей трудовой биографии Анатолий Острягин посвятил становлению Ямала. С 2001 по 2005 годы он занимал пост главы Пуровского района. Немало было сделано Анатолием Ивановичем и в Тарко-Сале. При его непосредственном участии в райцентре строились понтонная переправа, средняя школа № 2, терапевтический корпус Центральной районной больницы, здание военного комиссариата, православный храм, аэропорт, а также реконструировали детский сад «Солнышко». Но кроме этого, Анатолий Иванович занимался журналистикой. К его перу принадлежат исторические очерки и статьи посвящённые Российскому казачеству. Сохранилось обращение Анатолия Ивановича к Сибирским казакам, которое и до сих пор не потеряло своей актуальности и значимости. Данное обращение мы предлагаем вниманию наших читателей. Память о Сибирском казаке и генерале Анатолии Ивановиче Острягине навеки остаётся в наших сердцах. Вечная ему память!

Обращение атамана Анатолия Ивановича Острягина к Сибирским казакам

БРАТЯ КАЗАКИ!

Какими бы путями в дальнейшем не развивалось Российское казачество вопросы самоидентификации для самих казаков будут оставаться одними из самых важных, а острота их напрямую будет зависеть от того, насколько велико будет стремление враждебных ему сил размыть его этнические корни.

Современное казачье движение поднялось и окрепло на глубоких исторических корнях, на обычаях и традициях, в основе которых лежит служение государству, его крепости, величию и спокойствию его народа. Военизированный, напряжённый быт пронизывал все сферы жизни казаков. Он сформировал особое социально-психологическое состояние большого слоя людей, сплочённых единством целей и задач, возникших в условиях постоянной опасности.

В развитии Сибирского казачества как этноисторического явления выделяются не только восточнославянские, но и евразийские аспекты в связи с тем, что оно веками существовало как «буферная» зона между государственными образованиями Европы и Азии, превратив его культуру в уникальный сплав таких черт и ценностных ориентаций, который в течение четырёх веков обеспечивал ему жизнеспособность и было социально востребовано, несмотря на тяжёлые испытания и лишения.

Чем больше развивается казачье движение, тем всё более к нему пристраивается великое

множество различных политических и идеологических групп. Высокий авторитет казаков среди народа, велик и соблазн найти им своё пристанище под сенью казачьей славы. Они не нуждаются в знании истории, обычаев, традиций и заповедей народа. Каждый из них навязывает нам свои доктрины, стремится увести от основных устоев, вплоть до отказа от православного вероисповедования и Христова учения. Это опасный и точно рассчитанный натиск разрушителей казачества, в основе которого лежит глубокий исторический опыт, составляющий его сущностные силы.

Казачество легко воспринимало и усваивало лучшие этнокультурные традиции сопредельных народов, оставаясь при этом самостоятельной общностью. Именно это качество сибирских казаков преследует цель дать новую жизнь душе и памяти народа, наполнявшую внутренним смыслом его размеренную жизнь, протекавшую согласно мудрым установлениям, выработанным службой, трудовой жизнью, общением с природой и почитанием заветов предков.

Так будем же оставаться казаками до своего последнего часа, хранить в душе верность и любовь к Богу и своему земному Отечеству! Наша с вами задача сохранить и преумножить наше казачье наследие, предав ему силу идущих на смену нам новых поколений!

*Депутат Государственной Думы
Российской Федерации
почётный Атаман войскового
казачьего общества
«Сибирское казачье войско»
А. И. Острягин*

Пророческие слова протоиерея Василия Ермакова,

почившего о Господе 3 февраля 2007 года

Смотри: вера станет открытой, доступной всем; никого за неё не будут гнать или притеснять. Очень много случайного народа придёт в Церковь, в том числе и в духовенство. Так всегда было в дни благополучные, ещё со времени Константина Святого. Многие из-за денег придут в храм, многие из тщеславия, из-за карьеры и власти. Ты, глядя на это, не искушайся и терпи. Ищи храм победнее и подальше от центральных площадей. Священника ищи смиренного и простого в вере, потому что «умных» и циничных и теперь развелось много, а смиренных и простых в вере не осталось почти никого.

Многие думают, что у священника перед мирянами есть какая-то привилегия или особая благодать. Печально, но так считает большинство духовенства. Я же тебе так скажу: у священника есть одна привилегия — быть слугой каждому встречному 24 часа в сутки всю оставшуюся жизнь. Бог не даёт нам выходных и отпусков. У тебя нет настроения, всё равно — иди и служи. У тебя болят ноги или спина, — иди и служи. У тебя в семье проблемы, но ты всё равно — иди и служи! Этого требует от нас Господь и Евангелие. Если нет такого настроения — всю свою жизнь положить на служение людям — то займись чем-нибудь другим, не дерзай принимать на себя иго Христово.

А сейчас такое время, что многие идут служить в храм из-за корысти. Так было и до революции, об этом говорил (или кричал даже) отец Иоанн Кронштадтский. Ведь в нашей русской катастрофе XX века вина духовенства очень велика...

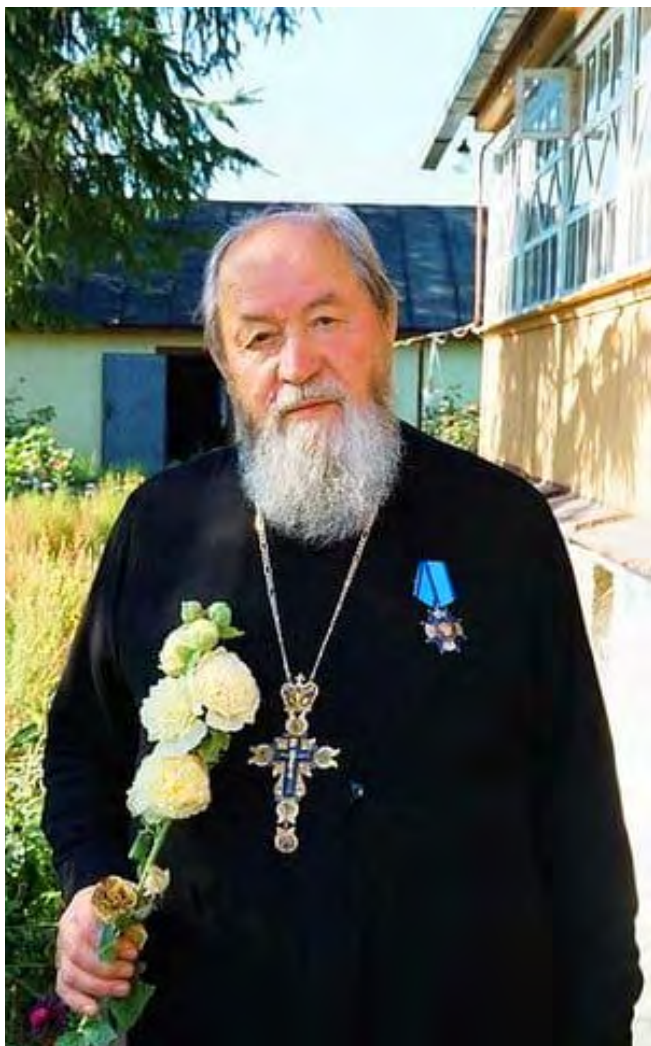
И я понимаю это, но не завидую тем, кто пришёл в Церковь в наши дни. Очень много соблазнов, и очень мало опытных духовников, и их становится всё меньше. Вот смотри, в Печорах:

уйдут отец Иоанн, отец Феофан, другие старцы, кто придёт им на смену?.. Правильно — никто. А ведь духовная жизнь — это путь в тёмном подземелье. Здесь очень много острых углов и глубоких ям. Здесь важно, чтобы многоопытный проводник вёл тебя за ручку, иначе упадёшь-пропадёшь, сам не вылезешь...

Нам говорят: мало образованных христиан. А что такое образование по-христиански? Это совсем не то, чем образование в институтах или академиях. Это когда после трудов поста, смирения и молитвы Дух Святой поселяется в человеческом сердце и ОБРАЗУЕТ новое существо...

Помни это...

Хуже всего, когда христианин превозносится в своём сердце над другим человеком, считает себя умнее, праведнее, лучше. Тайна спасения заключается в том, чтобы считать себя хуже, недостойнее всякой твари. Когда живёт в тебе Дух Святой, то ты познаёшь свою малость и некрасивость и видишь, что даже самый лютый грешник лучше тебя. Если ты ставишь себя выше другого человека, значит, в тебе нет Духа, и нужно ещё много работать над собой. Но самоуничужение — это тоже плохо. Христианин должен идти по жизни с осознанием своего до-

стоинства, потому что он — жилище Святого Духа. Апостол так и говорит: «Вы — церкви Живого Бога». И если ты раболепствуешь перед людьми, то ещё далёк от того, чтобы стать таким храмом.

А вообще, нам нужно только искренне, от всего сердца и всей души молиться. Молитва привлекает Дух, а Дух убирает из тебя всё лишнее, безобразное, и учит, как нужно жить и как вести себя...

Нам кажется, что мы — самые несчастные на земле. Мы и бедные, и больные, и никто нас не любит, и везде нам не везёт, и весь мир ополчился на нас. Послушаешь иногда человека и кажется, что перед тобой Иов многострадальный. А посмотришь на него — красивый, румяный, хорошо одетый.

Почему мы преувеличиваем свои несчастья и беды? Может, потому что недостаточно страдаем? Ведь посмотри: по-настоящему больные люди не выказывают свою болезнь, не ноют. Они несут свой крест молчаливо, до самого конца. Вот здесь, в Печорах, была схимница, она всю жизнь провела в скрюченном состоянии, и кто-то слышал от неё жалобы? — нет! Наоборот, люди приезжали к ней за утешением.

Люди жалуются, потому что считают, что должны быть довольны и счастливы здесь, на этой земле. Они не верят в вечную жизнь, в вечное блаженство, а поэтому хотят насытиться счастьем здесь. И если что-то малое мешает этому счастью, они кричат: как нам плохо, хуже всех на земле!..

Не ищи довольства здесь. Это, конечно, трудно усваивается, но полюби боль и страдание, полюби своё «несчастье». Пожелай Царства Божия паче всего, тогда вкусишь свет, тогда всё сладкое здесь покажется горькой полыньёю. Помни: на земле мы живём всего одно мгновение — сегодня родился, а завтра уже могилу роют. А в Царстве Божием будем жить бесконечные веки. Боль, если сильная, то короткая, а если долгая — то можно терпеть. Потерпи немного здесь, чтобы вкусить радость вечную там...

Помнишь слова апостола: «Лучше бы вы не крестились...»? Это — страшные слова, которые во многом относятся к нам. Почему? Потому что внешне мы принимаем православные обряды, а внутри остаёмся теми же, что были до крещения или обращения — завидуем, обманываем, испытываем к ближним неприязнь, осуждаем, а самое главное, наше сердце ещё не отлепилось от сего мира и не прилепилось ко Господу. Мы верим своей алчности, а не Богу; мы верим своим похотям, а не заповедям Господним. Мы знаем то, что от плоти, что можно потрогать, увидеть обычными глазами, а то, что от Духа, мы, как слепоглухие, не разумеем. А ведь без этого христианство не имеет никакого смысла.

Мы, лукавые, пытаемся приспособить христианство к этому миру, чтобы наша вера была служанкой нашей обыденной жизни, чтобы нам было удобно и комфортно. А ведь жизнь духовная — это тесный и неудобный путь. Здесь, извини, нужно с себя шкурку содрать, и не одну, потому что грех пророс в наше естество, и божественное стало для нас противоестественным. Поэтому и нужен крест, каждому нужна своя Голгофа, чтобы умереть в страданиях греха и воскреснуть в радости духа. Это, конечно, не значит, что нужно себя истязать.

Нужно принимать все скорби и болезни, которые обрушиваются на тебя, с благодарностью, а не с ропотом. Если жизнь бьёт, значит, Господь не забыл про тебя; значит, ты стал, как раскалённое железо под ударами молота. Если увильнёшь от ударов, то останешься бесформенным куском металла, а если потерпишь — будешь дивным произведением Божиих рук.

**Протоиерей
Василий Ермаков
Записали Марк Сагадатов
и Роман Хабибуллин**

Гребенские казаки Федюшкины и истоки их вайнахского происхождения

«Водитель автобуса родом из станицы Червленной, долго ездил по маршруту Грозный-Шатой, и говорил пассажирам. — Мои предки, из Варанды! Когда мне захотелось докопаться до истины, от своих стариков я узнал, что не весь род Варандо имеет червленские корни, а наоборот, два брата не желая быть мусульманами, переселись (время неизвестно) к казакам за Терек, и их потомки стали гребенскими казаками. Что это правда, несомненно, ибо наши старики, ни за что не признали бы, если этот факт не имел место быть!».

Мусса Солсаев

Разговоры о вайнахском происхождении гребенских казаков, если не всех, то некой их части, с намёком на тех, чьи предки упоминаются в исторических документах как минимум с XVIII века, достаточно часто является предметом обсуждения и, не только в научных кругах. Как правило, подобные разговоры происходят с намёком на 60-е — 80-е годы XVIII века, когда чеченцы стали постепенно принимать ислам, и некая их часть, или отдельные представители, дабы сохранить Веру предков уходила на жительство к своим единоверцам казакам. Оставаясь на постоянное место жительство в казачьих станицах, эти чеченцы стали основателями отдельных казачьих родов. Вот только каких именно казачьих родов (?), на этот вопрос пока ответить никто не может! То, что мне приходилось читать на эту тему, откровенно говоря, не убеждает в достоверности этой версии (массовом оказачивании чеченцев) из-за отсутствия ссылок, на исторические документы, подтверждающие данную точку зрения. Мне приходилось слышать от представителей гребенских казачьих родов **Бабсковых, Максимовых, Мишуточкиных, Пронькиных**, дескать, согласно семейных преданий, у них в роду была женщина горянка, ставшая женой одного из их предков. Вот только кого именно (т. е. в каком колене), как её звали, как сложилась судьба этой женщины, никто пояснить не смог.

Испытывая большой интерес к истории Кавказского линейного казачества, главным

образом, к казакам, проживавшим в станицах расположенных в среднем и нижнем течении Терека, и просматривая послужные списки на урядников и офицеров линейных казачьих полков, специально обращал внимание на сведения об их жёнах, и ни у кого не встретил записи, что его жена «*дочь затерченного узденя ...*» или «*аульского старшины...*», как это записано в послужных списках горцев. Как правило, у всех казаков жёны были местные казачки, за не большим исключением, они были дочерьми священников, мещан, и представителей прочих социальных категорий граждан той поры. В общей сложности, я просмотрел около 500 данных на урядников и 300 на офицеров, служивших в Гребенском, Моздокском, Кизлярском и Сунженских полках. Все казаки родились и несли службу в 1-й половине XIX века, часто ходили в походы в горы, принимали активное участие в захвате многих аулов, и при желании, вполне могли привезти себе жену горянку, но, ничего подобного в этих послужных списках мною не обнаружено. В переписных листах «Всероссийской переписи населения Российской Империи» проведённой в 1897 году, по станице Червленной, занимавшей 3-е место по численности в Терском Казачьем Войске, указано лишь 2 казака, чьи жёны были горянки, из числа взятых в плен, по станице Щедринской, таких семей не оказалось вовсе. Сама «Перепись ...» представляет собой очень ценный документальный материал по генеалогии гребенских казаков, охватывающей полностью

всю 2-ю половину XIX века, и даже частично его 2-ю четверть. Можно уверенно утверждать, что начиная с XIX века, случаев межнациональных браков в казачьих станицах, практически не было, а если и были, то крайне незначительны, поскольку, по известным причинам, количество женщин у казаков, всегда было больше количества мужчин.

Наличие женщин горянок в казачьих общинах, это тема отдельного разговора, тем более учитывая, что женщина не могла стать родоначальницей казачьего рода. Другое дело горцы мужчины, которые в силу различных причин добровольно уходили (?) из родных аулов в казачьи станицы. Этот вопрос тоже излишне мифологизирован вплоть до абсурда. Самой популярной версией, выдаваемой как чеченское предание,

часто фигурируют некий чеченец Дуба, основал станицу Дубовскую, а чеченец Пята якобы был основателем города Пятигорска?! Кроме этих 2-х персонажей, иногда всплывает ещё некий Орза, ему приписывают основание станицы Червленной, которую чеченцы называют Орза-Кала, в память об этом мифическом или полумифическом соплеменнике. Такие методичные «исторические» вбросы, вызывают, мягко говоря, удивление, учитывая, что история основания русских поселений, крепостей и городов на Кавказе хорошо задокументирована, вплоть до того, что сохранились планы некоторых из них. Вероятно, те псевдоисторики и их сторонники, кто тиражирует подобные мифы, надеются представить своих дальних предков исключительно с положительной стороны. Задача этих авторов,

представить Орза, Пята и Дуба, людьми образованными для того времени, пользовавшихся авторитетом и уважением среди своих соседей, которые приглашали их на руководящие должности в своих общинах, и при активном их участии основывали новые города и станицы?! Подобные утверждения вообще сложно комментировать с логической точки зрения, зная каков был «уровень образования» вайнахов того времени, архитектуру их поселений, быт, образ жизни и многое другое, что имеет резкий контраст с русскими людьми и их культурным развитием.

Так откуда взялась основа для утверждений, о вайнахских корнях некоторых гребенских казачьих родов? В 1870 году **Иван Попов**, записал у стариков Гуноя сведения об истории взаимоотношений, и родстве гунийцев с казаками станицы Червленная. *«Были ли мы когда-нибудь христианами, или нет,*

Г.Г. Гагарин. Портрет казака Федюшкина с женой. Бумага, акварель. 1840–50-е гг. Дагестанский художественный музей им. Гамзатовой

Г.Г. Гагарин. Портрет Аксиньи Федюшкиной. Бумага, акварель, белила. 1840–50-е гг. Государственный Русский музей, СПб.

не знаем, но знаем, что ислам мы приняли от шейха Берсана, сына женщины из нашего аула вышедшей замуж за курчалинца, жившего в ауле Курчалой. Считая родоначальником своим Гундала, мы со временем размножились и, терпя недостаток в земле, некоторые из нашего аула перешли из Ичкерии в Чечню и основали аул Алды (Бугун-Юрт) Живя в этом ауле, два молодых человека нашей фамилии поссорились между собой, вследствие чего один был убит. Убийца, избегая мщения родственников убитого, убежал в станицу Червленную, где поселился между казаками. Это было 100 лет тому назад. Убежавший, не имея желанья возвращаться на родину, принял христианство и женился на русской женщине, от неё он имел 7 сыновей, которые уже считали своей, Червленную станицу, остались в ней жить навсегда, иссовав с молоком матери привычки, образ жизни и убеждения гребенцов. Гуноевцы добавляют, что количество потомков этого беглеца, в настоящее время можно полагать на половину числа казаков, живущих в станице».

Из рассказа следует, что чеченец из Гунной, ушёл жить к гребенским казакам пример в 1770 году, и у него в станице было 7 сыновей.

Г.Г. Гагарин. Портрет казака Федюшкина. Бумага, акварель, белила. 1840–50-е гг. Государственный Русский музей, СПб.

Немаловажный момент, который обращает на себя внимание «... количество потомков этого беглеца, в настоящее время можно полагать на половину числа казаков, живущих в станице». Фраза «половина станицы» наводит на мысль, что это был многочисленный казачий род! В станице Червленной самый многочисленный, это род казаков Рогожиных, которые, согласно семейного предания, происходили от крещёного калмыка. Другой многочисленный род, несколько уступавший по численности Рогожиным, это род Федюшкиных, о происхождении которого, история умалчивает, известно только, что эта фамилия образовалась в память о погибшем казаке Фёдоре, по станичному Федюшке, в далёкой Хиве в 1717 году. Просматривая «Ведомость казаков Гребенского Казачьего Войска станицы Червленной их жён и детей» за 1782 году по станице Червленной, я обратил внимание на казаков Федюшкиных, там оказались 2 самостоятельные ветви этого рода, в каждой по 3 брата. Одна ветвь — Федюшкин **Емельян** — 1747 г. р., Федюшкин **Елисей** — 1756 г. р., Федюшкин **Григорий** — 1771 г. р., другая — Федюшкин **Иван** — 1762 г. р., Федюшкин

Андрей — 1765 г. р. и **Федюшкин Кузьма** — 1774 г. р. Принимая во внимание достоверность этих сведений, видно, что все Федюшкины, родились примерно в середине XVIII века, с 1747 по 1774 год. Всего указано 6 человек, а гуниец, говорил Попову про 7, одного не хватает?! Случайно, мне удалось узнать, что среди чеченских тейпов (родов) есть тейп Сяккой, который по преданию представителей этого тейпа произошёл от гребенского казака Саньки (Александра), из станицы Червленая. Якобы, этот Санька, имел чеченское происхождение, принял христианскую Веру, но из-за какого-то конфликта в станице, покинул её, вновь принял Веру предков, и основал свой, впоследствии независимый тейп! Если принять на веру 2 чеченских предания, Гуноя и Сяккой, и данные переписи казаков станицы Червленая, можно предположить, что именно казаки Федюшкины, имеют вайнахское происхождение.

Но, возникает вопрос, каким образом, и почему, беглый чеченец, получил фамилию Федюшкин? Предание Гуноя утверждает, что беглый гуниец принял христианскую Веру *«Убежавший, не имея желаний возвращаться на родину, принял христианство и, женился на русской женщине...»*. Понятно, что после обряда крещения, он, получил христианское имя, а фамилию, новокрещенный, вероятно, получил от своего восприемника (крестного отца), который вполне мог носить фамилию — Федюшкин! Других вариантов нет. Учитывая, что в 2-х родовых ветвях Федюшкиных указанных в переписи по станице Червленая за 1802 год, нет сведений об отцах родных братьев, можно полагать, что одна из этих ветвей имеет славянские корни, которая как раз дала свою фамилию гунийской ветви.

Следует обратить внимание, что кроме Червленной, казаки Федюшкины проживали и в Ново-Гладковской станице, а имеют ли они, родство с червленскими, это пока не установлено!

Можно предположить, что гребенские казаки Федюшкины, в середине XVIII века получил побочную ветвь от крещёного гунийца, которая со временем стала самой многочисленной в станице Червленной, по переписи 1897 года, описано 11 ветвей этого рода, из которых прослеживается 4 ветви имеющие общего предка. В станице Червленной, казаки одной фамилии делились (непроизвольно) на несколько родов, которые различали друг друга по станичным прозвищам. Например, Федюшкины имели прозвища: Богатые, Буруносы, Тавлины, Полфунтики, Сапожки, Сахарята и другие. Можно утверждать, что Федюшкины, один из самых заслуженных и уважаемых родов не только в станице Червленной, но и в Терском Казачьем Войске. Представители этого рода дали Русской Императорской армии

16 офицеров, из которых 3 генерала, самым известным был генерал-майор **Федюшкин Федул Филиппович**, о котором осталось немало воспоминаний его современников, а также его внучатые племянники генерал-майоры **Василий Кузьмич** и **Иван Кузьмич Федюшкины**. К ним можно добавить генерал-майора **Филиппова Петра Григорьевича**, чья мама была дочерью зауряд-хорунжего **Федюшкина Федота Филипповича**, и полковника Фролова Ивана Ефимовича, женатого на дочери младшего брата упомянутого Федула, полковника **Федюшкина Нестора Филипповича**. По обнаруженным документам установлено, что в Императорском конвое служили следующие представители рода Федюшкиных, это Федюшкин Нестор Филиппович, Федюшкин Василий Кузьмич, Федюшкин Андрей Кондратьевич, Федюшкин Анатолий Семёнович, Федюшкин Антон Филиппович.

С установлением Советской власти, и упразднением казачества как класса, расказаченные но, не упавшие духом Федюшкиных продолжили служить Родине. Уже в новую историческую эпоху среди них появилось немало достойных офицеров, среди которых самых высоких званий достигли генерал-лейтенант **Федюшкин Николай Николаевич** и кавалер ордена Ленина капитан 1-го ранга **Федюшкин Юрий Михайлович** (на фото внизу).

В связи с исходом гребенских казаков со своей малой родины в 90-х годах прошлого столетия, представители этого многочисленного и заслуженного рода оказались рассеяны по всей территории России, а также ближнего и дальнего зарубежья. По этой причине не представляется возможным собрать подробную информацию об их боевых и трудовых заслугах на благо Отечества.

В заключении, раз невольно пришлось упомянуть про трагические события 90-х годов на территории бывшей ЧИАССР, следует сказать, что в этот период, по разным данным, грабежу и насилию подверглось не менее 70 казаков станицы Червленая, в том числе и Федюшкины. Эти события, предмет отдельного и очень тщательного исследования, не буду отвлекаться по этому поводу, лишь приведу слова станичника, который в своей эмоциональной речи, затрагивает и обсуждаемую выше тему.

«Мои предки из станицы Червленной. Сам я жил в детстве в этой станице. И я многое знаю. Никакого преобладания чеченцев среди предков гребенских казаков в этой станице не было. Никакого массового переселения целыми тейпами чеченцев в станицу не было. Длительное время шла Кавказская война. Сами чеченцы говорят о 400-летней войне с Россией, и это недалеко от истины. Всё это не способствовало установлению доверия между казаками и чеченцами. Почти никто из казаков не знал чеченского языка. В лучшем случае знали несколько слов. Зато все казаки говорили на русском, своём родном языке. Если бы там было много потомков чеченских переселенцев, то они бы знали чеченский язык. Я, не знал ни одного коренного станичника, который бы считал себя чеченцем или потомком чеченцев. Не слышал в подтверждение тейповских чеченских корней казаков никакого устного предания.»

Чеченцы стали поселяться в станице с 1957 года, после присоединения казачьего левобережья к Чечне, никогда до этого ей не принадлежавшего. В подтверждение моих доводов и этническая чистка в станице, которая началась со времён Дудаева. Сотни человек, русских по национальности, казаков по происхождению, в станице было убито и ограблено, женщины изнасилованы, тысячи уехали, вынужденно продав по дешёвке или бросив жильё. Ничего подобного сами чеченцы не испытали. К своим бы чеченцы так не относились».

Андрей Петров
г. Самара

В сентябре этого года мне представилось возможным ознакомиться и прочесть книгу Петрова А. В. посвящённую участию казаков Гребенского казачьего полка в боевых действиях против горцев в годы Кавказской войны 18 века. В следующем году исполняется 155 лет окончанию этой тяжёлой и кровавой войны, растянувшейся на целые десятилетия.

Эта книга явилась многолетним исследованием тех событий и затрагивает практически все исторические периоды, как самой военной компании, так и в жизни казаков и горцев. Петров озвучивает множество новых исторических фактов, ранее неизвестных как учёным — казачоведам так и историкам изучающим политику Российской империи того времени. В ней очень подробно даётся анализ событий, в которых описаны как культура, и быт самих казаков так и горских народов.

Книга очень интересна и выполнена на высоком профессиональном уровне во всех отношениях, легко читаема и прекрасно иллюстрирована. И хотя стоит она по нынешним временам не совсем дёшево, но как говорится «оно того стоило» поскольку заслуживает к себе самого пристального внимания!

По имеющейся в низу ссылке можно приобрести эту книгу по почте. Так же вы можете напрямую связаться с автором этой книги и получить всю интересующую вас информацию. Петров Андрей (электронная почта): grp150let@mail.ru.

Гл. редактор журнала
Алексей Сафронов

На Святом Белогорье 12 июля престольный праздник отмечает село Погромец

Начало слободе Погромец было положено известным сподвижником Петра I князем Александром Даниловичем Меньшиковым. В 1710 году им были захвачены земли по среднему Осколу и поселена слобода Погромец. Население составилось из разного рода беглецов из Украины, а также из насильно пригнанных людей. В их числе было небольшое количество шведов, взятых в плен после победы русских под Полтавой.

«**К**нига большому чертежу», составленная в 1627 году, давая краткие маршрутные сведения об Изюмском шляхе, упоминает местность, где почти через 100 лет была основана слобода: «А против Волчьих вод, с левой стороны Изюмской дороги, Разгромный колодец (ручей) пал в Оскол. Позже этот ручей стали называть Погромецем. Поселившаяся слобода

стала называться Петровской (по церкви), Погромцем тож».

В красавце-храме, встречающем гостей ещё при пересечении моста через реку Оскол, вот уже более **шести лет** служит отец **Александр Волков**. К большому сожалению прихожан, многие отреставрированные храмы открываются только по большим праздникам, и служит там священник из другого прихода. А ведь, как известно, с церкви начинается село, а батюшка — отражение прихода. Как сказал сам отец Александр, церковь должна быть разносторонней:

«Наш храм является войсковым (сотрудничает с казачьими организациями), а также регулярно проводит работу с детьми. Люди должны сначала поверить тебе и поверить в себя...»

И поверили. В храме исповедуют и причащают, крестят детей, венчают, отпевают, идут крестным ходом. А в престольный праздник **Святых равноапостольных Петра и Павла** сюда съезжается всё духовенство района, чтобы отслужить праздничную службу всем вместе.

12 июля 2020 г. в селе Погромец Волоконовского благочиния в храме во имя Святых перво-

верховных апостолов Петра и Павла вновь состоялся престольный праздник. Настоятелю храма иерею Александру Волкову в соборном богослужении сослужили настоятель храма Рождества Пресвятой Богородицы иерей Николай Хисматов и настоятель храма Святой Живоначальной Троицы иерей Вячеслав Иванов.

На Божественной Литургии присутствовали прихожане и казаки с других приходов Валуйской и Алексеевской епархии. За порядком во время праздника следили казаки Погоромского хуторского казачества Волоконовского благочиния.

После Божественной литургии, настоятель храма поблагодарил присутствующих за совместную молитву и поздравил всех с престоль-

ным праздником Святых **равноапостольных** Петра и Павла.

Продолжилось святое дело молебном возле Петропавловского храма, настоятель которого иерей Александр Волков является казачьим духовником и несёт послушание помощника благочинного по работе с казачьими обществами. **Духовенство и казачество совершили водосвятный молебен и крестный ход** вокруг храма. Казаки несли фонарь, Крест, иконы, хоругви и казачьи флаги МКЦ и ВВД, за ними шли прихожане и гости праздника.

В проведении праздника активно приняли участие, приглашённые настоятелем и старейшиной терцев на Святом Белогорье Валерием Николаевичем Голованзюк, казаки Белгородского регионального отделения МКЦ по борьбе с наркоманией и наркобизнесом, во главе с атаманом казачьим полковником А. М. Сердюковым и казаки Белгородского отдела Санкт-Петербургской общественной организации «Возрождение духовного и культурного наследия казачества «Конвой Святого Царя Стратотерпца Николая II» во главе с атаманом Ф. О. Савченко.

День села завершился праздничными трапезой и гуляниями, танцами и казачьими песнями под гармонь.

*Директор Духовной казачьей Библиотеки
на Святом Белогорье
председатель кор. пункта журнала
«Казачье братство» Ф. О. Савченко
«12» июля 2020 года*

От резной лошадки до деревянного зодчества

Детская игрушка во все времена оказывала важное влияние на формирование души ребёнка. Действительно, она воспитывала терпение и осторожность, ловкость и внимание, ребёнок неосознанно получал представление о причинно-следственных отношениях, о сути человеческих отношений, сложном устройстве мира. Игрушка — духовный образ идеальной жизни, идеального мира, она утверждает добро и предопределяет различие добра и зла. Кроме того, игрушка ещё и средство обучения, развлечения и даже лечения.

Тюмень — первый русский город Зауралья, сибирский и купеческий город. Возникший по царскому указу Фёдора Иоановича в 1586 году. Тюмень олицетворяла собою ворота в бескрайнюю и загадочную Сибирь, манящую и таинственную. Из покоя веков, тюменцы славились своими промыслами, один из самых известных и более древних — художественная обработка древесины. Сибирь — «земля лесов», произрастающие здесь хвойные породы древесины, подарили тюменцам, прекрасные, резные избы, наполнили дом бытовыми предметами, домовую утварь и деревянными игрушками. Символ города — кораблик дощаник, не спроста появился в нашей геральдике. Да, Тюмень славилась своими судостроителями, ведь изначально, резьбой по дереву была украшена лодья, а затем только дом. Добрый символ удачи, здоровья и благополучия — «Конь». Конская голова венчала нос корабля, стояла на крыше крестьянской избы, и украшала многие бытовые предметы. Одна из самых известных и любимых игрушек «Солнечный конёк». Лошадка делалась преимущественно ямщицким сословием, для которых, кони были смыслом всей жизни. Ямщицкие семьи были большими и крепкими, а служба была трудная и опасная. По легенде именно в этих семьях родился промысел изготовления «деревянных игрушек». По воспоминаниям старожилов, из-

готовление конька являлось важным и сакральным чудо действием. Мастер делал игрушку с заговорами и молитвами на удачу и здоровье. Являя собой, охранно-обереговый смысл, «Солнечный конёк» раскрашивался тёплыми цветами, олицетворял солнце, приносил здоровье и удачу в каждом добром деле и всегда стоял на страже семьи и дома. Старинный род уральских казаков — сказителей Бахаревых, из которого происходила моя мама, на протяжении веков осваивал необъятные просторы сурового сибирского края. Бахарь по старо-русски означает сказочник. С раннего детства, моя мама слушала от моей бабушки Анны Егоровны Бахаревой и своей прабабушки Мария Дмитриевна Ушаковой, старинные предания, мифы и легенды нашего края. Так из поколения в поколение передавались в нашей семье эти сказания раскрывающие волшебный мир символов, который нас окружает повсюду. Как животворная родни-

ковая вода питает землю, так русская народная игрушка обогащает национальную культуру и искусство. Мир её удивительно многообразен. Здесь живут рядом миф и реальность, традиция и современность, интересы взрослых и детей; в нём своеобразно отражены общественный уклад, быт нравы, окружающая природа, обычаи народа, достижения ремесла и художественного творчества. Не случайно ещё первые исследователи игрушки называли её «зеркалом жизни». Долгое время сохранялись в народной игрушке следы её древнего культового назначения. Погремушки и свистульки отгоняли от ребёнка злых духов, куколки олицетворяли собой плодородие, были залогом семейного счастья. Красный конек-символ солнца, приносил на землю его благодать, птица «отпирала» весну и тёплое лето, сибирский котик, покровительствовал урожаю, охраняя семейные припасы от мышей.

Художественная традиция проявлялась во всём: в постоянстве типов игрушек, их тем и сюжетов, в устойчивости пластических образов и технических приёмов, в повторяемости орнаментов и узоров, а также в бережном отношении мастера к материалу. В прошлом веке многочисленные промыслы деревянной игрушки процветали во многих во многих губерниях. Сибирские города Тюмень и Тобольск, славились этим за-

мечательным промыслом. Были известные мастера, такие как Василий Никитович Привалов создатель артелей художественных резчиков по дереву и Иван Иванович Овешков, который поднял промысел деревянных игрушек в Сибири, в Москве и Подмосковье! Каждая местная школа отличалась своеобразным художественным стилем. Сколько ещё не изученного материала хранят сибирские деревни, тюменская домовая резьба. Интерес к истории у нашей семьи был всегда и поэтому стали по крупицам собирать знания и делиться ими.

В 2010 году, проведя исследование в экспедициях сёл Тобольского и Тюменского районов Тюменской области, мы возродили традиционную сибирскую игрушку «конёк», которая отличается особыми стилистическими признаками. Несколько лет я веду занятия для детей и родителей по изготовлению этой игрушки, которая теперь сохранена и стала известным брендом Тюменской области, не только в России, но и далеко за её пределами. Именно благодаря усилиям нашей мастерской, удалось сохранить традиции уникальной школы деревянной резьбы города Тюмени, глубокий научный подход к сибирскому зодчеству, помог открыть мир символов в домовой резьбе, что позволило раскрыть новые грани богатого потенциала нашего региона.

Знамя атамана Ермака тоже имеет изображение Единорога и Льва стоящих на дыбах.

Тюменская деревянная игрушка «Солнечный конёк», стала лауреатом многих международных конкурсов, получила высокую оценку экспертов на Всемирном конгрессе ЮНЕСКО в Пекине, где признана неотъемлемой частью мировой культуры. И по сей день, юные тюменцы, горожане, и гости города мастерят своими руками игрушку из сибирской сосны и кедра, которая во истину стала общенародным и любимым брендом нашего региона, области, города.

Единороги всегда были любимы и популярны в древней Руси. Ещё предприимчивые Новгородцы в 11 веке привозили с Югры зуб кита Нарвала, выдавая его за рог единорога. Таким образом, Сибирь стала родиной мифологического единорога, который поселился на геральдических щитах, печатях, и в виде росписи и деревянных игрушек в сибирских домах.

Знамя атамана Ермака тоже имеет изображение Единорога и Льва стоящих на дыбах.

Сладкоголосые Сирины, украшали собою крепкие ворота, и по местным повериям охраняли дом от лихих людей. Сохранились изображения Сиринов и на ставнях домов, которые тоже выполняли охранно-обереговую функцию.

Глухая резьба — самая древняя. Выполняется глухая резьба на толстой доске путём углубления фона, высокие подоконные доски тюменских наличников, напоминающие корму старинного корабля Мотивы глухой резьбы очень информативны, напоминающие надутые паруса, ванты, бегущий такелаж,

Работы известного мастера прошлого века
Ивана Овешко

Ямщицкий конёк — друг и помощник человека. Аналогичная находка найдена в деревне Липовка, Яркового района.

поэтому и называлась она в древности «корабельной резьбой» которую принесли в наш край казаки первопроходцы.. Позднее, изображение парусов сменилось занавесками с кистями. Так же, позднее стали встречаться стилизованные изображения солнца, звёзд, а иногда и целые созвездия, которые, когда-то указывали путь неутомимым поморам помогая ориентироваться в северных морях.

Нельзя обойти и наши знаменитые тюменские ковры с головами лошади, которые делали

Гвардеец Сибирского стрелкового полка, находка подарена жителем деревни Каменка. Предположительно артель мастера И. Овешкова

на протяжении веков наши сибирские мастерицы.

Знаменитый ковёр с изображением коней был изготовлен мастерицей из села Кулаково Чумановой (в девичестве Завьяловой) Анастасией Дмитриевной, которая впоследствии переехала в село Каменку, а ковёр был приданным на свадьбу. Так как по традиции, полагалось дарить ковёр с конскими головами для самых близких людей, и подарен он был дочери Анне Степановне Чумановой.

Когда мне было 4 года, я с мамой отдыхал на турбазе Верхний Бор. Там проходил конкурс «Сказки леса»! Я принял участие и сделал композицию про лесовиков из шишек и коры дерева, веток и мха. И, к моему удивлению я был награждён Дипломом 1 степени за свою работу, которую конечно мне помогала немного сделать моя мама. Диплом был очень интересный, красочный, на тканевой основе, которая была

Домик мифического домового-дворового с окраин г. Тюмени. В домике хранились Дары. Дары Домового — дворового, составляли моток красных ниток, как символ богатства, зерно к достатку и монетка на счастье.

Отец Вадим Макарович и сын Святослав Шитовы, передача мастерства от отца к сыну, такие традиции сохраняются по сей день.

Игрушки наших деревень. Аналогичная находка найдена в деревне Одино «Миролюбово». Крылатый конь Пегас — вестник Перуна, сына неба. Дарит отвагу, мужество, бесстрашие в бою

закреплена к фанерке, был нарисован Незнайка с палитрой и красками в руках. Но именно эти первые впечатления, признания меня, как юного мастера отложились на моей дальнейшей жизни! Мои ученики, которых уже более 30 человек, работают на объектах историко-культурного наследия нашей страны! Это и Кижы, Петергоф, Выборг, Храмы Архангельска. И когда я провожу занятия с малышами, я всегда говорю. — Вы сейчас делаете первый шаг в мир мастерства, пройдёт не очень много времени, и Вы будете моими учениками. Своих детей, я начал обучать основам обработки дерева уже с двух лет. Как то в три года мне сын сказал, — папа я твой помощник. В любом возрасте можно приходить к творчеству. Это самый настоящий волшебный Мир, куда мы Вас приглашаем!

**Автор — казак
Святослав Шитов.
г. Тюмень**

Казак без веры — не казак!

Север Томской области. Парабель. Зима. 2020 год. До Нового Года остаётся неделя, но люди уже давно подготавливались к празднику: самоизоляция и «удалёнка» заранее заставили наряжать ёлки, вешать гирлянды, ходить по магазинам (в маске!), запасаясь продуктами, выбирать подарки, не забывая делать «себяшки», создавать «истории», а потом выкладывать это всё во всемирные сети. Ну что ж, боремся с COVIDом как можем. Праздник состоится в любом случае, куда он денется... Не с таким размахом, может быть, как раньше, но всё же гульнём. Гулять мы любим, этого у нас не отнять, хотя и пост идёт Рождественский и, вроде бы, неудобно гулеванить, но это для верующих, они пусть постятся, молятся, в храм ходят, а мы..., а нас Бог простит. Большевики отучили нас отмечать Рождество Христово, Новый Год справляем на неделю раньше, так что, на Рождество уже сил и средств не хватает, а если и хватает, то уже тихонько, как бы нехотя, соблюдая традиции предков, посидим, попохмелимся.

Парабельское хуторское казачье общество (ПХКО). Есть в Парабели такая общность людей, окрылённых одной идеей, одной мечтой, одними желаниями, одним Госреестром и кое-какой деятельностью. Это казаки. Как известно, по всей России идёт возрождение казачества на государственном уровне, идёт медленно, с боем, можно сказать, со скрипом, но идёт. Дело благое, дело нужное, особенно сейчас, когда ведётся откровенная война против общечеловеческих ценностей, против всякой морали, нравственности и духовности. Казаки со своим жизненным укладом, традициями, унаследованными от предков, со своей силой духа, верностью присяге как воздух нужны стране. Кому-то же надо противостоять той чёрной силе, которая идёт на нас, которая хочет сожрать Россию с потрохами, которая возвращает наших детей, спаивает и одурманивает

наркотическим туманом нашу молодёжь, унижает наших женщин и стариков. Кто защитит? Кто, как не казаки?!

Возникает вопрос: откуда в Парабели казаки? Хороший вопрос. Его задают люди, не знающие истории родного края. Не будем говорить о Ермаке Тимофеевиче, но Нарымский острог поставил сургутский атаман Тугарин Фёдоров, несколько раз переносил и перестраивал его из-за наводнений и пожаров атаман Третьяк Деев. Деревни вокруг Парабели носят имена казаков, которые создавали на этой земле заимки, кордоны и слободки. Костарево (Костырь), Толмачёво (Толмач), Вялово (в начале 18-го века здесь был зарегистрирован служилый казак Петрушка Вялов), деревня Даурская (Даур). Очень богатая казачья история, только об этом мало кто знает. В Нарыме и Парабели нет ни одной улицы, проулка и даже тупичка, названного в честь какого-нибудь казака-первопроходца. Зато имена убийц и крамольников не исчезают с карт России: Ленины, Свердловы, Куйбышевы... Когда это кончится, когда мы, наконец, осознаем, доспеем, доживём до того, чтобы дать улицам имена настоящих героев?

И ещё один факт: 3 (15) июля 1891 года Томскую губернию посетил Цесаревич Николай Александрович Романов, будущий Государь-Император Всероссийский Николай II. Этот запланированный визит был предпринят во время его путешествия по Сибири и Дальнему Востоку. «Последнюю, в Томской губернии остановку, Цесаревич Николай Александрович совершил 7 (19) июля в заштатном городе Нарыме, основанном в 1596 году при царе Фёдоре Иоанновиче. К прибытию в Нарым наследника престола на берегу Нарымской протоки р. Оби были устроены пароходная пристань и «царский» павильон», в который с крестным ходом, была принесена из Нарымского Крестовоздвиженского собора главная святыня Нарымского края — местночтимая икона Знамения Аблацкой Божьей Матери Покровительницы Сибири, переданная с благословением для целования в руки Цесаревича. Торжество встречи будущего русского царя прошло при огромном стечении жителей Нарыма и всего Нарымского края, в том числе коренных обских инородцев, специально прибывших в Нарым, чтобы лицезреть Цесаревича, ошастливившего своим посещением столь отдалённый и пустынный край, никогда ранее не посещаемый русскими царями или их августейшими наследниками». (По материалам: Чайковская О. Августейшая

особа в Томске // Персона Томск: ежемесячный общественно-политический журнал. — 2013. — № 12. — С. 46–47.) В Нарыме нет памятника Государю, хотя, он там должен быть по всем законам исторической правды, по всем законам совести. В Нарыме нет памятника Тугарину Фёдорову, но есть бюст Сталина. В Нарыме нет копии «царского павильона», но есть музей политической ссылки, и улица Куйбышева пока не стала опять Крестовоздвиженской. В Нарыме нет казаков, но зато есть «дети Солнца», вроде бы так себя называет эта секта.

Но речь не об этом, по большому счёту, речь о Парабельском казачестве. Вспоминаю воскресные и праздничные богослужения в нашем Парабельском храме Преображения Господня пяти-семи-летней давности. Святые лики взирают с иконостаса, пахнет ладаном, свечами... Батюшка возглашает:

— Миром Господу помолимся!

— Господи, помилуй! — подхватывает хор.

Благоговение, красота неопишная, восторг неизречённый и слёзы, внутренние слёзы покаяния и благодарности, что всё это ещё живо, что мы являемся свидетелями и участниками всего происходящего. И чувство осознания, того, что богатство-то России не в недрах, а в вере, в вере православной. Пока есть вера — будет и Россия, оскудеет вера — исчезнет Россия. А служба идёт дальше, из алтаря, словно колокол, взывает глас священника:

— Паки и паки Господу помолимся!

Вот уже и Евангелие читают:

— Вонмем!

И замирает храм от словес, которые «слаще мёда и сота». Когда весь храм начинает петь Символ веры, душа рвётся из брэнной оболочки на волю, сердце поёт: «Верую во единого Бога-Отца Вседержителя...», а в храме-то погоны, погоны, от лампасов рябит в глазах, воины Христовы стоят и ничего не страшно, и спокойно за Россию-матушку. Вот и Причастие. Причащаются казаки Святых Христовых Тайн, соединяются с Телом и Кровью Христовой. «Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас», — говорит Господь. И ещё: «Аще Бог по нас, кто на ны!» Если Бог за нас, кто против нас? Да никто! Нет той силы, которая победила бы веру Христову.

Римскому императору Константину Великому накануне сражения с Максенцием явился на небе Крест Господень со словами: «Сим победиши». Этим побеждай! Крестом, верой, традициями казацкими, честью, словом данным, любовью Божией побеждай, а не акселями с медалями да не лампасами. Казак — это тот, кто живёт по совести, соблюдает казачьи традиции. Воспитывает детей в вере православной, учит старших уважать, родителей почитать, Богу молиться, трудиться. А, когда вдарят в набат да огласит вестовой: «Сполох, казаки!», явиться в полной

справе со своими сынами и встать стеной за Веру и Отечество. Ну, а если форму одеваешь, лишь на сход да в храм иногда, а дома переодеваешься в «цивильное», в джинсики (не дай, Бог, со страшиками) да маечку с иностранными словами, а вечерком с винопийцами да блудницами в кафешку какую-нибудь хилеешь на козлоскакание — это не казак, а видимость.

Дай, Бог, чтобы у нас в Парабели не было таких. Чтобы быть казаком, не обязательно принадлежать какому-то обществу. Например, в дальних посёлках и деревнях один-два казака могут существенно изменить жизнь к лучшему, лишь бы они были настоящими казаками, а не ряжеными. В последнее время как-то поутихло всё. И казаков на службах мало бывает (скажу аккуратно, чтоб не обидеть). Кое-кто из прихожан нет-нет да уколет, мол, сдулись казачки-то. Но я не верю, нет не сдулись, просто, временные трудности, эпидемия ещё тут навалилась... Всё будет хорошо. С Божьей помощью всё будет нормально. Главное, чтобы «кастрюлька всегда кипела». Это слова нашего любимого батюшки, святого преподобного Серафима Саровского. Будет кастрюлька кипеть — ни одна муха не попадёт в неё. Будем веровать — никто нас не возьмёт, никакая холера.

Ну, а что ж «дети Солнца»? Не знаю, что и сказать... Толерантность, скажите вы... Такая толерантность может привести к нехорошим последствиям. Так можно дожить и до самого худшего, до гей-парада в центре Парабели. Ужас! А что, плевелы уже явились там, где зелень возшла. Думаю, что нам, парабельским казакам, нужно быть поактивнее, как-то реагировать на эти изменения в обществе. Главное — не быть равнодушными, на самом деле все эти «язычники», «неоязычники», всякие «дети Солнца», проповедующие свободную любовь или что-то типа того, это опасно, это рассчитано на наших детей. Спаси, Господи, люди твоя!

«Казаком нужно родиться! Казаком нужно стать! Казаком нужно быть! Тогда обретёшь Царствие Небесное и Славу в потомках! Казачество немыслимо без Православия. Только оно воспитывает нас в небрежении к земным благам, в поиске подлинных духовных ценностей, в жертвенном служении народу христианскому». Это из Казачьих заповедей взяты мудрые слова.

Скоро новый 2021 год. Неделька всего и осталась. Мне больше по душе Вифлеемская Звезда на Рождественской ёлке, чем красная на Новогодней. Но кому как, кому как... Я хочу пожелать Парабельским казакам Веры, Надежды и Любви и чтоб собрались мы в единый мощный кулак под прославленным знаменем Сибирского Войска с небесным нашим покровителем Святителем Николаем и стали той самой Царской служилой ратью! Любо, казаки!

Казак Зубарь

Санкт-Петербургское казачье землячество «Невская Станица» было образовано как наследник существовавшего на берегах Невы в конце XIX — начале XX века «Санкт-Петербургского Общества взаимопомощи донских казаков» — первого казачьего землячества в местах нетрадиционного проживания казаков.

К 30-летию возрождения Невской станицы

«Общество взаимопомощи донских казаков» — в бытовом обиходе Невская Станица начинает своё существование в 1899 году. Среди учредителей Общества были и довольно известные люди своего времени — начальник Военно-медицинской Академии **В. В. Пашутин**, лейб-медик императора Александра III **Л. В. Попов**. Первым председателем стал **Иван Васильевич Мушкетов**, уроженец Михайловской станицы, профессор Горного института, знаменитый путешественник, член Императорского Русского Географического Общества. Казначеем был избран доктор медицины **Пётр Иванович Попов**, Скуришенской станицы, выпускник Медико-хирургической академии, журналист, главный уполномоченный Дирекции Американского общества страхования жизни «Эквитебль», адрес которого и был адресом Общества вплоть до 1905 года включительно. Впоследствии журналист **Я. Я. Полфёров**, родовой казак Чернышевской станицы, вспоминал: «И вот 15 лет тому назад в один из ноябрьских вечеров, в гостеприимном зале общества «Эквитебль», директором которого был в то время донской казак **П. И. Попов**, шумел-гудел донской майдан. То и дело сыпались вопросы: «Какой станицы?», раздавались ответы: «Непорочной Гниловской... Распоинской...» Чувствовалась какая-то тихая радость, точно каждый из нас нашёл частицу той далёкой родины, где глубоко засели корни детства».

Общество быстро росло как по числу прибывающих в него членов, так и по роду деятельности.

Помимо материальной помощи, прежде всего, попавшим в беду и учащимся в столице донцам, правление путём дружеских вечеров, на почве духовной взаимности стремилось объединить оказавшихся вдали от родных станиц казаков. С целью выяснения нужд Донского Войска и организации посильной помощи малой родине устраивались лекции-беседы, которые, к слову, охотно посещала и не казачья столичная публика.

Деятельность Общества не осталась незамеченной — членами общества становились многие известные жители Санкт-Петербурга. Уроженец Области Войска Донского **Антон Павлович Чехов**, будущий Атаман Всевеликого Войска Донского **Пётр Николаевич Краснов**, будущий один из первых народных артистов СССР, Новочеркасской станицы казак **Иван Васильевич Ершов**, солист Императорского Мариинского театра **Дмитрий Иванович Бухтояров**, писатель и публицист **Иван Александрович Родионов**, супруга великого русского учёного, донская казачка **Анна Ивановна Менделеева** — по словам Краснова, «вся донская «знать» собралась помочь своим родичам внести хотя бы маленькую лепту в святое дело — просвещение Донского края».

По-разному сложилась судьба казаков Общества после революции... Словосочетание Невская Станица было предано забвению на долгие годы, до тех пор, пока казаки не встретились уже в 1990 году.

Очевидцы тех событий вспоминали: «В неспокойную осень 1990 года мы как по сполоху стали

собирались группами в различных местах Ленинграда. Радостно и раскрепощённо называли друг друга казаками. Вспоминали своих дедов, обычаи и песни. Мы почувствовали ответственность, что по воле Божией мы должны стать теми казаками, от которых и должно было начаться Возрождение казачества...»

Первой крупной общественной акцией возрождённой станицы стало торжественное поминовение в Спасо-Преображенском соборе Всей гвардии 17 октября 1990 года, в день Святого Иерофея — полковой праздник Казачьей лейб-гвардии — всех казаков, погибших на войнах, в тюрьмах и лагерях, умерших от голода и от ран, пропавших без вести.

«Впервые мы сошлись во дворе Спасо-Преображенского собора. С волнением рассматривали друг друга и родовые фотографии, знакомились, рассказывали о себе и слушали с удовольствием новых собратьев. Большинству всё это было внове, необычно торжественно. Буря чувств! Но всем стало понятно — начинается в нашей жизни новый отсчёт времени».

3 и 4 ноября 1990 года прошёл первый Учредительный круг, на котором и родилось Санкт-Петербургское казачье землячество «Невская станица». С тех пор 3 ноября отмечается как день создания Невской станицы и начала участия потомков казаков, проживающих на Северо-Западе России, в возрождении казачества.

Первым атаманом станицы был избран Борис Алмазов. Интересная подробность: одним из первых, кто поздравил с регистрацией и пожелал успехов Невской станице, был тогда ещё довольно скромный сотрудник Исполкома Ленсовета Владимир Путин, хорошо знавший прежде первого атамана Невской станицы Бориса Алмазова по службе в комитете госбезопасности. В дальнейшем, достаточно скоро, пути Невской станицы и ряда её учредителей и руководителей из первого состава правления, прежде всего атамана Бориса Алмазова, разошлись в разные стороны.

По благословению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычёва) казакам на восстановление был передан Кресто-

воздвиженский собор со входящими в его комплекс собственно собором и двумя меньшими храмами, церковью во имя Тихвинской иконы Божьей Матери, что в документах оценивалось как руины, и надвратной церковью с колокольней — свв. Кирилла и Мефодия. Собору был присвоен статус «казачий». Духовником станицы стал рукоположённый владыкой Иоанном донской казак священник Владимир Сергиенко.

Восстановление Крестовоздвиженского казачьего собора — отдельная глава в истории Невской станицы. На пасхальной седмице 9 апреля 1991 года Смольнинский районный совет народных депутатов принимает решение о передаче комплекса Крестовоздвиженской церкви «епархиальному управлению Русской Православной Церкви для общины «Казачье землячество» для восстановления как памятника архитектуры с использованием в дальнейшем в богослужебных целях».

Первый молебен в небольшом храме свв. Кирилла и Мефодия состоялся 24 мая 1991 года. Казакам пришлось много потрудиться, чтобы уже и в церкви Тихвинской иконы Божьей Матери могло пройти первое богослужение, состоявшееся на Троицу 1993 года. Сложно даже передать, сколько за последующие годы трудов настоятеля протоиерея Владимира со сослужащими, казаков и других прихожан, их любви, веры и благотворительных средств вложено в то, чтобы сегодня были возможны службы уже во всех трёх храмах.

Казаки «Невской станицы» с благоговением относятся к памяти последнего Русского Императора Государя Николая II. Казаки говорят, что цесаревич Алексей и после своей мученической кончины остаётся Атаманом всех казачьих войск. Правый (южный) придел Тихвинского храма стал первым в Санкт-Петербурге приделом, освящённым в память Царственных Мучеников (освящён 21 ноября 2001 года).

У алтарной стены Крестовоздвиженского собора в день рождения императора Николая II 19 мая 2002 года был установлен бюст последнего русского императора, у подножия которого собраны капсулы с землями из всех казачьих войск.

26 мая 2013 года, в год 400-летия Дома Романовых, рядом был установлен Памятник святому Цесаревичу Алексею, Атаману всех казачьих войск России.

Завершил композицию Памятник святой Царице Мученице Александре Фёдоровне, установленный 4 мая 2014 года. Все три Памятника выполнены талантливым петербургским скульптором Сергеем Алиповым.

О дальнейшем становлении землячества писал кубанский казак капитан первого ранга Алексей Иванович Стаценко, атаман Невской станицы с 2001 по 2007 годы:

«...Прошли годы большой организационной работы, эйфории, достижений, ошибок и разочарований. Закрепились в Уставе положения о том, что членом Землячества может быть только православный казак. Это позволило очистить станицу от тех, кто жаждал лёгкой жизни, привилегий, при этом ничего не делал, чтобы соответствовать этому. Кто был не с Богом, тот отпал и от станицы.

Для станицы было важно решить, что для неё главное здесь, в Санкт-Петербурге. Кто ставил на первое место экономику, то есть зарабатывание денег, кто помощь казачьим войскам, кто — возрождение традиций, кто — возвращение воинских функций, кто — песни и пляски, кто — расширение рядов за счёт всех, кто ни захочет и т. д. Именно это порождало несогласие, амбиции, уходы.

Остались те, кто не боится черновой работы, кто верит в возрождение казачества не на зыбком фундаменте различных идеологий, а на прочном фундаменте веры Православной и казачьих традициях. Станица стала расти и развиваться, но уже обновлённая, качественно иная, с православными казаками, патриотами нашего Отечества и родного казачества под водительством Господа и Покровом Пресвятой Богородицы.

Постепенно казакам «Невской станицы» стало ясно, что главная задача наша триедина:

1. Возрождение Православной веры в семьях и в обществе казаков, возвращение казачеству имени рыцарства Святой Русской Православной Церкви;

2. Восстановление исконных казачьих традиций и законов, основанных на Православии;

3. Культивирование и освоение казачьего фольклора, необходимость каждому казаку быть носителем богатой казачьей культуры в быту и обществе.

И для этого у наших станичников с благословения приснопамятного Владыки Иоанна есть основное — Крестовоздвиженский казачий собор...»

Годы идут. Много меняется. Когда-то Невская Станица была единственным казачьим обществом Санкт-Петербурга. Именно из её хуторов в дальнейшем и выросли все нынешние казачьи организации. Меняются активные члены Общества, меняются атаманы. Станицу возглавляли:

■ атаман, полковник, кандидат военных наук Евгений Поляков;

■ полковник Российской армии, кубанский казак Соловьёв Николай Васильевич (ныне Председатель совета стариков Майкопского казачьего отдела ККВ);

■ подполковник терский казак Симакин Дмитрий Владимирович;

■ капитан первого ранга кубанский казак Стаценко Алексей Иванович;

■ кубанский казак Поединенко Сергей Иванович;

■ донской казак Егоров Геннадий Георгиевич.

Ныне Атаманом Невской Станицы — наследницы «Санкт-Петербургского Общества взаимопомощи донских казаков» — вновь является Симакин Дмитрий Владимирович. Именно при его прошлом атаманстве на вопрос «может ли казак быть неправославным?» станичники ответили жёстким и твёрдым «Нет!».

В наши дни, когда перед казаками больше не стоят задачи расширения государства и охраны границ, целью их служения является защита духовных рубежей России. Стремясь быть рыцарями православия, казаки ставят своей основной целью сохранение православных ценностей и казачьих традиций, противостояние вызовам времени, проповедь правдивой истории России. Казаки Невской Станицы по-прежнему принимают активное участие в жизни города. Восстановление собора, охрана православных выставок, выпуск казачьего издания «Воздвижение», проведение лекций по истории Казачества — лишь то, что первое приходит на ум, когда задумываешься о деятельности казаков станицы. Но самое главное — это воспитание. Воспитание в самих себе и в подрастающем поколении самосознания себя как членов Церкви Христовой, казачьего народа и сыновей России.

**Казак
Невской станицы
Пётр Мамаев,
г. Санкт-Петербург**

К казакам Святой Руси

Слово настоятеля Крестовоздвиженского казачьего собора
протоиерея Владимира Сергиенко

Дорогие мои казаки! Мои единоплеменники, мои земляки, мои единоверные братья, те, кто знает древнюю историю казачества, и те, кто только несколько лет назад стал осознавать себя казаком, часто не имея к тому никаких особых предпосылок. Я священник Русской Православной Церкви, настоятель Крестовоздвиженского казачьего собора Санкт-Петербурга, духовник Невской станицы, Крестовоздвиженского казачьего Братства и Казачьего Округа Санкт-Петербурга. Родом я из Донских казаков, кости моих предков покоятся в земле станицы Старочеркасской, города Новочеркаска, станицы Ажиновской, станицы Кудиновской, находящихся в области Всевеликого Войска Донского, и ещё Бог весть где, там, где настигла их пуля или срубила шашка вражеская.

Обращаюсь к вам в это смутное время, которое для нас началось с 1917 года расказачиванием и продолжается по сей день и имеет цель извести наше казачье племя «на нет». Этого, конечно, с Божией помощью не произойдёт, так как мы люди мудрые, как и наши великие предки, которые ещё за несколько сот лет до крещения Святой Руси приняли Православие

и следовали Закону Божию в своей земной жизни, а потом, героически покидая её, переселялись в Божьи обители. Не углубляясь вглубь столетий, вспомним не такую уж далёкую от нас историю.

Вспомним взятие Азова. Помогали им в этом ратном деле и пришедшие отряды Запорожцев-Черкассов. Надо отметить, что в то время и столица вольных донцов носила название Черкасск

не случайно. Захватив Азов, казаки малым числом героически оборонялись от несметных полчищ турок-мусульман, которым помогали инженеры из Германии и другой сброд. Наши предки молились в православных храмах Азова перед иконами свт. Николая Чудотворца, Иоанна Предтечи и, конечно, Господа и Божией Матери. Вы думаете, там среди них были казаки-язычники или ярл-поморы или другие хулители Православной веры? Не могло таких быть, таких отступников топили в Тихом Дону «в куль, да в воду». Так испокон веку наказывали предателей.

Когда турки и иже с ними были побеждены, наши отцы предложили Государю Михаилу Романову, в избрании которого на престол приняли деятельное участие Донские казаки во главе с атаманом Межаковым, принять крепость под свою высокую руку, называя его белым царём и выражая готовность служить ему как Православному Государю своей жизнью. Выйдя из Азова, оставшиеся израненные, искалеченные казаки, как говорит летопись, пошли на Верхний Дон, основали Монастырь, а игуменом стал Атаман. Великие, святые, глубоко православные люди, не умевшие кривить душой и не отделявшие себя от Руси и Святого Православия и никогда не предававшие своего Бога, своих единоверцев ни за какие лестные обещания, а предложения были от врагов, в частности, от турок, татар, католиков и пр.

Они были верны и понимали силу единства верных, в отличие от многих сегодняшних псевдоказаков, которые пытаются разорвать Россию. Над этим, например, работают создатели и продвигенцы так называемого «казачьего гутора». У казаков, как и у других народов, существовали свои местные говоры (речь казака и великороса действительно различна, но никому и в голову не приходит утверждать, что это разные языки). Следует заметить, что в данный момент подавляющее большинство казаков разговаривают по-русски. Перед нашими глазами горький опыт становления украинского языка. Язык этот был создан Грушевским с целью противопоставить украинский народ русскому, а чем это кончилось — вы знаете. То же самое мы наблюдаем и спустя столетие — искусственно создаётся язык казачий.

Есть и другие волки в овечьей шкуре. Так, в Сибири и на Дальнем востоке широко известны «казачьи духовники», не имеющие отношения к православию, зато красочно пропагандирующие казачий национализм. Послушав их велеречивые размышления, многие неопытные казаки могут соблазниться и пойти раскольничьим путём, ведь суть работы этих «духовников» — проповедь раскола в любом его виде. Не найдя себя в православии, они кидаются в старообрядчество, но и там не выдерживают и устраивают раскол внутри него.

Давайте вернёмся назад, когда на Куликово поле, на помощь князю Дмитрию Донскому

пришли наши великие предки и помогли победить Мамая. Помогли как православные православным — против иноверцев язычников. Подумайте, являются ли потомками этих наших отцов те, которые ушли от их веры в язычество и в расколы? Как они смеют называть себя казаками, пачкая своей нечистотой доброе имя наших героев?! Это не казаки — это иуды. Когда-то они встретятся в будущей жизни с предками-героями и те не узнают их или плюнут им в лицо. И на Страшном суде против них будет свидетельствовать Патриарх **Гермоген**, родом из донских казаков, принявший мученический венец за Русь Святую и веру Православную. Если эти люди отступили от обычаев и веры своих предков, почему их называют казаками? По какому такому праву? вспомните, что та Донская икона Божией Матери, подаренная казаками Димитрию Донскому, и по сей день хранится в Москве в Донском монастыре, специально для неё построенном. Что-то и тут не усматривается отделение казаков от Руси... Наоборот.

Некоторые ссылаются на отделение области Войска Донского от России после революции 1917 года. Да, это было. Но не от Святой Руси, а от царевубийц, захвативших власть в Москве и устроивших геноцид в стране; от них отделились и с ними бились, с этими палачами, искренявшими православную веру и церковь. Да, сражались с ними, а не с русским народом.

Напомню, на стороне этих садистов сражались и казаки-предатели Миронов, сомнительный казак Подтёлков и родовой казак Кривошлыков, отошедшие от святой Православной веры и рубившие своих единоплеменников.

Некоторые ссылаются на то, что вначале атаман Каледин, а затем атаман Краснов возглавляли в то время Донскую республику. Верно, это были преданные самодержавию люди, и не случайно, став атаманом, Пётр Николаевич восстановил во Всевеликом войске Донском царские порядки. Да и если бы хоть кто-то из сегодняшних сепаратистов почитал книги П. Н. Краснова, то увидел бы его горячую любовь к Государю, а в книге «За чертополохом» — мечту о возрождении Святой Руси и монархии, так что не клеветайте на этих великих казаков, они вам не товарищи. Это верующие православные люди.

Тот, кто сегодня агитирует за отделение от Руси, за раздробление её, получают денежную и моральную поддержку от своих «атаманов» из «комитета трёхсот», которые спят и видят Русь, русских и в том числе казаков нищими и морально уничтоженными, зарабатывающими на жизнь проституцией, педерастией, продажей органов и прочими низкими способами.

Братья казаки! Мы — православный народ, как и все наши предки, мы — те, кто истинно православные, причащаемся Крови и Тела Господа нашего Иисуса Христа. А это значит, что

в жилах наших течёт уже кровь Самого Бога, и мы истинно братья и сёстры единокровные со всеми истинно православными людьми. Знайте, что на земле сейчас существует только два народа: народ Божий, Христов, и народ не Божий, а чей — вы понимаете. Так вот мы, казаки православные, и русские православные, и все другие православные — народ Христов, народ Божий. Не будем же предавать своей веры, своего Бога, встанем вместе против антихриста, против предателей нашей веры и единства, против служителей сатаны, как бы они себя ни называли, и которым очень хочется повторения кровавой бойни, подобной майдану на Украине. Да не будет этого в нашей земле!

Кстати, дорогие мои братья, может быть, мы подзабыли, а кто-то и сейчас не знает того, что наши рыцари веры православной, как называли себя наши великие воины-предки, те, которые в лице атамана Межакова положили свою хартию за избрание на Царство русское Михаила Романова и сверху хартии положили казачью шашку,

указав тем, что подкрепят силой оружия своё решение. Так вот, весь русский народ и наши казаки в том числе дали присягу на верность Дому Романовых, и этой присяги никто не отменял, несмотря на убийство святого Царя-Мученика Николая и его Августейшей семьи, в том числе Атамана всех казачьих войск России Цесаревича Алексея. Мы с вами находимся под этой присягой, так как Дом Романовых живёт, правда, устранённый от власти сначала большевиками, а теперь так называемыми демократами. Надо бы нам это знать и не голосовать за различных самозванцев, а требовать восстановления на Российском Престоле Православного Помазанника Божьего из вышепоименованного Дома. Казаки истинные никогда не были клятвопреступниками.

*С любовью ко всем вам, братья мои,
протоиерей Владимир.*

*Пишите мне по адресу: С.-Петербург, 191119,
Лиговский пр-т, д. 128, приход
Крестовоздвиженского казачьего собора*

**Предлагаем вашему вниманию поэму
О. Владимира. Она впитала в себя ту
правду и ту боль о судьбе Казачьей
столицы — Новочеркасску, которая
открылась вместе с правдой о XX веке,
и ту любовь, которую о. Владимир
пронёс к своему родному городу через
все годы своей жизни.**

Как величаво меж берегами
Красавец Дон в степях течёт
И слава вольности веками
О нём из уст в уста идёт.

Столица вольницы донской
Разгульной, буйной, громкой славы,
Черкасск могучею стеной
К реке прижался величавой.

Из стен его к стенам Азова
Для вразумленья басурман
Скакали воины Христовы,
И крепость пала к их ногам.

Года бежали по теченью,
И вот уж Платов-атаман,
Чтоб не оставить имя тленью,
Свою столицу основал.

Новочеркасск расцвёл садами,
Шумел, блистая красотой,
И первым стал меж городами
Казачьей вольницы лихой.

Отсюда в год событий грозных,
К французам местию горя,

Пошли донцы крушить безбожных
По зову Батюшки Царя.

И мир отвагой удивив,
Избив врагов на бранном поле,
Войну в Париже завершив,
Домой стремглав помчались кони.

Отцы и дети — все герои,
Покровом Божиим сильны,
Победами на бранном поле
Спасли вы честь своей страны.

На Дон с победой воротились,
Молебны в церквах отслужив
И славы кубок осушив,
К трудам вседневным возвратились.

В своём соборе войсковом,
В честь Вознесенья освящённом
Мы защищать любимый Дон
Клялись коленапоклонённо

И, выйдя из него на площадь,
Свершали Ермаку поклон —
Богатырю и славе отчей,
Прославившему Тихий Дон.

Но вот накрыла чёрной тучей
Наш край родной бесова рать...
Царя убили, церкви рушат...
Что делать? Как нам устоять?

Так бесновались всюду люди,
Как будто Страшный Суд настал,
Одни пошли вослед Иуде
И меньшинство — вослед Христа.

Нарушив заповедь святую
Отца и мать почитать,
Сыны степей в годину злую
Друг друга стали истреблять.

Да что друг друга, тут досталось
И женщинам и детям их,
И кровью степи напаялись.
И кровью плакал Дон о них.

Отчаялся в донцах Каледин,
Предательства стерпеть не смог,
Опоры в казаках не встретив,
Жизнь кончил выстрелом в висок.

Но вот на Круг Спасенья Дона
Беда собрала казаков,
И атаманом стал законным
Пётр Николаевич Краснов.

Он возродил былую славу,
И до Воронежа врагов
Гнала, как встарь, казачья лава,
Освобождая Дон от псов.

Но смерть Царя легла проклятьем
На всех, кто на него восстал,
Романовым нарушив клятву,
Которую на верность дал.

Не тронь помазанных моих! —
Сказал Господь в Святом Писанье,
Ведь наказанием за них
Прольётся кровь на мирозданье.

И гнев пролился на Россию,
И хам воссел на пьедестал,
И тёмная, тупая сила
Распяла на Руси Христа.

Те, кто успел, — ушли за море,
Кто не успел, — попали в «ад»,
И край донской накрыло горе,
И жизни был казак не рад.

Ведь самых лучших загубили
Проклятые большевики,
И полной чашей беды пили
Доверчивые казаки,

За то, что Бога позабыв,
Поверили картавым змеям
И славу отчую сгубив,
Отдали Дон под власть злодеям.

И семь десятков лет под игом
Врагов Христовых Дон страдал,
И вера угасала тихо,
И дух казачий угасал.

Но Церкви победить Христовой
Не смогут адовы врата —
И возродиться стала снова
Святая вера во Христа

И пала власть кровавой черни,
И оживать стал наш народ,
Надеялись — теперь-то, верно,
Поднимется казачий род.

Стал род казачий оживать...
Казалось, вот раскрылись дали
Но скоро стали понимать,
Что казаки не те уж стали.

Что вера казаков слаба,
А жить без Веры невозможно
Что всё о доблести слова
В устах вождей звучали ложно.

Что может нас объединить
И силы дать лишь Вера наша,
И честь казачью воскресить
И с Божьей помощью испить
Вино Победы полной чашей.

«Сим побеждай» — сказал Господь,
И в небе звёздный Крест явился!
Внял Константин, взял Крест и вот —
Победой бой тот завершился.

Новочеркасск, мой милый город,
Великой славы красота!
Сияет над твоим собором
Святое знаменье Креста.

И в Петербурге, там, где раньше
Служили деды с давних пор,
Сияет золотом казачий
Крестовоздвиженский собор.

И служат в нём по Духу братья,
Кто жизнь свою готов отдать
За Церковь — общую нам Мать —
И страждущим открыть объятья

Кто волею судеб Господних
Сошлись у Невы-реки
На бой и всякий труд пригодны
Кто носят званье КАЗАКИ.

НОВЫЙ ВИТОК РАЗВИТИЯ Амурского казачества

На территории Хабаровского края, Еврейской автономной и Амурской областях с 2005 года действует Амурское казачье войско. Современное казачье движение объединило потомков казаков и здравомыслящих патриотов в социально ориентированную некоммерческую организацию, зарегистрированную должным образом в Министерстве юстиции. Высшим должностным лицом Амурского казачьего войска является есаул Евгений Валерьевич Иванов.

История образования Амурского казачьего войска начинается с 1858 года, когда с помощью казаков были присоединены земли к Российской Империи и удерживались границы с Китаем по берегам рек Амура и Усури.

За то, что казаки были основой и гарантом порядка, царём Российской Империи были пожалованы Амурскому казачьему войску земли в приграничных территориях, на которых казаки в последствии жили и трудились.

Хоть в царское время казаки были выделены в особое сословие, но при этом они не переста-

вали осознавать себя народом, имеющим свою культуру, язык (балачику, гутор), национальную одежду.

Раньше вместо слова «национальность» использовалось слово «Род», раньше говорили казачьего роду, а сейчас говорят национальность казак и при рождении детей так и записывают в свидетельство о рождении.

Казачий род изначально является самоорганизованным, где всегда в приоритете стоят и ценятся традиции предков, воинские навыки, дисциплина, хозяйственность и любовь к родной земле. Казаки всегда отличались высокораз-

витым чувством личного достоинства, силой духа и воли, глубокой ответственностью за судьбу Родины, общины и своей семьи. Казачье общество живущее по принципу семьи, где общее ставится главнее личного, добивается больших успехов на пути своего развития. В наших традициях: Атаман — это отец, а казаки — дети его и отношения в Обществе выстраиваются соответствующие.

Атаманом выбирается самый достойный из казаков, который не только умный и смелый, а так же может быстро находить решения складывающихся ситуаций перед Обществом. Атаманне только сильный физически, но и духовно развивающийся человек, который может принимать волевые решения. Современному Атаману необходимо быть грамотным и владеть компьютерной техникой, понимать федеральную, и мировую политику, тенденции развития рынков и т. п. Самое важное — это то, что Атаману надо жить в казачьих традициях, так же, как и каждому казаку.

Некоторые атаманы воспринимают управление казачьим обществом примерно, как в армии, но наша организация гораздо объёмнее и в ней кроме военного управления, так же есть гражданское и не вся деятельность оплачивается, как в вооружённых силах РФ, поэтому и подход в управлении казачьей организацией строится не только на приказах.

На заре возрождения казачества в Российской Федерации, Амурское казачье войско насчитывало около 8000 человек. В настоящее время амурские казаки активно влияют на состояние общественной безопасности в местах проживания, созданы экспедиционный казачий корпус «Албазин» и казачий отряд быстрого реагирования «Казачья сотня», для несения государственной службы по охране природы, биоресурсов и общественного порядка, совместно с государственными органами исполнительной власти. Уже несколько лет во время хода анадромных видов рыб в Хабаровском крае, каза-

ками охраняют нерестовые реки от браконьерского лова.

Руководит ныне казаками АКВ атаман — есаул Евгений Иванов — потомственный казак, чьи предки пришли на Дальний Восток более 100 лет назад. Казаки Амура уважают своего батьку-атамана и доверяют ему.

Амурские казаки делами выражают свою активную гражданскую позицию, направленную на благо безопасности жизни и развития нашего Общества.

Двери Амурского казачьего войска открыты для потомственных казаков и патриотов Отечества. Узнать о деятельности амурских казаков можно на сайте: www.kazakiya.info

Пресс центр АКВ

Камчатские казаки, очерк о стародавней жизни, о службе казачей и упряжных нартовых псах, их ездовых собаках

Любопытство «рыться» в старинных книжках полузабытых историков позапрошлых веков, таких как Врангель, Крашенинников, Ланин, Андриевич, Спасский, Манькин-Невструев, Словцов, Фишер и др., привело к собраниям, выпискам: из которых сложился этот рассказ, выкладка.

...Горсти наших смельчаков в самый непродолжительный срок перекинулись по рекам до океана. Кажущееся нам чрезвычайно грандиозным по масштабу нимало не смущало бесхитростного воображения Ермаков, Хабаровых, Поярковых и других по своему великих людей, забываемых потомством¹. Если развернуть географическую карту, что бы оценить действие по достоинству — это не километры; это даже не сотни километров. Масштаб колоссален!

Что влекло казаков вперёд? Страсть ли к наживе дорогою пушниной, беззаветная ли удаль, да безоглядная храбрость, «государственные интересы», или любовь к сильным ощущениям в борьбе с опасностью, — трудно решить! По праву давности? Надо, однако, заметить тут, что соболю, которому некоторые историки готовы приписать огромное значение, шёл главным образом в казну, а затем в карманы *прикащиков* и начальников партий, о чём свидетельствуют акты и даже царские указы. Фактическая же сторона дела указывает только на то, что казаки, частью по собственной инициативе, частью по приказу начальства, охотно шли открывать новые земли, покорять туземных жителей и облагать

их ясаком в пользу правительства. Сюда же приешивалась романтика и сказочная сторона дела, как, например, казаки Нерчинского острога мечтали найти легендарную «Серебряную рыбину» («Солнечную нерпу»). Но дело обстояло так, что удачи партий удваивали энергию, а неудачи несколько не охлаждали готовности идти на новые разведки страны.

Что же касается, нарушения подчинённости и повиновения, как например: убийство казаками в Камчатке трёх начальников — Атласова, Чирикова и Миронова, объясняются это причинами более или менее понятными. Надо сказать, что начальники отрядов назывались обыкновенно *прикащиками*. Они иногда занимались сбором ясака и раздавали положенное казакам содержание. Далеко не всегда эти прикащики вели дела свои честно. Наживаясь за счёт туземцев рухлядью, они обделяли казаков недодачей жалованья и неуважительным отношением. Вот эти-то качества прикащиков довели Камчатских казаков в 1712 году до отчаяния, и они решились на крайние меры. Но примечательно, что анархии при этом никакой не было. Зачинщики убийства прикащиков — Анциферов и Козыревский, приняв управление в свои руки, подробно доносят в Якутск об этом событии, оправдываясь тем, что прикащики вывели казаков из терпения крайнею грубостью и обидами. Назначенные из Якутска новые прикащики не преследуют убийц, а напротив — назначают их сборщиками ясака, и когда Анциферов был изменнически убит *коряками*, то вновь назначенный прикащик, счёл своим долгом отомстить *корякам*.

Так-то так да вон-то как. Сам, Атласов, с отрядом отправился на оленях осваивать Камчатку из Анадырского острога в декабре 1696 года. О досуге тогдашних казаков и климате, классик пишет: «Казаки брали камчадалских жён и ребят в холопство и в наложницы — с иными и венчались. На всю Камчатку был один поп. Главные их забавы состояли в игре карточной и в зернь в ясачной избе на палатах. Проигрывали лисиц и соболей, наконец, холопей. Вино гнали из окислых ягод и сладкой травы; богатели они от находов на камчадалов и от ясачного сбора.

Камчатка — страна печальная, гористая, влажная. Ветры почти беспрестанные обвевают её. Снега не тают на высоких горах. Снега

¹ Из книги с репродукциями: «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича 1890–1891». (Автор-издатель князь Э. Э. Ухтомский. Иллюстрировал Н. Н. Каразин. В трёх частях. С. Петербург. Лейпциг: Ф. А. Брокгауз. 1894 г., стр. 227, 228).

выпадают на 3 сажени глубины — и лежат на ней почти 8 месяцев. Ветры и морозы убивают снега; весеннее солнце отражается на их гладкой поверхности и причиняет несносную боль глазам. Настаёт лето. Камчатка, от наводнения освобождённая, являет скоро великую силу растительности; но в начале августа уже показывает(ся) иней и начинаются морозы... (См.: Заметки А. С. Пушкина, при чтении «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова). Вошла Камчатка в состав нашего государства в конце XVII столетия².

<...> Ещё в 1711 году Данила Анцыферов с якутским казаком Иваном Козыревским, и с партией казаков, пристальным вниманием своим уделили двум северным островам Курильской гряды...

Касаемо казаков-путешественников, флотских их походов и земли Камчатки, не лишним будет добавить тут имена. Попов Федот Алексеев, более известен под именем Федота Алексева. В 1647 году он пытался пройти морем из Колымы в Анадырь с целью добычи «моржового зуба». Плавание было предпринято на четырёх кочах, в нём участвовал и казак Семён Дежнёв. Экспедиция окончилась неудачей, так как в море были встречены тяжёлые льды.

Попов решил и в следующем году повторить свою попытку пройти морем в Анадырь, но уже теперь на шести или семи кочах (90 человек). Во главе экспедиции стал сам Попов. По сбору ясака стал опытный Семён Дежнёв, а помощником последнему был казак Герасим Анкудинов. Отряд участников вышел из Нижнеколымского острога в июне 1648 года и в сентябре достиг «Большого Чукотского Носа» (мыса Дежнёва). До пролива дошли, однако, лишь три коча, потеряв остальные. Уцелевшими кочами командовали Попов, Дежнёв и Анкудинов. В проливе разбило ещё один коч — Анкудинова, а кто остался перешли на коч Попова. 30 сентября была сделана высадка на берег, причём произошёл бой с воинственными чукчами, во время которого Попов был ранен. Вскоре, когда мореплаватели вышли в Тихий океан, буря разъединила оба коча. Коч Попова пропал бесследно...

Но какая-то группа казаков, по-видимому, достигла Камчатки, так как в 1697 году местные жители рассказывали Владимиру Атласову, что много лет тому назад на Камчатке, при устье реки Никулы, одно время проживало несколько русских. Развалины русской избы в устье этой реки существовали ещё во времена студента

Степана Крашенинникова, побывавшего на Камчатке в 1739–1741 годах. Г. Миллер приходит к заключению, что спутники Федота «за первых из русских почтены быть имеют, которые в тамошних местах (на полуострове Камчатке) поселились». Тем не менее, тут забываем о колымском казаке «Леонтии Федотове сыне» с товарищем, которые «незаконно» собирали ясак в середине XVII века на северо-западном побережье Камчатки.

Экспедиция Федота сделала величайшее географическое открытие, впервые доказав, что Азия отделена от Америки проливом. А, открытый им, казак, пролив, назвали «Беринговым»...

После 1702 года якутский казак Михайло Наседкин (или Насеткин) совершил плавание из Колымы в устье Индигирки. На пути он «присмотрел в море остров от Колымского устья до Индигирки», (вероятностные Медвежьи острова). «В допросе [он] сказал: в прошлом де 702 году послан был он Михайло в Камчадалской острог с прикащиком Михайлом Многогрешным (по всей вероятности — родственник ссыльного гетмана), для ясачного сбора. И шли де они из Анадырского до Пенжинского острогу на оленях и на собаках, и на Пенжине поделав суды карбасы, выплыли в Пенжинское устье, и взяли у ясашных коряк байдары, и в тех байдарах пошли они морем на Камчатку; и дошед до Лесной реки заосеновали, и осенью, поделав нарты и лыжи, пришли на Камчатку, и с Камчатки де они ходили вниз по Камчатке в поход на немирных камчатцких мужиков [т. е. аборигенов — А.А.]. И против Камчатского де устья значится остров, а какие на том острову люди есть, того де он Михайло не ведает, и преж сего на том острову русские люди бывали ль, того де он Михайло ни от кого не слышал...»

Чуть раньше [1695(6) г.] Многогрешный или Атласов послали отряд якутского казака Морозко на Камчатский полуостров. Казак же Соколов с матросом Треской (сколько было человек в команде осталось не известно) были посланы в экспедицию, которая состоялась в 1714 году. На открытой ладье они прошли, нашедши путь по Ламскому морю³, от Охотска к Камчатке. Следующее плавание они произвели в 1716 году: от Охотска до реки Тигиль и назад. В том же году было предпринято новое плавание до Хариюзовки. Из того плавания экспедиция вернулась в Охотск в июле 1717 года. «С этих пор морской путь из Охотска на Камчатку стал постоянным средством сообщения».

2 1 января 1899 года Камчатская Епархия разделена была на Благовещенскую и Владивостокскую. Камчатская (Камчатская, Курильская и Алеутская) Епархия учреждена в 1840 году. Кафедра первоначально находилась в Америке, в Новоархангельске. В белоэмиграции: «Харбинское Подворье Камчатский Епархии».

3 Ламское море (по эвенкийски лам — море), это Камчатское море, полузакмкнутое море в северо-западной части Тихого океана, ограниченное восточным побережьем материка Азия от мыса Лазарева до устья реки Пенжины, полуостровом Камчатка, островами Курильскими, Хоккайдо и Сахалин.

Считается, что первыми русскими, которые увидели в 1651 году западное побережье полуострова Камчатка, был казачий отряд М. Стадухина.

С 1649, или чуть ранее, по 1683 год казаки закрепляют за собою остроги Усть-Амурский, Анадырский (казак Дежнёв открыл реку Анадырь в 1648 г.); зимовья: Усть-Аргунское, Верхнее-Среднее и Нижнее-Колымские и Алазейское. С 1683 по 1737 год были укреплены следующие места-острожки: Якутский, Олекминский, Охотский, Удский, Анадырский, Верхне и Нижне-Камчатские, Большерецкий... и зимовья на верховьях реки Индигирки, Зашиверское, Верхне и Нижне-Янские, Усть-Майское, Учурское, Утандырское, Бутольское, два Майских, Жиганское, Усть-Тауйское, Уяндинское (или Нижнее-Индигирское), и Верхне-и Нижне-Виллойские.

Относительно упомянутого Большерецка тут можно добавить к слову, что с писчей бумагой на Камчатке было весьма туго. До конца XVIII века писали там в основном на берёсте. В 1830 году в Камчатском архиве нашли Рапорт «В Камчатскую Большерецкую канцелярию из Верхнекамчатской приказной избы» от казачьего сотника Архипа Стаковникова. Он был писан на куске берёсты размером в 6 вершков длины и 4 ширины. Датирован: Июня 10 дня 1768 года. Сам рапорт как раз говорит о сей проблеме с писчей бумагой⁴.

С 1727–1740 год зимовья и остроги по Охотскому морю и в Камчатке подчинялись Охотску, сделавшемуся портовым городом.

Тут надо заметить, что поначалу «под именем Камчатки казаки разумели только реку Камчатку. Южная часть называлась *Курильской землицей*. Западную часть от Большой реки до Тигиля — звали Берегом. Западный берег Авачею (по имени реки Авача на местном языке — «Суаачу») и Бобровым морем. Остальную часть от устья Камчатки и Тигиля к северу — Коряками (по имени племени)».

С 1775–1882 год существовали остроги: Якутский, Жиганский, Верхоянский, Усть-Янский, Верхне-Средне и Нижне-Колымские, Алозейский, Олекминский, Удский, Верхне-Средне и Нижне-Камчатские, Большерецкий, Тигильский, Гижигинский и Усть-Тауйский. Число казаков в острогах не было определено.

Первоначально, в 1812 году, личный состав Камчатской казачьей команды был определён в числе одного сотника, пяти урядников и пятидесяти казаков. В июле 1822 года Учреждён Устав о Сибирских городских казаках, и было образовано семь полков, остальные казачьи команды получили название станичных казаков. Но горо-

4 Сорокин Н. В. «Рапорт на берёсте», «Русская старина», 1873 г., т. 8, № 11.

довые казачьи команды Камчатская и Верхотурская остались без изменения. После упразднения и переформирования городских казачьих полков в гражданском ведомстве вплоть до Великой войны оставались Якутский городской казачий полк и Камчатская городская конная команда.

Распоряжением генерал-губернатора Муравьёва (1849 г.), группа казаков, расположенная на Камчатке, была отделена от якутского полка⁵. Камчатским казакам «позволяется быть и на службе в платье тамошнему климату свойственном, и носить то, которое они издавна приобыкли, то есть в парках и проч.». Всем тамошним казакам в зимнее время законно позволялось носить тёплую одежду. В связи с трудностями с обмундированием, выдавалось, в частности камчатским, ежегодно из казны пособие урядникам, писарям, мастеровым и казакам на обмундировку, «по особым на то положениям».

Снабжались продовольствием камчатские казачьи команды к концу XIX века при помощи местных купцов. Для чего заключался официальный договор. Взять например контракт на десять лет, заключённый в 1876 г. Окружным интенданством Восточно-Сибирского военного округа с «почётным гражданином временной Баргузинской первой гильдии купцом Белоголовым», на доставку провианта: муки и круп. С соблюдением в течение всего контрактного срока обязательств (с оговоркой на время военных действий)⁶.

...«Казак с конём и ночью и днём» (мол, казак и конь неразлучны). «Конь» и «казак», — слова связаны и почти неразделимы. Вся жизнь казака была связана с конём.

О том нам достались из старины пословицы и поговорки. Казак без коня, что воин без ружья (конь для казака — как часть вооружения); Казак дружбу соблюдает: в беде коня не покидает (казак и конь — вместе всегда); Казак сам не съест, а коня накормит (конь у казака — на первом месте);

5 Интересная особенность. К началу XX столетия «Якутским городским казакам предоставляется право свободного выхода из казачьего сословия и перехода в другие сословия», — это исключение относилось только к якутским казакам! Источником же к такому заключению являются выписки, произведённые мною в РГБ: ПСЗРИ, 1916 г.

Дополнительная информация. Военный Совет 25 июля 1913 г. положил признать, что выход казаков из войскового сословия с припискою к инородческим обществам действующими законоположениями не допускается. Снош. Гл. Штаба 1913 г. № 6607. При-ние Амурск. и Уссур. каз. в. 1913 г. № 3. Пр-зь Сибир. в. 1913 г. № 146, Пр-зь Уральск. в. 1913 г. № 722 [Дополнение за 1913 год к Справочнику К. Патина. Составил Л. Васильев. Издал Березовский комиссионер военно-учебных заведений. С.-Петербург, 1914 г.].

6 См. подробнее: «Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью», т. III, Камчатка и Командорские острова, Учреждение крейсера и продовольствие Северных портов Приморской области, Иркутск, 1884 г.

Вся родня не стоит коня (высока цена строевого коня); В бою казак себя славит не языком, а конём да клинком (только делом завоёвывается слава); Надёжное у коня стремя — цело в бою темя (проверь амуницию — останешься жив в бою);

Без коня казак кругом сирота; Конь — душа казака... Тут раскрывать тему и не надо: мы бы слишком далеко отвлеклись. Но есть другая сторона медали. Если собак даже в дом не пускает казак иного войска, то это было старым правилом. «Исключение подтверждает правило». По Законам Российской Империи (см., в частности: «Гражданское Управление Казаков» из сводов Законов Российской Империи, повелением государя императора Николая I составленного) и по личной инициативе, — камчатские казаки просто **обязаны** были иметь собак. Камчатские ездовые собаки; нартовые псы; упряжные псы — словосочетания, которые можно было услышать в тех местах много чаще, чем, скажем, связанные с лошадьми. Хотя и лошадей и коров камчатские казаки, разумеется, имели.

О казаках Колымского острога современник записал: «Ездят они [казаки] на собаках и впрягают их в сани, которые называются у них нарты. Длина их от 4 до 5 аршин, ширина их 10 или 14 вершков, высота 7 вершков. Наверху нарты в длину и ширину укреплен четырёхугольная деревянная рама, украшенная переплётom из широких ремней, который не только придаёт нарте много крепости, но способствует тому, чтобы мелкая поклажа не вываливалась на дороге. Сия рама укреплен на 6 или 8 копыльях, по 3 или 4 с каждой стороны, а те копылья длиной в 7 вершков, сами крепко вколочены в два полоза, имеющие от 5 до 6 аршин в длину и 3 вершка только в ширину, весьма тонкие, у которых головка или передний конец круто загибается кверху, как у конька, а испод бывает гладкий, дабы способнее нарта катилась по снегу. К головкам тех полозов прикреплен поперечина, к которой привязывают собак попарно от 8 до 12 и до 13. Вожатый держит в руках крепкую палку длиной в 2 аршина с лишком и втыкает её в снег между копыльями, когда хочет ехать тише или совсем остановиться. Ежели собаки хороши и здоровы, то могут они пробежать более ста вёрст в день.

Вся их сбруя состоит из кожаных ремней, сделанных из коровьей или оленьей кожи, которые надевают собакам на голову и которые укреплены так, что вся сила тяжести лежит у собак на груди, когда сбруя широка. Конец сбруи привязан к ремню, обвитому около поперечины нарты. Узды им не надобно, *муштука*, ни цепочки не знают, собаки идут по слову хозяина, а хозяин полагается на покорность собак» (Этнографические материалы из рукописи дневника К. Мерка, начатого 16 августа 1789 г. в Охотске).

Ещё с 1812 года предписывалось уделять большое внимание собаководству, «для зимней

езды» особо. Хорошие *коренники* выбираются ещё щенками по особым приметам, тщательно воспитываются отдельно от других собак, дрессируются и ценятся до 150–200 рублей (конец XIX в.). В среднем «стоимость одной рабочей собаки варьировалась от 50 до 150 рублей». А каковая, для сопоставления, была цена строевого коня для службы, можно найти в Интернете, кто пожелает.

В. И. Семёнов, самовидец из позапрошлого столетия, записал свои тогдашние наблюдения. Ездовые собаки — это необычайно смыслённые животные. Они покорны, усердны, но до известной степени. Привыкнув к определённому порядку, зная дело и старательно исполняя свои обязанности, они возмущаются всяким насилиям, считая это как бы нарушением своих прав. Среди них существует прирождённое чувство справедливости, выражающееся часто весьма резко и своеобразно.

Если в упряжке из 16 собак одна вздумает лентяйничать и будет бежать, только делая вид, что везёт, то это не пройдёт ей даром. Все прочие разом останавливаются, кидаются на неё, и задают хорошую трёпку — затем порядок восстанавливается, и возница никогда не мешает подобной расправе. Иногда эта ненависть к бездельникам превращается даже в жестокость. Так, например, если хозяин пустит бежать вне упряжки больную собаку — с ушибленной или стёртой лапой, — то опытный старый пёс всегда держится от саней на благоразумном расстоянии, потому что стоит ему приблизиться к своим везущим, работающим товарищам — и он будет загрызён на смерть⁷.

Не трудно указать: собаководство играло большую роль на Дальнем Востоке. Сахалин, Камчатка, побережье Чукотского полуострова, Амур (среднее и нижнее течение), Охотское побережье... без упряжного и тяглого собаководства там было совсем туго. Имелись другие положительные моменты. Как часто случалось, бывало ехать никак не возможно, то собаки греют и хранят своего хозяина, лёжа весьма спокойно возле него. О наступающей же буре подают надёжное известие своими действиями и поведением. Кроме того, собачьи кожи (особенно кожи белых собак, на которых шерсть большая) и шкуры — незаменимые материалы для одежды, обуви и проч.

Местные казаки так же использовали псов в качестве подсобной тягловой силы⁸, сами помогали собакам тянуть сани (нарты). Когда снега было мало, или летом, тащили собачки лодки

7 «Забытый путь из Европы в Сибирь», составитель В. И. Семёнов, С.-Петербург, 1910 г., стр. 166.

8 Ещё один вариант. «Самаровские ямщики к концу XVII возили зимним путём до Сургута на собаках» (Путешеств. и журнал Избранндеса, Вивлиоф. изд. 2-е, т. VII, стр. 382). А, Самаровский ям, по словам Фишера, более или менее упрочился около 1661 года (Гурлянд И. Я. «Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века», Ярославль, 1900 г.).

(«тяга лодки бечевой») или волоком перетаскивали на них грузы. Но без вариантов — на первом месте мы поставим Упряжное собаководство.

Виды упряжек были и есть различны. Но обычно в нарту впрягали, чередуя, шесть-семь собачек. Причём, по такому типу: если жоака привязывали слева, то вторая собака — справа; третья — слева... и т. п. А, бывало порой, что ухари впрягали сразу и несколько десятков ездовых собак. Разумеется, что типы нарт с годами менялись.

На Камчатке собака была помощницей человека много-много веков тому назад, о чём рассказала археология. Породу выводили и шлифовали тысячелетиями, даже до такой степени, что — чем ровнее окрас собачки и красивее мех, тем лучше рабочие качества её.

Принцип: разумная выучка, но не дрессировка! На Аляске ценились именно камчатские ездовые собаки. О Аляске не удержусь дописать. На картах казачьего головы Шестакова, какие он привозил в столицу, Аляска обозначена была под названием «Большая земля». Сам якутский казак Шестаков погиб позже в стычке с чукчами. Достиг Аляски штурман Иван Фёдоров (но не высаживался), который годом позже, в 1733, умер на Камчатке. Казак Гаврила Пушкарёв, командовал судном «Святой архистратиг Гавриил» в 1760 году, на котором ходил к Алеутским островам. Он же зимовал на земле, которую и назвал «Аляской»...

В последнее время Русской Аляски, там находился взвод казаков — личный конвой губернатора. За неимением места, для развёрнутого материала⁹, сообщу кратко, что последний русский флаг с Аляски, после известных событий, казаки сняли, сохранили, и позже передали в ГУКВ (Главное Управление Казачьих Войск)¹⁰.

Как сообщала Елена Панюхина, спортивный директор Камчатского Центра ездового спорта, мастер спорта по гонкам на собачьих упряжках, в XVIII столетии «стоимость хорошей упряжки была высока и сопоставима с годовым жалова-

9 Шелехов своей изумительной интуицией и Баранов своей гениальной организаторской деятельностью подарили России целую империю. Вся северная половина Тихого океана была превращена фактически в «Русское озеро». Но... 16 февраля 1825 года Россия подписала, одновременно с Англией и Соединёнными Штатами, конвенцию о разграничении владений. По соглашению, русская граница была отнесена на запад от Скалистых гор до 142 градуса гринвичской долготы. По конвенции 1825 года Россия сохранила за собой лишь одну треть своих владений на североамериканском материке. В сороковых годах Россия уступила Штатам колонию Росс в Калифорнии. В 1867 г. Соединённые Штаты приобрели за 7 ½ миллионов долларов Аляску. Через восемь лет Россия уступила Японии в обмен на южную половину Сахалина, Курильские острова («Луч Азии», № 5, 1935 г., стр. 5–8).

10 Этот зафиксированный флаг полез было снимать американец сразу после торжественной передачи территории, да упал и разбился до смерти! Флаг вызвался снять наш охотник-казак.

нием казака, а порой превышала её, доходя до шестидесяти рублей за четырёх собак. Интересно, что и через 200 лет... цена упряжной собаки оставалась очень велика».

Камчатские собаки на первый взгляд мало чем отличались от крестьянских сибирских. Только шерстью они бывают «наибольше белые, чёрные, чернопёстрые и как волк серые, а красных и других шерстей примечено меньше». Они же самые резвые и «долговечные», а оттого, как думали казаки, что питаются «лёгким кормом», то есть рыбою. А рыбы было там много. Местные жители *горбушу* «запасают только собакам на корм», а из мелкой камчатской рыбы отмечены *уйки*. Как пишет Крашенинников в «Описаниях Камчатки»: «камчадалы сушат их и в зимнее время на корм собакам употребляют, а в нужном случае и сами питаются». Но более всего кормили псов зимою рыбьими костями.

В прежние времена, с весны, когда на них не можно ездить, хозяин бывало отпускал своих собак на волю, и никто за ними даже не приглядывал. И бегают они куда хотят и кормятся тем, что попадётся. По тундрам копают мышей, а по рекам промышляют рыбу. Лишь в октябре каждый собирает собак своих, привязывает и выдерживает до тех пор, пока лишний жир сбросят и тогда вой их слышат все — днём и ночью.

Основная работа их начинается с первым снегом. Зимой кормят ещё собачек своих *опаню*. Собачье блюдо варится так: в большое деревянное корыто наливается вода, по количеству собак... В ямах заквашивается рыба и черпается потом, как ил, ковшами. Наливается это, помешивая, в корыто, с добавлением костей или юколы. Варится всё это калёными камнями, пока кости или рыба упрут. Такая опана самая лучшая и любимая пища для собак, однако кормят ею только к ночи, чтобы спали спокойнее и крепче. Днём же лучше не давать такую еду, оттого что собаки будут полусонными. Что интересно, — хлеба они не едят, даже будучи голодными, лучше будут грызть ремни свои и всякий санный прибор и запас хозяйский, если изловчатся украсть. Собак, которых учат за зверем ходить, как например за оленями, баранами, соболями, лисицами и т. д., кормили зачастую галками, по каким-то стародавним обычаям и приметам.

Как бы камчатские собаки не были бы ласковы к своим хозяевам, — во время дальней езды они бывают очень опасны. Ежели хозяин с саней вдруг упадёт, а ухватиться за сани не успеет или ремень упустит, то ни добрыми словами, ни криком их не остановить. Ещё, на крутых и опасных спусках с гор и на реках, — некоторую часть собак выпрягают, так как в противном случае с ними совладеть никак нельзя. Гонят как сумасшедшие. Но перед лошадьми у собак, в тех краях, большие и убедительные преимущества будут. Собак веками разводили на Камчатке в огромных коли-

чествах до тех пор, пока коммунисты в течение всего лишь нескольких лет не «закрутили гайки».

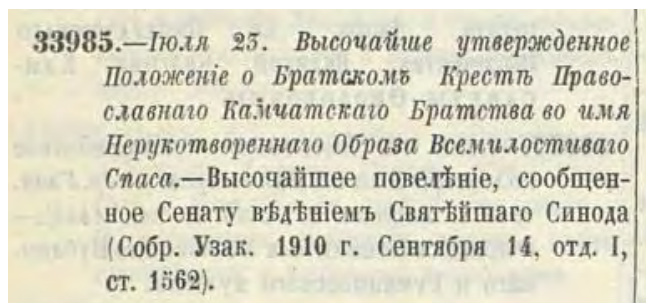
Якутск с острогами и зимовьями сообщался теми самыми путями, которые были открыты партиями казаков в их смелых походах внутрь страны. Они условно разделялись числом семь. <...> Четвёртый путь: Лена до впадения в Ледовитое море, морем до устья Индигирки и Колымы, затем сухим путём через Анадырск до Пенжинской или до Олюторской губы, а оттуда в байдарках или сухим путём по Камчатке (около 5.500 вёрст). Пятый путь: сухим путём через Алданскую заставу в Верхоянское зимовье, отсюда через Зашиверское, Уяндинское, Алазейское, Средне-и Нижне-Колымское зимовья до Анадырска, а отсюда в Нижне-и Верхне-Камчатский и Большерецкий остроги. Шестой путь: Лена, Алдан, Мая, Юдома до Юдомского Креста, перевал и сухим путём в Охотск или сухим путём до Урокского кладбища, а оттуда по реке Уроку в море и морем в Охотск, отсюда или сухим путём или на судах к Пенжинской Губе и в Камчатку. Седьмой путь: Охотский тракт. На переезды туда и обратно казаки употребляли иногда от двух до трёх лет, особенно в Камчатку Леною и Ледовитым морем через Анадырск.

Район, занятый якутскими казаками, и первоначально был довольно велик; затем, возрастая постепенно, он скоро охватил добрую **половину Сибири**. Но, не путаем Якутскую казачью команду; якутский казачий полк и исторических якутских казаков.

Служебные обязанности камчатских казаков состояли «за разными делами». Например, в строевом рапорте о состоянии Якутского полка за 1737 год упоминается казачья служба «у десятинного надела с Мерлиным на Камчатке», то есть поступили в распоряжение к указанному полковнику, проводившему в то время «следствие по бунту камчадалов».

Первое знамя Камчатских казаков было воеводского образца. Оно относится ко времени Петра I, но царского ещё периода: самый конец XVII века. Оно было четырёхугольным, — длиною 2 аршина 14 вершков, а шириною 2 аршина 6 вершков. Сшито из голубой китайской камки, шёлковой цветной ткани с узорами: на *коймах* были писаны серебром *травы*; с одной стороны *Преображение Господне*, с другой *Благовещение Пресвятой Богородицы*. Много позже было передано в Москву. До 1863 года знамя хранилось в московском артиллерийском Арсенале, а после было передано по описи № 14 (где указано, что знамя очень-очень ветхое, так, что середина знамени сгнила и развалилась) в Московскую Оружейную Палату.

Я понимаю, что история всякого известного народа обыкновенно начинается туманными временами, чудными и занимательными событиями,

но тут другое дело, ибо выкладки подкреплены первоисточниками.

Если мы возьмём в руки том второй С.З.Р.И. (Издание 1915 года, Петроград)¹¹, «Учреждение Гражданского Управления Казаков» (не забывая заглянуть в «Учреждение управления казачьих войск»), то обнаружим интересующие нас места, касающиеся камчатских казаков. А именно:

«II. Об управлении Камчатской казачьей команды».

104. Казачью команду в Камчатке составляют: сотник, урядники и казаки. Команда сия подчиняется губернатору Камчатской области.

105. Одежду казаки имеют свою собственную, оружие же и лошадей от казны.

109. Служба камчатских казаков состоит в поддержании караулов при казённых местах, в рассылке по казённым надобностям, также с почтами и эстафетами, в охранении купеческих караванов, и в прочих поручениях, какие по обстоятельствам возлагаемы на них будут.

110. Служба Камчатских казаков ограничивается не сроками, а способностями к продолжению оной.

Несколько перефразируя академика И. Э. Фишера, закончу сей краткий очерк неоспоримым фактом. Греция, Рим, Старый Свет и Новый могут гордиться, хвалиться и хвастаться героями своими сколько хотят, однако не знаю я — отважились

ли бы они на то, что сибирские герои Буза, Перфирьев, Бекетов, Нагиба, Хабаров, Степанов и многие и многие ещё другие действительно учинили; осмелились ли бы они с малым числом людей напасть на столь сильные народы, каковы были, например, монголы, маньчжуры и др., и удалось ли бы

11 «В настоящее, составленное Государственною Канцеляриею, изданию Учреждения Гражданского Управлению Казаков внесены узаконения, обнародованные не позже 31 мая 1915 года».

им покорить, лишь за восемьдесят лет, не только «восьмую часть земли, да притом ещё самую неудобнейшую и опаснейшую между всеми частями, где голод и стужа вечное своё имеют жилище, но и утвердить за собою».

[Из рукописной книги
А. Азаренкова «Казаки Якутские»].
2012

ПРИЛОЖЕНИЕ

Несколько слов об армейских собаках позапрошлых веков. Текст приближён к оригиналу. По большей части — пристальные, сманенные и вольноопределяющиеся... приобрели в войсках не только всеобщую любовь, но и действительную неомрачимую славу — верностью, а иногда даже подвигами своими. Храбрость и неустрашимость слепая; неутомимость и заботливость примерная; нетребовательность и терпение — изумительные; привязанность и всепреданность самая горячая; наконец сметливость, понятливость, ум, нюх, иногда — почти невероятные. Всё это вместе поселило в войсках самую приветливую дружбу, а во многих случаях даже некоторое уважение к почтенному роду этих четвероногих сослуживцев наших.

Конечно, говоря вообще, и в этой породе встречаются подлецы: воришки, трусишки, лакомки и, главное, бездомные и ни к кому непривязанные. Но в войсках это нетерпимо и — к чести собачей надо сказать — этого почти не случается. Не говоря о псах, рождённых при войсках, где-нибудь близ *цейхауза*, манежа или кухни, не говоря о поступивших щенкам, но даже старая собака, раз приставшая к роте или какой либо команде, немедленно бросает все свои дурные привычки, изменяет наклонности и становится добрым псом. Надо отдать справедливость мягкости, покорности и понятливости собачьей: после первых же потасовок, она немедленно и легко исправляется и хорошим поведением очень скоро заглаживает свои прошлые проступки.

Состоящие в войсках собаки главным образом разделяются на два класса: собаки офицерские и собаки солдатские (ротные). Между ними огромная разница. Офицерские собаки вообще гораздо породистее; самые обыкновенные породы офицерских собак — *лягавая* и *пуделя* по пехоте и артиллерии; *борзые* и *сетеры* по кавалерии и, наконец, зубастые *британы* (бульдоги) и иногда *нюфаунлендские* по-флоту. *Гончие*, хотя принадлежат всегда к сухопутным офицерским, но ходят и с ротными охотниками на охоту и потому, чаще состоят при ротных кухнях и вообще возвращаются в низших слоях штабов и ротных дворов, и якшаются с ротными дворнягами, тогда как прочие офицерские собаки, по большей части комнатные, и сопровождают своих господ в прогулках и путешествиях.

Есть ещё офицерские собачонки разных пород и небольших размеров — левретки, английские,

мопсы, моськи, болонки, но они состоят преимущественно при семействах женатых гг. офицеров и не имеют почти никакого значения по части твёрдого фронта войск.

Офицерские собаки крупных пород держатся и ведут себя несколько отдельно от солдатских и, снюхиваясь с ними при встречах, обнаруживают своё превосходство. Они всегда содержатся чисто и сыто. Правда, и солдатская собака никогда не голодает — каждый солдат кинет ей с удовольствием корку хлеба; но особенного щегольства и опрятности в наружности их не замечается.

Поглядите, иногда осенью, в дождь и слякоть походом идёт батальон: непременно тут же бегут при своих ротах разные собачонки, мокрые и зашлёпанные по-уши. Только облизываются да на солдат поглядывают. А случись кошка — марш-марш стрелой за нею, и усталость прошла! И всегда за версту ещё встретят квартирьеров и от удовольствия покруче закрутят хвостики.

При входе в деревню на квартиры, в мирное время ведут себя смиренно и чинно, перенюхиваясь с земляками. Но в военное время, за границей — и ими овладевает дух враждебности и воинственности.

В мирное время большую услугу приносят войскам ещё *охотничьи* собаки. Кроме лягавых гончих, борзых и прочих прирождённых звероловами и птицеловами, — у солдат очень часто ходят «под ружьём» и простейшие *дворняжки* — и ходят превосходно. Вышколенная умным охотником, такая собака исправляет свою обязанность иногда лучше всякой охотничьей породы. Особенно способны к этому такие псы, происхождения которых не разобрать никакому учёному собачнику.

И презанимательные морды есть между ними. Другой <...> будет два часа неподвижно сидеть над застреленной птицей, и, устремив в неё задумчивый и сладострастный взор — точно будто сочиняет: какое бы надгробное слово сказать погибшей во цвете лет куропатке... — Но только не бывшие дворняги!!!¹²

По сколько собакъ запрягаютъ въ сани, и какъ ихъ учить, и много ли кладут на нихъ обыкновенно возить, о этомъ при описаніи вѣды на собакахъ объявлено будетъ.

Собакъ, которыхъ учить за вѣремъ ходить, какъ напримѣръ за оленьми, каменными баранами, соболями, лисицами и прочая, кормить почасу галками, ошъ чего оныя, по Камчатскому примѣчанію, получаютъ большее обоняніе, и бывающъ способны къ лову не токмо вѣря, но и Левыхъ и птицъ.

Кромѣ собакъ заводятся на Камчаткѣ коровы и лошади, а былье никакого шамъ

12 «Наши добрые слуги. Четвероногие» А. Погоского, С.-Петербург: Досуг и Дело, 1872 г., стр. 12–13, 55–56, 60–61.

Казачи на Камчатке

Великий русский писатель А. И. Куприн — офицер русской армии так оценивал пограничную стражу: «Казак — драгоценный союзник в охране государства. Многовековое общение с границей сделало его прирождённым воином со времён седой древности. Казак стоял на рубежах земли Российской, на передовых её постах, как страж и разведчик всегда готовый к первому выступлению и к первой обороне. Где ещё в мире есть подобный независимый род войска?» На этот вопрос можно ответить однозначно — только в России. История казачества — часть истории России. «В старину казачество являлось надёжным оплотом российских государственных хранищ на Диком поле, в Кавказских теснинах, в Сибирских просторах. Два начала — религиозно-православное и национально-русское, глубоко заложенные в душу казачью, всегда крепко связывали казачество с Россией, роднили, объединяли его со всем русским народом, которого оно является порождением, детищем, плотью от плоти и костью от кости его. Казачество было очень ценною военной силою в государстве. Военная доблесть казаков известна всем». Такую характеристику дал Российскому казачеству А. И. Деникин — генерал-лейтенант, который сам был из казачьего рода и понимал значение казаков в России.

Император Александр II, исходя из национальной безопасности России, на Государственном Совете заявил, что «Казачьи войска, оказавшие столько незабвенных заслуг обществу, сохранили и на будущее время своё воинское значение. Твёрдо надеюсь, что казаки и впредь, когда понадобится, выкажут себя такими же молодцами, какими были всегда».

Александр II, принимая Россию от своего отца Николая I, прекрасно понимал, что огромное пространство и не освоенность не даёт покоя Великобритании, Франции, США. Европейские страны и в первую очередь Англия, «владычица морей», «мастерская мира» того времени пыталась в середине XIX века перекроить политическую карту Дальнего Востока России.

История исследования Камчатки началась в 1646 году, когда группа казаков под начальством Семёна Дежнёва и Федота Попова на двух кочах обогнула крайнюю северо-восточную оконечность азиатского материка (впоследствии названную мысом Дежнёва) и вышла в Берингово море. Берегов Камчатки они не достигли, но видели очертания какой-то земли и не смогли её достичь из-за сильных штормов и непогоды.

Первым исследователем Камчатки является Атаман Владимир Атласов. В 1697 году он во главе отряда из 120 человек (60 казаков и 60 юкагиров) на оленях предпринимает поход на Камчатку. Официальным актом присоединения Камчатки к России является памятный деревянный крест в устье реки Крестовой, недалеко

от города Ключи. На кресте выжжена надпись: «1697 году июля 13 поставил сей крест пятидесятник Владимир Атласов со товарищи 55 человек». После путешествия Атласова по Камчатке значительно уточнились очертания полуострова и Камчатка стала изображаться на картах правильно. С 13 июля 1697 года Северная земля Камчатка стала форпостом России на Дальнем Востоке и на протяжении более 300 лет является окном в Азиатско-тихоокеанский регион.

Огромную роль в освоении и присоединении Сибири и всего Дальнего Востока к России сыграли русские казаки, которые, породнившись с местным населением, вобрав в себя их национальные особенности, образовали этническую группу людей — гуранов, челдонов, камчадалов и т. п. От смешения крови великого русского народа с восточной кровью появился новый тип человека, воплотившего в себе силу и удаль, лихость и ярость, выносливость и неприхотливость, терпеливость, трудолюбие и бескорыстие.

Эти качества определяют и потомков Камчатских казаков сегодняшнего дня, которые всегда готовы не только к труду, но и к обороне родного края. Отсчёт своей службы камчатские казаки ведут со времён великого Атамана Владимира Атласова.

С этого и начинается История Камчатского казачества, общины, которая имела и свои земли, на ней работала, и несла службу по охране границ, водных и рыбных ресурсов Камчатки.

Казачи не нарушали экосистему тундры, леса, животного мира, а самое главное, богатство Кам-

Картина «Оборона Петропавловска-на-Камчатке в 1854 г.», авторы Г. С. Зорин и Я. С. Куриленко, 1950 г.

чатки — естественные запасы рыбы. Практика показала, что в настоящее время уничтожение рыбных богатств, оленьих пастбищ и их поголовья происходит за счёт приезжих жителей, и нерадивых чиновников которые не знают традиций Севера и хищнически относятся к окружающей среде.

Чтобы предотвратить это, необходима экономическая программа разработки ресурсов Камчатки, программа воспроизводства рыбных запасов, лесов. Программа экономической деятельности должна учитывать первейшую заповедь: «не навреди», что бы наши дети и внуки могли увидеть Камчатку цветущей стороной, а не опустошённой пустыней.

Ещё в начале XIX века Григорий Иванович Лангсдорф в июле 1804 года, впервые ступивший на землю Камчатки, сообщал, что «Первая потребность для сей страны состоит в том, чтобы более заселить оную и иметь добрых землепашцев, ремесленников и промышленников... Камчатку следует снабжать всем необходимым, развивая торговлю с Японией и Китаем, а не везти туда товары из Европейской части России через Сибирь» ...Лангсдорф полагал, что «Казачество само снабжавшее себя всем необходимым, а камчадалы — камчатские казаки, представляют достаточную силу для защиты своего очага, — он приводит пример, — что в двенадцати вёрстах севернее Верхней Камчатки находится Мильково — деревня, состоящая из 13 домов, в ней 25 мужчин, а всего 80 душ. Местные жители имеют 85 коров, 22 лошади, но это не солдаты, а трудолюбивые

казаки, предки которых были посланы сюда, что бы присоединить эту землю к России, освоить её и жить на этой земле. Осенённые Божиим благословением, они, женившись на местных девушках, постепенно увеличились в числе, работают на земле, ловят рыбу в реках и море, охотятся в лесах и питаются тем, что приносит им работа: выращенным самими хлебом, картофелем, капустой, мясом рыб, птиц, диких и домашних животных. Дичи и рыбы на Камчатке в изобилии, леса полуострова буквально переполнены превосходными и разнообразными плодами».

Академик Лангсдорф описал жизнь и деятельность потомков первых казаков-первопроходцев, которые освоили пространства Камчатки, построили первые остроги, создали свои семьи, внесли в быт местных народов земледелие, свою русскую культуру, которая сейчас в конце XX века является культурой всей Камчатки, возвращённой на быте поколений за три века.

А ведь некоторые политики поговаривали, что Камчатка — страна сложная, там могут быть сильнейшие землетрясения, и что она, с экономической стороны, невыгодна для России, и что наступило время переселения жителей на материк. Москва очень далека от Камчатки не в расстоянии, а в сознании, что Камчатка — это Россия, это русская земля. Именно здесь над Россией восходит солнце.

Ведь почему-то японцы не покидают свой очень беспокойный остров, а наоборот, ещё обращают внимание на Северные территории, на Курилы, на Сахалин, на Камчатку. При прави-

Многие не знают, что Памятник Курильскому десанту в Петропавловске-Камчатском — это не просто обелиск, а памятник над братской могилой погибших десантников, освобождавших Курилы

тельстве даже создали специальный комитет по изучению ресурсов Камчатки. Получается так, что Камчатка нужна Японии, а вот нашей столице почему-то нет.

Мы, казаки Камчатского казачьего округа, живём здесь и будем жить ибо это наша земля, мы живём здесь и работаем продолжая развивать в современных условиях традиционный казачий уклад жизни и современные формы хозяйствования, продолжая сохранять исторические и культурно-духовные традиции казачества, продолжая воспитывать казачат, патриотами Камчатки и России. Наша задача выйти на уровень несения казаками государственной службы по обеспечению национальной безопасности России на Дальнем Востоке, так же, как и наши предки — казаки, исполнившие перед Россией свой долг.

Ещё в 1848 году Николай I на должность Генерал-губернатора Восточной Сибири назначил Н. Н. Муравьёва, который всю свою жизнь посвятил служению России. Его заслуга перед Отечеством заключается в том, что он стал первым государственным человеком, который на практике стал внедрять слова Михаила Ломоносова: «Богатства России прирастать будут Сибирью». Но Николай Николаевич Муравьёв понимал, что эти «богатства Сибири» надо защищать и осваивать. Вот почему главной его деятельностью в Сибири было практическое освоение этого края.

Перед отъездом в Сибирь Муравьёв ещё раз встретился с Николаем I и договорился с ним, что он, будучи губернатором, посетит Камчатский край. Царь, зная его характер, и не сомневался, что так оно и будет.

«Десант на Курильских островах».
Художник Андрей Иванович Плотнов

Возложение цветов к обелиску Курильского десанта

В Николаевской России в Петербурге часть политиков прозападного толка (Ф. Вронченко — министр финансов, граф В. Н. Панин, канцлер России К. Нессельроде) считали, что Дальневосточные земли не нужны Российской империи. Поговаривали — что эта «команда» под руководством графа Нессельроде пытался убедить Николая I в ненужности этих земель. Да и в Российском военно-морском флоте офицеры шутили, что если вы хотите завалить научно-морскую экспедицию на Дальний Восток, то поручите это дело канцлеру Российской империи Нессельроде.

Вторая группа политиков — сторонники освоения Дальнего Востока, такие как князь Меншиков, братья Перовские, граф П. П. Киселёв, а также старик Г. И. Лангсдорф — академик, который дважды побывал на Камчатке и встречался через Е. И. Головина с Н. Н. Муравьёвым. Муравьёв принял решение побывать на Камчатке.

Евгений Александрович Головин был рад и с полным основанием мог гордиться своим бывшим адъютантом, с которым они прошли многие войны. Письмо Головина Муравьёву стало пророческим напутствием, что «твоя голова возвысится над другими, но не выйдет из толпы... Кумиру, перед которым просвещённая Европа преклоняет колена».

Памятник-мемориал. На краю обрыва, стоит, как и в 1854 году, героическая «Смертельная» III батарея лейтенанта Александра Максудова

Опыт Н. Муравьева-Амурского показал, что самые подвижные войска в России — казачьи войска, которые с успехом могут воевать, держать границу и работать на матушке земле. Это показала и Кавказская война, и война в Персии.

Вот почему Губернатор Восточной Сибири был сторонником освоения, заселения Сибири, Дальнего Востока и окончательного закрепления в границах Российской империи этих земель через организацию формирования казачьих частей и закрепления их на границах в Забайкалье, в Приамурье, а также в районе реки Усури и на Камчатке. Но самое главное то, что Муравьев-Амурский огромное значение придавал Камчатскому краю, который находился на самом севере империи. Он понимал, что национальная безопасность морских рубежей Дальнего Востока контролируются с берегов Камчатки. Камчатский край и сам г. Петропавловск-Камчатский являются как бы замком для всего Востока, включая земли острова Сахалин и Курилы.

В докладе департаменту восточных земель Николай Муравьев писал: «Камчатка со временем будет много значить для великой России... Я много видел портов в России и в Европе, но ничего подобного Авачинской губе не встречал, Англии стоит умышленно сделать двухнедельный разрыв с Россией, чтобы завладеть ею, и потом заключить мир, но уже Авачинской губы она нам не отдаст...».

В 1849 году Губернатор восточной Сибири Н. Н. Муравьев-Амурский, находясь на Камчатке, провёл рекогносцировку незамерзающей Авачинской губы и Петропавловской гавани, выбрал место для будущих батарей. Для защиты побережья была необходима военно-морская артиллерия.

Н. Н. Муравьев-Амурский писал в Петербург: «Смею думать, что в Камчатке и Охотском море нам должно иметь военные средства соответственно тем, которые имеют англичане у китайских берегов и Сандвичевых островах». Несмотря на серьёзную мотивировку, планы Муравьева в столице сочли «фантазией», приписав их «пылкости его воображения». Канцлер Нессельроде денег на Сибирь, тем более на Камчатку не отпускал.

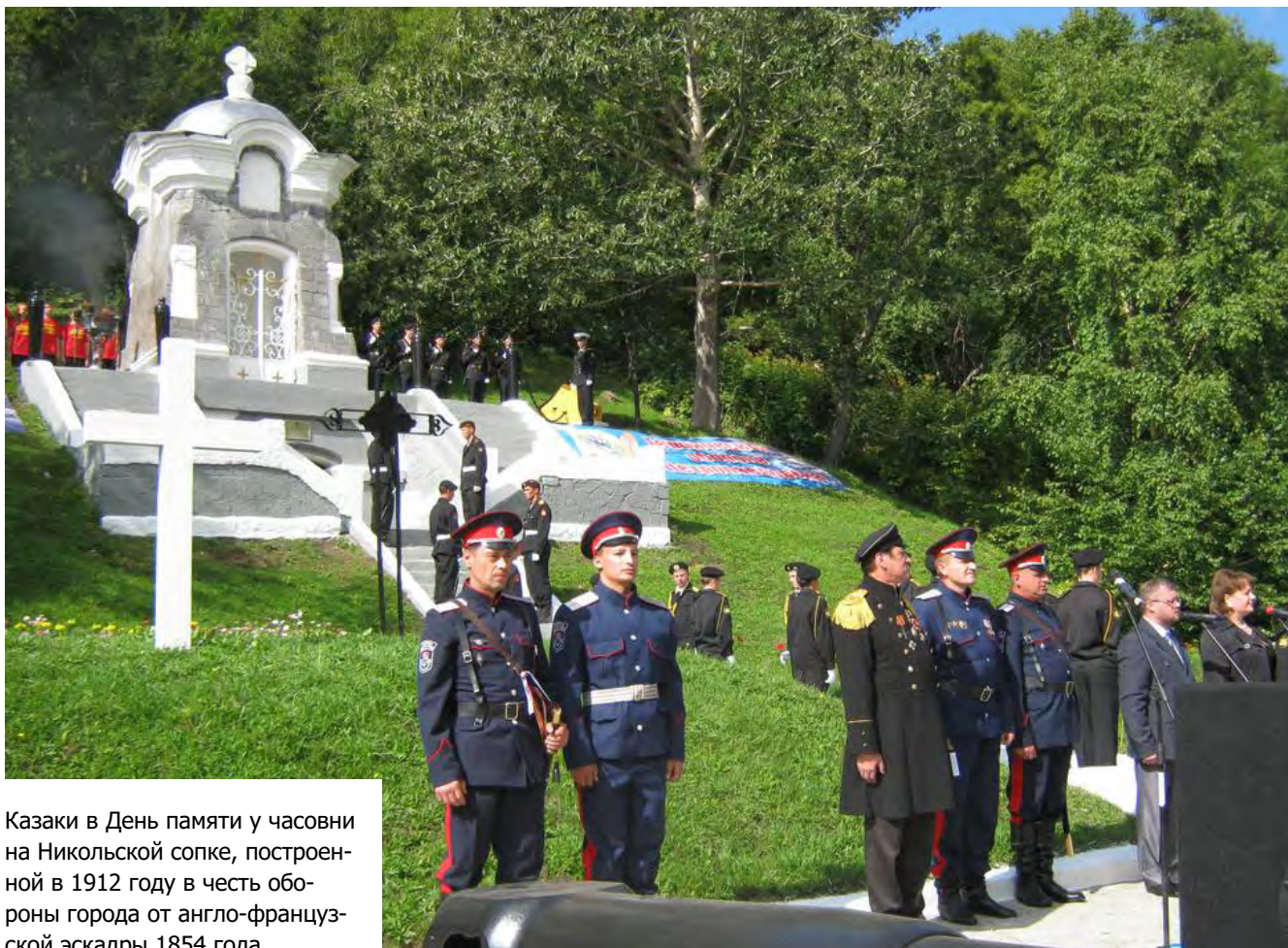
Воинственные заявления Великобритании и Франции были восприняты Муравьевым практическими делами. Он отправляет в Петропавловск на Камчатке военный транспорт «Двина» под командованием капитан-лейтенанта Васильева; который доставил в порт 350 солдат-сибиряков, среди которых было 100 казаков. Главной причиной посылки сибирских казаков на Камчатку было их закрепление на постоянное местожительство и охрану рыбных ресурсов и морской границы от американских китобоев и английских судов.

Такова была политика Генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского в отношении к Камчатке, которая входила непосредственно в Восточную Сибирь административно. А петербургские чиновники из департамента восточных земель не понимали значения Камчатки в национальной безопасности России.

Грянула война. В Крыму Россия потерпела неудачу. А вот на Дальневосточном театре военных действий была иная картина. Здесь Россия поставила на место захватчиков. И Англия — владычица морей навсегда распрощалась с надеждой завладеть Авачинской бухтой.

Англо-французская авантюра позорно провалилась. Эскадре из шести судов русские ядра нанесли такие серьёзные повреждения, что лишь благодаря хорошей погоде им удалось достичь берегов Канады и Америки.

Академик Е. Тарпе назвал победу камчатского гарнизона «лучом солнца» в масштабе Крымской войны 1854–1856 годов. А Камчатский военный губернатор В. С. Завойко — адмирал российского флота вошёл в военную историю как блестящий организатор победы Петропавловского боя, ре-

Казачи в День памяти у часовни на Никольской сопке, построенной в 1912 году в честь обороны города от англо-французской эскадры 1854 года

когносцировку которого сделал ещё в 1849 году Н. Н. Муравьев-Амурский.

Камчатские казаки встретили английский десант — 700 штыков, с северной стороны Никольской сопки, к ним во время боя присоединились флотский экипаж и местные жители. В жесточайшем бою англичане были разбиты.

Радостнее всего Петропавловская победа была встречена у населения Восточной Сибири, которые собрали 2,5 тысяч рублей, 300 голов крупного рогатого скота, а кочевые звенки пригнали в подарок защитникам Петропавловска 400 оленей. Сибирь заботилась, чтобы её защитники — камчадалы не терпели нужды в продовольствии и снаряжении.

В этом неперемная заслуга Николая Николаевича Муравьева-Амурского, который понимал, что «граница породила казачество, а казаки создали Россию» Особенно это высказывание Льва Толстого, подходит казакам русского северо-востока, которые «создали» Россию на северо-востоке страны, а потом на протяжении столетий охраняли её границу.

Первопроходцы — казаки, подняли, обогатили и прославили далёкие окраинные земли востока азиатского материка и Аляски.

Вторым этапом истории Камчатского казачества является оборона Камчатки в период

русско-японской войны 1904–1905 годов. Если в 1854 году г. Петропавловск-Камчатский защищал гарнизон из солдат, матросов, казаков, имея фрегат «Аврора» и военный корабль «Двина» при 68 орудиях, то теперь военные силы всей Камчатки состояли всего из полусотни казаков.

Депеша о начале войны дошла до Петропавловска-Камчатского через три месяца — 22 апреля 1904 года. 23 апреля 1904 года собрался сход, на котором было принято решение дать решительный отпор врагу и организовать отряды. Старики, участники боёв 1854 года с англо-французской эскадрой говорили: «Все умрём, а не сдадимся... Если японцы высадятся в устьях рек, дальше они не пройдут — перестреляем в кустах».

Начальником обороны западного побережья Камчатки назначается Сотников Максим Иванович. Этому человеку в большей степени принадлежит заслуга в успешной обороне Камчатки 1904–1905 годов. Родился Сотников М. И. в 1873 году в Тобольской губернии. Военную службу начал в Восточно — Сибирском линейном батальоне в Хабаровске. В 1847 году был командирован на Камчатку для обучения казаков с новым образцом винтовки системы Мосина. В 1902 году был уволен в запас. В 1903 году назначен надзирателем за рыбными промыслами

Камчатки. Одно время выполнял обязанности начальника уезда Камчатки. Сам Максим Иванович был из старого казачьего рода. Деятельность Сотникова на западном побережье началась с организации дружин. Всего здесь было организовано четыре пеших и одна конная дружины: Тигильская — численностью 100 человек, Ичинская — 66 человек, Облуковинская — 40 человек, Большерецкая — 72 человека, конная — 18 человек. Командиром Тигильской дружины был назначен казак Павел Юшин, Ичинской и Облуковинской — Михаил Корякин. Конной дружиной командовал казак Нагорный. Её назначением была связь между дружинами, оперативное прибытие в места высадки японцев и организация первого сопротивления и уничтожения десанта.

На Восточном побережье была организована Усть-Камчатская дружина в составе 110 человек. Всего в дружинах Камчатки насчитывалось 475 человек.

Дружины комплектовались в основном из местного населения — потомков казаков первого этапа, пришедших на Камчатку в середине XVII, конце XVII — начале XVIII веков. Эти дружины обладали умением стрелять, знанием родных мест и привычкой к походной жизни. Эти качества в условиях партизанской войны превращали их в грозную силу против японских захватчиков. Уже в мае 1904 года началась высадка японцев на берега Камчатского полуострова.

Первая схватка произошла на реке Большой, где дружинники под командованием казака Селиванова, на ботах атаковали японскую шхуну и сожгли её. Во второй половине мая были уничтожены ещё четыре шхуны в реках Колпаковой, Облуковиной. 28 июня Сотников, ещё собирая в Голыгино свой отряд, спустился на ботах к морю и в устье реки Опалы уничтожил японскую шхуну с её командой. 30 мая в устье Озёрной с 4-х шхун высадился прибывший с острова Шумшу вооружённый десант лейтенанта Гундзи численностью 150 солдат с двумя орудиями. Ближайшим к месту высадки, было, село Явино, расположенное в 15 км к месту от Озёрной. Следующее село Голыгино располагалось в 60 километрах южнее, а в глубине полуострова населённых пунктов не было.

В материалах, присланных из Томского архива, имеются любопытные сведения о Гундзи — лейтенанте военно-морского флота Японии. Сечи Гундзи до 1903 года служил приказчиком Камчатского торгово-промышленного общества, занимаясь, в основном, шпионской деятельностью. В конце сентября 1903 года Сечи Гундзи уже в мундире японского флотского офицера проехал вдоль западного побережья Камчатки, когда русское охранное судно ушло от камчатских берегов, и побывал в селениях Явино, Голыгино, Колпаково. Гундзи был хорошо знаком с Камчаткой, знал полную беззащитность этой

Медаль «За Победу над Японией»

страны и полагал, что не встретит здесь ни какого сопротивления. Планы Гундзи скромными не были. Он собирался прочно закрепиться в районе Озёрной — Явино; затем, используя успехи японцев, распространить зону захвата на север; постараться привлечь на свою сторону кое-кого из местного населения и дать основание своему правительству козырять на мирных переговорах фактическим владением Камчаткой. Но его первым и последним успехом был захват Явино.

Это небольшое село из 16 дворов и маленькой часовней располагалось на восточном берегу Явинского озера. На колокольне часовни развевался японский флаг. На столбе была прибита доска с многоговорящей надписью: «Эта земля принадлежит Японии. Командир японского войска Сечи Гундзи».

Сотников расположил свой лагерь в семи километрах от Японского лагеря. Отряд Сотникова состоял из 88 человек. 13 июля в лагерь Японцев были отправлены в разведку староста села Явино Игнатьев и дружинник Ивановский из села Паратунка. Они прошли в лагерь и убедили Гундзи, что жители Явино готовы покориться японским властям и просят его прийти к ним. Можно только представить состояние гордого самурая, когда его привели в лагерь Сотникова. Потеря главного организатора захвата Камчатки обезглавила десант, лишила наступательного духа и в корне изменила военную обстановку на западном побережье Камчатки. 15 июля ночью отряд Сотникова окружил японцев и к утру разгром отряда был завершён. На реке Иче 17 июля казаки Нагорный и Корякин со своими отрядами сожгли восемь шхун, а двести японцев погибли в бою с дружинниками. Крупное столкновение было в бухте Карага на севере Камчатки, где японцы предприняли высадку десанта, после боя, спаслось только несколько японцев. По сведениям, полученным русским консулом в Японии, за это время японцы потеряли на Камчатке

Ленточки медали «За Победу над Японией» в руках ветеранов, в память о Курильском десанте 1945 года

40 шхун, 500 человек личного состава. В бою у Озёрной, в устье реки Опалы, в бухте Карага на острове Медном потери «самураев» составили 700 человек личного состава морской пехоты страны восходящего солнца. Главным итогом боёв боевых дружин Камчатки с японцами явилось сохранение её в составе России во время русско-японской войны 1904–1905 г.

Пограничная стража Камчатки — казаки выполнили свой священный долг по обеспечению национальной безопасности России, отстаивали целостность государства. Они отстаивали самые северные рубежи на Дальнем Востоке, несмотря на трехкратное превосходство по численности, по вооружению по количеству военных кораблей защитники Камчатки доказали, что они достойные наследники своих отцов.

С Камчатки в хорошую погоду можно было разглядеть остров Шумшу, который находился всего в 12 километрах от полуострова Камчатка. Это крайний остров Курильского архипелага — гряды из 59 островов, длиной в 1200 километров.

Освоение Курильских островов русские казаки начали ещё в 1711 году. Тогда принадлежность этой территории к России не вызывала сомнений у международного сообщества. Но в 1875 году Александр II решил упрочить мир на Дальнем Востоке и передал Курилы Японии взамен на её отказ от претензий на остров Сахалин. Эти миролюбивые усилия императора оказались напрасны. Спустя 30 лет русско-японская война всё же началась, и соглашение утратило силу. С тех пор на картах они обозначались как территория Японской империи.

Курильские острова непригодны для хозяйственной деятельности, поэтому многие века они считались практически необитаемыми.

Жителей было всего несколько тысяч, преимущественно представители айнов. Рыболовство, охота, натуральное хозяйство — вот и все источники существования.

В 1930-е годы на архипелаге развернулось бурное строительство, в основном военное — аэродромы и морские базы. Японская империя готовилась к борьбе за господство в Тихом океане. Курильским островам предстояло стать плацдармом, как для захвата советской Камчатки, так и для нападения на американские военно-морские базы (Алеутские острова). В ноябре 1941 года эти планы начали осуществляться. Спустя 4 года японцы успели оборудовать на архипелаге мощную систему обороны. Все доступные места для высадки на остров прикрывали огневые точки, под землёй была развитая инфраструктура.

Остров Шумшу, считался северными воротами Курильского архипелага, и Япония уделяла особое внимание укреплению Шумшу, 58 дотов и дзотов могли простреливать каждый метр побережья. Всего на острове Шумшу было 100 артиллерийских установок, 30 пулемётов, 80 танков и 8,5 тысяч солдат. Ещё 15 тысяч были на соседнем острове Парамушир, и они могли быть переброшены на Шумшу в течение нескольких часов.

Курильская десантная операция по освобождению Курильских островов, после артподготовки, началась высадкой прибывшего с Камчатки морского десанта 18 августа на остров Шумшу и проходила до 1 сентября 1945 года. В операции по овладению Курильскими островами во время Второй мировой войны против японских войск участвовали войска 2-го Дальневосточного фронта и Тихоокеанского флота СССР. Итогом операции стало занятие советскими войсками 56 островов Курильской гряды, общей площадью 10,5 тыс. км², которые позднее, в 1946 году, были включены в состав СССР.

Всё это обязывает нас, живущих здесь сейчас — наследников славной истории и традиций защитников Камчатки во время боёв 1854 года в Петропавловске и обороне Камчатки в русско-японскую войну 1904–1905 годов, участников Курильского десанта 1945 года помнить, об их воинских подвигах и воздать должное их памяти для потомков.

Нам, казакам Камчатки, суждено быть хранителями славных традиций предков наших и продолжать заниматься становлением казачества на государственную службу, службу по защите национальных интересов России на Дальнем Востоке, и конкретно, в Камчатском крае.

**Атаман
Отдельного Камчатского
казачьего округа,
казачий полковник
Н. В. Бянкин**

Возрождение казачьих традиций

В последние годы идёт активное формирование взглядов на казачью культуру как органичную составляющую часть общероссийской системы ценностей. В связи с этим во многих регионах страны значительно возрос интерес к изучению и использованию в современной практике казачьих традиций.

В Камчатском крае к теме казачества на различных уровнях и направлениях также проявляется определённый интерес, ведь история освоения Камчатки тесно связана именно с казаками. И казаки Мильковского станичного казачьего общества не остались в стороне — решено принять участие в конкурсе на право получения социально ориентированными некоммерческими организациями Мильковского муниципального района субсидии из краевого бюджета на реализацию социально значимой программы (Проекта) «Возрождение казачьих традиций. Пропаганда и приобщение детей и подростков к традициям казачьей культуры».

Каждый народ имеет свои собственные традиции, со своими праздниками, играми, обрядами. Казаки не являются исключением.

В самобытной казачьей среде зародились и долгое время развивались так называемые домашние игры или шермиции. Прежде всего — это праздник. Обязательными являлись воинские забавы. Ведь подрастающее поколение должно было учиться у отцов и дедов. Казаки МСКО решили возродить в нашем Мильково такой Праздник и решительно взялись за реализацию Проекта — составили Программу, подсчитали расходы, оценили свои возможности... Результатом активной деятельности стали два мероприятия, которые прошли у нас в Мильково в рамках реализации Программы.

26 октября на базе районного дома детского творчества прошло культурно-массовое мероприятие «Казачок», в котором приняли участие ребята разного возраста и их родители. Все присутствующие познакомились с семейными ценностями и традициями казачьей среды, прикоснулись к исконной казачьей культуре. Узнали, как называется казачий дом, как воспитывали девочек и мальчиков в казачьих семьях, какими

были их игры и забавы... Неподдельный интерес вызвали предметы домашнего обихода, которые были предоставлены Детским музеем РДДТ. Родители и дети «ходили по воду» с настоящими коромыслами, стирали бельё при помощи стиральной доски, гладили бельё рубёлем, утюжили настоящим утюгом, который разогревался при помощи углей. Мальчишки приобретали первоначальные навыки фланкировки шашкой. Ребята объединения «Казачата» РДДТ Алексей Жунку, Матвей Жунку, Ярослав Михальчук, Евгений Девятериков, Юрий Колесов, Сергей Алексеенка, Евгений Тимофеев и выпускник Виктор

Вышневецкий показали своё умение владеть настоящей шашкой и нагайкой. Все, кто принимал участие в конкурсах и играх, получили призы с казачьей символикой, а самые активные ребята были отмечены Атаманской грамотой атамана МСКО подесаула Г. П. Астахова.

Но самое интересное было на улице — все желающие попробовали себя в рубке острозаточенной казачьей шашкой пластмассовых бутылок с водой! Вот где был соревновательный дух!.. И, надо сказать, у многих получилось разрубить с одного

удара бутылку с водой! Радости мальчишек и девочек не было предела!

Вторым этапом реализации Проекта был благотворительный концерт **«Мы с тобой казаки»** казачьего ансамбля МСКО «Мильковская вольница» и детского вокального ансамбля МКУДО РДДТ «Казачата», на который прибыли атаман ОККО УКВ казачий полковник Н. В. Бянкин, о. Владислав (сотник Ревенок), священник, окормляющий Камчатское казачество, первый товарищ атамана, войсковой старшина, заместитель руководителя Агентства по внутренней политике Камчатского края В. В. Махиня, члены Правления и Совета атаманов Камчатского казачьего округа.

Гостями концерта стали народный вокальный коллектив «Исток», руководитель Н. Макерова, национальный хореографический ансамбль «Завина», руководитель Е. Етнеут из п. Ключи, а так же ансамбль «Вдохновение» Мильковской школы искусств, руководитель М. Прохорова.

В концерте прозвучали известные и неизвестные казачьи песни, песни советских композиторов, песни, которые были включены в программу по многочисленным просьбам наших дорогих зрителей, тех, кто любит и ценит песенную казачью культуру. Концерт вели выпускники объединения «Казачата» Любовь Рогозина, Виктория Муленкова, Дарья Ворошилова, Виктор Вышневецкий. Атаманской грамотой от Н. В. Бянкина отмечены казачата, которые с большим интересом изучают казачью культуру, исполняя казачьи песни, следуя казачьим традициям и обычаям: Ярослав Михальчук, братья Алексей и Матвей Жунку, Ев-

гений Девятериков, Юрий Колесов, Евгений Тимофеев, Мирон Волженин, Виктор Вышневецкий, Владимир и Дарья Ворошиловы, Звягина Алёна, Сапрыкина Алёна, Софья и Любовь Рогозины, Екатерина Голуб, Серая Милана, Архарова Диана, Виктория Муленкова. А самый младший казачок Сергей Алексеенко получил от атамана сладкий приз!

Концерт прошёл на одном дыхании, и завершился общим исполнением казачьего гимна «Встань за веру, русская земля!».

В планах казаков МСКО — продолжать проектную деятельность, направленную на возрождение казачьих традиций в Мильково!

Казаки выражают огромную благодарность за помощь в реализации Проекта: начальнику ОСПН АММР А. А. Лапиной, ведущему специалисту-эксперту Н. С. Дорошенко, директору МКУДО РДДТ Н. А. Супруновой, заведующей детским музеем Л. В. Коряка, педагогу дополнительного образования О. Г. Бабяк. И. В. Астафьевой, Главному редактору районной газеты «Мильковские новости» С. В. Агушкиной, директору МДКД Е. П. Адаменко, работникам районного Дома культуры: А. В. Чердиченко, Е. Сорока, М. Зенкову, В. Иванову, Р. Потаповой, З. Заспиной. Отдельная благодарность нашему нештатному фотографу Константину Рогозину и С. А. Симаковой, волонтеру казачьего движения!

И, конечно, всем, кто принял участие в мероприятиях, реализованных в рамках данного Проекта!

Н. П. Швецова,
заместитель атамана МСКО

Есаул Сыроешкин, или Попытка спасти монархию сто лет назад

Много ещё неизвестных героев казачества скрыто от нас завесой архивной пыли. Их жизнь, их дела и поступки, покрытые тьмою исторического беспомыслия, могли бы послужить для потомков примером стойкости, мужества, верности долгу и присяге в борьбе с внутренними врагами за судьбу Отечества. Мы постараемся, хотя — бы вкратце, проследить историю жизни одного из них и выяснить, что же произошло в то далёкое и такое мятежное время.

1. СЫРОЕШКИНЪ, Ефремъ Ивановичъ, вып. 1891 года. Есаулъ. Командиръ 1-й Зап. сотни Сибир. казачьяго войска. Застрѣлился 3-го марта 1917 года въ г. Твери послѣ обращенія къ казакамъ вѣренной ему сотни, въ которомъ онъ высказалъ свою полную неприимчивость къ совершившимся событіямъ.

Однажды, просматривая списки казаков Сибирского казачьего войска в журнале «Разведчик» за 1901 г., я с интересом прочитал такую запись: «Офицеры награждённые Императорскими призами за состязания в стрельбе в 1900 г.: 3-го СКП сотник — Сыроешкин, сумма квадратов — 79».

В памяти сразу всплыли воспоминания из детства о фильме «Приключения Электроника», который нам показывали по центральному телевидению во время школьных каникул. Сюжет фильма, конечно — же фантастичен, но в отличие от киного героя нашего детства, лоботряса

и двоечника Сергея Сыроежкина, наш исторический персонаж выглядит просто молодцом!

После долгих поисков в архивах держу в руках «Послужной список командира 1-й Сибирской казачьей запасной сотни» есаула Сибирского казачьего войска Ефрема Ивановича Сыроешкина, составленный 27 марта 1917 г. Этот уникальный документ интересен тем, что позволяет проследить всю службу нашего героя вплоть до его трагической кончины, произошедшей в начале марта 1917 г. Биография и боевой путь господина есаула впечатляют: учёба в Сибирском кадетском корпусе и 1-м Павловском военном училище, служба в 3-м, 6-м и 9-м полках Сибирского казачьего войска (далее СКВ), участие в заграничном походе в Китай в 1900 г., русско — японской войне 1904–05 гг., с последующим увольнением от службы, повышением в чине за выслугу лет, правом ношения мундира и пенсией. Всё говорит о том, что перед нами один из блестящих боевых офицеров СКВ! Как случилось, что такой талантливый военный, закалённый в боях и походах, отличный стрелок, награждённый боевыми орденами, достойный получения знака отличия беспорочной службы и к тому — же имеющий семерых детей покончил жизнь самоубийством? Может ли он быть вписан в пантеон героев славы доблестного сибирского казачества?

Ефрем Иванович родился 28 января 1872 г. в станице Урлютюпской Семипалатинской области в семье природных сибирских казаков. Воспитание получил в знаменитом Сибирском кадетском корпусе. После его окончания поступил на службу и 30 августа 1891 г. был прикомандирован к Николаевскому кавалерийскому учи-

лицу с зачислением 28 сентября 1891 г. юнкером рядового звания. 1 января 1892 г. был переведён в 1-е Павловское военное училище и 5 мая этого же года произведён в унтер-офицеры. Уже через год у молодого казака проявился талант к меткой стрельбе. 30 июля 1893 г. он награждается званием отличного стрелка и получает знак за отличную стрельбу.

По окончании курса в Павловском военном училище, 7 августа 1893 г. произведён в первый офицерский чин хорунжего с зачислением по СКВ. 29 сентября приказом по СКВ назначен и. д. помощника старшего адъютанта управления 3-го военного отдела, штаб которого находился в г. Усть-Каменогорске. 27 апреля 1894 г. зачислен в строевой состав 3-го Сибирского казачьего полка (СКП), а 4 ноября следующего года назначен и. д. квартирмейстера этого же полка. 26 февраля 1896 г. Сыроешкин удостоивается одной из своих первых наград — серебряной медали в память царствования императора Александра III. 1 августа 1897 г. Ефрем Иванович производится в очередной офицерский чин сотника, а 16 августа командирован в распоряжение войскового начальства СКВ, которое 21 июля 1899 г. назначает его делопроизводителем полкового суда при управлении всё того-же 3-го военного отдела. 5 июля он направляется в родную станицу Урлютюпскую для поступления в 1-ю сотню 6-го СКП, но буквально через месяц 4 августа 1900 г. его переводят в состав 4-го СКП, в составе которого молодой 28-летний офицер 21 сентября 1900 г. направляется в пределы Китайской империи на усмирение восставших китайцев.

Дело в том, что в ноябре 1899 г. в Китае вспыхнуло восстание Ихэтуаней, более известное в истории как боксёрское восстание. Это народное выступление бедных слоёв населения, которое было направлено против иностранцев, заполонивших Поднебесную. Участники восстания формировали боевые отряды, нападавшие, в первую очередь, на иностранных миссионеров и китайцев-христиан. Члены отрядов практиковали мистические и религиозные отряды, заимствованные у традиционных китайских культов и регулярные занятия кулачными боями. Именно из-за этого их и стали называть ещё «Боксёрами». В ряды Ихэтуаней вступали обедневшие ремесленники, разорившиеся крестьяне, солдаты, демобилизовавшиеся из армии и даже подростки с женщинами. Убийства европейцев привели к тому, что западные державы объявили Китаю войну. На усмирение восставших были посланы и сибирские казаки. Но из-за своей удалённости от театра военных действий они не смогли прибыть туда вовремя и в подавлении восстания были задействованы казаки Забайкальского казачьего войска.

После возвращения, 8 января 1901 г. сотник Сыроешкин командирован на службу в 3-й СКП,

где последовательно проходит должности: младшего офицера 1-й сотни (с 13 января 1901 г.), временно командующего 3-й сотней (с 20 августа 1902 г.). По случаю мобилизации 9-го СКП он назначается командующим 2-й сотней (с 2 февраля 1904 г.). За полгода до этого назначения, а именно 1 августа 1903 г. он производится в чин подесаула, а 2 сентября 1904 г. переводится в 9-й СКП, в составе которого с 26 октября 1904 по 26 ноября 1905 гг. принимает участие в Русско-японской войне на территории Манчжурии. За отличную службу и подвиги во время боевых действий, 29 августа 1905 г. Сыроешкин награждается орденом Св. Станислава 3-й степени, 1 октября 1905 г. орденом Св. Анны 3-й ст., а также мечами и бантом к ордену Св. Станислава 3-й ст. 16 июня 1906 г. за выслугу лет он производится в есаулы, с последующим увольнением от службы по болезни, с мундиром и пенсией.

26 сентября 1914 г., в связи с началом Первой мировой войны, есаул Сыроешкин назначается командиром 1-й Сибирской казачьей запасной сотни. 26 августа 1915 г. за ревностную службу ему пожалован орден Св. Станислава 2 ст. К началу войны Ефрем Иванович уже был женат на дочери поручика Чередова — Евгении Дмитриевне и имел семерых детей: дочерей-Варвару (27.06.1896 г. р.), Марию (11.08.1899 г. р.), Александру (21.02.1902 г. р.), Зою (11.06.1906 г. р.), Лидию (30.11.1907 г. р.), Иларию (02.02.1911 г. р.) и сына Михаила (02.11.1913 г. р.).

О дальнейших революционных событиях и участии в них нашего героя я узнал из материала доктора исторических наук, профессора из г. Омска Владимира Шулдякова. Приведу выдержку из его статьи «Есаул Сыроешкин и другие», опубликованную в журнале «Третья столица» (г. Омск) № 27 (126) от 24 июля 2002 года. В ней автор описывает революционные события, произошедшие в Твери в начале марта 1917 г.

«Получив по радио сообщение о революции в Петрограде, начальник Тверского гарнизона генерал Пигулевский срочно созвал 28 февраля (13 марта) 1917 г. совещание командиров частей, на котором был выработан план подавления возможного бунта. Местные революционеры 1 (14) марта добились прекращения работ на заводах, началась всеобщая забастовка. Тогда же гласные городской думы и представители общественных организаций создали для взятия власти Временный исполнительный комитет. Председателем его был избран гласный думы А. А. Червен-Водали, нотариус, лидер местной организации партии народной свободы (конституционных демократов).

2 (15) марта рабочие под красными флагами с надписями: «Долой войну!», — явились к Желтиковским казармам, чтобы привлечь на свою сторону солдат. Командир 196-го пехотного запасного полка генерал Рутковский вызвал де-

журный взвод и приказал стрелять по толпе. Но солдаты отказались, ранили самого генерала, перешли на сторону демонстрантов, разбили склады. Вооружившись, рабочие и солдаты двинулись в город. Вступив в него, открыли, для поднятия собственного духа, редкую ружейно-револьверную стрельбу. Застрелили замешкавшегося городского. Потом горожане собирались у его трупa и говорили: «...он был хороший и вреда никому не делал, а теперь в его семье осталась вдовою жена и семь человек малолетних осиротевших детей...».

Солдаты шли беспорядочной массой. Офицеров с ними не было. Только два подразделения гарнизона выступили из казарм организованно, строем и во главе с младшими командирами: учебная команда 196-го запасного полка под началом прапорщика А. П. Стружинского — эсера и 4-й батальон 50-го пехотного запасного полка, который привели унтер-офицеры.

Рабочие и солдаты остановились у здания Тверской городской думы. Они не знали, чего ждут. Время от времени постреливали в воздух холостыми. Возбуждённые разговоры перерастали в разных частях толпы в стихийные митинги. Но вот на втором этаже думы раскрылось окно и к собравшимся с приветственным словом обратился А. А. Червен-Водали. Начался общий митинг. Желавших высказаться было много. Но в толпе вскоре устали слушать, стали кричать: «Давай сюда фон Бюнтинга! Давай сюда Гаслера!» Губернатора и председателя губернской земской управы явно требовали на расправу. Пока шёл митинг, часть демонстрантов разгромила охранное отделение. Другая часть направилась к губернаторскому дворцу.

Ворвавшаяся во дворец погромная толпа схватила губернатора и повела в думу. Бюнтинг был в чёрной шинели с красными отворотами. «Высокий, плотный, прямой, уже с проседью в волосах и небольшой бороде» он шёл твёрдо, смотря прямо перед собой, как будто не обращая внимания на окружавших. Те же старались заглянуть ему в лицо... У думы толпа потребовала немедленной расправы. Но ораторы от исполкома вроде бы убедили её заключить губернатора под арест. Часть толпы вместе с представителями исполкома повела Бюнтинга на гауптвахту. Но чем дальше шёл конвой, тем больше народу собиралось и толклось вокруг него, тем всё более замедлялся шаг и накалялись страсти.

Когда совсем остановились, Червен-Водали влез на какой-то столбик и начал речь против насилия. Но один из солдат ударил его по лицу прикладом! Сбитого с ног Червен-Водали подняли и повели назад в думу. На его место встал подполковник Погорелов, избранный исполкомом новый начальник гарнизона. Но и его сбили на землю ударом приклада. Толпа требо-

вала смерти губернатора. Тот спросил: «Я что сделал вам дурного?» «А что ты сделал нам хорошего?» — передразнила его одна из женщин. Началось глумление. Бранили, плевали, дёргали и толкали, сорвали шинель, били чем придётся. Наконец, кто-то выстрелил в голову. Один человек примчался к зданию думы и крикнул, что губернатора кончили. «Когда я вместе с другими прибежал на [Соборную] площадь, — вспоминал служащий земской управы А. И. Корзин, — то его солдаты, уже убитого, таскали позади собора на штыках»!.. Тело перетащили к памятнику Слепцову, бывшему тверскому губернатору, убитому ранее красными террористами. Здесь его топтали ногами... После полудня толпа разошлась. Лишь осталось лежать растерзанное тело, к которому никто не смел подойти... Вечером священнослужители увезли труп и похоронили. Многим очевидцам запомнилась одна деталь: губернаторская шинель, брошенная на круглую крону небольшого деревца, красной шёлковой подкладкой вверх...

После убийства губернатора часть толпы прошла за Волгу к тюрьме и освободила всех заключённых, в основном уголовников. Здание тюрьмы было подожжено и сгорело дотла. Пополнившись уголовниками, солдаты и рабочие принялись грабить магазины, лавки, квартиры... Временный исполком смог остановить погромы только к утру 3 (16) марта. Тверская газета «Перепутье» взывала: «Позор хулиганам, грабителям и мародёрам!»

«Дороже России может быть только Честь!» — так полагали кадровые офицеры Императорской Армии. У них были свои неписанные правила. Генералу П. Н. Врангелю приписывают слова: «...если офицер, кто бы он ни был, дал приказание, и оно не исполнено, этот офицер уже не офицер... С него сорвали погоны». До революции многим офицерам и в голову не могло прийти, что подчинённые могут выйти из повиновения. Отказ нижних чинов выполнять приказ воспринимался как личное бесчестие. Не у всех выдерживали нервы. Нам, людям рационально-пошлой эпохи, трудно понять, зачем из-за проступка, совершённого хамом, подлецом, просто дураком, кончат жизнь порядочному человеку. Но факт остаётся фактом, офицеры стрелялись, собственной кровью смывая позор невыполнения приказа...

В Заволжской части Твери в здании, предоставленном городской управой, квартировала 1-я Сибирская казачья запасная сотня. Она была передислоцирована в Тверь в 1915 г. из Петропавловска, чтобы приблизить резерв 1-го отдела Сибирского войска к его фронтовым частям. Командир сотни есаул Ефрем Иванович Сыроешкин, по-видимому, имел конкретные указания, что делать в случае появления демонстрантов. Скорее всего, он должен был предотвратить за-

хват губернской тюрьмы, а может — вообще не допустить перехода революционеров за Волгу. Очевидно, есаул предполагал выполнить долг. 2 марта он выстроил сотню во дворе казармы и стал объяснять подчинённым задачу. Неизвестно, в какой форме воспротивились казаки. Стали ли возражать словесно? Просто не тронулись с места? Так или иначе, но они не желали поднимать оружие против солдат и рабочих. Не то принципиально не хотели проливать русскую кровь, не то посчитали неразумным переть на рожон, горстью против массы. Разве смогли бы три с половиной сотни казаков справиться с 20-тысячным гарнизоном Твери?..

Но они отказались выполнять приказ! Сыроежкин не вынес такого позора: тут же — перед строем сотни — выхватил револьвер и застрелился... 6 марта тело его было отправлено из Твери товарным вагоном до станции Омск.

До войны если офицер подвергался оскорблению, словом или делом, то как минимум подавал в отставку. Ведь ещё одно «ненарушимое

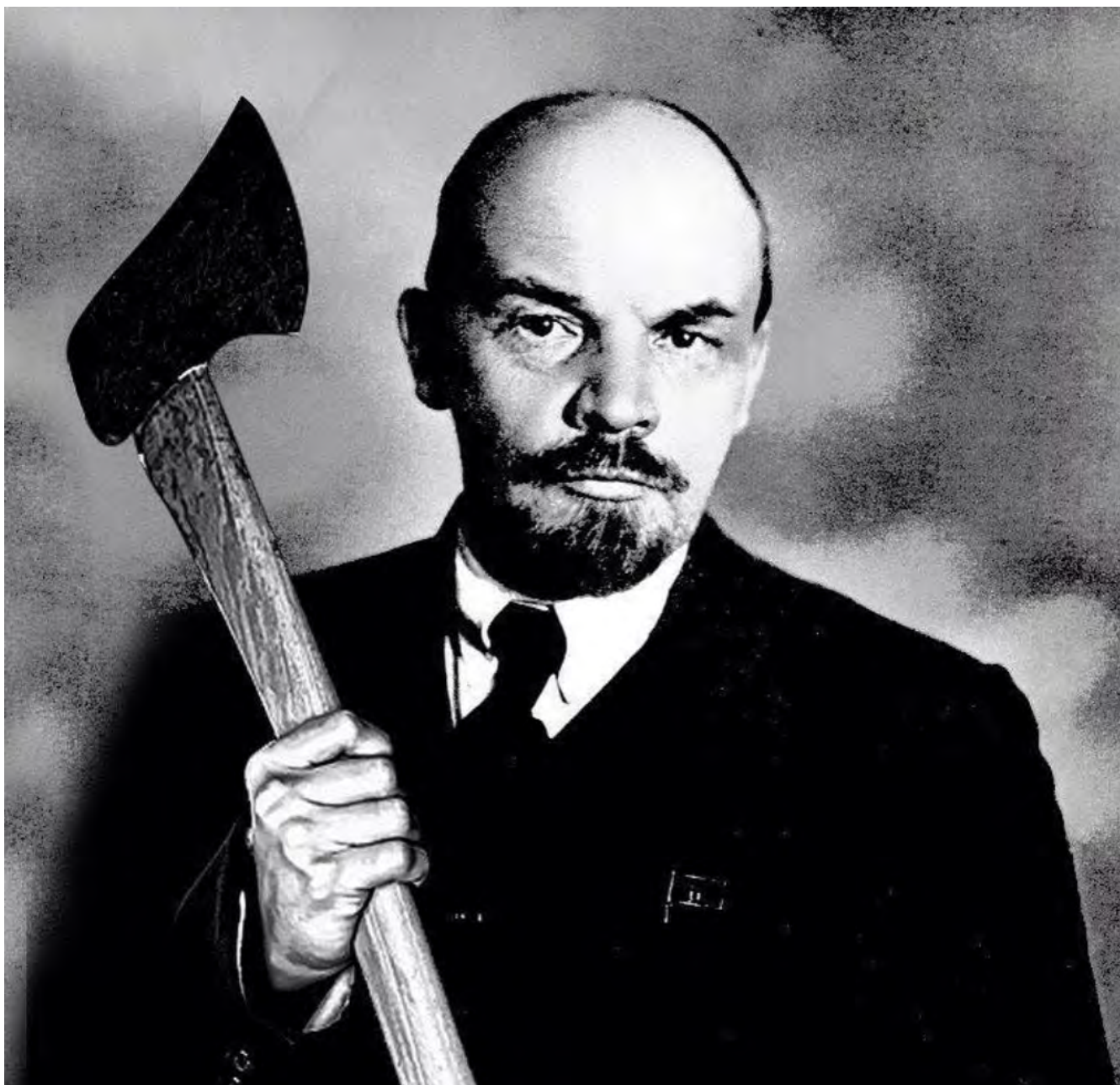
правило кодекса офицерской чести» гласило: «если не можешь смыть оскорбление кровью обидчика, искупи его собственным расчётом с жизнью».

Руководящая и дисциплинарная власть офицерского корпуса была подорвана. Был разрушен стержень Вооружённых Сил. Революция лишила Государство опоры, а Россию — победы в мировой схватке. Вооружённый народ, натравливаемый социалистами, узрив врага в собственной «голове» — в офицерстве. Не столько потому, что эти «господа» были культурно чужды, сколько оттого, что они требовали продолжать постылую войну, звали на новые испытания и жертвы. Внешний враг в течение 1917 г. постепенно отходил на задний план. В России во время мировой войны назревала ещё одна — Гражданская».

**Максим Торопчин казак —
краевед и спецкор журнала
Алтайский край, г. Бийск.**

Фотография автора статьи Максима Торопчина во время археологических раскопок и исторических изысканий на берегу реки Ануй Алтайского края, где ранее в XVII–XVIII веке располагалась казачья крепость

Необольшевизм и его опасность!

Совсем недавно пришли сразу две новости, между которыми можно усмотреть самую настоящую взаимосвязь. Первое — в Ульяновске (Симбирск) сняли установленную там памятную доску в честь генерала Каппеля, Белого героя, чья могила находится в Донском монастыре. Вторая — в Краснодаре (Екатеринодар) школе № 32 присвоили имя палача Дзержинского. ►

О чём же говорят эти два факта? Говорят они о том, что в нашем государстве, увы, нет чёткой государственной идеологической концепции, принятой на высоком уровне. Слова президента о том, что «наша идеология — патриотизм», смотрятся довольно сомнительно, ведь патриотизм — это не идеология, это чувство, это нормальное и естественное чувство нормального человека. А идеологии — это немного другое. 70 лет в качестве общеобязательной в нашей стране была установлена идеология русофобского коммунизма. Эта идеология несла в себе совершенно антирусский и антироссийский заряд. Собственно, сам большевизм был идеологией антипатриотической. То, что нынешние неолевые пытаются рядить себя в одеяния «патриотов» — это совершённое противоречие реальности. Ведь это именно Ленин с большевиками продвигал лозунг поражения в войне, когда большинство подданных Империи сплотились вокруг Царя и Отечества. Люди, принадлежавшие к разным идеологическим платформам, объединились как раз на основе патриотизма. Казалось бы, это подтверждает слова президента. Но на самом деле всё не совсем так.

У нас, несмотря на вроде бы правильные порою заявления по поводу русской истории от первых лиц, нет чёткой картины оценки русского исторического прошлого. Нет официального осуждения большевизма как русофобской и антипатриотической идеологии, которое, при этом, воплощалось бы в виде конкретной государственной политики.

Памятники немецкому агенту и пораженцу Ульянову стоят практически в каждом городе, причём непременно в центре. В моём городе, где мои предки жили ещё в XVIII веке, в самом его центре высятся аж три изваяния — как будто одного было мало. Ну а до 1956 года стояли ещё и памятники Джугашвили, в каждом районе. Объяснить это я могу только квазирелигиозным языческим культом.

Неудивительно, кстати, что первый памятник Ульянову в нашем городе появился там, где в древние времена было языческое капище. А рядом позже большевики снесли главную городскую святыню — Спасо-Всеградский собор. Так вот, несмотря на периодически звучащие порою негативные оценки деятельности Ленина, памятников ему не убирают. А улица Кирилловская, названная по имени некогда находившегося там подворья Кирилло-Белозёрского монастыря, основанного преподобным Кириллом Белозёрским (духовным чадом преподобного Сергия Радонежского), до сих пор носит имя кровавого палача, немецкого пособника и русофоба.

Чиновники с короткой памятью у нас заражены советским сознанием, из-за чего и всячески

не дают убрать всю эту нечисть с наших улиц. Затычка «этонашаистория», увы, работает. То есть, улица Ленина — это «наша история». А улица Кирилловская, выходит, «не наша»? Увы, этим советским сознанием ещё и заражают нашу молодёжь, которой внушается то, что Дзержинский, Ленин, Сталин, Тухачевский — «наша история».

Доходит до маразма, когда детей заставляли носить цветы к памятнику последнему. Причём на 9 мая! Это притом, что сей персонаж никакого отношения к Великой Победе не имел. Он, зато, стал одним из первых, кто изменил присяге и пошёл служить большевикам, жестоко подавлял крестьянское восстание в Тамбовской губернии, вплоть до применения химического оружия. Мало того — призывал сделать язычество официальной религией в стране! И вот этот человек прославляется как «герой».

Его культ появился в 1950-е, когда Хрущёв «осудил культ личности Сталина» и началось оправдание ряда расстрелянных в годы репрессий большевических деятелей наряду с реальными жертвами террора. Только надо понимать, что число расстрелянных партийцев на фоне многих тысяч убитых крестьян, священников, офицеров, учёных и других представителей русской национальной элиты и русской нации, было невелико.

Кстати, именно тогда же берёт начало и культ Дзержинского, которого окружили ореолом «рыцаря революции» с «холодной головой, чистыми руками и горячим сердцем». Дзержинского показывали рядом с Лениным и Свердловым (Троцкого и Сталина не упоминали, поскольку те тогда были не в чести у советской пропаганды) как одного из «вождей революции». Славил его работу в области помощи беспризорникам — только вот всегда хочется задать вопрос: а куда делись родители этих детей? Дети оставались сиротами после того, как их родители умирали от голода и болезней или же оказывались у всё того же Дзержинского — в недрах ВЧК, которая вела геноцид русского народа.

У ФСБ, которая предпочитает вести свою родословную от ВЧК, а не от хотя бы Третьего Отделения (достоинная русская спецслужба, которую возглавлял самый настоящий рыцарь и потомок рыцарей — Александр Бенкендорф, герой войны с Наполеоном, глубоко преданный Царю и Отечеству человек). У них и сейчас портреты Дзержинского висят в кабинетах, увы. И вот «по просьбам ветеранов ФСБ» в Кирове (Вятка) установили памятник всё тому же Дзержинскому.

Не удивлюсь, если такими темпами дойдёт до того, что в Свияжске поставят памятник Троцкому и будут прославлять как «спасителя России от англо-франко-американских оккупантов». Причём вот в видеоролике Министерства обороны, сделанном к «100-летию РККА», прямо говорится о Троцком и его роли. «100-летие воору-

жённых сил» как и другие подобные «юбилеи» просто оскорбляют душу нормального человека, знающего историю Отечества (порадовал только юбилей 300-летия российской полиции, но 10 ноября до сих пор праздник). Неудивительно, что от такого потом у молодёжи формируется сознание, что «Россия отсталая страна».

Наша история — это не ВЧК и не Ленин с Дзержинским. Наша история — это Каппель, это Дроздовский, это Королёв (чудом выживший в сталинских лагерях), это Вавилов (погибший в сталинских застенках), это русский парень из Смоленщины Юрий Гагарин (который всегда помнил и гордился тем, что он русский и нашёл смелость выступить за восстановление Храма Христа Спасителя и Триумфальной арки в Москве — мотивируя как раз тем, что это наша история, которая помогает воспитывать патриотизм). Наша история — это миллионы русских людей, пострадавших от большевицкого рабства, чьи жизни искалечила эта антирусская система. Наша история — это новомученики, прославленные и непрославленные. Наша история — тысячелетняя, а не столетняя и не двадцатилетняя, как некоторые заявляют.

Нападки на нашу историю доходят до того, что татарстанские активисты требуют (!) отменить праздник завершения Стояния на Угре (великая победа русских воинов над монголо-татарским игом, над ордой). Там же выходят уже и книжки, где Батый называется «основателем российской государственности». Так скоро докатится до того, что нам заявят, что наша история это не только Ленин и Сталин с Дзержинским и Тухачевским, а ещё и Батый с Чингисханом. И всё это приведёт попросту к распаду нашей страны и её гибели.

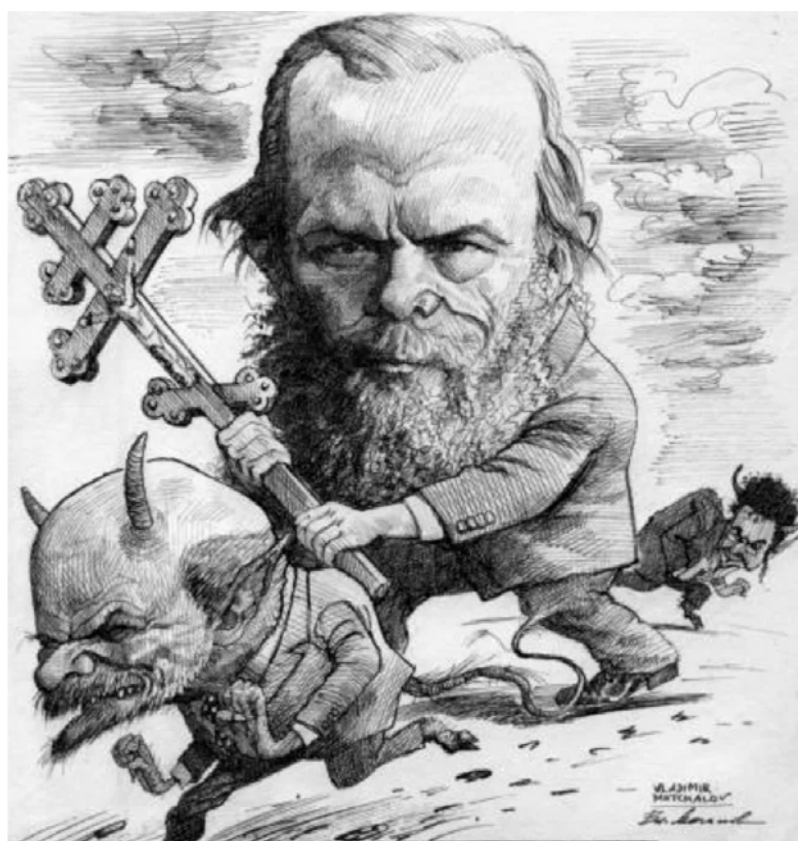
Наша власть должна уже понять, что подобные заигрывания с большевизмом до добра не доведут и кончатся катастрофой. Необходимо понять, что большевизм — это абсолютно антирусская по своему духу идеология, носителем которой является русофобская секта неомоношников и которую поддерживают не имеющие русского национального сознания люди, живущие советскими установками. Нам сейчас крайне важно не потерять молодёжь, которая советского времени не застала и выросла в России уже нынешней. Как правило, они становятся жертвами красной пропаганды, слушая все эти сказки про «счастливый и солнечный СССР, где всё было на халяву». И им в подкормку сознания внушают, что Сталин — «самый эффективный менеджер» (вместе с подручным Бе-

рия), а «дедушка Ленин хороший был вождь» и Дзержинский — «друг детей». Детям же надо чётко дать понять, что в русской истории, великой и богатой, есть огромное множество достойных для подражания людей, которыми можно и нужно гордиться и на них равняться.

Я считаю, что сегодня перед нами стоит именно такая важная задача — не дать молодёжи принять эту разрушительную идеологию неомоношнизма, не допустить того, чтобы она заразилась ею. И нужно вести активную пропаганду русской истории, говорить с молодёжью о достойных странниках её. Было бы очень важно именно сейчас восстановить памятник Александру III в Москве — его в 1918 году разрушили большевики. Памятник этому русскому Государю был установлен ранее в Крыму, где тот закончил свои дни. Так почему бы не возродить то, что было разрушено? Почему бы не восстановить памятник Государю Императору, который не начал и не провёл ни одной войны и был убеждённым противником войны, каковым был и его родной сын, Император Николай II. Нужно увековечивать память о законных русских монархах, а не о шайке бандитов и террористов, уничтоживших русский народ и нашу страну. Когда для нашей власти и для нас всех на первом месте будут стоять именно достойные русские люди, великие деятели русской истории, тогда мы будем по-настоящему сильны и несокрушимы.

Сергей Зеленин

<http://rys-strategia.ru/news/2019-09-02-7970>

Слово о «природном» атамане Фёдоре Набокове

На Генеральском острове давно поселилась тишина, лишь мягко шелестят заросли сухого камыша и бьёт на взлёте крылом тугую воду Убагана взлетающая в небо пара лебедей... Остров бережёт свои тайны, скрытые от глаз пытливых краеведов, время от времени ступающих на его берега. Но, может быть, их поиски всё же откроют завесу над ушедшим временем...

1 мая 1813 года в Омске, при большом стечении народа, было открыто войсковое казачье училище, ставшее позже Сибирским кадетским корпусом, из стен которого вышли блестящие офицеры русской армии. Открытие училища благословил иконой Святого Николая Чудотворца атаман Сибирского линейного казачьего войска Фёдор Карпович Набоков. Он был последним атаманом из «природных» сибирских казаков, выросшим на крепостной линии самобытным офицером, чья жизнь и служба крепко связаны с родными местами.

Семья

Отец будущего атамана Карп Петров Набоков скончался 29 ноября 1778 года в крепости Пресногорьковской в возрасте 35 лет. Он был на несколько лет младше супруги Марии Ивановны и оставил её вдовой с Фёдором (1768 г. р.), Василием и малолетней Татьяной на руках.

Драгунские полки, расположенные в крепостях и редутах с момента основания линии — Луцкий, Вологодский, Олонецкий и два пехотных Ширванский и Нотебургский — были приведены в Сибирь генералом Теофилом фон Киндерманом из российских губерний ещё в 1745 году. Драгуны и гренадеры составляли основную часть гарнизонов крепостей. В 1765 году на линии появились драгуны Ревельского, Азовского и Троицкого полков. Вместе с казаками Ялуторовского иррегулярного полка, донскими и яицкими казаками, башкирами и мещеряками, проходящими здесь годовую службу, они строили крепости в 1752-м и перестраивали их в 1765–75 годах. После «пыльного похода» 1771 года

Акварель Чокана Валиханова с указанием пикета Аман-карагайского и отметкой могилы Набокова, 1852 год

Екатерина Великая считала, что полки, не удержавшие в российских пределах орды калмыков, подлежат расформированию и учредила на их основе лёгкие полевые пятисотенные команды. Вновь созданные воинские соединения принимали активное участие в подавлении мятежного Пугачёва в пределах Оренбургской губернии. В их составе сотниками и пятидесятниками служили гайдамаки, сосланные в сибирские крепости после разгрома Запорожского казачьего войска. Карп Набоков также принимал участие в «замирении». Получив в крепости Пресногорьковской 19 января 1774 года боезапас и ружьё, он отправился в составе пятисотенной команды на подавление мятежа. Тот факт, что Карп принадлежал к казачьему сословию, а не к драгунам, подтверждает запись в метрической книги Никольской церкви за 22 июля 1770 года о рождении у казака Набокова дочери Марии,

Зачисление в казаки пленных поляков из армии Наполеона атаманом Ф. Набоковым. Картина Н. Каразина

крещённой в крепостной часовне Троицкого драгунского полка. Восприемницей определена жена коменданта Михайлы Зайцова Вера Симонина.

Запись в формулярном списке о службе обер-офицеров за 1813 год также свидетельствует о том, что Фёдор происходил из урядничих детей, стало быть, из казаков, а не из драгун.

Разница в возрасте между мужем и женой в зауральской глуши никого не смущала — население было немногочисленным, в течение десятилетий люди боролись с жуткими морозами и глубокими снегами зимой, жарою и засухами летом, взаимоотношения с южными соседями были жёсткими и перерастали временами в боевые столкновения, потому жизнь поселенцев была недолгой. Мария Ивановна присмотрела в редуте Пресногорьковском жену для пятнадцатилетнего Фёдора. Ею оказалась полная тёзка будущей свекрови, восемнадцатилетняя старшая дочь отставного казака Ивана Васильева Хлебникова Марья. 28 ноября 1783 года молодые были обвенчаны в деревянной Свято-Никольской церкви, стоявшей в самом центре новой восьмиугольной земляной крепости, построенной по приказу генерала фон Шпрингера. Церквушка дожила до конца века и сгорела. На её месте в 1805 году зауральские зодчие воздвигли каменный храм, величественно парящий над окружающей местностью уже более двухсот лет.

Семья тестя была многочисленна, у Ивана и Орины (Ирины) были свои дети — Павел, Поликарп, Агафья, Парасковья, и «дети на пропитании» — Алексей и Марфа. В семье прожи-

Пушка 1730-х годов
(экспонат школьного музея с. Пресногорьковки)

вала и мать Ивана, престарелая Анисья Козмина (1715–1789). Из-за большого количества детей-сирот в Сибири и невозможностью каким-то образом обустроить их, правительством было принято решение отдавать детей в семьи поселенцев «на пропитание» до достижения ими трудоспособного возраста. За такое попечительство главы семейств получали денежное довольствие. Поэтому, у многих старых по возрасту казаков и отставных драгун в ревизских сказках того времени были записаны совсем маленькие дети.

Первенцы Набоковых, Иван и Лукерья, умерли в младенчестве — детская смертность была высокой из-за полного отсутствия медицинской помощи, младенцы умирали от поноса, горячки, «живота» и неизвестных болезней. Позже на свет появились четыре девочки — Авдотья (1789), Анастасия (1791), Лизавета (1793), Марфа(?) и сын Семён (1794).

Воинская служба

1 июля 1784 года Фёдор Карпов сын Набоков начал нести службу в крепости Пресногорьковской простым казаком. Он познал все её тяготы

и лишения, которые были неимоверно тяжелы. Государева плата казакам за охрану границы, так называемой Симовой черты, строительство укреплений и домов, подвозку леса, рыбную ловлю, сопровождение караванов далеко на беспокойный юг, была ничтожно мала. Только через семь лет Фёдор стал младшим урядником (капралом), а 1 апреля 1795 года — пятидесятником. Последнее звание он получил за отражение нападения на редут Сибирский, самый западный на Новоишимской линии. Командовал небольшим гарнизоном майор фон Элинсберг, который заметил смелость и решительность Набокова. Четырёхугольный квадрат стометрового земляного редута, с воротами, повернутыми к казачьему тракту, до сих пор хорошо просматривается на гугловских картах у озера Мохового, в шести вёрстах от современной Песчанки. На этих валах Фёдор получил ранение копьём в руку. Охранявшие границу казаки редута контролировали черту, проведённую от отряда Алабужского до реки Абуган, объезжая «довольно большие пирамиды, сделанные из дёрна камня и окопанные».

Будущий атаман был невысок ростом — 165 см., лицом бел, имел глаза серые, волосы светло — русые, нос посредственный, прямой, «говорит порядочно, читать и писать по-русски не умеет, в походах не бывал».

Казахско-русские отношения на линии крепостей в конце XVIII века были напряжёнными — остро стоял вопрос о земле. Линии, пролёгшие в междуречье Тобола и Ишима, перекрыли пути кочевков к зауральским пастбищам родам Среднего жуза. Ещё сохранялась в народе память о пугачёвщине, «бунте бессмысленном и беспощадном», а в Младшем жузе уже активно действовали отряды старшины рода байбакты Сырыма Датулы и Коктемира. Часть степной аристократии, кочующей вдоль линии, была обласкана царскими чиновниками. Об этом писал капитан Иван Андреев, проехавший от Семипалатинской крепости до Пресногорьковской в 1789 году: «... от крепости Святого Петра по линии до крепости Пресногорьковской как верноподданного Вали-хана волостей, потому ж доброжелательного и испытанного в верности к российской стороне Кулебаки-батыра..., таковых же доброжелательных старшин, как то Байжигит-мурзы с братом его Кусяш-батыром, Бабика-батыра, Бачек-батыра, Сарыгалдак-хози Утяшева... конские табуны по местам пропускаемы на зимнее содержание в жилую сторону российских границ со взятием аманатов в залог постоянства и подписок волостей по годам атагайской, кирейской, уваковской и чаргитим-чак-чацкой». Рядовые кочевники, не имея возможности перейти линию, вели боевые действия — отгоняли скот, нападали на редуты, сжигали заготовленное сено. В 1801 году

начальство оказало Набокову особое доверие — в свите казахских депутатов он отправился в Санкт-Петербург и некоторое время находился при дворе императора Александра I, где был награждён ста рублями и чином хорунжего.

В 1803 году с сотней казаков он ходил в поход в степь против хана Вали. Через три года с отрядом в три сотни человек Набоков выступил против султанов Болы и Агатая. В 1807 году командирован был с отрядом для возвращения угнанных у хана Вали мятежными кипчаками табуна лошадей в полторы тысячи голов, с отрядом в 270 человек разбил аргын, производивших набеги на Сибирскую казачью линию. В 1804 году Фёдору Карповичу подчинялись казачьи отряды всей Пресногорьковской дистанции, протянувшейся на 169 вёрст с форпостами Сибирским, Песчаным, Крутоярским, Пресногорьковской, Кабаньей и Пресновской крепостями, редутами Камышловским, Пресногорьковским, Пресноизбным, Островным, Новорыбинским, Кладбинским. В них служили 57 урядников и 892 казака.

В 1808 году император Александр I подписал Указ о создании Сибирского линейного казачьего войска и тут же начался вывод регулярных войск в центральные губернии России. Они сыграли важную роль в Отечественной войне 1812 года, участвовали в Бородинской битве и заграничном походе русской армии. Обязанности охраны протяжённой Сибирской пограничной линии были возложены исключительно на сибирских казаков. Фёдор Карпович Набоков был поставлен во главе войска, состоявшего из десяти полковых округов и расположившегося от реки Тобол до Усть — Каменогорской крепости на Иртыше. К этому времени он владел грамотой, читал и писал «по-русски». Недостаток военного образования, огромные территории, отсутствие связи и дорог, не позволяло ему эффективно управлять созданным войском. Сменивший Набокова на должности атамана С. Б. Броневский пишет: «...Назначен был майор Набоков, офицер ревностный и деятельный, с достоинствами, достаточными для казачьего быта, но не для управления войском, составлявшим уже огромную уланскую дивизию». В 1813 году с отрядом в 350 человек в городке Ишим атаман усмирил взбунтовавшихся военнопленных поляков, союзников Наполеона. Художник Николай Каразин посвятил этому событию акварель, на которой Набоков зачисляет пленных в казаки и распределяет по крепостям.

Поход в Центральный Казахстан

Особенно известен поход Набокова в Центральные районы Казахстана в 1816 году, где он бывал ещё в 1800-м. У озера Зеренды его отряд нашёл куски медной руды, представленные генералу

Лаврову, будущему начальнику штаба армии Кутузова. Генерал понимал особую важность цветных металлов для бурно развивающейся российской промышленности и отнёсся к находкам с большим интересом. Подготовка похода требовала сил и средств, этому помешала большая война, поэтому лишь в 1816 году экспедиция на юг состоялась.

Автору удалось разыскать в архивах рапорт Ф. К. Набокова генерал-лейтенанту Глазенапу, в котором он каллиграфическим почерком на нескольких страницах излагает свои размышления о дальнейшей колонизации Центральных районов Казахстана с учётом опыта экспедиции. Удивительно, но в тексте нет ни одной орфографической ошибки, и язык для офицера-самоучки вполне литературный.

Поход начался «4 мая при многочисленном собрании народа в лагере, отслужив господу богу с водоосвящением, при пушечной из двух орудий пальбе, молебн. В 9 часов пополуночи выступил в поход, при выстреле из орудия», — записал Набоков в дневнике. К озеру Зеренды вышли три отряда: сам Набоков возглавлял пресногорьковский отряд, инженер — поручик Логинов вёл казаков из крепости Пресновской, а третий отряд, в составе которого был макшейдер И. П. Шангин, вышел на юг из крепости Святого Петра.

Сводный отряд состоял из «офицеров 7, нижних чинов 16, казаков Сибирского войска и канониров 156, бергауеров с Колыванокунзнецких рудников 7, фельдшер 1, денщиков и слуг 6, киргизов: старшин 3, вожатых 4, Всего: 200 человек. Из орудий: один 12 фунтовый единорог со 120 зарядами, 350 лошадей, 50 фур и повозок».

20 мая Набоков соединился с петропавловцами на озере Зеренды, а через два дня у горы Иман-тау встретился с отрядом Логинова. Из зарисовок Ивана Шангина на реке Нура: «5 августа при захождении солнца, прибыл на квартиру экспедиции караван из 70 верблюдов, следующий из Пресногорьковской крепости в Коканд и принадлежащий казанским татарам. Сей караван, по распоряжению майора Набокова, соединён был с другим на 100 верблюдов и отправленный из крепости Святого Петра от калужского купца Свешникова» и отправлен на юг. Вокруг лагеря было множество кибиток, в коих во всю ночь мужчины играли в забызги (деревянные дудки) и женщины забавлялись пением и чрез это не давали никому заснуть. Когда же на заре стало тихо, то Набоков приказал сделать переправу на правый берег, сие было исполнено столь тихо и скоро, что киргизы о сём не слышали». При поиске рудных мест особенно отличились сотник Ребров, пятидесятники Вяткин и Буданов, прапорщик Семён Набоков 3-й, переводчик Крайкин.

7 сентября, открыв ряд рудных мест, сделал описание местности, Набоков в верховьях Нуры

близ Балхаша принял решение следовать назад, на линию. Он разделил отряд на три части: сам следовал в крепость Петропавловскую, другие отряды двинулись в Коряковский и Семиярский форпосты на Иртыше. Перед выступлением отряды получили наставление и отправились в далёкий путь после выстрела из единорога. За пять месяцев были исследованы горы Зеренды, Имантава, Жамантау, Сандыктау, Улутау, Якшиянгизстава, бассейн реки Нура. Собранные им данные о местности и населении были использованы для дальнейшей колонизации территории нынешней Акмолинской области. По словам Н. Симонова: «При одном его имени всё замирало в степи. Мужества, беззаветной отваги Набоков требовал от каждого всадника своего полка, и его казаки были на славе».

Воспоминания об офицере сохранили не только историки войска, но и народная молва. Интересна записанная в 1894 году в селе Башкирском (Половинский район, Курганской области) легенда о Набокове.

«Не доезжая 15 вёрст до Башкирского, около небольшого озера казаки стали лагерем. Озеро сейчас носит название «Набоково» (озеро расположено в двух км от п. Гренадерка, Узункольского района — прим. С. В.). Ужас, наводимый им, был так велик, что в степи его называли царём. В этих местах жил тогда киргизский князь, имевший огромные табуны лошадей. Он много слышал о Набокове и хотел померяться с ним силами. Его слова дошли до атамана и он тут же приказал седлать лошадей и скакать в аул. Князь вышел из юрты. Офицер подъехал к нему и спросил: «Есть ли у тебя столько хлеба и молока, чтобы накормить моих казаков?». Князь ответил утвердительно и приказал кипятить в котлах молоко. Когда молоко в казане закипело, Набоков схватил князя за пояс, приподнял и начал валить в казан. Князь боролся с Набоковым и в конце-концов признал его силу». Казаки основали сторожевой пикет Шибаево (ныне село Воскресенское РФ, таможенный пост) и небольшое сельцо Набоково, ныне не существующее.

Фёдор Карпович вышел в отставку в 1822 году. Однако характер атамана требовал постоянной деятельности. В последнее своё дело подполковник Набоков ушёл в степь для открытия внешних округов — в 1830 году из крепости Пресногорьковской к урочищу Аман-Карагай, в 100 вёрстах к югу от линии. Отряд его состоял из 2-х обер-офицеров, 13-ти урядников и 128-ми казаков. Он выполнял приказ генерал-губернатора Вельяминова, решившего по просьбе султанов Сарта Ючина, Догана Хлибабина, Конур-кульджи Худаймендина открыть округа в их кочевьях. В основанном казаками Набокова Аманкарагайском пикете, в местности Кара-оба на реке Обган, в 1834 году проходила церемония избрания

Находки С. Б. Игнашкова на редуте Сибирском

Чингиса Валиханова старшим султаном Аманкарагайского приказа. На ней присутствовал полковник Фёдор Кузьмич Шубин, основатель Ак-Моллы. Случилось это событие уже после смерти Набокова. Пикет существовал ещё долгие годы. В 1836 году командиром его был сотник Хлебников, командовавший отрядом из 120 казаков и 11 урядников. В 1843 году в урочище служили 173 казака и артиллерийская команда из 12 человек и 195 пехотинцев 2-й роты Сибирского № 3 линейного батальона.

Версии автора о захоронении Ф. К. Набокова

Праправнук атамана, Павел Павлович Набоков, проживающий в Челябинске, отыскал в Омском архиве метрическую книгу Пресногорьковской церкви за 1831 год. В ней записано: «17 августа Аманкарагайского отряда начальник, подполковник Фёдор Карпов Набоков, умер от лихорадки, 62 года, исповедан, причащён и погребён священником приходским в Аман-карагайском отряде Гавриилом Андреевичем Насоновым».

Эта запись заставила автора по иному рассмотреть версию захоронения атамана в Пресногорьковской крепости, которую он изложил в книге «Живая старина Пресногорьковской

линии». Долгое время я полагал, что тело подполковника было привезено из Аманкарагайского приказа казаками в Пресногорьковскую крепость по тракту вдоль правого берега реки Убаган, через пикеты Таволжанский, Ершовский, Улукульский, Сибирский и предано земле у стен церкви сразу после кончины Набокова. Расстояние небольшое — около ста километров по Убаганскому тракту. Была и запись в одном из документов Омского архива, согласно которой эта версия подтверждалась. Новая находка заставила автора подумать о другом месте захоронения. Изучая акварель Чокана Валиханова «План летних стоянок аулов Кушмурунского округа», написанную им в 1852 году, автор обнаружил в дефиле озёр Талы и Копа надпись, сделанную рукой Чокана — «могила Набокова». Сегодня полуостров между озёрами превращён разливами Убагана в остров, на который трудно попасть — он зарос камышом, восточный берег озера Копа сильно заболочен. В документах, касающихся гражданской войны, говорится, что на острове в апреле-мае 1919 года скрывались от белых «партизаны» группы Мочалкина, здесь же в послевоенные годы жили сосланные ингуши и чеченцы. По данным сарыкольского краеведа Яны Ванжи остров ныне (май 2019 года) имеет следы пребывания человека, изрыт буграми и ямами,

покрыт редким кустарником. Местность подвержена частым пожарам, уничтожающими травяной покров, редкую растительность и густой камыш. Сегодня найти место захоронения атамана не представляется возможным.

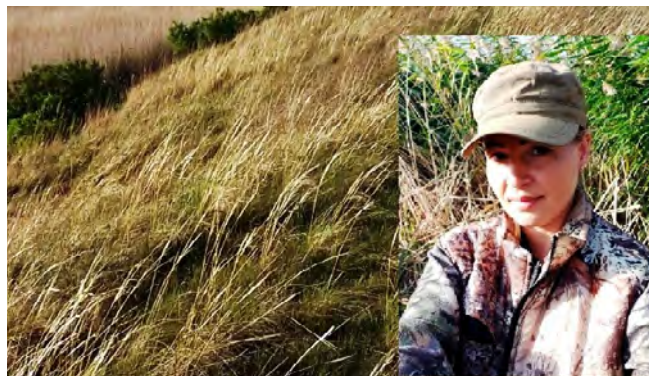
Местные жители называют остров «Генеральским», или Киндик. По легенде сюда приезжал охотиться какой-то генерал и скоропостижно скончался. Известно, что в ноябре 1834 года Аманкарагайский внешний округ посетил с инспекцией казачьего войска генерал Мусин-Пушкин, но он в конце ноября благополучно прибыл в Омск.

Надо понимать, что любой приезжий с блестящими эполетами офицера русской армии воспринимался коренными жителями как большой начальник, да и Набоков мог действительно простыть на охоте, а жаркое лето не позволило везти умершего на линию. На предполагаемом месте захоронения последнего атамана житель Караобы посадил ель, но местные старожилы уверяют, что прах «генерала» позже был выкопан и отправлен в Москву (источник — К. С. Бешимов). Ясно, что останки Набокова были перевезены в конце XIX столетия и преданы земле там, где он родился и был некогда крещён — у стен храма в станице Пресногорьковской. По воспоминаниям старожил, в 30-е годы прошлого века на церковном погосте было три памятника и несколько чугунных плит каслинского литья (одна из плит лежала на могиле генерала В.И. де Сент-Лорана, умершего в 1831 году, была передана в Кустанайский областной краеведческий музей в 1972 году — прим. С. В.). Всё это вместе с кованым забором, окружавшим кладбище, растащили местные товарищи, используя куски чугуна в качестве гнёта при солении капусты и огурцов.

Время и люди постарались стереть следы церковного кладбища, и отыскать могилу некогда грозного «Чобор-батыря», как называли Набокова в Степи, ныне не представляется возможным.

Судьба семьи

Брат атамана, Василий Карпович Набоков 2-й, дослужился до есаула и был уволен со службы в 1812 году. В это время он служил в редуте Сибирском, где 11 мая 1811 года у него родились близнецы Николай и Константин, а 20 мая следующего года — сын Иван. Елизавета Фёдоровна Набокова 11 мая 1811 года была повенчана в крепости Звериноголовской с инженерной командой капитаном Логином Щелоковым. Семён Фёдорович Набоков 3-й вступил в службу 1 января 1809 года. Во время похода в Центральный Казахстан в чине прапорщика командовал расчётом единственного орудия — единорога. В 1828 году он был командиром в редуте Пре-

На Генеральском острове (фото краеведа Яны Ванжи, май 2019 год)

снокамышловском. Вдова Мария Ивановна Набокова проживала в Пресногорьковской, о чём говорится в ревизской сказке от 8 июля 1834 года «о дворовых людях подполковницы Марьи Ивановой Набоковой, приобретённых покупкою от майора Капичевского, и ныне находящихся при ней, Набоковой, Петропавловского округа в крепости Пресногорьковской, где и приписаны к собственному ея дому».

Примечание: все даты приведены по старому стилю.

Источники:

1. Абдиров, М. Ж. История казачества Казахстана. — Алматы, 1994.
2. Андреев, И. Г. Описание средней орды киргиз-кайсаков. — Алматы, 1998.
3. Бейсенбайулы, Ж. Чокан Валиханов. — Астана, 2016.
4. Виниченко, С. Н. Листая старые страницы. — Курган, 2014.
5. Виниченко, С. Н. Живая старина Пресногорьковской линии. — Курган, 2012.
6. МК Пресногорьковской церкви за 1831 год.
7. МК Пресногорьковской церкви за 1778, 1783, 1785, 1786, 1811, 1812 гг. (ИАОО, ф.16), <http://ka-z-ak.ru/index>.
8. Российский Государственный исторический архив, ф. 489.
9. Симонов, Н. А. Очерк службы № 1 Сибирского казачьего Ермака Тимофеева полка». — Москва, 1901.
10. Сибирский вестник, — Спб. 1820.
11. Страницы истории Половинского района, — сост. Дедов А. И.. Курган, 2009.
12. Шулдяков, В. А. Александровцы. // в кн: Тобольск и вся Сибирь. Омск — 300 лет. Тобольск, 2016.
13. Путинцев Н. Г. Хронологический перечень событий из истории СКВ. — Омск, 1891.

*Виниченко Сергей,
историк, краевед,
Кустанайская область,
Республика Казахстан*

Короткое оружие казаков

Помимо длинного клинкового и древкового оружия, которым были вооружены казаки, они имели ещё и короткое оружие решавшего многие тактические задачи, стоявшие перед казаками. Оно использовалось тогда, когда использование длинного становилось невозможно или невыгодно с точки зрения тактики (Слишком близкое расстояние до противника, стеснённое пространство для действий и т. п.) или с точки зрения решаемой задачи при проведении разведывательно-диверсионных операций (Скрытое ношение). Часто короткое оружие использовалось совместно с длинным (к примеру кинжал традиционно использовался с шашкой) но часто короткое оружие выполняло самостоятельную роль.

Для начала хочу привести краткую классификацию короткого оружия казаков.

Кинжал — основное оружие из коротких которым пользовались казаки. Он представлял собой кованную стальную полосу клиновидной или копьевидной формы, клинок был обоюдоострый, рукоять из двух щёчек приклёпанных к полосе, роль упора выполняли выступающие части (плечи) клинка при переходе хвостовика в клинок. Кинжалы были двух видов прямые Кама и изогнутые бебут. Первый был элементом формы всех кавказских казаков, второй был любим пластунами из-за своей изогнутой формы и большой (около 60 см.) длины. Свой первый кинжал казак получал в подарок в возрасте 3–5 лет. С этого момента кинжал становился его постоянным спутником до самой смерти, а иногда по старинной традиции, кинжал клали в гроб казаку вместе с другим оружием и пляшкой горилки.

Нож — был вспомогательным оружием у кавказских казаков в отличие от донских казаков, носивших его на поясе и использовавших как оружие. У кубанцев нож выполнял в основном хозяйственные цели, но когда нужно мог быть пушен в дело и как оружие.

Рогатка — Представляла собой развилку крепкого дерева в основном кизила, с двумя за-

острёнными краями и яблоко образным утолщением в конце рукояти с отверстием для темляка. Рогатка была специальным оружием пластунов, являлась парным оружием. Рогатки брались в обе руки, и позволяли казаку эффективно обороняться и нападать на противника, не нанося серьёзных повреждений. Иногда в острые концы вбивались небольшие гвозди для того чтобы не тупились. Это оружие позволяло обезвредить противника без фатальных повреждений, если задача стояла доставить его живым. Дерево для рогаток выбирали из твёрдых пород дуб, кизил, акация, самшит. Заготавливали его поздней поздней осенью, когда опадала листва и останавливалось сокодвижение, потому что в этот момент дерево наиболее крепко и подходит для этих целей.

Засапожник — достаточно длинный (около 40 см.) железный штырь, заострённый на одном конце и обмотанный тряпкой на другом. Он носился казаком за голенищем сапога и использовался либо как метательное оружие, либо как оружие последнего шанса на один укол и иногда спасал жизнь казаку. Засапожник делался из обломка штыка или длинного гвоздя закалённого определённым образом.

Гасило — представляло собой металлический грузик, привязанный на верёвочку с петелькой, в которую продевалась рука. Иногда это был кусок свинца, оплетённый и вставленный в небольшой (до 20 см.) кожаный поясок. Иногда в крайнем случае это был камень завёрнутый в платок или кусок материи. Это оружие было одно из самых доступных и использовалось казаками при действиях в городах, когда невозможно было использовать другое оружие.

Нагайка — представляла собой кожаную плётку с деревянной рукоятью. Она была небольшая 60–70 см в развёрнутом виде. На конце плети крепился специальный кармашек, он назывался шлепок, куда вкладывалась свинцовая пулька. Крепилась плеть к ручке через кольцо, которое называлось гайка или непосредственно к ремешку, который был привязан к деревянной рукояти. Это было скорее травматическое оружие чем боевое казаки пользовались им когда хотели проучить кого то но не хотели убивать или калечить. Она использовалась для разгона демонстрантов, наказания недобросовестных торговцев, мелких жуликов и т. д. Были и другие виды короткого оружия, которые в строгом смысле оружием не являются (колья, крючья, якорцы и т. п.). Вообще казаки в своих действиях были свободны от стереотипов и использовали

любые предметы в качестве оружия, если этого требовала ситуация.

Кинжал — был основным коротким оружием Кубанского казака. Он имеет древнюю очень историю, которую принято вести от кабанских бронзовых кинжалов через скифский акинак, к казачьему кинжалу. Хотя по некоторым данным история кинжала ещё древнее и восходит к каменному веку, когда это был обломок трубчатой кости животного имевший клиновидную форму и заточенный с обоих концов, рукоятью же являлся сустав с естественным расширением на конце служившим пятой кинжала. За счёт своей удачной конструкции и весовых пропорций кинжал прочно занял место главного короткого оружия казаков, пережив много поколений, используется по сей день.

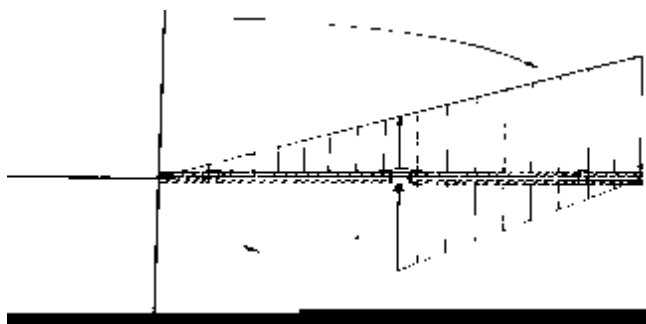
Щёчки изготавливали из рога или дерева реже из металла, иногда сверху оковывали серебром для украшения. О заклёпках хочется сказать особо, как правило, их было три, они играли роль фиксаторов и определяли стиль работы с кинжалом. Средняя заклёпка зачастую имела форму овала и повторяла форму ладони своего владельца. Две крайние заклёпки имели вид полусфер и выполняли роль упоров ограничителей при работе кинжалом разными хватами. Были и другие кинжалы с двумя длинными и острыми заклёпками по концам рукояти они надёжно фиксировали руку прямым либо обратным хватом. Для работы с таким кинжалом применялась своя техника более жёсткая и резкая с преобладанием уколов.

Кинжалы были двух видов прямые кама, и кривые бевут. Кама прямой обоюдоострый благодаря своим удачным весовым пропорциям является и рубящим и колющим оружием одновременно. Правильно сделанный кинжал имеет елмань (утолщение) в передней части, за счёт чего повышается проникаемость, так же центр тяжести смещается ближе к боевому концу, за счёт этого повышается сила при рубящем ударе. Прямой кинжал из-за своей простоты и универсальности стал элементом формы кавказских казаков и пользуется ими по сей день. Официально в кубанском войске кинжал как элемент формы был введён 1840 году. Хотя реально использовался казаками и ранее. Это был кинжал ЧКВ (Черноморское Казачье Войско) он так понравился казакам формой своей рукояти что в последствии казаки обрезали конец рукояти кавказского кинжала и делали подобие рукояти ЧКВ. Дело в том что с такой формой рукояти кинжал можно было брать особым хватом при котором конец рукояти упирался в ладонь а сама рукоять пропусклась между средним и безымянным пальцем наподобие свиногола и надёжно фиксировалась в руке. Таким хватом можно было наносить сильные колющие удары, не теряя манёвренности.

Прямой кинжал кама представляет собой стальную полосу копьевидной или клиновидной формы от 30 до 70 сантиметров длиной, зачастую с елманью, заточка обоюдоострая, ручка из двух щёчек приклепанных к стальной полосе.

Особо хочу сказать про так называемые кинжалы под три пальца, потому что эта тема сейчас активно обсуждается и муссируется недобросовестными торговцами антиквариатом и уже получила поддержку некоторых исследователей. Печально наблюдать зарождение очередного мифа. Так вот у кавказского кинжала есть критическая точка, которая находится по центру рукояти аккуратно на второй заклёпке в рукояти кинжала. И если нанести удар снизу человеку под рёбра или между рёбер при этом держать кинжал плашмя и не соблюсти правильный угол атаки, то от сильного удара человек при-

поднимается на кинжале. Кинжал идёт на излом, так как атакующий давит своим весом на конец рукояти, а лезвие уже зафиксировано телом противника. В результате перегрузки стальная полоса лопается и кинжал ломается как раз на второй заклёпке.

Изначально эта проблема решалась двумя путями:

1. Утолщением рукояти, что вело к утяжелению кинжала изменению его весовых пропорций и как следствие ухудшению его рабочих свойств

2. Придание стальной полосе рукояти профиля швеллера или двутавра это действительно повышало крепость рукояти, но до определённых пределов и кинжалы всё равно ломались, хотя и реже в сравнении с простыми (имевшими в сечении рукояти прямоугольник). Если обратить внимание на верхний рисунок, на котором изображён скифский акинак (второй с лева) то можно заметить что его рукоять имеет форму двутавра для придания ей большей прочности, это говорит о том, что ещё в те далёкие времена эта особенность кинжала уже учитывалась.

Проблема была решена только впоследствии с использованием более качественной стали, которая завозилась из Золингена, Толедо и Златоуста. Кавказ в это время находился в блокаде, ввоз металла был запрещён и что было делать горцу сломавшему таким образом свой кинжал, заварить его не возможно, обрезать лезвие, чтоб сделать полноценную рукоять не целесообразно, так как кинжал утратит свои боевые свойства. Вот и приходилось делать недорукоять. Такой кинжал менялся на годный при первой возможности. Иногда лезвие от кинжала оставлялось до лучших времён, так как металл в те времена был дорог. И в таком виде находится уже сегодня недобросовестными торговцами, к нему приделывается укороченная рукоять вот так и появляется кинжал под три пальца. Был ещё вариант, когда такие кинжалы производили изначально это парадные кинжалы, произведённые в основном в Тифлисе, они имели небольшой размер и очень дорогую отделку, являясь скорее украшением, чем оружием.

Но вернёмся к казачьему кинжалу. Свой первый кинжал казак получал в подарок в возрасте 3–5 лет. В основном это был подарок от деда, если тот был жив. Если же дед к тому моменту погибал кинжал дарил кто то из односумов деда, либо отец. Если же их не оставалось, то кинжал дарил станичный атаман и правление. С этого момента кинжал становился его постоянным спутником до самой смерти, а иногда по старинной традиции, кинжал клали в гроб казаку вместе с другим оружием и пляшкой горилки, чтоб казак не скучал в пути. Первые уроки владения кинжалом также давал дед. Он учил как незаметно и, бесшумно нападать, правильно перемещаться, уходить от атак противника давал начальные навыки так необходимые каждому, в то время. Остальное нарабатывалось постоянными каждодневными тренировками в играх со сверстниками и старшими товарищами. Где бы ни был казак, кинжал всегда был при нём. Даже у себя дома ложась спать казак, вешал кинжал в изголовье кровати. Существовала традиция, по которой кинжал нельзя было покупать, его можно было получить в подарок, украсть, или снять с убитого врага. Считалось, что купленный кинжал не будет приносить удачи своему владельцу и будет плохо воевать. У казаков даже была поговорка «Что я армян кинжал покупать?» с намёком на слабость морального духа последних.

У казаков была ещё одна разновидность кинжала — это бебут обоюдоострый искривлённый кинжал. Его любили больше всего пластуны из-за его размеров и формы. Дело в том, что изогнутая форма лезвия позволяет наносить более сильные рубящие и колющие удары, чем прямым лезвием. Но для нанесения таких ударов во первых очень важно чтобы кинжал подходил под человека по своим размерам относительно пропорций человека. Во вторых необходимо строго соблюдать углы атаки отклонение от правильного угла даже на пол градуса приводит к потере большей части эффективности удара. Поэтому освоение техники владения бебутом требует значительно больше времени и усердия. Ещё один очень важный момент бебутом невозможен прямой тычок из-за изогнутой формы лезвия. Возможно, поэтому некоторые пластуны предпочитали прямые штыки-тесаки от штуцеров в качестве холодного оружия.

Кинжал сопровождал казака на протяжении всей его жизни, начиная от первого маленького детского кинжала, полученного

в подарок в раннем детстве от деда. Этот кинжал помогал ему учиться познавать природу холодного железа и принципы владения оружием. На протяжении жизни у казака было много кинжалов, которые он снимал с убитых врагов или доставал различными путями. До самой смерти последнего любимого кинжала, который клали казаку в гроб товарищи, провожая в последний путь, чтобы и на том свете казак, мог постоять за себя.

Нож — является древнейшим оружием человека, он также использовался кубанскими казаками, но скорее как вспомогательное оружие. Из-за того что казаки были вооружены кинжалами они не нуждались в отдельном боевом ноже. Нож выполнял больше хозяйственные функции, его использовали в походе, чтоб не тупить кинжал, который мог понадобиться по прямому назначению в любую минуту. У казаков не было подкинжальных ножей если такие и попадались, то это были трофейные кинжалы горцев.

Дело в том, что у горцев была традиция они не могли использовать кинжал для хозяйственных нужд и приготовления пищи, у них для этого был специальный подкинжальный ножичек, который вкладывался в карман с задней стороны ножен кинжала. Связано это было с низким качеством стали на их кинжалах, которые гораздо хуже держали заточку и быстрее тупились, вследствие чего де-

лались негодными для боевого применения. Ножи кубанскими казаками в качестве боевого оружия применялись крайне редко в основном когда к этому вынуждала ситуация например ломался или терялся кинжал или в ходе разведывательных операций в городах когда казак не мог носить кинжал и обозначать себя как казака а выдавал себя за кого то другого. Поэтому ножи кубанских казаков не поддаются классификации — это был в основном хозяйственный инструмент. Особой техники владения ножом у кубанских казаков тоже не было. Использовалась техника кинжала с поправкой на то, что нож был зачастую меньше по толщине, чем кинжала (не годился на укол) и имел одностороннюю заточку.

Рогатка является наименее известным казачьим оружием. Это было оружие казаков пластунов, а они старались не разглашать своих методов. Рогатка представляли собой срезанную развилку дерева Y образной формы, причём два конца у неё были заточены и являлись боевыми, а один конец был ручкой, он был снабжён утолщением и темляком, в который продевалась рука. Дерево для рогатки выбирали чаще всего кизил, его срезали в конце осени, когда опадали листья, затем сушили заготовки. Когда дерево высыхало ему придавали форму будущей рогатки боевые концы иногда обжигались для придания прочности иногда в них забивали (ещё в сырое дерево) небольшие кованые гвозди чтоб конец не тупился и не скалывался. Далее уже готовую рогатку пропитывали специальными составами на основе воска или льняного масла для придания влагостойкости и дополнительного укрепления древесины. Рогатка дополняла комплекс вооружения пластуна, выполняя некоторые функции недоступные для другого оружия. Дело в том, что с помощью рогатки можно быстро обезвредить человека не нанося ему травм несовместимых с жизнью и сделать это гораздо проще, чем кинжалом, а тем более шашкой. Но всё-таки основным её предназначением была такая операция, где задачей являлось взять противника живым. Рогатка была парным оружием, казак брал по рогатке в каждую руку, когда хотел обезвредить противника. Одной рукой бло-

кировались действия противника (сама форма рогатки способствует тому, чтобы поймать атакующую конечность) а второй наносился удар на поражение. Она являлась специальным оружием, которым пользовались казаки пластуны для проведения разведывательных операций. Она использовалась и как оружие защиты и как оружие нападения, позволяя пластунам выполнять сложные задачи брать пленных и получать ценные сведения.

Засапозжник — нож, который носился за голенищем сапога отсюда и получил своё название засапозжний нож. Он представлял собой металлический штырь, остро заточенный с одной стороны и обмотанный тряпкой, с другой часто использовался обломок штыка или закалённый особым образом гвоздь. Иногда засапозжник выковывался специально, тогда он был трехгранным, что позволяло наносить более тяжёлые и плохо заживающие раны. Это было оружие скрытого ношения. Правильно вставленный в голенище сапога он не мешал ходьбе и был практически незаметен, наружу торчала лишь маленькая головка рукояти. Иногда засапозжники были парными и носились в обоих сапогах. Это было чисто боевое оружие и никаких других полезных функций не выполняло. Его использовали в рукопашной схватке как оружие последнего шанса, когда другое оружие было сломано, или утрачено. Также его использовали как метательное оружие из-за его высокой пробивной силы им вполне можно было убить человека просто метнув его, а также из-за низкой стоимости его не боялись потерять при промахе. Ещё засапозжник использовался как стилет когда надо было незаметно убить человека не оставив при том следов при проведении разведывательных операций. Им наносился резкий молниеносный удар в жизненно-важный орган человек не успевал вскрикнуть и практически не оставалось следов крови. Засапозжники использовались казаками во всех войнах, где они участвовали вплоть до Великой Отечественной Войны и нередко спасали жизнь казаку и его товарищам.

Гасило — оружие ударно дробящего действия ещё его называли кистень. Представляло собой грузик из металла с отверстием по центру, наподобие бусины, через него пропускался шнурок из переплетённой сыромятной кожи либо плотная бечевка с петлёй на обратной стороне, в которую продевалась рука. Это оружие также имеет древнюю историю, оно применялось ещё древними скифами как боевое оружие, когда нужно было

проломить шлем или доспех противника. Это было оружие нападения и применялось тогда, когда применение другого оружия было не целесообразно. Оно приобрело популярность из-за простоты и дешевизны изготовления. Но, несмотря на эту простоту, являлось грозным оружием способным с одного удара проломить череп взрослому физически крепкому мужчине воину. Мускульная сила, приложенная к круговому движению (руки, а через шнурок к грузику, увеличивалась многократно скорость и сообщала грузику энергию вполне достаточную, чтоб пробить шлем или голову. Поэтому грузики, никогда не были большими и тяжёлыми. Тяжёлые грузики (около 1 фунта) использовались для другого был вариант гасила, когда грузик оплетался сыромятной кожей и дальше вплетался в короткий поясок (около 20 см). Этот вариант казаки использовали, когда не хотели убивать противника, а лишь слегка оглушить. После удара таким приспособлением по голове человек терял сознание на некоторое время после приходил в себя, не имея серьёзных травм, и вполне был годен для допроса. Особенно ценным оружием гасило было в городах когда было необходимо собрать негласную информацию не обозначив своего присутствия. Потому что гасило, позволяло носить его скрыто в разобранном виде и собирать непосредственно перед применением. Важно было знание самого принципа действия этого оружия, а собрать его можно из всего чего угодно вплоть до камня, завернутого в платок или тряпку. Это с первого взгляда незатейливое оружие помогало казакам скрытно проникать на объекты, которые пришлось бы штурмовать месяцами, устраивать диверсии, брать языков которые давали ценную информацию, да и просто спасало жизнь в трудную минуту.

Нагайка — оружие ограниченной травматичности как принято сейчас говорить. Представляла она собой плетёную небольшую около 40–45 сантиметров длинной, прикрепленную к деревянной ручке около 35–40 сантиметров длинной. Крепилась плетёная ручка с помощью кольца называемого гайка (есть мнение что отсюда, и произошло название на гайке — нагайка). На одном конце плетёная ручка имела карман, называемый шлепок в который вставлялся свинцовый грузик или пулька для утяжеления удара. Рукоять

как правило делалась из твёрдых пород дерева, часто украшалась серебряной или золотой инкрустацией а на конец одевался серебряный стакан украшенный резьбой или чернением. Иногда рукоять делалась из ноги небольшого животного (козы, лани и тд) тогда на копыто прибавалась маленькая серебряная или золотая подкова. В сложенном виде нагайкой управляли конём для этого на конце рукояти куда крепилась гайка делалась специальная деталь кожа нарезанная опушка. Использовалась нагайка в основном для разгона дебоширов, хулиганов, демонстрантов, усмирения пьяных, защиты от собак или наказания провинившихся. То есть для таких задач, где не стояло цели физического уничтожения противника, а нужно было лишь немного проучить его. Так же нагайка использовалась для казачьих ритуалов. Когда выбирали атамана уже после избрания, но до того как он взял атаманскую насеку, его обязательно три раза били нагайкой по спине били по настоящему с протягом, а делалось это для того чтоб атаман знал каково это на собственной шкуре. Дело в том, что атаман имел власть выпороть любого кого посчитает провинившимся. После этого атаман благодарил выпоровшего за науку, брал насеку и получал всю полноту власти. Казаки очень любили нагайку разговаривали с ней, даже иногда давали ей поручения, которые она выполняла по мере сил. Всех интересующихся этим вопросом отсылаю к рассказу Лескова Н. С. Ракушанский меламед.

В целом короткое холодное оружие казаков было столь же разнообразно, как и задачи выполняемые казаками. При выборе оружия казаки исходили из потребностей текущей задачи, которую предстояло решать. Техника владения таким оружием хоть немного различалась между собой в зависимости от выбранного оружия, но имела общую основу, выработанную постоянными войнами которые вели казаки. Эту основу составляла система перемещений, скруток, сводов, уходов и уклонов от атак противника а также тычков, ударов, уколов, порезов которой казак учился с раннего детства. Учил его в основном дед, потому что он был немощен и уже не мог работать, но прошёл большой жизненный путь успешно (потому что дожил до того чтоб стать дедом) поучаствовал во многих боях

и накопил солидный опыт, который передавал теперь внукам. Если деда не оставалось, то казачонка учил его товарищ односум воевавший вместе с дедом, оставшийся в живых. Дальнейшим обучением были игры со сверстниками, все они носили развивающий характер. К примеру, казачонку нужно было проколоть кинжалом небольшой (около одного квадратного сантиметра) листик на кусте, либо сбить нагайкой летящую муху, либо срубить шашкой пруттик, воткнутый в землю с насаженной на него папхой таким образом, чтобы, когда пруттик будет срублен папха, упав, оделась на обрубок пруттика торчащий из земли. Такие игры развивали ловкость, выносливость, силу и резкость удара учили казака обращаться с любым оружием на практике.

Как таковой централизованной системы обучения боевой техники у казаков не было, каждый старший мог подойти к играющим детям и исправить ошибку, допущенную ими либо показать новый элемент. За счёт этого достигалась максимальная эффективность обучения. И владение коротким оружием составляло существенную долю этого обучения. Ведь от умения с ним обращаться напрямую зависела сама жизнь казака.

Культура обращения с оружием является неотъемлемой частью культуры казачества, ведь не зря кинжал является элементом костюма казака. Не умея обращаться с оружием, казак не может считать себя грамотным и культурным. Многие из этой культуры утрачено за годы репрессий, когда казаку запрещалось не то что носить кинжал или шашку, а даже хранить их дома, про нагайку уже, и не говорю. Стоило казаку неосторожно упомянуть о наличии у него таких вещей сразу приходили с обыском, и изымал всё холодное оружие, что смогли найти и пускали его под пресс, несмотря на историческую и художественную ценность такого оружия. Мне попадались несколько шашек сломанных пополам своими владельцами, которым они достались от дедов, это были кавказские шашки удивительно красивого исполнения с настоящими золингеновскими клинками. Их ломали чтоб сохранить хоть какую то память о дедах, когда уже не было времени спрятать для того чтоб не отдавать в руки сотрудников милиции которые сперва изымали, а потом отправляли их в переплавку. А хозяев соответственно в тюрьму за хранения холодного оружия. Но с реабилитацией казачества как репрессированного народа в 1991 году ситуация изменилась культура оружия постепенно возвращается к казакам, надеюсь эта небольшая статья хоть в какой то мере поможет этому процессу.

*Директор музея казачества
Якбаров А. В.*

Иркутское казачество в 1917–1920 годах

Рассмотрение темы «Иркутское казачество и Гражданская война» было бы неполным без краткого обзора предшествующих событий. В этой связи коснёмся вопросов землеустройства и воинской службы иркутских казаков накануне 1917 г.

Авторы

*Новиков Павел Александрович, к. и. н. ИрГТУ
Романов Георгий Иванович, к. и. н. (Иркутск)*

Землеустройство и воинская повинность

Тянувшееся с XIX в. землеустройство казачьего населения Иркутской и Енисейской губерний, привело к тому, что «не обеспеченные земельно, казаки для своего пропитания во многих случаях обращаются к отхожим промыслам, вырождаясь в тип безземельного пролетариата».

Многочисленные ходатайства командования Иркутским военным округом и генерал-губернатора Восточной Сибири А. Н. Селиванова перед правительством и Министерством госимущества о справедливом наделении иркутских казаков достаточными земельными наделами нисколько не улучшили положения.

В 1914 г. общий земельный фонд казачества несколько вырос, но естественный прирост казачьего населения начисто «съел» все добавления. Лишь в Нижнеудинском уезде (и то главным образом только у куйтунских казаков) надел земли на мужскую душу достиг 34 десятин — 23 десятины удобной и 7 — неудобной земли плюс 4 десятины леса. Наделы остальных казаков Иркутской губернии производили удручающее впечатление, кое-где в сравнении с 1901 г. даже снизились. У казаков Иркутска было по 6 десятин удобной, по 1 — неудобной и по 29 десятин леса, Балаганского уезда — по 2 и 6 и 16 соответственно, Киренского — по 2,9 и 0,5 и 0,1, Верхоленского — по 0,7 и 0,7 и 0, Иркутского же — суммарно по 14 десятин.

Толчок к ускоренному землеустройству иркутского казачества дала начавшаяся Первая миро-

вая война. Военные категорически потребовали это у руководства поземельно-устроительных партий. И вот тут они стали работать поистине «стахановскими» методами. Всего за год чиновники как-то ухитрились в значительной степени обеспечить иркутское казачество землёю. В 1915 г. руководство поземельно-устроительных партий отчиталось: в Иркутске и Тунке казакам отведено 66 340 десятин, в Балаганском уезде — 12 825 десятин, а в Нижнеудинские казаки имели 17 393 десятины земли. Всего иркутскому казачеству было отведено 96 558 десятин земли (из них свыше 90% удобной), или около 29 десятин на душу мужского пола, т. е. почти по положенной норме. Лесной фонд остался неизменным и при отводе земель не учитывался. Кроме того, началось проектирование земель войскового запаса и офицерских участков, которое было завершено к концу 1917 г. Не обеспеченными земельными наделами остались лишь киренские и верхоленские казаки, для землеустройства которых просто ещё не хватило времени. Их землеустройство началось в 1916 г. и было прервано революцией.

Так тянувшееся на протяжении почти полувека землеустройство восточносибирских казаков было окончено лишь в 1918 г. с приданием им войскового статуса, следствием чего было окончательное размежевание крестьянских и казачьих земель, которое привело к образованию автономного и обособленного юртового (станичного) земельного фонда. Тем самым были устранены главные отличительные черты казачьего населения Восточной Сибири от российского казачества — совместное с крестьянством землепользование и волостное административное устройство.

Согласно приказу по военному ведомству под № 334 от 10 июля 1910 г.¹ иркутским и енисейским казакам был установлен новый порядок отбывания воинской повинности. Военная служба восточносибирских казаков была заменена на более приемлемую для них, но всё же отличавшуюся от обычного порядка военной службы в казачьих войсках. По достижении 19 лет молодых казаков-новобранцев зачисляли в подготовительный разряд сроком на один год, в течение которого они обязаны были полностью подготовиться к дей-

¹ Все даты до 1917 г. включительно приводятся по старому стилю.

ствительной военной службе, включая обязательное отбывание месячного лагерного сбора. Затем следовала трехлетняя действительная воинская служба — с 20 до 23 лет. До 30 лет казаки находились на льготе и обязаны были содержать в исправности все предметы обмундирования и амуниции, кроме лошадей. Затем до 38 лет казаки находились в разряде внутренних служащих и могли быть задействованы в интересах Министерства внутренних дел (МВД), без согласия на то военных. Общий срок военной службы составил 18 лет плюс год przygotowательного разряда. С 38 до 48 лет (10 лет) казаки числились в ополчении и выходили на службу в мирное время добровольно.

Чрезвычайная конференция представителей девяти казачьих войск Востока России. Омск, август 1919 г. Сидят (слева направо): Ф. И. Поротиков (представитель Сибирского войска), Я. Т. Лапшаков (Забайкальского), председательствующий К. М. Бирюков (Уссурийского), почётный председатель А. И. Дутов (Оренбургского), Б. И. Хорошкин (Уральского), А. М. Ионов (Семиреченского), И. Н. Шендриков (Семиреченского). Стоят (слева направо): А. П. Кузнецов (Енисейского), В. И. Ушаков (Семиреченского), Е. Д. Коновалов (Уральского), В. А. Власов (Сибирского), Р. А. Вертопрахов (Амурского), Н. Л. Ананьин (Забайкальского), М. П. Шмотин (Оренбургского), С. М. Мелентьев (Иркутского), Г. Н. Кузнецов (Уссурийского).

Журнал «Единая Россия». Фото предоставлено А. В. Ганиным

Проводя реформу 1910 г., военные учли все пожелания МВД, в результате чего иркутские и енисейские казаки стали служить на значительно лучших условиях, чем всё российское казачество в целом (по году меньше кадровая служба и нахождение на льготе). С 30 лет казаки могли быть использованы только с разрешения МВД, поэтому и числились они в разряде внутренних служащих, а не запасных, как в других казачьих войсках.

Новый порядок прохождения воинской службы резко усилил боеспособность подразделений. Командование округом подчёркивало, что данная мера, с одной стороны, позволяет укомплектовывать штаты сотен однородным по возрасту личным составом, но с другой — военным пришлось ограничить приём казаков на службу. По штату казаков выходило на службу: иркутян — 144 человек, енисейцев — 99 человек, а молодых казаков призывного возраста в результате естественного прироста населения стало значительно больше.

Призыву ежегодно подлежала одна треть от штатного числа, т. е. около 80–85 казаков с двух губерний, в то время как годных к службе новобранцев было почти 150. Это привело к тому, что более трети призывников у иркутских казаков и больше половины у енисейских казаков, не проходя действительной военной службы, сразу же увольнялись прямо на льготу.

Такое положение сильно озаботило военных, которые прекрасно понимали, что казаки обязаны быть должным образом обучены на случай войны, а оказывалось, что довольно большое число молодых казаков вообще не отбывало действительную военную службу. Поэтому было разработано новое штатное расписание, по которому в мирное время иркутские казаки должны были формировать двухсотенный конный дивизион сокращённого состава (вместо одной сотни), а в военное время — четырехсотенный конный полк (вместо прежнего трехсотенного конного дивизиона). Однако перейти на новое расписание не успели — в августе 1914 г. началась Первая мировая война.

Поэтому вплоть до 1916 г. (когда война заставила отправить на фронт сводные сотни), действовал регламент 1910 г. Согласно ему иркутские и енисейские казаки должны были выставлять на военную службу в мирное время по одной казачьей сотне: полного состава в 144 казака при 6 офицерах (Иркутская казачья сотня) и сокращённого состава в 99 казаков при 6 офицерах (Красноярская казачья сотня). В военное время развёртывались трёхсотенные конные казачьи дивизионы полного состава (при 543 лошадях). В них должно было числиться по 482 казака (439 строевых и 43 нестроевых) при 11 офицерах и 3 военных чиновниках. В мобилизационных расписаниях и Иркутский и Красноярский дивизионы

Начальник Главного управления по делам казачьих войск генерал-майор Б. И. Хорошкин.
Фото предоставлено А. В. Ганиным

неизменно числились не среди частей, «подлежащих перевозке на западную границу в случае мобилизации», а среди «остающихся в Иркутском военном округе».

Численность иркутских и енисейских казаков была значительной в боевых формированиях — 144 и 99 человек соответственно (максимально по полковому штату — 196 чел.), в то время как населения насчитывалось чуть более 7 тыс. лиц казачьего сословия. Число неспособных к военной службе было очень малым — 2–3 человека из 100 человек призывного возраста. Для сравнения: в 1911 г. в Амурском войске несло службу 35 офицеров, 413 нижних чинов... Уссурийское войско выставляло 26 офицеров, 298 нижних чинов, т. е. при населении в 5–6 раз большем, чем у иркутян, казачьи войска Дальнего Востока выставляли на службу в мирное время (в перерасчёте) значительно меньше строевых казаков (неспособные к службе здесь составляли 11% и более). Особенно явно данное несоответствие проявилось в годы войны.

После реорганизации 1911 г. иркутское и енисейское казачество стало выставлять по военному ведомству 2 конных сотни, укомплектованных проходящими действительную службу молодыми

казаками, а также несколько команд для службы в других ведомствах, где за жалование проходили службу льготные и внутренне служащие казаки.

Порядок отбывания воинской повинности, вплоть до 1911 г., не позволял иркутскому и енисейскому казачеству заниматься производительной деятельностью. Он закреплял в казаках потребительское отношение к жизни и напрямую обуславливал выполнение привычных полицейских обязанностей — основного источника средств к существованию.

Именно такая система выполнения повинности «консервировала» специфический тип восточносибирского «служилого казака». Реформа 1911 г. дала казакам свободное время, заставила их уделять внимание хозяйственной деятельности и тем самым устранила одно из принципиальных отличий от казаков России в целом. Реорганизация воинской службы позволила сместить и аспект боевой подготовки иркутского и енисейского казачества: с полицейского на военный.

Командный состав

В 1907–1909 гг. Иркутской сотней командовал есаул Василий Онисимович Агафонов, в 1913 г. — войсковой старшина князь Бекович-Черкасский, в 1914 г. — войсковой старшина Каргополов².

Командный состав казачьих сотен комплектовался из офицеров, числившихся по регулярной кавалерии. В силу этого они не могли принадлежать к казачьему сословию и не имели права на получение земельного пая. Большинство офицеров по происхождению не являлись казаками. Так, например, в 1912 г. из 7 офицеров Иркутской казачьей сотни только подьесаул Усов был иркутским казаком. Уроженцами Иркутска были подьесаул Селиванов, сотники Кубинцев и Попов. Первые два офицера в 1917 г. были приняты в войсковое сословие станичными сходами (Спасская станица и Покровский посёлок Крестовоздвиженской станицы соответственно). Остальные же офицеры, включая командира сотни войскового старшину князя Бековича-Черкасского, командировались для управления сотней из армейских частей. В целом офицеры Иркутской и Енисейской казачьих сотен отличались хорошей военной подготовкой, а некоторые из них имели боевой опыт войны с Китаем и Японией. Так, например, родившийся 14 мая 1870 г. в селе Бековичево в Малой Кабарде князь Фёдор Николаевич Бекович-Черкасский был награждён за Русско-японскую войну шестью боевыми орденами — Св. Анны 2-й степени с мечами, 3-й степени с мечами и бантом, 4-й степени «за храбрость» (анненское оружие), Св. Станислава 2-й степени с мечами, мечами и бантом

² Краткое расписание сухопутных войск. Исправленное по 1 июля 1907 г. СПб, 1907; То же к 1 августа 1913 г. СПб., 1913; То же к 1 марта 1914 г. СПб., 1914.

к ордену Св. Станислава 3-й степени, св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом. В боях был ранен, за отличие в службе получил чины есаула и войскового старшины. В Первую мировую войну полковник Бекович-Черкасский воевал в рядах Кабардинского полка. Затем был командиром Татарского конного полка, а в 1917 г. — лейб-гвардии Кирасирского его Величества полка. За отличия 23 мая 1916 г. удостоен ордена Св. Георгия 4-й степени, произведён в генерал-майоры. В Гражданскую — на командных должностях в Добровольческой армии и вооружённых силах юга России. Умер в 1953 г. в Париже.

Участвовал в войнах с Китаем и Японией и подъясаул Никифор Николаевич Усов (род. 1.06.1871 г.). Путь этого офицера был обычным для иркутского казака — окончил четырехклассное городское училище им. Александра III, затем Иркутское военное училище по второму разряду. Службу начал в 1890 г. нижним чином и только через десять лет был произведён в хорунжий. В 1909 г. за «ревностную и безупречную службу» Н. Н. Усов получил «Высочайшее благоволение». В служебной аттестации 1912 г. указано про уровень подготовки: «Хороший. Подлежит в оставлении в должности» помощника командира сотни и заведующего хозяйством».

Взводный офицер Алексей Николаевич Селиванов (род. 6.08.1876 г.) происходил из офицерской семьи, уроженец Иркутска. Учился в Иркутском промышленном училище, позднее окончил четырехклассное городское училище им. Александра III, затем Иркутское военное училище по второму разряду. Чин хорунжего получил лишь чуть позднее Усова, в 1912 г. исполнял обязанности адъютанта командира сотни и казначея. В феврале 1902 г. Селиванов находился под дознанием по делу о нанесении побоев денщику солдату Гарифуле Исикееву. Причина — неправильно поставленные на просушку валенки и не там повешенная сбруя. По итогам дознания начальник Иркутской местной бригады генерал-майор Петров предписал посадить Селиванова на гауптвахту под арест на 7 суток.

В течение 6 лет Селиванов был наблюдающим за землеустройством иркутского казачества. Именно ему казаки доверяли больше всего, видя, как принципиально и твёрдо офицер защищает земельные интересы казачества: «...г. Селиванов с честью и безупречным знанием дела выполнял своё назначение и оказался для нашего землеустройства незаменимо полезным», — так писали куйтунские казаки в благодарственном письме. За свою честность Селиванов нажил множество недоброжелателей и врагов среди землеустроителей и чиновничества, но интересы казаков ставил превыше собственных. За безупречное выполнение служебных обязанностей в 1911 г. офицер был награждён орденом Св. Станислава 3-й степени.

Ещё один офицер, чьи свидетельства мы в своё время ещё приведём, — это Валентин Михайлович Кубинцев (род. 14.02.1883 г.). Кубинцев был сыном статского советника, уроженец Иркутска. Окончил полный курс классической гимназии, затем Иркутское военное училище по первому разряду. Чин подпоручика получил по окончании училища в 1906 г., потом перевёлся взводным командиром в Иркутскую казачью сотню, в 1909 г. стал сотником, а незадолго до Первой мировой войны и подъясаулом. За безупречное выполнение служебных обязанностей в 1910 г. офицер был награждён орденом Св. Станислава 3-й степени. В служебной аттестации 1912 г. указано про уровень подготовки: «Хороший. Подлежит в оставлении в должности».

Таким образом, в 1912 г. впервые в Иркутской казачьей сотне служило три офицера, которые принадлежали к иркутскому казачеству (правда, двое из них были зачислены в войсковое сословие лишь в 1917 г.). Обычно в сотне служил только один офицер — иркутский казак, но порой в составе сотни иркутских казаков-офицеров не имелось, впрочем, как и из других казачьих войск. В чём причина такой кадровой политики окружных штабистов, ответить трудно, хотя перед Первой мировой войной был почти десяток кадровых офицеров из иркутских казаков (считая Селиванова и Кубинцева). Трое из них служили в сотне, один (А. А. Могилёв) — в Красноярской казачьей сотне, пятеро — в забайкальских казачьих полках, из них четверо — в 1-м Нерчинском казачьем полку Уссурийской конной дивизии.

В годы Первой мировой войны

Как же служили иркутские казаки в Первую мировую войну? Мобилизация Иркутского и Красноярского казачьих дивизионов была объявлена 26 июля 1914 г. И хотя командование Иркутским военным округом подготовило все планы и расписание заранее (к 1912 г.), сама мобилизация прошла лишь немногим лучше мобилизации 1904 г. Сроки прибытия казаков в казармы дивизионов составляли от 10 дней (красноярские и иркутские городские казаки собрались на 6 дней раньше, чем в Русско-японскую войну) до 3 месяцев (казаки северных уездов). Беда была не только в этом — 38 казаков явились в казармы без обмундирования, снаряжения или лошадей. Остро не хватало офицерского состава. Если по штату полагалось на дивизион 11 офицеров, 482 вахмистра, урядника и казака (439 строевых и 43 нестроевых), а также 543 лошади, то налицо было всего 6 офицеров (8 по списочному составу). Дивизион имел незначительный сверхкомплект: по казакам — на 17 человек и на 11 лошадей.

Сразу же после начала войны ещё не отмобилизованные Иркутский и Красноярский казачьи дивизионы были переданы в распоряжение МВД

Знамя одной из семеновских частей. ИОКМ

(единственные среди российского казачества), а их служба согласно циркуляру Главного управления Генерального штаба № 134132 «ничем не должна отличаться от мирного времени».

Дальше — хуже, ненормальность ситуации состояла в том, что молодые казаки призывов 1912, 1913 и 1914 гг., отслужив действительную службу, увольнялись на льготу и больше не призывались, тогда как старшие станичники разрядов льготного и внутренних служащих были вынуждены служить бессменно все годы войны.

Порочность такой политики МВД отчётливо проявилась в 1916 г. с отправлением на театр военных действий сводных казачьих сотен, после чего в дивизионе стали служить и казаки старше 38 лет. Пожилые ополченцы, обременённые семьями, обязаны были служить, а молодые холостяки откровенно отлынивали и даже не предлагали заменить собой служащих более старших возрастов (зачастую своих же старших братьев или даже отцов). Дело дошло до того, что на военной службе оставались больные казаки. Так, например, казак Филимон Зверев умер 23 апреля 1915 г. от туберкулёза лёгких, будучи призванным на службу больным.

Между тем казакам, служившим в полиции, горной страже и прочих государственно-охранительных формированиях, была предоставлена,

по решению товарища министра внутренних дел генерала В. Ф. Джунковского, отсрочка от призыва до 28 мая 1916 г. Более того, всех стражников и полицейских, которые добровольно от мобилизовались и пришли в казармы казачьего дивизиона, вскоре уволили на льготу и они снова приступили к выполнению охранно-полицейских обязанностей. Военные не могли не «уважить законную просьбу губернатора и уволить казаков... от службы». Затем демобилизовали и всех учителей войскового сословия.

В 1916 г. командование Иркутским военным округом отмечало, что «есть казаки 1912 г. и 1913 г., находящиеся на льготе, и вообще не явившиеся до сего по мобилизации на службу». Многие «уклонисты» при этом ухитрились вообще не отслужить ни одного дня действительной службы (и это при обязательной, чуть ли не поголовной, военной службе казачества).

Причина такого явления лежит не только в психологии (иркутские и енисейские казаки уклонялись от службы по вполне официальным причинам), а в лени и головотяпстве... командования Иркутским военным округом, которое 3 года тянуло с разработкой нового штатного расписания, по которому в мирное время должно

было призываться на военную службу около 400 казаков из обеих губерний вместо 250 (около 150 казаков увольнялись прямо на льготу, не отбывая воинской повинности). Офицеры окружного штаба, по существу, бездействовали, считая три года, сколько подштанников надо выдавать казакам, или сколько мехов должно быть у полевой кузницы...

Такая служба для молодых иркутских казаков продолжалась около двух лет «Великой» войны. К началу 1916 г. в Иркутском казачьем дивизионе был большой недокомплект — 8 офицеров вместо 11, 406 казаков вместо 482, 459 лошадей вместо 543 по штатному расписанию. Только к апрелю 1916 г., когда на фронт были отправлены сводные сотни в явочном порядке и более полусотни казаков сбежало на фронт уже по личной инициативе, командование добилось права мобилизовать всех казаков до 38 лет включительно для доукомплектования поредевших дивизионов. Приказ Военного министерства № 201 от 20 апреля 1916 г. устанавливал следующие выплаты призываемым казакам — новобранцам по 300 р., льготникам 2-й очереди по 200 р., а 3-й — по 300 р., разряда внутренних служащих — 300 р., а охотникам (т. е. тем молодым казакам, кто был демобилизован в 1914–1916 гг. «согласно мирного времени» и согласился выйти на военную службу добровольно — призвать их было не в компетенции военных кругов, они числились за МВД) — 300 р., плюс дополнительная выплата в 200 р.

Вот тут и началось самое интересное — охотниками заявилось большое число ополченцев и «белобилетников». После проведения для последних медицинской комиссии выяснилось, что 9 казаков, «ранее негодных... на службу оказались годными».

Выплата пособий, увеличенного жалования и других доходных статей, предоставление казакам длительных отпусков для посевной и уборки урожая позволили не только компенсировать число ушедших на фронт за счёт казаков старших возрастов, но и увеличить сверхкомплект людского состава в дивизионах.

Не обошла иркутское и енисейское казачество такая беда, как «амбюскирование», когда богатые и интеллигентные слои населения под любыми предлогами уклонялись от военной службы (за взятки или «по знакомству») или пристраивались в «тёпленьких» местечках. Так, например, иркутский казак И. И. Гаськов, владелец кадаликанского прииска «Товарищ» в Ленском округе, получил очень влиятельного покровителя, гофмейстера Высочайшего двора Якова Ратькова-Рожнова, а по совместительству владельца девяти золотых приисков. Как же было не помочь «радеющему» о государственном благе казаку?! Уволили казака И. И. Гаськова со службы, а чтобы ему было с кем дальше думать о благе государ-

ства и оказавшейся в опасности Родине, уволили также его приятеля, казака П. П. Литвинцева, а по совместительству богатого иркутского домовладельца. Позднее Гаськов долго, вплоть до апреля 1920 г., подвизался в Войсковом правлении, и призывал казаков к жертвенности и патриотизму (что ему оставалось делать, не воевать же с шашкой в руках, ведь в Гражданскую войну на приисках почти не велась работа, большевики их просто национализировали).

На Иркутский и Красноярский казачьи дивизионы окружным командованием было возложено выполнение целого ряда функций: несение внутренних нарядов и гарнизонной службы, охрана военнопленных и доставка их в специальные лагеря и самое главное — сопровождение маршевых рот, следующих для пополнения действующей армии (т. е. контроль за воинскими подразделениями на случай возникновения в них беспорядков).

Иркутский казачий дивизион имел три сотни под командованием есаула Усова (1-я), подесаула Кубинцева (2-я) и есаула Селиванова (3-я). С 1915 г. есаул Н. Н. Усов принял на себя командование дивизионом. Сотни несли гарнизонную и охранную службу в Иркутске, охраняли Кругобайкальскую железную дорогу и сопровождали маршевые роты от станции Берёзовка (близ Верхнеудинска Забайкальской области) до Ачинска Енисейской губернии. Комплектовались сотни не по территориальному принципу (по станциям), а по возрастному, общепринятому у казачества, критерию — 1-я сотня была кадровой, 2 и 3-я комплектовались соответственно казаками второй и третьей очередей льготного разряда. Так, например, казаков Головинской станции служило: в 1-й сотне — 11, во 2-й — 15, а в 3-й — 13.

Красноярский казачий дивизион под командованием есаула Александра Александровича Могилёва (иркутский казак) выполнял подобные задачи, его конные сотни несли охранно-полицейскую службу как в Красноярске, так и время от времени в других городах — Томске, Минусинске, Ачинске, Канске и Нижнеудинске.

Именно военно-полицейская служба и стала препятствием для отправления восточносибирских казаков на фронт. Здесь иркутское и енисейское казачество и выполняло наиболее характерные, сложившиеся на протяжении столетий, полицейские функции. В 1914 г. казаки оперативно погасили волнения пьяных новобранцев в Ачинске и Минусинске. В 1916 г. Иркутскому и Красноярскому казачьим дивизионам удалось, не прибегая к чьей-либо помощи, пресечь волнения солдат Красноярского гарнизона. В сентябре 1917 г. в Иркутске Иркутский казачий дивизион разоружил солдат 9-го и 10-го Сибирских запасных полков. Поэтому даже сама мысль об отправке на фронт этих казаков для МВД была недопустима.

В силу этого направление на фронт даже пожилых казаков, давно уже находящихся в ополчении и выразивших желание отбыть на фронт добровольцами, встречало противодействие. Так, просился на войну отставной вахмистр Иркутской казачьей сотни Василий Агафонов, но МВД отказало просителю, мотивируя тем, что «взятие отставных... только по Высочайшему разрешению». Следует отметить, что позиция МВД была обоснованна и в определённой степени поддержана Военным ведомством. Дело в том, что царское правительство опасалось «углубления» китайской революции 1911 г. и распространения волнений на Урянхай и Монголию. Поэтому в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке осталась существенная часть казачьих формирований, а также не проводилась мобилизация частей третьей очереди, кроме 3-го Верхнеудинского полка Забайкальского казачьего войска.

На фронтах Первой мировой войны воевало до 370 тыс. казаков, или 7,6% всего казачьего населения России. При этом на военно-полицейской и военной службе было задействовано более 10,5% иркутских и енисейских казаков. Сибирское казачье войско направило 8,6% населения, правда, преимущественно в боевые части. Таким образом, восточносибирское казачье население выставило максимально допустимое для него число служивших. Это свидетельствует о том, что в годы войны царское правительство использовало казачество Иркутской и Енисейской губерний не только для выполнения полицейских функций.

«Бегство» на фронт

С первых дней Первой мировой войны началось «бегство» иркутских и енисейских казаков на фронт. Но если в первые месяцы войны бежали единицы, то в 1915 г. это явление приняло обвальный характер, причём бежали иной раз уже не в индивидуальном порядке, а массово, иногда целыми подразделениями, вместе с лошадьми и снаряжением. Беглецов отлавливали и возвращали обратно, но в 1915 г. многим «дезертирам» удалось попасть в действующую армию.

В штаб Иркутского военного округа 5 апреля 1915 г. поступила из Карса (Кавказская армия) следующая телеграмма: «Третий Верхнеудинский полк прибыли бежавшие казаки Иркутского казачьего дивизиона Иван Черемисов, Иван Замяткин. Согласен зачислить штат полка при условии высылки полку их строевых лошадей и всего снаряжения вместе с лошадьми высылаемыми бригаде наказным атаманом, противном случае прошу указать куда вернуть. Ответ благоволите телеграфом 78. Стояновский». Благодаря есаулу Селиванову, из сотни которого удрали казаки, их лошади и снаряжение были высланы, причём «лошадь Замяткина больна и казак Михаил Потылицын уступает свою вполне здоровую лошадь».

Казаки быстро почувствовали слабость начальства, и осенью 1915 г., когда Русская армия с боями отступала, оставляя Польшу и Литву, бегство казаков на фронт приняло массовый характер. Бежали иной раз целыми подразделениями. Так, к 1916 г. Иркутский казачий дивизион лишился 93 казаков (вместо 499 по списку налицо оказалось 406), большую часть которых составляли бежавшие на фронт. Ситуацию усугубляло то обстоятельство, что «дезертиров» охотно принимали в забайкальских казачьих полках, командиры которых категорически отказывались отправлять их обратно, поступая по старому казачьему принципу: «С Дона выдачи нет». Боевых офицеров можно понять — они просто не могли высылать иркутских и енисейских казаков обратно, т. к. у забайкальцев, естественно, возникал бы вопрос, почему они должны воевать, а иркутяне и енисейцы находиться в тылу. Вероятно, что именно маршевые пополнения забайкальских казаков, с молчаливого поощрения своих офицеров, «прикрывали» иркутских и енисейских казаков, иначе те не смогли бы добираться до фронта с лошадьми. Бежали казаки и в партизанские отряды, которые стали повсеместно создавать при армиях и фронтах. Понятно, что высылать из них лихих и отчаянных казаков обратно в части не стал бы ни один здравомыслящий офицер, и не менее 10–15 иркутских и енисейских казаков служило именно в таких отрядах.

МВД всё же нашло способ приостановить «дезертирство». Когда иркутский казак Александр Толмачёв, служивший партизаном в конном отряде особой важности Западного фронта, подал прошение в Никольскую казачью волость о выплате ему как фронтовику положенных 75 р., то командир дивизиона есаул Усов отписал: «...так как бежал в армию... то выплатить нельзя». Бежавшие на фронт казаки льготами не пользовались — они считались дезертирами. Поэтому ни пенсий, ни вспомоществований семьям фронтовиков не выплачивалось. Военное министерство мотивировало этот тем, что Иркутский и Енисейский казачьи дивизионы, согласно п. 13 ст. 26, 44 раздела Сибирского свода законов (т. 11), изданного в 1892 г., состоят в ведении МВД, и поэтому по закону от 12 июня 1912 г. Военное ведомство «не имеет возможности оказать призрения семьям казаков». А получить пенсии семьям беглецов в случае гибели казака, пайки и пособия от МВД было проблематично. Но казаки бежали на фронт, несмотря ни на какие препоны, что говорит об их патриотизме.

Штаб Иркутского военного округа неоднократно ходатайствовал перед Главным управлением Генерального штаба об отправке на европейский театр военных действий строевых дивизионов. Так, в телеграмме № 016622 начальник штаба Иркутского военного округа генерал-майор Е. В. Ильяшевич просил отправить

Атаман Г. М. Семёнов

на фронт сводные сотни с прикомандированием их к Уссурийскому казачьему полку. Его поддержал начальник 2-й Сибирской стрелковой запасной бригады генерал-лейтенант Н. А. Лашкевич, которому подчинялись казачьи части. Новая телеграмма, через месяц, № 25405 от 19 ноября 1915 г., определяла количество строевых казаков-добровольцев в 181 человек.

Тяжёлое положение на фронте, происходившее «великое отступление» Русской армии в 1915 г. ускорили рассмотрение вопроса об отправке на фронт восточносибирских казаков. Согласно телеграмме № 6457 от 2 декабря 1915 г. в действующую армию согласились выехать охотниками (добровольцами) 71 иркутский казак (вахмистр, 4 урядника, 5 приказных и 61 рядовой). От Красноярского дивизиона вызвалось поехать на фронт 110 казаков.

Казакам было выдано пособие в 75 р., но они все деньги в размере 13 575 р. отдали в Военный фонд. 26 января 1916 г. началась отправка. Казаки должны были укомплектовать 4-ю (Иркутскую) и 5-я (Енисейскую) сотни Уссурийского казачьего полка, но считались, согласно решению МВД, не на фронте, а в длительной командировке (т. е. прав на льготы и пенсии не имели).

По случаю отбытия иркутских и енисейских казаков на фронт император Николай II отправил 16 февраля 1916 г. телеграмму в Иркутский и Красноярский казачьи дивизионы, где было сказано: «Искренне благодарю казаков и желаю

им полного успеха». Это было ответом царя на благодарственную телеграмму казаков, которую они отправили «по случаю столь великого праздника» (т. е. долгожданной отправки на фронт).

А в августе 1917 г. сообщалось: «Явление поразительное, мыслимое и понятное только в казачестве, — в то время, как многие, очень многие очень торопливо начали «обороняться от обороны» — Иркутский и Енисейский дивизионы почти в полном составе заявили о желании отправиться в действующую армию — охотниками! Только после долгих ходатайств и усилий им удалось вырваться в действующую армию, где они образовали отдельный дивизион при одном из казачьих полков, — «и стяжали себе более чем достойную славу», как отмечают их боевые товарищи».

И наконец, в октябре 1917 г. Енисейская сотня Уссурийской дивизии под командованием есаула Петра Фёдоровича Коршунова (в 1909 г. служившего в Иркутской сотне) будет ударной силой отряда генерала П. Н. Краснова. Этот сборный отряд предпримет неудачную попытку разгромить большевиков, ещё только захватывающих власть в Петрограде.

Казачьи станицы: расселение и численность

В годы Гражданской войны произошёл процесс окончательной концентрации иркутского казачества в своих, зачастую уже чисто казачьих селениях. А вот освещение проблемы численности иркутского казачества затруднено, ввиду незначительного числа достоверных документов. Например, по данным войскового атамана генерал-майора Оглоблина, казаков было 15 тыс.. В документах правления Иркутского казачьего войска (ИКВ) фигурирует цифра 12–13 тыс. лиц казачьего сословия. Вместе с тем имеются постоянные списки, где число казаков значительно меньше приведённых цифр. Попробуем более детально разобраться в данном вопросе.

По материалам Всероссийской хозяйственной переписи 1917 г., в сёлах Иркутской губернии проживало 5 350 казаков (941 хозяйство). По уездам распределение следующее: в Иркутском — 3 193 казаков (591 хозяйство), в Нижнеудинском — 969 (158), в Черемховском — 859 (130), в Киренском — 311 (58), в Верхоленском — 7 (2), в Балаганском — 11 (2). Однако эти данные более чем неполные.

Во-первых, в переписи не указывалось городское казачество, а оно было весьма многочисленным — в Иркутске более 1 400 казаков, в Нижнеудинске около 320, в Киренске 80–90 казаков.

Во-вторых, значительная часть казаков вообще не вела хозяйствования, поэтому, например, в Верхоленском уезде казаков было около 70, а в переписи указано на порядок меньше.

В третьих, часть казаков занимались отхожими промыслами, служили в горно-полицейской страже, являлись рабочими и служащими на железной дороге (Заусаево, Кимильтей, Головинское, Корхово) и в других ведомствах (примерно до 500–600 чел. вместе с семьями).

Вероятно, численность иркутских казаков составляла более 8 тыс. человек. Но и это на 900–950 человек больше, чем по переписи казаков 1915 г.

Некоторое увеличение казачества связано с зачислением в сословие крестьян из казаков, проживавших совместно с казаками в ряде селений (станции Спасская, Головинская, Александро-Невская и Крестовоздвиженская). Между тем в губернии проживало в 1917 г. 7 350 крестьян из бывших казаков (1 295 хозяйств), но их массового зачисления в Иркутское казачье войско так и не произошло.

Причина этого кроется в их распылении и невозможности создания обособленного земельного фонда. Зачисляли в войсковое сословие в первую очередь только тех, кто проживал совместно с казаками, и только там, где казаки получили положенные им земельные наделы, включая земли войскового запаса на прирост населения.

Так, например, ещё в 1916 г. крестьяне из казаков селения Крестовоздвиженского обращались с просьбой зачислить их обратно в казачество, делая акцент на том, что земельный фонд у них имеется более чем достаточный — 367,4 десятины удобной земли (в т. ч. 85 дес. выгонов и 66,2 дес. на прирост населения) на 16 мужских душ (т. е. на душу приходилось ровно 23 дес. земли). А если учесть, что шестерым из них было от 60 до 70 лет, то реальный надел данных крестьян из казаков равнялся 36,8 десятины исключительно удобной земли, без лесных угодий. Хозяйства были зажиточные — у Василия Кузнецова и Николая Ефимова имелось более 30 десятин запашки на каждого.

Однако окружное командование ходатайствовать отказалось, ссылаясь на приказ по Иркутскому военному округу от 15 июля 1911 г., где «вступление в число таковых казаков совершенно не упоминается». Именно данных крестьян из казаков зачислили в Иркутское казачье войско сразу же после революции 1917 г., т. к. их душевые наделы земли были почти равны самым полным казачьим паям, к тому же находились среди юртовых земель.

Поэтому можно утверждать, что в Иркутское казачье войско было реально принято не более 8–10% бывших казаков, и то в основном только тех, кто имел значительные земельные наделы и проживал совместно с казаками. А основную массу бывших казаков оставили как бы про запас, ожидая, что в будущем иркутским казакам полностью вернут положенный земельный фонд,

и тогда станет возможным массовое переселение в казачьи станицы. Отсюда и цифра — 12–15 тыс. казаков.

Тот же процесс, но более активный и масштабный, шёл и в Енисейском казачьем войске. Например, в станице Имекской Минусинского уезда ещё в 1917 г. из 10 крестьянских семей были приняты в казачество четыре, не приняты шесть — мало-земельные и безземельные.

Некоторое количество из поверстанных бывшими казаками вообще не являлись. Это зажиточные крестьяне-старожилы (Шимкинская и Никольская станицы), проживавшие долгое время в казачьей среде, и некоторые офицеры казачьего дивизиона, много лет служившие с иркутскими казаками. Так, летом 1917 г. Покровский сход принял в свой посёлок, с наделением земельным паям, командира сотни есаула В. М. Кубинцева вместе с семьёй.

На 1919 г. в Иркутском казачьем войске насчитывалось 8 станиц, состоящих из посёлков и селений, в большинстве из которых было или чисто казачье население или казаки доминировали над другими социальными группами. В Нижнеудинском уезде были расположены следующие казачьи станицы:

1. Станица Нижнеудинская (500 км от Иркутска), включала в себя собственно саму станицу, расположенную в городе, и два казачьих посёлка (в которых проживали и крестьяне) на север по реке Уде и её притокам — Бадарановку и Щипицина (45 и 60 км от города на север). Численность 359 казаков (183 мужчины, 176 женщин).

2. Станица Александро-Невская, состояла собственно из самого селения и нескольких заимок с чисто казачьим населением в 435 человек (244 мужчины, 191 женщина). Расположена станица по реке Или в 11 км южнее станции Куйтун.

3. Станица Крестовоздвиженская, располагалась в 18 км восточнее станицы Александро-Невской, по реке Или. В ней проживало 230 казаков (119 мужчин, 111 женщин). В станицу входило три чисто казачьих посёлка — Преображенский (31 казак — 20 мужчин, 11 женщин), Покровский (69 казаков — 40 мужчин, 29 женщин) и Петропавловский (118 казаков — 55 мужчин, 63 женщины). В просторечии все эти три посёлка иногда именовались станицей. Всего в станице числилось, таким образом, 448 лиц войскового сословия (234 мужчины, 214 женщин).

Кроме того, по линии железной дороги были расположены ещё два посёлка со смешанным крестьянско-казачьим населением. Это станицы Заусаево Тулунской волости (в 8 км северо-западнее Тулуна и в 60 км от Александро-Невской станицы), где проживало 49 лиц казачьего сословия (27 мужчин, 22 женщины), и станица Кимильтей (в 35 км юго-восточнее Куйтуна и восточнее станицы Крестовоздвиженской). Последнее селение в документах 1918 г. часто именовалось станицей

Кимильтейской. Так, на третьем войсковом круге её представлял казак Сенотрусов.

Данных о численности в документах не найдено, указано лишь общее число казаков Головинской станицы. Есть основания предположить, что в селении проживало не более 105–110 лиц войскового сословия. К 1919 г. оба эти селения вошли в Головинскую станицу Черемховского уезда, посёлки которой были расположены вдоль линии железной дороги.

Таким образом, казачье население Нижнеудинского уезда насчитывало ровно 1 400 человек войскового сословия, проживавших в пяти чисто казачьих селениях и в пяти селениях со смешанным крестьянско-казачьим составом (включая в это число Нижнеудинское городское казачье общество). В среднем в селении проживало 140 казаков.

В сравнении с 1915 г. число казаков в селении увеличилось более чем в полтора раза, а количество селений сократилось на треть, с 15 до 10 (с учётом Заусаево и Кимильтея). Следует отметить, что казачье население уезда, в сравнении с 1915 г. — 1 397 казаков, осталось статичным, хотя в куйтунских селениях число казаков возросло примерно на 150 человек. Прирост произошёл в Александро-Невской и Крестовоздвиженской станицах за счёт поголовного оказачивания незначительной прослойки бывших казаков и крестьян-старожилов (составили примерно шестую часть общего числа казаков данных станиц).

С чем же связана такая статичность? На наш взгляд, к осени 1919 г. часть казаков Нижнеудинской станицы вышла из сословия (полностью «окрестьянилась») в четырёх селениях — Уковское, Бирюсинское, Усть-Рубахинское и Алгашедское. Сокращение казачества произошло и в селениях Бадарановка и Щипицина, которые были заняты партизанами летом 1919 г., и вот там выход из войскового сословия был единственным средством для спасения как жизни членов семьи, так и её имущества. А если учесть естественный прирост казачьего населения (ведь несмотря на мировую и Гражданскую войны показатель рождаемости у казаков была чуть выше показателя смертности), то можно констатировать, что реальное число казаков в Нижнеудинской станице было приблизительно на 190–200 человек больше.

4. Головинская станица Черемховского уезда, насчитывала ровно 1 000 казаков (523 мужчины и 477 женщин) и была расположена у одноимённой станции в 45 км северо-западнее Черемхова. В 4 км юго-западнее был казачий посёлок Занина, а в 5 км юго-восточнее, на линии железной дороги казачий посёлок Корхово. В станицу входило также несколько казачьих заимок и два крестьянско-казачьих посёлка в Нижнеудинском уезде — Заусаево и Кимильтей. Поэтому здесь численность станичных казаков составляла 1 155–1 160

человек. В среднем в каждом из трёх селений (без учёта казачьего населения Заусаево и Кимильтея) станицы проживало по 333 казака.

Это, на первый взгляд, несколько ниже показателей 1915 г., но следует учесть, что посёлок Занина был создан из казачьих заимок и, следовательно, был довольно малочисленным. Прирост казачьего населения в сравнении с 1915 г. (872 лица войскового сословия) составил 128 человек, т. е. было поверстано в казачество примерно 90–100 человек, оставшаяся часть — это естественная прибыль с учётом компенсации на смертность.

5. Спасская станица, была расположена в самом Иркутске в районе 1-й, 2-й и 3-й Казачьих улиц. Здесь же располагались казармы дивизиона, войсковая управа, ветеринарный околоток, цейхгаузы. В станицу входило два посёлка с чисто казачьим населением — Медведево, в устье реки Каи, и Гремячинское в верховьях Ушаковки. Кроме того, в селениях Тельма, Усолье, Мальта, Половина, Хайта, Михалево, Кузьмиха и др. имелись казачьи хозяйства (от 1 до 3–4). Численность казачьего населения городской станицы составляла 1 764 человека (925 мужчин, 839 женщин).

В среднем в каждом из трёх селений станицы, включая и Иркутск, проживало по 589 человек войскового сословия. Но если учесть, что казаков в Иркутске было чуть более 1 400 человек, ещё около полутора сотен казаков проживало в крестьянских селениях и было приписано к городской станице, то на долю двух казачьих посёлков приходится лишь 220–230 казаков, или по 110–115 лиц войскового сословия на одно селение.

Увеличение казаков в городской станице и посёлках в сравнении с 1915 г. — 1 397 человек, значительное (на 367 казаков) и объясняется в большей мере обратным зачислением в войсковое сословие бывших городских казаков, которых в окрестностях Иркутска было втрое больше, чем собственно самих казаков, а не естественным приростом казачьего населения (максимально на 50–60 человек).

6. Никольская станица, находилась в Тункинской долине и состояла из трёх объединённых селений (Никольское, Зактуйское и Тункинское). В станицу входили также посёлки Гужир, Тибельти, Нерюхай, Бодары, Булунталай, в которых казаки составляли подавляющее большинство. Кроме того, несколько казачьих семей проживало либо на заимках, либо в крестьянских селениях. Численность казачьего населения данной станицы составляла 3 171 человек (1 616 мужчин, 1 555 женщин), или по 397 лиц войскового сословия на одно селение.

7. Георгиевская станица (Шимки), располагалась в 285 км от Иркутска и в 65 км западнее Никольской станицы, в верховьях реки Иркут. В станицу входили два посёлка: Монды и Туранский

караул. Кроме того, имелись казачьи заимки, в т. ч. и на сопредельной монгольской территории.

Население станицы было почти чисто казачьим, с незначительной прослойкой крестьян-старожилов, имелось почти 160 казачьих дворов. В 1911 г. здесь проживало свыше 700 казаков, а в 1919 г. — не менее 880–920 лиц казачьего сословия (152 казачьих двора — 112, 17, 23 соответственно в Шимках, Мондах и Туране плюс несколько заимок (6–8) по границе и в Монголии). В среднем в каждом из трёх селений Георгиевской станицы проживало по 294–307 лиц войскового сословия, что несколько менее усреднённых показателей соседней Никольской станицы.

Увеличение численности казачьего населения двух тункинских станиц более чем существенное — с 2 942 казаков в 1915 г. до чуть более 4 тыс. Можно констатировать, что в казачество было поверстано почти 900 крестьян-старожилов, проживавших в казачьих селениях (т. е. было принято в войско почти всё «иногороднее» население, проживавшее в казачьих станицах и посёлках).

8. Илимская станица, была расположена в среднем течении Илима, юго-восточнее Илимска, в западной части Киренского уезда. Сама станица находилась в селе Нижнеилимском, с преобладающим крестьянским населением (собственно казачьих было несколько дворов). В станицу входило и три чисто казачьих посёлка (сформировались из заимок, куда вселялись казаки из крестьянских селений): Шестаково, Литвинцево и Березовский. Численность казачьего населения станицы — 229 человек (123 мужчины, 106 женщин).

Кроме того, в станицу входили казачьи хозяйства из прилегающей Карапчанской волости (Сизово) — 15 казаков (8 мужчин, 7 женщин). Итого в станице числилось 244 лица войскового сословия. В среднем в каждом из пяти селений (включая Нижне-Илимское и Сизовское) проживало всего по 49 лиц войскового сословия. К 1919 г. количество селений, где проживали илимские казаки, сократилось за прошедшие 20 лет почти в два раза — с девяти до пяти, а численность казаков в селениях возросла вдвое.

В целом в середине 1919 г., исходя из постановочных списков (нет абсолютно точных данных лишь по Кимильтею и трём селениям Шимкинской станицы), численность войскового населения Иркутского казачьего войска составляла чуть более 8 500 человек. Казаки проживали в 30 казачьих селениях (станциях и посёлках), 6 из них смешанных с крестьянским населением, с преобладанием последних и в городах Иркутске и Нижнеудинске.

Доля иркутских казаков, живущих дворами в крестьянских селениях или отдельными хозяйствами и заимками, была крайне незначительна, буквально 2,5–3% общего числа казачьего населения.

Таким образом, почти за полвека произошёл естественный процесс разъединения казачества и крестьянства, причём вопреки всем искусственным табу и ограничениям, наложенным царской администрацией. Можно констатировать, что в 1919 г. иркутские казаки почти полностью консолидировались между собой. А переселение казаков, оставшихся в крестьянских селениях

(казачьи хозяйства и заимки Иркутского и Нижнеудинского уездов), было бы вопросом самого ближайшего времени, если бы не начавшаяся Гражданская война.

Казачья Верхотурская станица (65 чел. — 33 мужчины, 32 женщины) и центральной части Киренского уезда (Киренск с прилегающими селениями — примерно 145–165 чел.), проживавшие по реке Лене, с лета 1919 г. попали в чрезвычайно трудную ситуацию. Живущие лишь по одной милости односельчан-крестьян, которые им выделяли буквально нищенские земельные наделы, в условиях разворачивающейся партизанской войны, не имея никакой связи с войском и не получая от него практической помощи, ради собственного выживания — «слились с крестьянским населением».

Социальные процессы в Иркутском казачьем войске в период Гражданской войны довольно характерны. В степной полосе (правильнее — в лесостепной), там, где казачьи станичные общества получили в 1911–1916 гг. весь положенный им земельный фонд, происходит значительное увеличение казачества — общее число проживавших там казаков чуть более 7 900 лиц войскового сословия, из них около 1 500 поверстанных «новых» казаков.

В таёжной полосе проживания иркутского казачества происходят совершенно противоположные процессы. Численность нижнеудинских казаков, наиболее обеспеченных земельными наделами по норме, сокращается почти на 200 человек (4 селения). Илимские казаки хотя и не выходят из сословия, но в массовом порядке переселяются в три казачьих посёлка, т. е. туда, где землеустроительные партии выделили казакам в 1916–1917 гг. хоть какой-то земельный фонд, где возможно было бы сообща хоть как-то отбиться от партизанских банд (убийство в Сизово казачьей семье партизанами показала всю «прелесть» новых условий коммунистического существования).

А вот киренские и верхотурские казаки (210–230 чел.) целиком переходят в крестьянство. И тут дело не в земельной необеспеченности (казаки оставались в своём сословии, несмотря на все тяготы, почти полвека). Определяющую роль сыграли Гражданская война и развитие партизанского движения в таёжных уездах. Поэтому-то там и осталось всего 600 нижнеудинских и илимских казаков, а должно было быть более тысячи (полностью «окрестьянилось» и исчезло киренское и верхотурское казачество, более чем на треть сократилось нижнеудинское казачье население).

Половина казачьих станиц Иркутской губернии были весьма малочисленны, от 250 до 450 казаков (нижнеудинские, куйтунские и илимские казаки). Только Александрово-Невская станица состояла из одного селения, три других станицы

имели от 3 до 5 казачьих селений, что ещё более снижало концентрацию казачества — в среднем в каждом селении проживало от 50 (Илимская станица) до 110–120 казаков (Нижнеудинская и Крестовоздвиженская станицы). Все эти четыре станицы по своей численности соответствовали не более чем незначительным малолюдным посёлкам или даже выселкам Забайкальского казачьего войска, однако именуемыми себя станицами.

Особенно нагляден пример куйтунских казаков — имея сплошной земельный фонд, вместо одной станицы в 900 человек населения казаки создают две станицы, в каждой из которых населения, соответственно, в два раза меньше. Более того, два казачьих посёлка по линии железной дороги, находящиеся на незначительном удалении друг от друга (35–60 км), зачем-то передаются в Головинскую станицу, до которой намного большее расстояние.

Причина этого, на наш взгляд, кроется в тех же процессах, которые происходили и в Сибирском казачьем войске, но в более громадных масштабах. Там в войске до революции было всего 48 станиц, а уже к 9 августа 1917 г. их насчитывалось 133. Такое трехкратное увеличение произошло за счёт посёлков, которые поспешили переименовать себя в станицы. Казаки считали, «...что сократят таким образом расходы на низовую администрацию и не будут тратить время на поездки по делам в отдалённые станичные центры. Реально получилось больше вреда, чем пользы. Нагрузка на самоуправление бывших посёлков, а теперь станиц сильно возросла, так как к земским функциям прибавились военные. Это потребовало дополнительного денежного вознаграждения выборным должностным лицам, что увеличило расходную часть бюджета казачьих общин. Кроме того, началась чехарда с атаманами (председателями) и членами правлений (исполкомов); их часто переизбирали, преемственность нарушалась, на должности попадали порой люди неподготовленные и без опыта. В 1917-м — первой половине 1918 г. сильно пострадала система управления. Когда белоказаки начали наводить в этой сфере порядок, то одним из направлений работы стало укрупнение станиц. В 1919 г. часть мелких станиц вновь стали посёлками. Изменение в статусе целого ряда населённых пунктов нашло отражение в некоторых исторических источниках, часто называющих одно и то же поселение то посёлком, то станицей».

Если такие процессы имели место в Сибирском казачьем войске, то что же говорить об Иркутском, созданном в 1917 г., а официально признанно правительством адмирала Колчака лишь спустя два года.

Аппарат войскового управления создавался буквально на голом месте, законы о новом казачьем статусе не были приняты, станичное само-

управление встречало различные препоны от гражданских властей и крестьян. О нормальном развитии иркутского казачества в это смутное время не могло быть и речи...

Другие четыре станицы были намного более многолюдными. Три станицы — Георгиевская, Головинская и Спасская — насчитывали от 900 до 1 800 человек казачьего сословия. По численности они равнялись крупным казачьим посёлкам Забайкалья или малочисленным сибирским или забайкальским казачьим станицам, созданным из тех же посёлков.

Лишь одна станица Иркутского казачьего войска — Никольская — действительно являлась крупной, с численностью казаков на уровне станиц любого из казачьих войск азиатской части страны. Если бы не произошло выделения Шимкинской станицы, то численность казаков в единой тункинской станице превысила бы 4 тыс. человек, а это уже больше средних показателей численности станиц как Забайкальского, так и Сибирского казачьих войск.

Экономическое положение

В годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. иркутское казачество в экономическом плане пострадало намного меньше, чем казачьи войска Российской империи в целом. Это связано с тем, что Иркутский и Красноярский казачьи дивизионы на фронт не отправлялись, а это позволило командованию периодически направлять призванных казаков на посевную и уборочную. Так, например, предоставлялся отпуск на уборку зерновых следующей продолжительностью: головинским казакам — 10 суток, куйтунским — 12 суток, а тункинским до 20 суток.

Более того, наряды 1911, 1912 и 1913 гг. после отбытия действительной кадровой военной службы были уволены сразу на льготу и призыву на военную службу более не подлежали, а это позволило оставить в станицах значительное число рабочих рук.

Повлияло на благосостояние иркутского казачества и землеустройство 1915–1916 гг., оно давало возможность казакам значительные излишки земли (пашни, сенокосы, пастбища) сдавать в аренду крестьянам и бурятам, что приносило в казачьи семьи весьма существенные доходы. Отметим также и значительные выплаты из государственной казны на снаряжение и закупку лошадей для выходящих на службу казаков, что сняло значительную часть финансового бремени с казачьих хозяйств.

Всё это позволило иркутскому казачеству пережить годы войны с самыми минимальными, вполне допустимыми потерями. Сбор хлеба в Сибири сократился только на 8–10%, в то время как в среднем по казачьим войскам — на 25–40%. поголовье скота сократилось вообще крайне не-

значительно. Так, к 1916 г. у иркутских казаков имелось (в скобках даны предвоенные данные на 1914 г.):

- лошадей — 2 798 (2 884, сокращение на 3%),
- крупного рогатого скота — 3 863 (4 015, сокращение на 4%),
- овец и коз — 2 493 (2 701, сокращение на 7%),
- свиней — 1 332 (1 459, сокращение на 8%).

Итого 10 486 голов скота (11 059, сокращение на 5%).

Следует учесть, что реально сокращение поголовья лошадей не произошло — в Иркутском дивизионе было 525 лошадей, являвшихся личной собственностью казаков, а это доводит общую численность до 3 323 лошадей (или увеличение на 17%).

Вызывают интерес процессы социальной дифференциации у иркутского и енисейского казачества в годы Первой мировой войны и революции. Так, например, в 1917 г. из 27 призывников тункинского казачества только 2 были выходцами из относительно обеспеченных середняцких семей (средств и имущества на 1 000–1 500 р.). Ещё 7 призывников были из середняцких семей, балансирующих у черты бедности (средств и имущества на 500–800 р.), а 18 призывников (67%) происходили из бедняцких семей (средств и имущества на 100–400 р.).

Из 14 призывников иркутского городского казачества только один являлся выходцем из зажиточной, хорошо обеспеченной семьи, ещё двое были из семей, имеющих хозяйства, пять казаков происходили из семейств, занимающихся личным трудом, с собственными домами, но без средств. Шесть призывников занимались личным чёрным трудом, а их семьи были совершенно неимущими, без собственных домов и без каких-либо денежных средств.

Наиболее богато из казачьего населения Иркутской губернии жили станичные куйтунские казаки (Александрово-Невская и Крестовоздвиженская станицы). Они получили положенные земельные наделы в 1911–1913 гг. и успели в довоенное время укрепить свои хозяйства, занимаясь разведением скота и сдавая свои земли в аренду крестьянам-переселенцам, чем вызывали у последних понятную зависть, переходящую в злобу.

Так, например, крестьянин села Кундуй Павел Кузьмич Фетисов, 1908 г. рождения, вспоминал в 1983 г., что его отец пошёл «к казакам батрачить в Александрово-Невскую станицу... Казаки хорошо жили, по 120 десятин пашни имели, свободно. Некоторые заимками жили, хуторами. Коней по 20–30 имели. По 16 запрягали, по 20–25 коров имели. Отцу за работу дали пару коней, корову, тёлку (т. е. рассчитались более чем щедро за один сезон. — *Авт.*). Они потом уже с братом работали там... Основное казачество-то потом повыехало, когда красные шли. Кто куда — кто на прииски,

кто... Атаман станичный Костя Мелентьев ушёл с сыном офицером в банду...»

Крестьянка того же села Ирина Петровна Михайлова 1900 г. рождения, из переселенцев Витебской губернии, вспоминала: «Бандиты были. Всё больше станичные казаки. Три станицы подряд в Александро-Невской станице и церковь была. Дома у них большие, кони... Казаки нас с землёй зажимали, они на душу по 40 га имели, а у нас порой и по 10 не было. Так вот казаки бандитствовали. У нас соседи плетью изрезали. Потом их побили, поразгоняли. А сейчас там сброд один, казаков не осталось, все померли». Даже спустя много лет, в 1983 г., крестьяне продолжали завидовать казакам и невольно уважали их, презирая тот «сброд», что поселился на исконных казачьих землях.

Куйтунские казаки по своей обеспеченности были близки к минусинским казакам, но составляли, в отличие от последних, не две трети казачества губернии, а лишь десятую часть. Большинство иркутских казаков были бедняками и улучшить своё экономическое положение, несмотря на резкое увеличение земельного фонда, просто не смогли, — три года мировой войны, затем революция и Гражданская война.

К 1919 г. Иркутское казачье войско имело значительный земельный фонд. Согласно данным управления землеустройства иркутские казаки владели 94 108 десятин удобной земли и 10 948 десятин неудобной. В общем владении с крестьянством (в Киренском и Верхоленском уездах) находилось ещё 1 573 дес. земли. Кроме того, землеустроительные отряды отвели казакам 40 452 дес. отмежеванной от старожилов земли, которая находилась в реальном пользовании у казаков, хотя на неё и не было своевременно получено утверждающих документов. Таким образом, у иркутского казачества находилась в реальном пользовании 147 121 десятина земли.

Но это ещё не вся земля. Казаки имели значительный лесной фонд — почти 46 тыс. десятин. Кроме того, не учитывались земельные наделы проживавших в станицах «оказаченных» крестьян («новых» казаков), а это, по нашим подсчётам, составило приблизительно около 7 тыс. десятин земли без лесных угодий (дополнительно более 1 000 десятин), и это самые минимальные оценки.

Таким образом, общий земельный фонд Иркутского казачьего войска в 1919 г. составлял более 201 тыс. десятин земли, из них лесной фонд — не более 23% всей земли войска. Усреднённый душевой надел иркутского казака равнялся 45,5 десятин земли, но вот распределена земля была неравномерно. Киренские и верхоленские казаки имели лишь 1 573 десятины (в среднем 5–6 дес. на мужскую душу), городовые иркутские и нижнеудинские казаки — около 40 десятин, из них две трети составляли лесные угодья, станичные казаки (куйтунские, головинские и тункинские) по 46–49 десятин (из них по 5–6 десятин леса).

В годы Гражданской войны завершилось землеустройство иркутского казачества, причём выделение земли губернскими властями предназначалось для 12 тыс. лиц войскового сословия. Данная цифра фигурирует и в официальных документах.

Складывается впечатление, что войсковое правление Иркутского казачьего войска сознательно предоставляло дутые цифры, увеличенные более чем на четверть (12 вместо 9 тыс.), чтобы получить больше земли. Так что различного рода приписки есть не только советское изобретение.

По нашим подсчётам, в иркутском казачестве до 10% было зажиточных казаков, до 30% — середняков, около 60% — бедняков. Казачество ожесточённо сражалось, лишилось за годы Гражданской войны земли и имущества и было почти поголовно или изгнано, или истреблено.

История не допускает сослагательного наклонения, но многие исследователи задаются вопросом, как бы закончилась Гражданская война, не упраздни царская власть целый ряд казачьих войск. «Не будь уничтожено казачество на Украине (Екатериной II) — была бы махновщина? Было бы Волжское войско — не было бы проблемы соединения войск Деникина и Колчака. Расказачили Ставрополье в 1860 г. — и в 1918 г. губерния оказалась красной, в отличие от Кубани и Терека. И было бы разве столько красных партизан в Сибири без расказачивания сибирских городовых казаков?»

Попытки увеличения казачества: реальность и возможности

В годы Гражданской войны в некоторых казачьих войсках произошёл довольно значительный прирост числа представителей войскового сословия, главным образом за счёт проживавших совместно

с казаками инородцев и зажиточных крестьян. Поверстывание в казачество представителей данных социальных групп было вынужденной мерой, на которую войсковые правления пошли с большой неохотой.

Здесь на казачество воздействовали два противоположных фактора. Сильное давление со стороны усиливавшийся Красной Армии вынуждало казачьи войска выставить на поле боя значительные людские контингенты, полностью подрывая экономику. Но даже этого не хватало для защиты станиц. Единственной мерой для увеличения казачьих формирований было «оказачивание» или «иногородних», проживающих в казачьих станицах и на войсковых землях, или инородцев, соседствующих с казаками.

Но вот здесь и срабатывал второй фактор. Увеличение казачества автоматически вело к резкому уменьшению казачьего душевого пая, который, вследствие естественного прироста населения, уже и так значительно уменьшился (на Дону на 30–40%, на Кубани и Тереке на 60–70%, у сибирских казаков на 20%). Поэтому взять необходимый земельный фонд для наделения «новых» казаков было неоткуда.

Но не только в этом была беда казачества. Сыграли свою роль и механизмы сословной идентификации, и прижимистость, и даже обычная человеческая жадность. Это проявлялось в полной мере в тех казачьих войсках, которые имели или достаточный, или даже избыточный земельный фонд и не находились под непосредственным давлением Красной Армии. В большинстве казачьих войск крайне неохотно шли на зачисление крестьян в войсковое сословие. Лишь в четырёх казачьих войсках из 11 «старых» в казаки поверстали более-менее значительное число крестьян и инородцев.

Военные на Тихвинской площади

В целом можно констатировать, что в годы Гражданской войны казачество не использовало возможности для увеличения своей численности за счёт оказачивания «иногородних» и инородцев. Эгоистичное по своей природе, казачество отталкивало от себя потенциальных союзников, настраивало против себя даже собственных односельчан-крестьян, не пытаясь достичь какой-либо компромисс в решении возникавших земельных противоречий (выдавать вдвое меньший пай с зачислением в пехоту, пустить в оборот офицерские участки, а офицеров взамен наделять пенсиями, задействовать для наделения неимущих и бедных все земли войскового запаса и т. д.).

Единственным исключением были новые казачьи войска — Иркутское и Енисейское. С момента образования в 1917 г. они принялись лихорадочно усиливать свои «мускулы» — увеличивать людской потенциал войск. Вот только наращивали они свои силы по-разному...

Иркутское казачье войско с 1917 по 1919 г. увеличилось незначительно — с 7,1 тыс. до 8,6 тыс. лиц войскового сословия. Как ранее говорилось, все зачисленные в войсковое сословие бывшие казаки и крестьяне-старожилы проживали в казачьих станицах и посёлках и имели земельные наделы. Войсковое правительство могло зачислить в войсковое сословие до 4–5 тыс. человек (земельный фонд позволял увеличение до 12–13 тыс.), но реально было поверстано втрое меньше, причём свыше 7 тыс. крестьян из казаков так и остались вне войска. В чём же причины?

На наш взгляд, здесь сработало несколько факторов. Во-первых, вплоть до осени 1919 г. на большей части территории губернии, где расселялось казачье население, было спокойно. Действия партизан затрагивали лишь малочисленные Нижнеудинскую и Илимскую станицы, к тому же существовала надежда, что власти справятся с повстанцами без помощи казачества.

Во-вторых, с эгоистичной точки зрения не было необходимости уменьшать земельные пай станичного юрта для массового наделения землёй новых казаков, если в них не было острой необходимости (борьба с партизанами не на жизнь, а на смерть).

В-третьих, гражданские власти в лице Управляющего губернией П. Д. Яковлева всеми способами препятствовали увеличению казачества, используя различные искусственные препоны — пока нет закона о войске, не может быть и речи о зачислении в войско и тем более о выделении средств на переселение.

Возможности для увеличения Иркутского казачьего войска были большие, так что о каком-либо насильственном оказачивании (подобном Семиреченскому) не могло быть и речи. В первую очередь это около 7 тыс. бывших казаков и более 4 тыс. крестьян Тункинского и Култукского обществ. Однако Войсковое правительство по от-

ношению к ним не сделало ровным счётом ничего. Не было даже попытки призывать крестьян только в казачьи части, как бы давая им надежду, что в будущем их обязательно всех зачислят в казачество.

В августе–сентябре 1918 г. (точной датировки в документе не указано, но архивное дело, в которое он вшит, датировано 21 июля — 28 ноября 1918 г.) Войсковое правительство Иркутского казачьего войска выпустило воззвание:

«К вам, граждане-буряты Тункинском края, обращаются Иркутские казаки. Идите в ряды наши — будем вместе строить лучшую будущую жизнь. Вам известны безобразия свергнутой Советской власти, грабежи её прислужников анархистов и красногвардейских банд. Вы только что пережили страдное время, когда дрожали не только за своё имущество, но и за жизнь. Торские инородцы испытали в последнее время всю прелесть власти большевиков. Доблестные чехословаки свергли эту власть. Теперь дальнейшее укрепление порядка зависит от нас самих.

Порядок можно защищать и поддерживать только силой оружия, а потому если вы хотите быть достойными и сильными гражданами России, умеете владеть оружием и идите в наши ряды. Не бойтесь за свою самобытность — Иркутское казачество не будет вмешиваться в ваше внутреннее самоуправление... Вспомните только что пережитые тяжёлые дни перед свержением власти большевиков, когда вы оказались в беспомощном положении и могли только содействовать самоохроне поставкой лошадей, продуктов и прочее, только лишь потому, что вы не учились владеть оружием. Граждане-буряты, будьте способны сами защищаться и пусть сыны ваши научатся владеть оружием, идите в казаки как Забайкальские буряты. Зачислением в казаки вы помогаете себе тем, что у нас с вами все вопросы, в том числе и земельный, становятся общими и мы будем представлять силу, способную защитить эти интересы, помогайте, снимая с нас охрану г. Иркутска, заменив нас, дадите нам возможность идти на фронт, воевать с большевиками-немцами и тем поможете государству. Права гражданина налагают и обязанности, а потому вас могут призвать и помимо нас в войска, даже, может быть, в пехотные, в ведь вы природные кавалеристы и мы надеемся, что вам не придётся, может быть, пережить национальное унижение при реквизиции для работ в тылу. Войсковое правление Иркутского казачьего войска.

Условия службы казаков-бурят. Призыву подлежат (в возрасте) 20, 21, 22 и 23 лет, не призываются один сын или один работник. Казаки-буряты будут сформированы в отдельные бурятские сотни или совместно с русскими по желанию самих бурят. Команды в строю в первое время подаются на бурятском языке, обращение

на “Вы”. Самоуправление бурят остаётся неприкосновенным, а все буряты зачислившиеся в казаки подчиняются положению об управлении Иркутского казачьего войска».

Однако зачисления бурят в казаки не произошло ввиду противодействия гражданских властей, которые воспрепятствовали также и распространению на всех бурят Иркутской губернии воинской повинности. Таким образом, была упущена возможность создания в Тункинском округе единого района компактного проживания многочисленного казачества — свыше 15 тыс. человек казачьего населения (более чем по 4 тыс. казаков и крестьян-старожилов, около 7 тыс. бурят). Если бы к ним было добавлено ещё свыше 7 тыс. крестьян из казаков, то численность Иркутского казачьего войска составила бы в 1919 г. более 27 тыс. человек (по 7,5 тыс. «природных» казаков и крестьян из казаков, 7 тыс. тункинских бурят, 5 тыс. крестьян-старожилов), а это значительно увеличило бы людские и материальные ресурсы войска...

От февраля к октябрю 1917 г.

1917 г. стал временем революционной эйфории, сплошных митингов и съездов, непрерывных резолюций и воззваний. Все, как могли, клеймили и обличали павшее самодержавие. Не остались в стороне и иркутские и енисейские казаки. Казачья трактовка истории выглядела так: «Волны казацкого моря, хлынувшие на новые вольные земли с атаманом Ермаком от тесноты Московского Царства, осевшие в Минусинских степях, куда не доставала длинная и тяжёлая “клюка Московского царя”. Но, конечно, “клюка” в конце концов достала и на протяжении веков путём мелочной неустанной разъедающей борьбы, столь типичной для Москвы, а потом для — полунемецкого Петербурга, вольные колонизаторы диких окраин, превратились в... полицейскую стражу обширных провинций, Енисейской и Иркутской».

В начале 1917 г. самоучредились Иркутское и Енисейское казачьи войска, а уже в апреле съездом Иркутского казачьего войска получена следующая телеграмма: «Совет союза казачьих войск приветствует возрождение своих братьев-казаков и просит прислать представителей на учредительный общеказачий съезд 28 мая в Петрограде, в числе по вашему усмотрению. Представитель красноярцев с фронта (уже) прибыл и принят равноправным членом совета. Председатель совета Союза казачьих войск, член Государственной Думы Савватеев». В свою очередь также в апреле «Первый съезд свободного иркутского казачества горячо приветствует почётного казака-сибиряка, патриота и гражданина Григория Николаевича Потанина, желая ему сил, здоровья и долгих радостных дней». А в августе 1917 г. Совет Союза Казачьих войск России при-

ветствовал «двенадцатого члена Союза — Иркутско-Енисейское войско».

Рассмотрим подробнее, как отразилась Февральская революция на Иркутском казачьем дивизионе. Обратимся к обширному свидетельству командира его второй сотни — уже упоминавшегося В. М. Кубинцева, в 1917 г. подъясаула. «(До революции. — *Авт.*) дивизион был в блестящем порядке, всё изменилось после приказа № 1... Прапорщик Мелентьев (выборный командир дивизиона) вёл демагогическую работу в комитете и устраивал митинги... После каждого митинга люди были как ошалелые, и требовалось 2–3 дня для приведения их в приличный вид. Вместо дивизионного комитета образовалось войсковое правление. Его первым председателем стал архи-демагог Иннокентий Ильич Яковлев (большевик). Название атамана тогда (в 1917 г.) войском не допускалось: оно было не республиканское и носило понятие об единоначалии. Тогда Мелентьев и Пежемский (полковой адъютант), по-видимому, были эсерами. Помогал им помощник председателя С. А. Лукин. Результат дружной работы (трёх) названных лиц — блестящая строевая часть пришла в почти полное разложение, а старый командный состав удалён. Я хотел уехать в Американскую конницу как многие из “небольшевистской” части. Перед декабрьскими событиями Яковлева (как социал-демократ, а не эсер) из правления удалили».

Далее Кубинцев резюмирует: «Лично я, прослужив в части 12 лет, такого безобразия перенести не мог. Комитет признавать отказался и во время командования дивизионом прапорщика Мелентьева рапортовался больным и числился в отпуску, сдав сотню. (В октябре) все сроки отпусков истекли и я вернулся. В казармах царило пьянство, буйство, побеги, продажа лошадей строевых, кража лошадей и сёдел в казачьих частях и друг у друга прочего имущества. Считаю долгом оговориться, что преувеличения нет: в Иркутском войске преступность подавляющая. Есть семьи, где сыновья почти сплошь на каторге за грабежи и убийства. Комитет при дивизионе к данному моменту состоял из ополоумевших от ежедневных митингов людей. Председатель — бывший телеграфист Николай Богданов (революцию встретил на гауптвахте, болел сифилисом, лечил приёмами денатурата)... Такова характеристика войскового правления — до рубки на смерть шашками друг друга. Мой секретный рапорт (о разложении) Командующему войсками округа А. А. Краковецкому привёл войсковое правление в крайнее беспокойство. Прапорщика Мелентьева вызвали в штаб округа для объяснений... И Краковецкий в связи ещё и с событиями в Петрограде принял меры по поднятию боеспособности Иркутского дивизиона. Одной из мер прибытие полковника Оглоблина из Забайкальского казачьего войска, который был аттестован

генерал-майором М. А. Перфильевым³ как “подходящий”... Я ожидал от прибытия Оглоблина многого, он же занял позицию полной потачки и заискивания».

Вот при таких печальных обстоятельствах во главе иркутского казачества осенью 1917 г. и оказался полковник Прокопий Петрович Оглоблин (1872–1940). Несколько строк о нём. Родился Оглоблин в 8 июля 1872 г. в Иркутске. В 1890 г. вышел на службу в Иркутскую казачью сотню, а в 1894 г. командирован «для прохождения курса наук» в Иркутское юнкерское училище, которое и окончил в 1897 г. по 1-му разряду и выпущен хорунжим в 1-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска. В составе 1-го Аргунского полка того же войска участвовал в войнах с Китаем в 1900–1901 гг. и Японией в 1904–1905 гг. За первую войну награждён орденом и серебряной медалью, за вторую — тремя орденами и памятной медалью, а также за отличие в боях с японцами досрочно произведён в подъясаулы.

В 1914–1915 гг. Оглоблин — есаул 1-го Нерчинского казачьего полка (в 1915 г. командир — барон П. Н. Врангель) на Германском фронте. В этом же полку сотнями командовали Г. М. Семёнов и Р. Ф. Унгерн. Затем Оглоблин переведён на Персидский фронт командиром 3-го Верхнеудинского, а затем 1-го Сунженско-Владикавказского казачьего полка, участвовал в наступлении на город Мосул. Начальник штаба, а затем командир бригады Урминского отряда. Всего был награждён орденами до Св. Анны 2-й степени, китайским и бельгийским, царской благодарностью за атаку у села Нугреева, Св. Георгием 4-й степени (6 июля 1915 г.). Последняя награда давала право на сокращение выслуги лет до получения следующего чина.

Военные усилия

Иркутские казаки участвовали в боях 8–17 декабря 1917 г. в Иркутске между большевистскими силами (солдаты запасных частей и рабочие-красногвардейцы) и юнкерами на стороне последних. 5 декабря большевики предписали всем юнкерам и казакам сдать оружие. В ответ представители юнкеров потребовали производства в офицеры, денег на обмундирование и отправку в полки. Большевики заявили, что полков не существует, а звания упразднены. В полдень 8 декабря юнкера под руководством полковника Д. Г. Лисученко начали занимать близлежащие

³ В 1907–1914 гг. полковник М. А. Перфильев командовал 1-м Нерчинским полком, с 1914 г. — генерал-майор и командир 2-й бригады 1-й Туркестанской казачьей дивизии, в начале 1918 г. — начальник военных сообщений Иркутского военного округа, в начале 1919 г. разжалован белыми, как «служивший у большевиков».

к их расположению дома и кварталы. Выступившие под руководством П. П. Оглоблина казаки заняли духовную семинарию и детскую больницу. Казачья разведка приводила целые партии пленных. Большевики же приступили к артиллерийскому обстрелу зданий, занятых юнкерами и казаками. Упорные бои развернулись в центре Иркутска, где атакам юнкеров подвергались понтонный мост через Ангару и Белый дом. Управляющий французским консульским агентством Жандро писал: «С одной стороны юнкера, казаки, с другой — большевики вели ожесточённую борьбу, заставлявшую содрогаться от ужаса даже тех, кто провёл три года на фронте... У большевиков 6 000 человек, у юнкеров 600... Эсеры, обещавшие содействие юнкерам, попрятались на все дни крови и огня и вылезли после бури». С 10 декабря в Иркутск на помощь большевикам стали прибывать отряды из Черемхова, Красноярска, Ачинска, Канска и т. д. В городе полыхали пожары от артиллерии красных и поджогов солдат, красногвардейцы грабили жителей.

По данным эмигрантской публикации 1935 г., в ночь на 12 декабря 1917 г. три казачьи сотни под началом есаула Селиванова, подъесаулов Кубинцева и Коршунова выступили на помощь юнкерам. По дороге у Входа-Иерусалимской церкви казаки имели стычку с красными, в которой с обеих сторон погибло около 10 человек. К рассвету казаки подошли к военному училищу, доставив шесть подвод хлеба и патронов. В полдень 12 декабря они атаковали 2-й комиссариат милиции, где засели красные, и в 14 часов захватили его, пленив 30 человек. Разоружив всех, часть пленных казаки распустили. К концу боёв в казармах казаков находилось «более 1 000 пленных, кормить их нечем, предлагают им уходить, желающих нет, предпочитают оставаться под охраной казаков». По данным красных, казаки участвовали в атаках Белого дома — главного оплота большевиков в Иркутске, захваченного юнкерами в ночь на 16 декабря с пленением 153 защитников.

Есаул В. М. Кубинцев летом 1919 г. рассказывал о тех же событиях совершенно иначе: «Дивизион был в полном разложении, достаточно было одной конной полусотни, чтобы ликвидировать хулиганствующих артиллеристов, бивших из пушек по беззащитному городу. Казаки ничего этого не сделали. Я пытался хоть с частью людей освободить арестованных с гарнизонной гауптвахты (в том числе полковника Л. Н. Скипетрова). Было убедил, но провален прапорщиком Мелентьевым, сказавшим: “К нам много теперь идёт спасать свои полковничьи погоны — какое нам до них дело. При старом режиме эти полковнички с нами не так разговаривали...”».

Обоснованность версии Кубинцева подтверждается и другим, более обширным, свидетельством подполковника И. П. Никитина: «Поло-

жение большевистских сил могло чрезвычайно осложниться, если бы на помощь юнкерам выступило Иркутское казачье войско. Большевики боялись такого выступления казаков, а изнемогавшие в затяжной борьбе юнкера с нетерпением ожидали его, будучи твёрдо уверены, что подобный шаг со стороны казаков сразу же положил бы конец войне... Днём 16 декабря к военному училищу прибыла в пешем порядке одна казачья сотня. Командир сотни и несколько других казаков, уполномоченных на переговоры с военным командованием, начали просить подполковника Никитина от имени Войскового атамана полковника Оглоблина об отпуске ружейных патронов и одного пулемёта, необходимых казакам для борьбы с большевиками. Военное командование согласилось немедленно же снабдить казаков 10 ящиками патронов и 2 пулемётами. Но лишь при условии, если казаки по получению этого оружия сделают диверсию в район казарм 12-го полка и попытаются их занять, что является практически вполне возможным, так как большевики казарм этих надлежащим образом не охраняют. А во-вторых, и самое главное, чтобы казаки внезапным налётом захватили два большевистских орудия, стоявших на горе у Крестовоздвиженской церкви... Лица, уполномоченные войсковым атаманом на переговоры, против условий, поставленных подполковником Никитиным, не возражали и выразили только пожелание тотчас же получить обещанное оружие и патроны.

Забрав выданное: со склада Военного училища два пулемёта (вместо просимого одного) и ящики с ружейными патронами, казачья сотня отправилась обратно, но по дороге домой была обстреляна большевиками и, как передавали, потеряла ранеными двух казаков. Однако юнкерские надежды на помощь казаков не сбылись. Несмотря на получение пулемётов и запаса патронов, казаки против большевиков выступить не решились, видимо опасаясь, как тогда говорили, угроз последних, что они спалят их дома и разорят казачьи хозяйства».

Утром 17 декабря 1917 г. стороны подписали договор, по которому власть в Иркутске и губернии передавалась губернскому совету из представителей Советов, городской думы, земства и профсоюзов. Красные так и не выполнили договор, а 4 января 1918 г. аннулировали его. По неполным данным, в декабрьских боях 1917 г. в Иркутске было убито 229 солдат и красногвардейцев, 65 гражданских лиц, 38 юнкеров, в т. ч. забайкальский казак И. Г. Лоскутников, 9 офицеров, 8 казаков: Ф. Н. Балышев, М. К. Беленушкин, С. В. Воронин, Ф. Ф. Дожкин, И. И. Кошкаргов, И. И. Распутин, М. М. Фереферов, И. И. Воротников (последний — казак Нижнеудинского поселения, остальные — Иркутского). Общее число убитых, замёрзших, утонувших в Ангаре, раненых составило более 1 000 человек. Итоги

боёв оказались обескураживающими для противников большевиков. Их подвели политическая неискущённость и незнание методов большевиков. Выступление юнкеров стало реакцией на действия, на практику и идеологию шедших к власти большевиков. Руководители восстания и рядовые юнкера продолжили борьбу, быстро избавляясь от благодушия и политической наивности по отношению к большевикам и эсерам. Генерал-майор П. П. Оглоблин был вынужден уехать во Владивосток, в марте 1918 г. в Харбине вступил в Особый Маньчжурский отряд (ОМО) есаула Г. М. Семёнова начальником снабжения и тыла, с 3 августа был временно исполняющим обязанности начальника штаба ОМО, а с 8 октября по 19 ноября 1918 г. — начальником штаба 5-го Приамурского корпуса. Именно Г. М. Семёнов осенью 1918 г. и произвёл П. П. Оглоблина в генерал-майоры с формулировкой: «по статуту Георгиевского креста со старшинством от 26 ноября 1917 г.». Утверждение П. П. Оглоблина в генеральском чине состоялось лишь 19 мая 1919 г.

Пока же вернёмся в большевистский Иркутск. Прапорщик Мелентьев был командирован от иркутских казаков в Томск в Сибирскую областную думу. Вместе с другими членами думы в ночь на 26 января 1918 г. Мелентьев был большевиками арестован. Почти два месяца Мелентьев провёл в Красноярской тюрьме.

Тем временем в феврале 1918 г. 2-м войсковым кругом атаманом был избран уже упоминавшийся

Степан Алексеевич Лукин, 1882 г. рождения, по профессии конторщик, бывший председатель дивизионного комитета. Ни он, ни другие руководители иркутского казачества советской властью не преследовались и жили спокойно в Иркутске. Более того, в апреле 1918 г. прапорщик И. С. Пежемский ездил делегатом в Москву, «по приглашению Центрального казачьего Совдепа».

Борьба в Иркутской губернии в первой половине 1918 г. приняла характер подпольного противостояния, а также отдельных выступлений против большевиков. Местные белые силы постепенно увеличивались, домой возвращались офицеры-фронтовики. Часть офицеров пополнила антибольшевистское подполье, возглавляемое полковником А. В. Эллерц-Усовым. Структуры подполья существовали в Иркутске, Черемхове, Усолье, Балаганске, Киренске, Нижнеудинске. Среди взводных командиров иркутского подполья хорунжий А. Смирнов.

Нижнеудинская подпольная организация под руководством подъясаула Г. В. Кузнецова и бывшего члена 4-й Государственной думы эсера И. Н. Манькова опиралась на живших в Куйтунской волости казаков и насчитывала 92 человека. Среди подпольщиков подъясаул А. Козловский, сотник А. С. Трофимов, хорунжий И. В. Алистратов, урядник Е. Аболаков, казаки П. Борзов, А. Бутырин, В. Гладких, И. Домницкий, В. Жилинский, Н. Кузнецкин, К. Овчинников, В. Ошаров, В. Ремезов.

Решающий этап противоборства в Восточной Сибири начался с выступления Чехословацкого корпуса. 26 мая 1918 г. большевики в Иркутске неудачно пытались разоружить три чешских эшелона. В ответ 28 мая около 1 000 чехов трёх других эшелонов во главе с подполковником Б. Ф. Ушаковым восстали в Канске и Нижнеудинске. Действия Чехословацкого корпуса позволили белым выйти из подполья, сформировать Сибирскую армию и начать вооружённую борьбу с большевиками. В ночь на 29 мая подпольная организация свергла советскую власть в Нижнеудинске, белые арестовали до 100 человек и расстреляли нескольких членов местного Совета. В дальнейшем 70 бывших подпольщиков при поддержке чехов вели бои с наступавшими от Тулуна войсками Центросибири. Белые сумели продержаться до прибытия подкреплений из Западной Сибири.

В ночь на 14 июня иркутские подпольщики подняли восстание, чтобы задержать отряды большевиков и тем дать возможность нижеудинцам продержаться до подхода чехов, а, по возможности, и свергнуть власть большевиков. Восставшие захватили губернскую тюрьму и выпустили около 160 заключённых. Часть освобождённых присоединилась к белым, попытавшимся захватить ключевые пункты Иркутска. В результате ночного боя с красноармейцами и рабочими восставшие были рассеяны. В бою убито 14 красногвардейцев и 9 гражданских лиц. Большевики расстреляли 11 человек, в т. ч. есаула И. Тюменцева, также арестовали до 140 человек, из которых 108 этапировали в Читу, в т. ч. есаула Селиванова и прапорщика Алексеева.

24–26 июня восточнее Нижнеудинска произошло упорное сражение с участием бронепоездов, артиллерии и не менее 2 тыс. бойцов с каждой стороны. Его исход решился, когда красные узнали, что небольшой конный отряд белых с помощью местных казаков в ночь на 26 июня вышел к разъезду Шиберта и изрубил 400 красногвардейцев с Касьяновской шахты, «которые поужинали с выпивкой и заснули, не выставив охраны». Красные войска начали отступать. 11 июля белые заняли Иркутск, 20 августа — Верхнеудинск. В вооружённой борьбе июля — августа 1918 г. антибольшевистские силы (с 21 июля — Восточный фронт) в составе Средне-Сибирского корпуса под началом полковника А. Н. Пепеляева и «Восточного отряда чехословацких войск» генерал-майора Р. И. Гайды заняли территорию Восточной Сибири. Несмотря на превосходство красных в живой силе и технике, белые в ходе ряда операций на южном побережье Байкала нанесли красным полное поражение. На стороне белых действовали третья сотня енисейских казаков и отдельная Нижнеудинская сотня. Командование дало последней 23 августа такую оценку: «Вы, славные Нижнеудинские казаки, одними из первых свергли позорную большевистскую власть

в Нижнеудинске и встали в ряды молодой Сибирской Армии. На берегах священного Байкала Вы были участниками разгрома мадыро-большевистских сил, покрыли себя вечной славой...».

После разгрома красных в Восточной Сибири белые части были отправлены на Урал, где продолжили борьбу с Красной Армией. Это привело к тому, что в ряде районов часть красных отрядов сумела уцелеть и через полгода развернуть партизанское движение. С занятием Восточной Сибири вооружённые силы Временного Сибирского правительства получили обширный тыл, в котором можно было пополнить старые и сформировать новые части и соединения.

Военное строительство

14 июля 1918 г. был опубликован приказ № 27 по Иркутскому казачьему войску, отданный 12 июля войсковым атаманом С. А. Лукиным: «На основании приказа по мобилизации Сибирского Временного правительства: 1) Всем казакам-офицерам немедленно явиться в Войсковое Правительство для зачисления в ряды Сибирской армии в формируемый казачий отряд войска. 2) Всем казакам не моложе 18 лет, незапятнанным нравственно и изъявившим искреннюю готовность преданно служить идее народовластия, осуществляемой Временным Сибирским правительством, предлагается вступить в особый казачий отряд войска. 3) Срок службы устанавливается 6 месяцев, в крайнем случае, срок может быть уменьшен, но должен быть строго определён при зачислении. 4) Все офицеры, не занимающие командных должностей, зачисляются в резерв чинов с несением обязанностей рядового бойца. 5) Жалование военно-служащих зависит не от чинов, а от занимаемой им должности. 6) Жалование рядовому бойцу назначается 60 руб. в месяц, отделённому 75 руб., взводному 90, вахмистру 120... младшему офицеру и офицеру резерва 300 руб., ротному командиру 400... 8) Чины и звания остаются в силе. 9) На службе, особенно в строю, устанавливается строгая дисциплина. Вне строя все равные граждане. 10) Вне службы разрешается носить штатскую, но, будучи в военной форме, каждый обязан приветствовать старшего...».

24 июля С. А. Лукин призвал уже всех офицеров, врачей, военных чиновников и казаков призыва 1916–1919 гг., т. е. 1896–1899 гг. рождения. По распоряжению атамана «казаки должны явиться немедленно в зависимости от расстояния, с конём, снаряжением и вооружением... В сформированных казачьих частях устанавливается твёрдая дисциплина. Выборное начало и комитеты упраздняются». В Иркутске началось формирование пешей и конной казачьих частей. Общее командование ими принял войсковой старшина Александр Александрович Могилёв (бывший командир Красноярского казачьего ди-

визиона), его помощниками стали есаул Емельянов и хорунжий А. В. Балашов. 13 августа среди казачьего населения Иркутской губернии началась мобилизация лиц от 18 до 25 лет, имеющих высшее и среднее образование, прослушавших 4 класса средних учебных заведений, городских, высших начальных и специальных училищ, получивших права вольноопределяющихся 2-го разряда. Уже отслужившие казаки старше 23 лет от призыва освобождались. По ходатайству казаков Иркутский дивизион разворачивался в полк.

Вместе с тем командующий (с 11 июня) Иркутским военным округом полковник А. В. Эллерц-Усов возбудил расследование о сотрудничестве Лукина, Пежемского и Мелентьева с большевиками, но достаточного обвинительного материала не нашлось. «Казаки слишком сплочены, молчаливы, замкнуты и друг друга на следствиях не выдают. Поэтому атмосфера в Иркутском казачьем полку от “керенщины” не была очищена и часть зажила прежней “комитетской” жизнью». Лукин остался атаманом, Пежемский — в войсковом правлении, Мелентьев — представителем войска в Военном министерстве в Омске. Эти бывшие «комитетчики» начали регулярно критиковать командира полка Могилёва, его помощника В. М. Кубинцева и командиров сотен, вплоть до отмены распоряжений офицеров. Однако решения собиравшегося при большевиках 2-го войскового круга были 4 октября аннулированы.

Тем временем А. В. Эллерц-Усов 17 августа 1918 г. предложил призывать в казачьи части бурятское население «как весьма зажиточное, в массе чуждое большевизму», но Временное Сибирское правительство не поддержало и эту инициативу. В Иркутске 20 сентября началось формирование 4-й Иркутской конной бригады, которую с 8 ноября возглавил генерал-майор И. Ф. Шильников. В бригаду вошли Иркутский казачий (командир — полковник П. И. Войлошников) и Иркутский гусарский (войсковой старшина Васильев) полки. На 1 октября 1918 г. в Иркутском казачьем полку насчитывалось 102 офицера и 380 казаков, на 5 ноября — 109 офицеров и 387 казаков. Из офицеров Иркутского казачьего полка только 15 занимали командные должности, остальные, состоя в резерве чинов Иркутского военного округа, числились в «прикомандировании» к полку. Иркутский гусарский полк из-за малочисленности был преобразован в кавалерийский дивизион Партизанской (Егерской) бригады им. есаула Красильникова. Взамен в 4-ю бригаду 12 декабря включили Енисейский казачий полк (хорунжий Г. К. Бологов). К концу декабря 1918 г. 4-я Иркутская конная бригада насчитывала 800 человек.

Несколько слов о новых командирах иркутских казаков Иване Фёдоровиче Шильникове (1877 г. рождения) и Павле Ивановиче Войлошникове (1879 г.), а также об обстоятельствах их

назначения. Оба происходили из забайкальских казаков, а Шильников того же 1897 г. выпуска Иркутского юнкерского училища, что и Оглоблин.

Произведённый в генералы 12 июня 1917 г., Шильников имел за плечами опыт последовательного командования в 1914–1918 гг. 1-м Аргунским, 1-м Читинским полками, 2-й бригадой 1-й Забайкальской казачьей дивизии и, наконец, 2-й отдельной Забайкальской казачьей бригадой. Затем участвовал в работе казачьих съездов, после чего вступил в отряд атамана Г. М. Семёнова. Был управляющим военно-административной частью Временного Забайкальского (семеновского) правительства. Однако из-за разногласий с атаманом Семёновым в сентябре 1918 г. Шильников вышел из состава правительства и 2 октября 1918 г. вместе с управляющим Забайкальской областью эсером О. К. Флегонтовым был арестован. Обоих арестованных обвиняли в «социалистических взглядах», а Оглоблин, будучи тогда начальником гарнизона станции Маньчжурия, приказал посадить Шильникова в один вагон с убийцами, бывшими большевистскими комиссарами и пьяницами. Отношения Шильникова и Оглоблина после этого, мягко говоря, оставляли желать лучшего. Тем более, что вскоре Шильников был освобождён, уехал в Иркутск, где получил 8 ноября 1918 г. в командование конную бригаду.

Вернулся в Иркутск и Оглоблин, где с 25 октября по 4 ноября проходил 3-й чрезвычайный круг Иркутского казачьего войска. При усиленной агитации офицеров (подъесаул Пудовиков и др.), специально командированных Г. М. Семёновым и состоящих при японском посольстве, этот круг избрал Оглоблина атаманом. Таким выбором многие казаки мечтали устроить служебные дела своих сыновей — прапорщиков, поскольку ходили слухи, что Оглоблин будет назначен Семёновым своим помощником в Иркутск. Однако конфликт Колчака и Семёнова разрешился иначе, и станичники обманулись. В свою очередь избранного Оглоблина тяготила «зависимость от крикунов круга», «хотелось иметь в своём подчинении строевую воинскую часть».

Войлошников по окончании в 1901 г. Николаевского кавалерийского училища был выпущен в 1-й Верхнеудинский полк. Затем много лет служил в лейб-гвардии Сводном казачьем полку и «впитал гвардейский порядок». Командиром Иркутского казачьего полка Войлошников был назначен 12 октября 1918 г. специально, чтобы «подтянуть полк, ибо его состояние стало беспокоить командующего округом А. В. Эллерц-Усова». Войлошников застал в полку такие порядки: «Не хватало всего необходимого. Дисциплина отсутствовала: казаки толпились в канцелярии, препирались с офицерами, подходили с рукой первыми, здороваясь со всеми начальниками. На гауптвахте охрана через открытые двери беседовала с арестантами». Новый командир вернул обычный

военный порядок: отдавание чести, дисциплину и выправку. Приняты меры к получению тёплого обмундирования.

Также в октябре 1918 г. произошли драматические события в Тункинской долине. Здесь появился красный отряд анархиста Н. А. Каландаришвили, насчитывавший до 1 200 бойцов при 12 пулемётах. После крушения Прибайкальского фронта красные двинулись из района Троицкосавска на запад, на соединение с наступающей, по их мнению, Красной Армией. Пройдя вдоль реки Джиды, они у посёлка Модонкуль перешли в Монголию, где провели две недели. Затем, не зная обстановки, красные попытались пробиться через село Туран к селу Шимки и далее к Транссибирской железной дороге. Проживавшие в Тункинской долине казаки под руководством станичных атаманов Зверева, Бобкова и И. Березина организовали отпор, на помощь из Иркутска прибыл отряд сотника И. К. Скуратова из 64 бойцов. Помощниками Скуратова были прапорщик И. П. Бутаков и капитан Бальтрукевич.

Объединившись, казаки уничтожили или рассеяли большую часть красного отряда, отбросив остальных к истоку Оки. Был захвачен адъютант Н. А. Каландаришвили с 280 тыс. р. награбленных в Иркутске денег. Эти трофеи есаул В. М. Кубинцев передал гражданским властям, что вызывало недовольство как казаков, так и войскового правления. Прошения казаков передать деньги на возмещение причинённого анархистами ущерба были отклонены. Рассеянные красные были пленены или, перейдя на положение мирных жителей, вернулись в родные места. Около 300 же отброшенных в Саяны красных вдоль рек Оки и Большой Белой вышли в деревни Чернушка и Инга, где были пленены отрядом полковника И. Н. Красильникова.

Есаулу Кубинцеву не забыли передачи денег. 3-й войсковой круг начал расследование его поведения и оскорбительных слов, сказанных о казаках в декабре 1917 г. А в начале 1919 г. войсковое правление отправило агитатора в Покровский посёлок, который склонил сход дать приговор об удалении В. М. Кубинцева из этого казачьего общества.

Опять стремление «сбежать на фронт»

Новый (с 25 декабря 1918 г.) командующий Иркутским военным округом генерал-майор В. И. Волков 4 февраля 1919 г. отдал характерный приказ: «Войсковой атаман Иркутского казачьего войска донёс мне о наблюдающихся среди казаков Иркутского полка стихийном движении на фронт для оказания помощи своим братьям Оренбургским казакам, изнемогающим в борьбе с большевиками. Стремление Иркутских казаков считаю весьма похвальным, но интересы Госу-

дарственного порядка в данный момент лишают меня возможности отправить на Оренбургский фронт даже одну сотню. Командиру Иркутского полка строго следить за тем, чтобы самовольных уходов куда-либо не было. Здесь тоже служба и не скрою, тяжёлая. Родина нуждается в стойких войсках на фронте и в тылу». Объяснение появления приказа одно: известный конфликт А. В. Колчака и Г. М. Семёнова был в самом разгаре. 17 февраля 1919 г. 2-й Забайкальский казачий полк, по приказу Волкова, был передислоцирован из Троицкосавска в Иркутск и включён в 4-ю Иркутскую конную бригаду, которая 10 мая переименована в отдельную Сводно-казачью. 18 февраля 1919 г. В. И. Волкова сменил генерал-лейтенант В. В. Артемьев.

Тем временем разрешился вопрос со статусом казаков Иркутской губернии. 23 декабря 1918 г. в Омске при помощнике военного министра по казачьим делам генерал-майоре Б. И. Хорошкине состоялось совещание по вопросу признания иркутских казаков отдельным войском. 20 мая 1919 г. П. П. Оглоблин подаёт А. В. Колчаку доклад об утверждении Иркутского казачьего войска с приложением подробной исторической справки и набор уставных документов. 10 июня 1919 г. Совет министров правительства А. В. Колчака узаконил статус Иркутского казачьего войска, а его атаман П. П. Оглоблин был подчинён непосредственно военному министру Д. А. Лебедеву через его помощника по казачьим делам Б. И. Хорошкина. Войсковому атаману П. П. Оглоблину по Положению об управлении казачьими войсками подчинялись все казачьи части его войска, а сам он получал права командира отдельного корпуса. Получив официальную должность, П. П. Оглоблин стал демонстрировать свои возможности.

Неподчинение атамана П. П. Оглоблина

Сначала изложим подробную хронологию конфликта части иркутских казаков с военным командованием, а затем проанализируем основные поводы и ключевые причины этого противостояния.

Когда в конце 1918 г. П. П. Оглоблин избрали атаманом иркутских казаков, он немедленно стал добиваться подчинения ему строевых частей войска, т. е. единственного Иркутского казачьего полка. Без такой реальной силы атаман не пользовался тем влиянием, которое бы его самого устроило. Командование Иркутским военным округом неизменно отказывало, указывая на недопустимость вмешательства в строевые дела полка, поскольку часть содержалась уже целиком за счёт государства. Тогда Оглоблин стал собирать, а точнее, выдумывать, компромат на Войлошникову. В этом его союзниками стали члены войскового правления.

19 декабря 1918 г. на праздновании дня Иркутской казачьей сотни Оглоблин в очередной раз неодобрительно отозвался о Г. М. Семёнове, на что заведующий хозяйственной частью Иркутского казачьего полка есаул Емельянов бросил реплику: «А генеральский чин от Семёнова получил». Оглоблин тут же приказал Емельянову отправиться на фронт и сдать дела войсковому старшине А. А. Могилёву. Сдача дел затянулась, и возникла путаница в хозяйственной отчётности 1918 г. Кто виноват? По Оглоблину — Войлошников, хотя большинство упущений было допущено ещё при Могилёве. Далее упрёк за завышение цен на товары, привезённые для полковой лавки в январе 1919 г. Однако проверки не усмотрели преступления.

Последовали иные придирки к Войлошникову: выговор за непосещение ежедневно полка, за принятие в писари добровольца Ровинского. По Оглоблину, «Ровинского, как еврея, нужно в строй». Последний по документам православный, но имеет знакомых среди евреев. Оглоблин вёл по Ровинскому целую переписку.

Так и не сумев устранить Войлошникова через иркутское начальство, Оглоблин и войсковое правление пытались добиться его ухода «по собственному желанию». Пока Оглоблин находился в Омске, его замещал помощник атамана С. А. Лукин. Во время отправки Сводной сотни с Иркутского вокзала против партизан 7 июня 1919 г. Лукин заявил Войлошникову, чтобы тот «покинул полк, в противном случае будет отрешён: причин не высказано». Войлошников 11 июня доложил об угрозе Шильникову, тот — командующему округом генерал-лейтенанту В. В. Артемьеву.

13 июня Лукин заявил, что Иркутский казачий полк отказывается признавать власть командующего Иркутским военным округом. Полк самовольно сменил командира полка и назначил нового. По данным Н. С. Романова, в этот же день после безрезультатных переговоров личный состав Иркутского казачьего полка с помощью 2 батальонов при 4 орудиях был разоружён и арестован.

Артемьев 17 июня запросил указаний из Омска, сообщив, что «полковник Войлошников выдающийся командир полка, имеет одну вину быть строгим, требовательным и знающим своё дело начальником. У Войскового правления с ним счёты... Желательно скорейшее разграничение власти и прав строевого начальства и Войскового атамана». А с момента утверждения Иркутского казачьего войска прошла всего неделя!

Находившийся в Омске Оглоблин обратился к походному атаману всех казачьих войск А. И. Дутову и согласовал назначение на пост командира Иркутского казачьего полка полковника Оренбургского казачьего войска А. Г. Бычкова. Бычков приехал в Иркутск, но не явился ни к командующему округом Артемьеву, ни к командиру бри-

гады Шильникову. Проезжая через Иркутск на Дальний Восток, 12 июня сам А. И. Дутов ни словом не обмолвился местному начальству о назначении Бычкова, что и немудрёно, ибо строевые части в тылу походный атаман мог лишь инспектировать или выходить в отношении них с ходатайствами к соответствующим учреждениям.

В итоге созданная хлопотами Оглоблина ситуация была окончательно запутана, поскольку «никто из имеющих должностное право» так и не издал приказ об отчислении Войлошникова, хотя прошло две недели после приезда Бычкова в Иркутск. Желая выйти из нелепого положения, вернувшийся в Иркутск Оглоблин отбил телеграмму Дутову с угрозой, что при неотрешении тем полковника Войлошникова он это сделает сам. Не логичнее ли было подумать об этом ещё при назначении Бычкова?

Ещё 30 июня Оглоблин, объявляя второй сотне полка об утверждении войска, призвал сплотиться вокруг него, «намекая на нелады». Также он пожаловался рядовым казакам, что «вообще из Иркутского военного округа исходит масса кляуз и мерзостей в Омск», а его «речь напоминала прежние, нехорошие времена революционного угара по выражениям и угрозам».

В первых числах июля 1919 г. Верховный правитель А. В. Колчак распорядился в трехдневный срок отправить на фронт всех офицеров, состоящих в тыловых частях сверх штата. Причём указывалось, что в первую очередь подлежали отправке офицеры, не бывшие на фронте Первой мировой войны. В соответствии с этим Шильников и Войлошников составили списки подлежащих как оставлению, так и отправке. По ним не бывший на фронте начальник учебной команды сотник Немчинов (из природных казаков) оставлен. Из оставшихся 39 офицеров все были на фронте, кроме Немчинова, из них 20 имели ранения и контузии. Из 17 офицеров, предназначенных на фронт, ранее не воевало 14, из которых 5 природных казаков. Кроме того, сверх штата в полку было 6 офицеров⁴ состоящих при войсковом правлении, не бывших на фронте.

Списки не понравились войсковому правлению, «правда, кровно в этом заинтересован-

4 Хорунжий С. М. Мелентьев (представитель войска в Омске) и К. П. Лукин (заведующий мастерскими), прапорщики П. П. Хороших (секретарь и казначей) и Иван Степанович Пежемский (старший адъютант). Последний откомандирован на круг Оренбургского казачьего войска с литерой на проезд, по возвращении должен привести в порядок Войсковой архив. Прапорщик Андриан Гаврилович Пермяков организовывал в войске ветеринарно-животноводческое дело. Хорунжий Александр Степанович Яковлев избран на круг Забайкальского казачьего войска. Кроме того, Войсковое правление просило прикомандировать прапорщика Виктора Буиновского для ведения делопроизводства по выдаче пайков семьям казаков (РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 293. Л. 316, 340).

ному», и Оглоблин подготовил рапорт Артемьеву с просьбой приостановить командирование офицеров до решения походного атамана, прислал Шильникову сообщение и предписал Войлошникову приостановить отправку на фронт. Однако Артемьев одобрил списки и категорически приказал обеспечить отправку не позднее 8 июля. Тогда Оглоблин и все «заинтересованные» 7 июля приняли ряд мер по воспрепятствованию командировке на фронт. Во-первых, войсковое правление протоколом № 30 постановило: «1) В подтверждение постановления Войскового Круга окончательно воспретить службу в частях войска офицеров не войскового сословия Иркутского казачьего войска. 2) Всех офицеров не войскового сословия немедленно командировать в распоряжение Штаба Округа. 3) Воспретить ношение казачьей формы офицерам не войскового сословия Иркутского казачьего войска. 4) В штат 3-х сотенного полка в 1-ю очередь отправить всех коренных офицеров, офицеров же сверх штата командировать в распоряжение Главного управления по делам казачьих войск для отправки на фронт (исключительно приписных). 5) Офицеров, находящихся в войсковом правлении, зачислить в Штат управления с 1 августа 1919 г., а до того времени считать прикомандированными сверх штата полка. 6) Воспретить дальнейший приём офицеров в полк и войско. 7) Об офицерах, принятых в войсковое сословие, линия поведения которых в корне разрушает внутреннюю дисциплину казаков, их бытовые особенности и нежелание проникнуться духом казачества и познать казачью службу и строй, возбудить вопрос на ближайшем Войсковой Круге об исключении их из войскового сословия. 9) В случае продолжения линии поведения Шильникова и Войлошникова, клонящихся к полному игнорированию войскового атамана, Войсковому атаману принять все меры по его усмотрению».

Во-вторых, Оглоблин подал Артемьеву рапорт № 51: «Командир полка распределяет офицеров с целью выделения из полка офицеров воинского сословия без согласия Войскового Атамана. Эти распоряжения должны исходить от Походного Атамана и ГлавУказ (Главного управления казачьих войск. — Авт.) плюс согласие на командировку Войскового атамана. Согласно постановления (протокол № 30 журнала заседаний правления Иркутского казачьего войска) войсковых кругов, в своих частях должны служить исключительно офицеры войскового сословия. Прошу срочного распоряжения начальника бригады об откомандировании из Иркутского казачьего полка всех офицеров не войскового сословия Иркутского казачьего войска... Оказавшиеся сверх штата офицеры войскового сословия подлежат откомандированию в ГлавУказ, согласно распоряжения Походного атамана и указанию Главного начальника по делам казачьих войск.

О последующем распоряжении прошу меня уведомить. Ваши распоряжения о командировании офицеров на фронт будут немедленно выполнены по проверке списка и лиц». Правление Иркутского войска считало, что «сначала должны отправиться прикомандированные, приписавшиеся офицеры, а затем — коренные».

В-третьих, Оглоблин отдал приказ № 1 по Иркутскому казачьему войску: «§ 1. Распоряжение начальника бригады генерал-майора Шильникова, в отношении Иркутского казачьего войска и полка и линия поведения полковника Войлошникова, в связи с допущением им спекуляций и упущения по ведению отчётности за 1918 г., а также и его распоряжения подрывают значение и авторитет Войскового атамана, разлагают строевую часть и нарушают внутреннюю дисциплину войска.

Будучи ответственным как перед Правительством, так и Верховным Командованием за части своего войска во всех отношениях, исчерпав все законные меры и донеся по команде, я, руководствуясь постановлением войскового правления и совестью, в целях сохранения строевой части от развала и в целях установления внутренней единой дисциплины в частях и в войске, вынужден принять следующие меры.

Иркутский казачий полк изъять из состава Сводной казачьей Бригады, подчиняя его в строевом отношении непосредственно командующему войсками, через Войскового атамана.

Командира полка полковника Войлошникова, за допущенные спекуляции, упущения по войсковой отчётности и распоряжения его, подрывающие авторитет Войскового атамана отрешаю от полка. Временно командование полком возлагаю на войскового старшину Могилёва, впредь до назначения командиром полка Походным атаманом.

В случае неисполнения приказа полковником Войлошниковым арестовать домашним арестом. О принятых мерах донести Походному атаману и Главному управлению по делам казачьих войск для доклада Верховному Правителю и начальнику штаба. Станичникам быть спокойными, выполнять приказы Войскового атамана и помнить, что все распоряжения мои клонятся в к восстановлению единой казачьей дисциплины, которая нужна нам в деле возрождения мощи армии и казачества, как оплота Верховного Вождя нашего в борьбе с большевиками и устроения государственности России».

В четвёртых, П. П. Оглоблин начал подключать к своему конфликту с командующим округом В. В. Артемьевым внешние силы. Начальнику Главного управления по делам казачьих войск генералу Б. И. Хорошкину Оглоблин отправил телеграмму: «Доносу: Командующий войсками приказал полку сдать оружие, приказание исполнено. Подчинить полк полковнику Войлошникову и генералу Шильникову невозможно. Прошу рассле-

дования. Беспokoюсь за части на фронте». Командира 6-го Восточно-Сибирского корпуса и атамана Забайкальского казачьего войска Г. М. Семёнова заботливо обеспечили копией телеграммы Оглоблина Хорошкину, и 12 июля Семёнов высказался против И. Ф. Шильникова. В Иркутске делегации казаков посетили японскую военную миссию и штаб чехословацких войск, просили вмешаться в конфликт и отправить телеграммы. И японцы, и чехи представителям Оглоблина отказали. Войсковое правление рассылало во все направления «возмущающие» телеграммы.

8 июля войсковое правление, а затем и 4-й войсковой круг исключили из казачьего сословия начальника штаба Сводной казачьей бригады есаула В. М. Кубинцева, подьесаула Андреева, штабс-капитанов Гундлаха и Чернышёва, сотников Волчкова и Ленбова, хорунжего Жизневского, прапорщиков Козьмина, Кудрявцева и Краснова «за неучастие в неподчинении Оглоблина». 18 августа 1919 г. Кубинцев был командирован в Урянхайский край (Тува) для «выполнения задач, данных ему лично начальником Урянхайского края генерал-майором Поповым».

Артемьев отреагировал на поступки Оглоблина как на «мятеж». После долгих телефонных переговоров атаман прибыл к командующему округом в сопровождении нескольких казаков. После беседы Оглоблин отправился под домашний арест, а в распоряжение Иркутского казачьего полка отправился полковник Е. Г. Сычѳв во главе пехотных и артиллерийских подразделений. Казакам было предложено или немедленно подчиниться, или сдать оружие, и заявлено, что если они не разоружатся, то будет применено оружие. Казаки без сопротивления сдали винтовки, Сычѳв приказал оставить им шашки и винтовки для караула у полкового имущества.

8 июля командующий Иркутским военным округом генерал-лейтенант В. В. Артемьев был вынужден отдать приказ: «Войсковой атаман Иркутского казачьего войска, генерал-майор Оглоблин, домогаясь не предоставленной ему законной власти, позволил себе приказом по Иркутскому казачьему войску от 7 июля за № 1 (секретно) § 1 самовольно и без законных оснований отрешить от должности неподчиненного ему командира Иркутского казачьего полка полковника П. И. Войлошникова и выделить названный полк из состава отдельной Сводной казачьей бригады. Усматривая в этих самочинных и антидисциплинарных действиях генерал-майора Оглоблина, в корне нарушающих начала законности и служебного авторитета подлежащего войсковому начальнику, признаки деяния предусмотренного ст. 141 и 145 XXII книги Свода военных положений 4-е издание, на основании пунктов “А” и “Б” статьи 2 постановления Совета министров от 24 января 1919 г., 319, 470–

474 статей XXIV книги Свода военных положений отменяю явно противозаконный приказ по Иркутскому казачьему войску от 7 июля № 1, предписываю всю возникшую по этому поводу переписку передать военному следователю 1-го Иркутского участка...». Так подпоручик Пачерский начал расследование поступков генерал-майора Оглоблина.

Когда же 9 июля казаки опять не допустили в полк Войлошникова и «продолжали упорствовать в неповиновении», специально посланной ротой с пулемѳтами было отобрано всё оставшееся оружие. Кроме Оглоблина 21 офицер и 2 чиновника, остальные чины полка изолированы в расположении части.

23 июля 1919 г. Колчак телеграфировал в Иркутск: «Повелеваю офицеров и казаков Иркутского казачьего полка, за исключением выявивших себя преступниками вооружить и отправить на фронт на присоединение остальным сотням полка. К командованию допустить полковника Бычкова. Ускорьте следствие. Передайте казакам моѳ требование быть дисциплинированными и не нарушать порядка. Допустите созыв Круга. Предлагаю Кругу немедленно избрать заместителя атамана, т. к. до решения суда атаман Оглоблин не может быть допущен к управлению войском».

19 июля походный атаман Дутов пишет Артемьеву, что малый чин следователя «является оскорбительным для Иркутского войска». Очевидно, Дутов пожаловался и Колчаку, поскольку уже 28 июля в Иркутск прибыла «Особая военоследственная комиссия, назначенная повелением Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего в порядке 336 статьи Военно-Судебных Уложений» во главе с генерал-лейтенантом С. А. Зубовым.

Из-за расследования в начале августа была задержана отправка против енисейских партизан второй сотни Иркутского казачьего полка. С 19 июля по 6 августа в Иркутске проходили заседания 4-го чрезвычайного казачьего круга. Почти 20 дней 42 делегата от проживавших в Иркутске казаков обсуждали отношения с командованием Иркутского военного округа. А по городу расклеивали воззвания А. В. Колчака об отчаянном положении на фронте.

В свою очередь возвращавшийся с Дальнего Востока Дутов 4 августа снова посетил Иркутск. Он демонстративно не подал руки встречавшему его Шильникову, «разрешив сдать командование бригадой». В то же время комиссия Зубова подтвердила справедливость обвинений Оглоблина «в ниспровержении существующей власти». Однако, учтя особое ходатайство конференции казачьих войск, Колчак в начале сентября распорядился дело Оглоблина прекратить. Верховный правитель предписал Оглоблину вступить в управление Иркутским казачьим войском, а Ир-

кутскому казачьему полку «немедленно выступить на фронт со всеми офицерами».

Позднее, ознакомившись с материалами Зубова, Дутов признал свою неправоту и попытался восстановить справедливость. Сначала он назначил Шильникова своим чрезвычайным уполномоченным по охране общественного спокойствия и государственного порядка в Тургайской области, а затем командиром 1-го Оренбургского казачьего корпуса.

Уроки конфликта

Подведём итоги. Если учесть военно-политическую обстановку лета 1919 г., то конфликт В. В. Артемьева и П. П. Оглоблина иначе как абсурдным назвать нельзя. У каждой стороны была своя логика и оправдательные аргументы, но в итоге проиграли все.

С. А. Лукин⁵ так аргументировал позицию войскового правления: «Отряд, а затем и дивизион формировался на средства войска. Считаю для себя священной обязанностью защищать и свято хранить вольности казачества, закреплённых грамотами правительства и волей войсковых кругов... Генерал-майора Шильникова, генерал-майора Толстихина — чиновника для особых поручений при командующем войсками Иркутского военного округа и полковника Войлошникова, как именующих себя казаками и носящих форму Забайкальского казачьего войска, лично я не считаю казаками. Ставя на должную высоту власть Войскового атамана в своём войске, сводят на нет права и обязанности других Войсковых атаманов, потому что они физически слабы. Причём генерал-майор Шильников сделал распоряжение об отправке коренных офицеров казаков в 3-х дневный срок на фронт, заменив их пехотой без согласия Войскового атамана, причём включил в списки выборных офицеров — членов Войскового правления, не включив одного — Войскового атамана. Я как помощник игнорировался, может потому, что я рядовой казак, но они не должны забывать, что я есть лицо выборное, облечённое доверием 15 000 населения, верных сынов Родины и государства».

Оглоблин же, сам делавший в 1899–1917 гг. карьеру в другом войске, не разубеждал земляка Лукина... В 1919 г., прекрасно зная, что малочисленное Иркутское казачье войско не имеет людей для формирования даже одного полного шестисотенного полка, П. П. Оглоблин тем не ме-

нее занялся дележом портфелей. А ведь только в борьбе с большевиками с их политикой расказачивания могло сохраниться и пополниться новыми людьми Иркутское казачье войско. Вместо этого бессмысленная возня, завершившаяся переходом в январе 1920 г. на сторону эсеров и большевиков.

В апреле 1920 г. П. П. Оглоблин объявит, что, «состоя войсковым атаманом Иркутского казачьего войска, [он] выявил себя противником павшей власти Колчака, за что совместно с бывшими членами войскового правления, офицерами и казаками полка и был арестован». Вот так, ни больше ни меньше — жертва режима Колчака, из рук которого получил все полномочия и огромные возможности. Однако каковы бы ни были истинные мотивы П. П. Оглоблина, «заседавшие» в тылу рядовые иркутские казаки тоже были бесполезны, если не вредны, для белых.

Финал

В течение 1919 г. подразделения Иркутского казачьего полка совершали операции против красных партизан в районах городов Нижнеудинск и Канск. В августе все иркутские казаки способные носить оружие, были призваны в армию. 5 августа 1919 г. штаб и вторая сотня (командир — хорунжий Саломатов) Иркутского казачьего полка с пулемётной и учебной командами получили распоряжение отправиться из Иркутска на соединение с третьей сотней (подъесаул Скура-тов), находившейся южнее участка железной дороги Свище-Канск в районе станции Клюквенная. Одновременно первой сотне полка (подъесаул Размахнин), расквартированной в Черемхово, было приказано отправиться на станцию Тайшет в распоряжение командира Румынского легиона полковника Э. Кадлеца. Первая сотня убыла в Тайшет 13 августа. Штабу же Иркутского полка надлежало разместиться в Красноярске. Однако вторую сотню пришлось временно вместо Канска отправить в Балаганск.

Приказом по Иркутскому казачьему войску № 97 от 5 сентября 1919 г. был объявлен призыв казаков 1888–1893 гг. рождения без предоставления каких-либо льгот. К 1 ноября 1919 г. включавший 4 сотни и пулемётную команду Иркутский казачий полк насчитывал 61 офицера, 508 казаков при 12 пулемётах, а к 20 ноября — 44 офицера, 625 казаков при 13 пулемётах.

К сожалению, в Российском государственном военном архиве из-за плохого состояния дел исследователям не выдаются приказы по Канскому военному району за ноябрь-декабрь 1919 г. Управлению этого района подчинялись 4 полка: 32-й, 55-й, 56-й Сибирские стрелковые и Иркутский казачий. Известно, что иркутские казаки вели бои с партизанами у сёл Вершино-

⁵ Степан Алексеевич Лукин в декабре 1919 г. уехал за помощью в борьбе против Политцентра к Г. М. Семёнову и предположительно 6 января 1920 г. участвовал в известной расправе над заложниками-эсерами на ледоколе «Ангара» («казак Лукин ударял колотушкой по голове»). С 1920 г. в Монголии вёл борьбу с красными в Тунке, был ими схвачен и 22 августа 1922 г. приговорён к расстрелу.

Рыбное, Топол⁶ и др. 18 декабря у деревни и озера Улюколь 10 часов шёл бой между 370 красными партизанами и 1 500 белыми при 4 орудиях и 11 пулемётах. Белых возглавлял полковник Бычков, задействовавший все три стрелковых полка, которые вынуждены были отойти в деревню Манганово и село Курай. К середине января 1920 г. все белые гарнизоны вокруг Канска общей численностью в 4 989 человек сдались, причём последним в самом Канске капитулировал Иркутский казачий полк. Несколько его офицеров успели скрыться в чешских и румынских поездах, остальной же личный состав полка, сдав оружия енисейским партизанам, двумя поездами был отправлен в Иркутск. По пути некоторых офицеров и казаков уже иркутские партизаны сняли с эшелона, одних расстреляли, других арестовали в Нижнеудинске.

Оставшиеся же в Иркутске учебная и нестроевая команды Иркутского казачьего полка 4 января 1920 г. поддержали мятеж эсеровского Политцентра против власти А. В. Колчака и под руководством П. П. Оглоблина пленили оренбургских юнкеров. Ранее П. П. Оглоблин потребовал от колчаковского правительства «сказать, наконец, правду, кто придёт на помощь и какова будет эта помощь», или, заявил он, «казачество поступит так, как подсказывает ему совесть и как диктуют интересы». На стороне Политцентра с 28 декабря 1919 г. действовала и отдельная конная сотня есаула М. Х. Петелина.

23 января 1920 г. в Иркутске власть перешла к большевикам, а оставшиеся в городе казаки образовали 1-й Иркутский Советский казачий полк во главе с Бутаковым. 11 февраля этот полк преградил каппелевцам дорогу от Иркутска на Култук, а в конце февраля в составе 210 казаков выступил в Забайкалье на борьбу с белыми. В начале марта Иркутский Советский казачий полк участвовал в боях за Верхнеудинск, в которых потерял двух казаков убитыми и двух — ранеными. С середины марта началось переформирование полка в двухсотенный дивизион. Причём есть данные, что в его рядах — «часть Спасской и Никольской станиц, но нет почти совсем Куйтунских, Головинских, Нижнеудинских и Георгиевских станиц». С другой стороны, в апреле Георгиевская станица просила Советские власти возместить 15 тыс. р., израсходованных «на разведку по границе Монголии о движении каппелевцев».

Вместе с тем даже часть оказавшихся в Красной Армии иркутских казаков нашла способ присоединиться к белым. Так, в бою под сёлами Улятуйское и Бальзой 1 июня 2 офицера, 11 юнкеров и 62 казака бывшего Иркутского казачьего полка во главе с подьесаулом Петровым перешли на сторону белых, где составили пятую

сотню 1-го Конного атамана Семёнова полка (командир всё тот же полковник А. Г. Бычков)⁷. В начале 1921 г. сотню свернули в пулемётную команду, которую летом 1922 г. развернули в Иркутскую дружину численностью 130 человек во главе с войсковым старшиной М. С. Петровым. Команда, затем дружина сражалась в Приморье, из которого в ноябре 1922 г. ушла в эмиграцию в Китай, в Шанхай.

«Советский казачий полк» же сразу после перехода группы Петрова был расформирован, а его бойцы распылены красным командованием по другим частям. Весной 1920 г. большевики позволили П. П. Оглоблину провести 5-й съезд Иркутского казачьего войска. 8 марта съезд, «сбравшись в то время, когда сыны родного казачества проливают кровь в борьбе с забайкальской реакцией, шлёт привет власти, опирающейся на родные трудовые массы... Казачество верит, что Советская власть сохранит за казаками тот особый уклад внутренней жизни, ту самобытность, за которую казачество всегда боролось с царским правительством». Однако лояльные резолюции не помогли, и в начале апреля иркутские большевики объявили об изъятии казачьих земель в пользу государства, у казаков отобрали все помещения. В конце апреля был арестован и П. П. Оглоблин. Проведя полгода в Омском концентрационном лагере, он, как не нанёсший Красной Армии вреда, был выпущен и уехал в Приморье, а оттуда в Китай.

В апреле 1925 г. в Шанхае был создан Восточный казачий союз, членом правления от Иркутского казачьего войска стал Оглоблин. Союз материально поддерживал казаков и их семьи. В марте 1926 г. в союзе возникла склока из-за невыдачи Оглоблину ссуды в 50 долларов, необходимой для оплаты квартиры и одежды. П. П. Оглоблин умер в Шанхае 21 августа 1940 г.

2 апреля 1920 г. большевики объявили казачьи земли Иркутской губернии государственными, Иркутское казачье войско прекратило существование на родной земле. Однако оставшиеся на родине казаки активно участвовали в повстанческом движении 20-х годов. Среди руководителей повстанческих отрядов С. А. Лукин и хорунжий А. И. Шубин в Тункинской долине и Монголии, хорунжий Ермаков у (с. Голуметь), есаул С. Мамаев у (Тайшет), вахмистр И. Г. Сенотрусов (с. Кимильтей) и многие другие. В Харбине в 1934–1935 гг. Зарубежная станица Иркутского казачьего войска, возглавляемая С. К. Малых, издавала журнал «Иркутский казак».

7 Подробнее об обстоятельствах данного перехода и дальнейшей судьбе белых иркутских казаков см.: **Штаб-трубач Синанов. Иркутские казаки в гражданской войне // Белая гвардия. 2005. № 8. С. 272–276.**

6 Эти сёла разделяет более 200 км.

Немного о себе и своём литературном творчестве

(Письмо в редакцию журнала)

Учился на историческом факультете Иркутского государственного пединститута, на кафедре отечественной истории защитил кандидатскую диссертацию по теме «Казачье население Восточной Сибири (конец 19 — начало 20 вв.)» в 1996 году. Имею более 30 научных публикаций по теме, включая монографию в соавторстве с д. и. н. профессором Новиковым П. А., — «Иркутское казачество второй половины 17 — начало 20 вв.».

Служил в структурах МВД, майор милиции в отставке. В Союзе казаков России с 1992 года, сейчас атаман Олхинской станицы и председатель Исторического Совета Иркутского казачьего войска СКР. Давно на пенсии, занимаюсь литературным творчеством. Автор романов «Иркут казачий» и «Засланные казачки» по местной тематике, в издательствах ЭКСМО и Яуза вышло более 20 романов в жанре исторической фантастики — «Спасти Колчака», «Линия Сталина», «Тайна генерала Каппеля» и другие. В последнее время издавал статьи в журналах «Белая Сибирь», «Земля Иркутская». Казачий чин есаула, выступал консультантом фильма Красноярской ВГТРК «Время смуты» Дениса Жемчугова о бароне Унгерна, он есть на ютубе. В перспективе есть идеи написать новые разноплановые произведения на основе изучения исторического прошлого Сибири. Вот вкратце и всё.

Герман Романов

Мне, Георгию Ивановичу Романову уже немолодому казаку в этом году представилась возможность ознакомиться с деятельностью журнала «Казачье братство» и вашей казачьей журналистской организацией. Жаль, что это событие произошло только в этом году, поскольку казаку — журналисту особенно начинающему всегда трудно найти достаточно серьёзное издание для своих публикаций. А тут смотрите, весьма солидное издание, да ещё в Сибири. Жаль, что не знал, а то наша совместная работа началась бы значительно раньше.

Родился я в 1964 году, по происхождению из кубанских казаков. Дед мой Мельников Антон Никитович, 1914 года рожд. уроженец хутора Тимофеевка станицы Невинномысской Кубанской области (ныне Кочубеевский район Ставропольского Края). Погиб под Сталинградом 6 ноября 1942 года, похоронен в Красноармейском. Старший сержант, занесён в Книгу Памяти.

Сразу после десятого класса школы я поступил в институт, который закончил в 1992 году.

КАЗАКИ В БОРЬБЕ С НАРКОМАНИЕЙ И НАРКОБИЗНЕСОМ

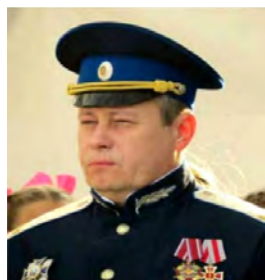

Интервью с Верховным Атаманом Межрегионального Казачьего Центра по борьбе с наркоманией и наркобизнесом Александром Николаевичем Буюровым и товарищем (Первым заместителем) Верховного Атамана МКЦ Фёдором Олеговичем Савченко о борьбе казачества с наркоманией и наркоторговлей в России и ближнем зарубежье.

В России принято считать, что борьба с наркомафией — это удел исключительно правоохранительных органов. В реальности без поддержки общественности многие инициативы государственных органов рискуют оказаться нереализованными. Вовлеченность граждан в работу силовиков позволяет решить огромный вал проблем.

Корреспондент: — У вашей организации очень броское название, из которого следует, что вы принимаете непосредственное участие в нейтрализации каналов поставок наркотиков и задержании наркодилеров. При этом законодательство РФ чётко говорит о том, что монополией на подобные действия обладает государство?

Александр Буюров: — Конечно, ситуация выглядит именно так, но деятельность наркополицейских нуждается в содействии со стороны общества. Около 20 лет назад мы узнали из средств массовой информации о том,

что существует такая структура как Управление по борьбе с незаконным оборотом наркотиков (УБНОН) ГУВД Москвы. Насколько я понял, милиционерам из Управления нужна была народная поддержка, практическая помощь, особенно со стороны не равнодушных к данной проблеме людей. И казаки предложили эту бескорыстную помощь. Руководство УБНОН после совещания со мной и моим товарищем, поддержало нашу инициативу.

Наша организация постепенно стала разрастаться. Структурные подразделения МКЦ созданы и работают в Москве, Московской, Белгородской, Владимирской, Ивановской, Ярославской, Кировской областях, Северокавказском федеральном округе (Ставропольский край, Чеченская Республика) и других регионах России. А также созданы структурные подразделения МКЦ в ближнем и дальнем зарубежье. Наша особенность в том, что мы непосредственно взаимодействуем с оперативным составом, с теми, кто работает, как говорится, «на земле» и занимается выявлением и задержанием наркодилеров. Первоначально мы помогали в работе подразделениям наркоконтроля большей частью в качестве понятых, в которых они остро нуждались особенно в вечернее и ночное время, как правило, массово нуждались в понятых при ликвидации разветвлённой цепочки (канала) наркодилеров, когда надо одновременно работать сразу в нескольких точках. Тогда надо было задействовать в качестве понятых, одновременно до 6–8 заранее согласованных пар сознательных граждан. Для этого в помощь правоохранительным органам всегда нужны были неравнодушные к данной проблеме, дисциплинированные, с активной жизненной позицией, мужественные, морально устойчивые, умеющие хранить служебную тайну люди. Этими навыками и чертами характера, как показало время, у нас в России обладают исключительно, в большинстве своём лишь казаки и военные. Ведь в нашей стране люди ни редко не хотят быть ни свидетелями, ни понятыми, не желают выполнять свой гражданский долг, не хотят присутствовать при многочасовых обысках, досмотрах, при проведении следственных и оперативных мероприятий, а затем по ходатайствам адвокатов защищающих наркоторговцев, неоднократно давать свои свидетельские показания в судах различных инстанций.

Мы внимательно наблюдали за работой наркополицейских, прикрывая со спины оперативников при их работе в наркопритонах, и на местах других происшествий. В дождь, снег, холод и зной, порой сутками вместе с оперативниками казаки МКЦ терпеливо выслеживали и ловили с полчиным наркодилеров, помогая оперативникам, следователям и дознавателям документировать их преступную деятельность. Вникали в основы и методы их работы, на деле изучали различные ухищрённые приёмы торговцев наркотиками. Добывали информацию о «закладках», о торговых точках, о каналах поставок наркотиков и о конкретных лицах, которые участвуют в этом незаконном и преступном бизнесе. Участвовали и участвуют в «контрольных закупках» дурманящего зелья, оказывали и оказывают, по сей день, оперативникам посильную помощь. За это время в содействии с казаками МКЦ России оперативниками наркоконтроля было изъято сотни килограмм наркотических средств и психотропных веществ, выявлено и изолированно от общества десятки наркодилеров, включая проведённую профилактическую работу на предупреждение возникновения и распространения наркомании. Особо хочу подчеркнуть, что мы всё это делали и делаем в рамках действующего законодательства.

Корреспондент: — Как вы отнеслись к реформе, согласно которой ФСКН России была упразднена и её функции вместе с имуществом и оперативным составом были переданы в МВД РФ?

Александр Буюров: — Я считаю, что не обладаю достаточной компетенцией, чтобы оценивать данное решение руководства нашей страны. Мы казаки МКЦ готовы работать с правоохранительными органами против этого зла в любом формате. Важно отметить, что оперативный состав ФСКН России, с которым мы много лет плодотворно взаимодействовали и сотрудничали, большей частью, как вы уже отметили, перешёл в систему МВД РФ. Это значит, что у нас остались прежние связи и «наработки» совместной деятельности, и потому процесс интеграции прошёл практически почти безболезненно.

В настоящее время, продолжая работать, мы ждём, когда окончательно завершится процесс формирования новой антинаркотической структуры России на местах, а также когда сформируется руководящая структура недавно созданного Всероссийского казачьего общества. На основании действующего российского законодательства, Федерального закона от 5 декабря 2005 г. N154-З «О государственной службе российского казачества», Федерального закона от 2 апреля 2014 г. N44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка», и согласно утверждённой Указом Президента от 9 августа 2020 года № 505 Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества

на 2021–2030 годы, работаем над проектами соглашений о сотрудничестве с МВД РФ, Пограничной службой ФСБ РФ и Всероссийским Казачьим обществом.

По хорошему, Всероссийскому Казачьему обществу нужно налаживать отношения с казаками общественных объединений, и непосредственно с казаками МКЦ России. Так как проблема наркотизации в нашем Отечестве стоит остро. Объединить усилия, создать единый Центр управления в борьбе с наркотической угрозой. При Центре — штаб, при Штабе — аналитический отдел, юридический отдел. Предлагаемый такой вариант, на наш взгляд поможет быстрее развить антинаркотическое направление нашей совместной деятельности в казачьей среде, при этом объединяя в настоящий момент разрозненные силы общенности, работающие в данном направлении.

Корреспондент: — Чем ещё занимается Центр, помимо помощи правоохранителям в их оперативной работе?

Александр Буюров: — С 2009 года мы стали активно заниматься первичной профилактикой наркомании среди детей и подростков, духовно-нравственным и военно-патриотическим воспитанием, начали проводить и проводим в настоящее время военно-полевые и военно-спортивные сборы с детьми и допризывной молодёжью, то есть организуем культурные, спортивные и оздоровительные мероприятия для детей и подростков. Одна из наших главных задач — воспитать здоровую молодёжь, как в физическом, так и в духовно-нравственном плане. Показать нашим, мальчишкам и девчонкам, что лучше быть здоровыми и спортивными, подтянутыми и патриотичными, чем сидеть в подворотне с бутылкой пива в руке, употреблять «спайс», колоться или делать «лёгкие» деньги на продаже наркотиков своим сверстникам, за что можно попасть на долго в места лишения свободы, тем самым испортив жизнь себе и близким. Вот один из примеров проведения мероприятия: Учебно-тренировочные сборы допризывной казачьей молодёжи «Муромский казачий круг — Антитеррор 2019 (2020)», кото-

рый проводится ежегодно на базе Местного отделения МКЦ России Муромского ХКО станицы Лазаревской Владимирского областного казачьего округа. Обучают ребятшек инструктора-профессионалы, казаки, побывавшие в горячих точках.

Корреспондент: — А как у вас обстоят дела с культурными мероприятиями?

Александр Буюров: — Самая большая опасность, подстерегающая наше общество сегодня, в разрушении личности молодого поколения. Без культуры и духовности, уважению к историческому и культурному наследию своего народа, без формирования у молодого поколения уважительного отношения к прошлому и настоящему своей Родины, не будет и ответственности за судьбу своего Отечества.

Мой заместитель по культуре и массовым коммуникациям, ведущий мастер сцены, заслуженный артист Удмуртии, казачий полковник Иван Иванович Вахрушев привносит огромную роль народных традиций в воспитании подрастающего поколения. Вносит личный вклад в дело восстановления культурно — исторических традиций и обычаев Казачьего народа. Иван Вахрушев и его коллектив «Марьинские соловьи» участвует в фестивалях «Казачьему роду нет переводу». По приглашению Территориальных центров социального обслуживания часто выступает перед инвалидами и ветеранами войны и труда, пожилыми людьми, которые относятся к категории «Дети Великой Отечественной войны». Иван Вахрушев выступает так проникновенно и выразительно, что чувство гордости за свою страну, общности и сопричастности в завершении концерта объединяет всех присутствующих в зале. Пожилые люди со слезами на глазах благодарят выступающего за минуты радости, доставленные им.

Художественный коллектив «Казачья ярмарка» под руководством заместителя атамана по культуре Регионального отделения МКЦ России по Московской области казачьего полков-

ника Гавриленко Анатолия Антоновича, ветерана труда, на протяжении длительного времени вносит неоценимый вклад в дело развития отечественной культуры, принимает активное участие в мероприятиях по патриотическому воспитанию молодёжи.

Я полагаю, что уникальность нашего Центра состоит в централизованной координации работы подразделений, юридической поддержки, аналитике деятельности, накоплении и обмене опытом работы между региональными подразделениями МКЦ России и зарубежья. Казачьи общества многое делают на местах, но наша работа поставлена на поток, у нас есть система, свои многолетние наработки. Существует множество организаций, которые реализуют просветительские и профилактические проекты. Мы же начали с реальной помощи правоохранительным органам в их оперативной деятельности, а потом подключились к первичной профилактике наркомании. Наш Центр порой предпринимает нестандартные шаги для популяризации здорового образа жизни. В начале мая в канун 71-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне и юбилея создания нашего Центра мы совершили восхождение на Западную вершину Эльбруса. Восхождение осложнял сильный порывистый ветер, который периодически сбивал участников с ног. В итоге до седловины Эльбруса, до высоты 5325 метров дошли все десять участников, и лишь четверым профессионалам из них удалось подняться на вершину высотой 5642 метра, где были развёрнуты флаг МКЦ и флаг Сахалинского клуба «Первопроходец». Инициировал и организовал поднятие флага МКЦ Наказной Атаман Северо-Кавказского Регионального Центра, генерал-майор внутренней службы МКЦ России, на тот момент казачий полковник, **Правоторов Валерий Георгиевич**, при участии: товарища Верховного Атамана МКЦ России казачьего полковника Савченко Фёдора Олеговича и заместителя Наказного Атамана СКРЦ МКЦ по СКФО казачьего пол-

Учебно-тренировочные сборы допризывной казачьей молодёжи «Муромский казачий круг — Антитеррор 2019 (2020)»

Восхождение на Западную вершину Эльбруса. Флаг Межрегионального Казачьего Центра по борьбе с наркоманией и наркобизнесом водружён над Эльбрусом

ковника **Лубянского Георгия Константиновича**. На вершину взошли и водрузили знамя и флаг: Минаева Галина Вячеславовна, Нуждин Максим Валерьевич, Щерба Дмитрий Александрович, Мокаев Тенгиз Валерьевич.

Вот ещё пример нестандартного подхода к решению проблемы первичной профилактики. В Валуйском городском округе Белгородской области казаками Белгородского регионального отделения МКЦ во главе с атаманом казачьим полковником Сердюковым Александром Михайловичем, строится и развивается Православный духовно-просветительский реабилитационный центр (далее — ДПРЦ) Святого Цесаревича Алексея. Казаки центра занимаются духовно-нравственным и военно-патриотическим воспитанием детей и молодёжи, сельские и городские ребята воспитываются в Православной Вере патриотами своего Отечества, в духе лучших национальных и казачьих традиций русского народа. Казаками на Святом Белогорье в 2019 году была создана и действует передвижная музейная выставка «Николай II: сорванный триумф. Он просто менял историю», она посвящена правлению последнего Государя Российского Николая II, и жизни царской семьи Романовых, истории Царского Конвоя и Российского казачества Юга России. Данная музейная экспозиция экспонируется в районных Краеведческих музеях Белгородской области. За полтора года выставка была развёрнута уже в четырёх музеях, по два месяца в каждом. За это время выставку посетили более 4500 человек.

Товарищ Верховного Атамана МКЦ России казачий полковник Савченко Ф. О. с казаками Белгородского регионального отделения МКЦ приступили к созданию частной Духовной казачьей библиотеки на святом Белогорье на базе строящегося Православного духовно-просветительского реабилитационного центра Св. Цесаревича Алексея. Уже растёт и формируется книжный фонд духовной и казачьей литературы. Казаками МКЦ Белгородского отделения на протяжении последних полутора лет, в соответствии заключённых договоров о сотрудничестве с Валуйским музеем и окружной библиотечной системой, при поддержке работников культуры, проводятся книжные тематические выставки, встречи с юными читателями в стенах музеев и библиотек Валуйского городского округа и в музеях соседних районов Белгородской области.

На пожертвования казаков и добродетелей на территории ДПРЦ планируется строительство домового Казачьего Православного храма-часовни Святого Страстотерпца Цесаревича Алексея.

Корреспондент: — **Расскажите о самом крупном успехе казаков в борьбе с наркобизнесом?**

Александр Буюров: — В декабре 2014 года в Подмоскovie мы содействовали правоохрани-

телям в операции по перехвату крупной партии героина из Афганистана. Наркотики должны были находиться в КАМАЗе, который перевозил дыни в ящиках из-под бананов. Оперативники с казаками разрубили почти все дыни, но ничего в них не нашли. Было расстроились. Но мы точно знали, что у нас надёжный источник и полученная информация достоверна. Поэтому продолжили поиск. В дальнейшем, в ходе осмотра выяснилось, что картонные ящики с дынями имели двойные, верхние и нижние стенки, где в пакетах и был обнаружен героин. Информация об успехе данной операции на коллегии в Москве, прозвучала в докладе директора ФСКН России Виктора Иванова. С его слов, в результате данной операции было изъято около 200 килограмм героина. Это и по нынешним временам значительная партия тяжёлого наркотика, изъятая наркополицейскими, при активной помощи казаков МКЦ России.

Корреспондент: — **Средства массовой информации неоднократно писали о необходимости укрепить южную границу нашей Страны. Есть ли, на ваш взгляд, кардинальное решение проблемы защиты от проникновения наркотиков в Россию?**

Александр Буюров: — На этот вопрос я предлагаю ответить моему товарищу (Первому заместителю Верховного Атамана МКЦ России) казачьему полковнику, полковнику полиции в отставке **Савченко Фёдору Олеговичу**. Он по образованию юрист, эксперт-криминалист, 26 лет отдал службе в правоохранительных органах СССР и России, семнадцать лет из них прослужил на Камчатке, уволился на пенсию в Москве из центрального аппарата ЭКУ ФСКН России, стоял у истоков создания нашей организации. **Фёдор Савченко** по своей инициативе уже более пятнадцати лет вместе с Семиреченскими казаками работает над этой проблемой в Средней Азии.

Фёдор Савченко: — У нас в Центральной Азии создан свой «Казачий наркоконтроль» — Региональные отделы по Киргизской Республике и Казахстану в составе Международного Казачьего Центра по борьбе с наркоманией и наркобизнесом, которые сотрудничают с местными правоохранительными органами, как на уровне районных отделов милиции, так и на уровне министерств и ведомств, правительства и парламента Киргизской Республики. Активно взаимодействуют с Российским посольством и с Русской православной церковью МП в Кыргызстане. Заместитель Верховного Атамана МКЦ по ближнему

Заслуженный артист Удмуртии казачий полковник Иван Вахрушев и его коллектив «Марьянские соловьи» на фестивале «Казачьему роду нет перевода»

зарубежью Атаман Среднеазиатского Межрегионального Казачьего Центра по борьбе с наркомагией и наркобизнесом генерал-майор внутренней службы МКЦ **Демченко Михаил Сергеевич** на базе общины Семиреченских казаков в Киргизии, будучи в то время войсковым старшиной Союза казаков Семеречья (СКС) Киргизии находясь на должности начальника штаба СКС, по нашей просьбе и с нашей практической и методической помощью, создал сначала в 2006 году региональный отдел МКЦ по Киргизской Республике. Затем спустя несколько лет к 2010 году казачья структура окрепла, получила общественное признание, отдел вырос и преобразовался в Среднеазиатский региональный Казачий Центр.

В настоящее время Михаил Сергеевич Демченко вместе со своим товарищем атамана Михаилом Михайловичем Батутиным, успешно руководят данным Центром, благодаря своей активной жизненной позиции, являются общественными советниками Министра Внутренних дел Республики Кыргызстан. Оба неоднократно поощрялись Министром внутренних дел, за свой бескорыстный труд, имеют государственные, ведомственные и казачьи награды. Кроме того, кавалер ордена «Знак Почёта», член Союза писателей России, поэт Михаил Демченко, за свой авторский медеопроjekt «Киргизские песни по Русски» в 2016 году удостоен высокого звания «Отличник культуры Киргизии».

Казаки Семиречья на всех уровнях активно участвуют в политической и культурной жизни Киргизской Республики. Как мы видим, по результатам своей работы в сфере профилактики наркомании и развития многонациональной культуры больших успехов и признания своего труда за последние десять лет казаки МКЦ достигли в Киргизии, а в Южном Казахстане (город Алма-Ата) с подачи соседей из Киргизии в этих направлениях только начинает развиваться работа казаков этнузиастов ОО «Семиреченские казаки Вер-

Художественный коллектив «Казачья ярмарка» под руководством заместителя атамана по культуре Регионального отделения МКЦ России по Московской области казачьего полковника Гавриленко Анатолия Антоновича

ного» во главе с атаманом войсковым старшиной **Мезько Петром Ерофеевичем**.

Киргизия и Казахстан — страны транзитёры, а не производители героина. Правильнее бороться с этим злом на территории стран производителей, чем в своё время и занимались подразделения ФСКН России в Афганистане, но это возможно, как показало время не всегда. Исторически казаки в Центральной Азии появились на рубеже XVIII–XIX веков, по приказу белого царя, для охраны границы с Монголией и Китаем, а на рубеже XX–XXI веков возродились в виде казачьих православных общин (землячеств) и общественных организаций, на территории нынешних Казахстана и Киргизии. В Узбекистане в настоящее время из-за малочисленности и отсутствия компактного проживания, возродить казачество, потомкам Уральских казаков и казаков других казачьих войск так и не удалось.

Поэтому на сегодняшний день, важно в борьбе с данным злом задействовать силы, средства и возможности Семиреченского, Степного и Сибирского казачества в данных республиках СНГ на местах. Всячески, в настоящее время, через Российские организации поддержать их разнопла-

Наркоторговцы, задержанные оперативниками наркоконтроля при участии казаков МКЦ России. Фото из личного архива

Учредительный круг регионального отдела МКЦ по Киргизской Республике. Киргизия, станция Беловодская. 2006 год

новую общественную работу. В первую очередь, в вопросах первичной профилактики наркомании среди детей и молодёжи, пропаганды здорового образа жизни, в сфере многонациональной культуры и спорта, духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения. А затем, по возможности, казаки параллельно основной своей общественной деятельности, станут помогать правоохранительным органам (на примере МКЦ), перехватывать потоки дурмана и перекрывать каналы транзита в приграничье наших стран, на дальних и ближних подступах к России.

Александр Буюров: — Я согласен с тем, что нынешнюю границу России также нужно укреплять, так как наркотизация населения — эта страшная беда, с которой столкнулась наша страна после распада СССР, особенно протяжённую Российско-Казахскую госграницу, и проходящую по Кавказу. Так же последнее время появились проблемы на границе с Украиной. В апреле 2014 года начались боевые действия на территории Донецкой и Луганской областей Украины.

8-13 апреля 2014 г. в городах и посёлках Донбасса проходят десятки гражданских акций против вооружённого переворота и захвативших власть пробандеровских нацистов, за федерализацию и союз с Россией.

После этого пошло и поехало. Неконтролируемый безвизовый режим и неограниченный въезд русофобских до мозга костей граждан Украины на территорию России, страны, с их слов, находящейся с нами в состоянии необъявленной войны, — **ОДНОЗНАЧНОЕ ЗЛО!** На протяжении всей границы с Украиной участились случаи контрабанды, в том числе и наркотиков! А это уже — **ПРЕСТУПЛЕНИЕ**, против интересов нашего государства! Периодически в прессе, появляется информация о наркотиках, наркоторговле и наркотрафике, в которых фигурантами являются граждане Украины. Судя по сводкам МВД РФ (в т. ч. сводка от 20 февраля 2018 г.) граждане Украины сегодня являются чуть ли не главными распространителями синтетических наркотиков на территории Российской Федерации. А также в СМИ постоянно мелькает информация о диверсантах и спящих агентах, о наркотиках и прекурсорах в товарных количествах, экспортируемых с территории соседнего государства и о периодических задержаниях на границе наркоторговцев нашими силовиками.

В связи со сложившимся положением на базе МКЦ России был создан Казачий Отряд Особого Назначения (КООН) им. генерала Я. П. Бакланова, приказ № 10/11-14 от 16 ноября 2014 года, для оказания содействия специальным службам Российской Федерации и их структурным подразделениям на территории Федеральных округов РФ по предотвращению реализации военных угроз, как внешних, так и внутренних, противодействию незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ и их прекурсоров, выявлению и пресечению транснациональных преступных группировок и организаций, финансирующих терроризм. В это подразделение входит узкая группа казаков (и не только), прошедших войну, в том числе на Донбассе, которая работает с определёнными специальными службами по тем направлениям, указанным в приказе.

У казаков есть соответствующие предложения. Ни для кого не секрет, что огромное количество наркотиков попадает к нам из Афганистана транзитом через Среднеазиатские республики СНГ и Казахстан, а так же через Кавказ. Нам видится, что казаков нужно вновь начать заинтересованно селить в приграничье, в первую очередь вблизи южных рубежей и на Дальнем Востоке. Подобная практика во времена Российской Империи показала свою высокую эффективность. Казаки самостоятельно и совместно с пограничной стражей и таможней успешно занимались нейтрализацией внешних угроз, в том числе, таких как наркотрафик и контрабанда. Почему сей-

час нельзя вернуться к этому? На нашей южной границе, конечно, невозможно поставить один чисто казачий заслон, но казачьи общины, получив землю в приграничье, смогли бы участвовать в различных мероприятиях государственных ведомств, в том числе и пограничной службы ФСБ. Я сам служил пограничником в Советское время, и у нас была специальная служба РСР — рота сопровождения поездов, позволявшая быстро и качественно проверить поезд. Аналогичный институт можно было создать и в наши дни, только с привлечением казаков на государственную или иную службу, которые бы помогли представителям власти, имеющим право на досмотр личных вещей, проверять многочисленные транспортные потоки. Мы бы смогли помочь таможене и пограничникам не только находить и изымать наркотики, но и выявлять нелегалов. Нынешнего количества пограничников просто недостаточно для того, чтобы проверять всех въезжающих в нашу страну, через постсоветские границы России, а это надо делать постоянно.

Корреспондент: — В мелкий наркобизнес вовлечены, как правило, молодые люди в возрасте около 20 лет. Нынешняя редакция Уголовного кодекса РФ предусматривает суровое наказание за нарушение правил оборота наркотических веществ. За, казалось бы, незначительное преступление в этой сфере можно получить до 8 лет тюрьмы. Однако молодёжь это всё равно не останавливает. Как можно искоренить данную проблему?

Александр Буюров: — К сожалению, определённое количество молодых людей, как в городской, так и в сельской местности продолжает страдать от дефицита ума и культурного досуга, а так же нехватки рабочих мест. В такой ситуации появляется соблазн заработать быстрые деньги и дальше просто не работать. Это тоже своего рода «наркотик». Однако списывать всё на слабую экономику — неправильно. На мой взгляд, решение заняться наркоторговлей — это ещё и следствие плохого воспитания. Надо заниматься в данном вопросе профилактикой в молодёжной среде. Человек адекватный и морально здоровый с криминалом связываться не будет. У него даже мысли такой не должно возникнуть. Молодой человек должен раз и навсегда усвоить, что наркотики это ЗЛО, приносящее горе людям. Насколько я могу судить, в школах и других учебных заведениях часто данная тема игнорируется. Хотя об этом необходимо говорить постоянно. Но для этого нужна специальная государственная программа, в первую очередь для школьников старших классов. Чтобы они знали, в том числе и о сроках лишения свободы, которые грозят за хранение и сбыт наркотиков. Молодые люди со школьной скамьи должны осознавать, что наказание неотвратимо, и что во время третьей или десятой по счёту «закладки» их поймут наркопо-

Учебно-спортивные летние сборы казачат в Киргизии

лицейские, и наказание станет неизбежным. Это как правила дорожного движения. Их с детьми досконально разбирают. Так и тут: за переход на красный — можешь поплатиться жизнью. Мелкие дилеры в основном попадают в руки правоохранительных органов по глупости и незнанию законов. А для наркобаронов — это неисчерпаемый «кадровый» ресурс, «разменная монета». Нам казакам, попавшихся на сбыте наркотиков молодых людей очень жаль. Нельзя говорить, что каждый, кто оступился, заслуживает тюрьмы, но каждый школьник, учащийся или студент должны для себя осознавать последствия антиобщественного поведения. Закон суров, а борьба с незаконным оборотом наркотиков и наркоторговлей должна быть беспощадной. И это касается всех!

Занимаясь духовно-нравственным и военно-патриотическим воспитанием, пропагандой здорового образа жизни подрастающего поколения, мы приобщением наших детей к традиционному образу жизни путём создания общинного уклада и взаимоотношений на основе товарищества и взаимопомощи, восстановлением утраченных духовных ценностей и сохранением культурно — исторических традиций и обычаев русского и казачьего народа, мы тем самым привносим в души нашего молодого поколения духовно-нравственное начало, уважение к старшему поколению, любовь к своей Родине.

Слава Богу, мы Казаки!

*Специальный корреспондент
журнала Ф. Воевода*

ТОМСК САКРАЛЬНЫЙ, или Тайны подземного города

В шестом номере нашего журнала, мы уже размещали публикации группы Томских исследователей, историков и этнографов. В них рассказывалось о томских подземельях, в которых согласно мифам и легендам расположен древний и таинственный город, оставленный нам древней исчезнувшей цивилизацией. И по сегодняшний день к нам продолжают поступать материалы на эту тему, в которых энтузиасты — исследователи пытаются приоткрыть завесу этой тайны. Так что же всё-таки имеет быть под нашим старинным Сибирским казачьим городом? Где тут выдумка, а где реальные факты исследований, давайте разбираться.

Древний подземный город превышает размеры современного Томска

Грустина упоминается в Записках о Московии Сигизмунда фон Герберштейна, в исследованиях по древнерусской истории А. Х. Лерберга, обозначена на опубликованных в западной Европе в XVI — XVII веках картах Сибири (в частности, на картах Герарда Меркатора, Абрахама Отеля, Петруса Бертиуса, Йодокуса Хондиуса, Гийома Делиль и других). Как-либо сведения о Грустине в древнерусских летописях и на русских картах отсутствуют.

Русские казаки, поставившие в 1604 г. Томскую крепость, никакого города здесь не обнаружили, однако письменный голова Гаврила Писемский и сын боярский Василий Тырков отметили крайнюю нарушенность естественного ландшафта. Академик Пётр Симон Паллас, известный «неслышанной» наблюдательностью, в 1760 г. отметил неестественность томского ландшафта — бесконечные «бугры и ямы».

За четыре века существования Томска признаки былого проживания людей здесь отмечали неоднократно. Это, во-первых, облагороженная растительность — берёзы, боярышник, конопля;

Грустина — город, предположительно существовавший на территории современного Томска во времена до начала освоения Сибири русскими первопроходцами

во-вторых, археологические памятники палеолита, неолита, бронзы, железа, раннего, развитого и позднего средневековья. Но есть и наиболее значимые доказательства существования древнего города на месте Томска. Речь идёт о древних до томских кладбищах и о катакомбном городе под Томском.

Прокладка разных коммуникаций привела к обнаружению огромного количества захоронений людей. Только на территории казачьей Томской крепости было обнаружено 350 гробов-когод.

Прозектор Императорского Томского университета С. М. Чугунов, в антропологических целях изучавший обнаруженный костный материал, не переставал удивляться своеобразию погребального обряда «первотомичей». Во-первых, у подавляющего большинства покойников, сколь ни искал Чугунов в гробах-колодах, не обнаруживалось крестиков. Во-вторых, в колодах, наряду со скелетами покойников, обнаруживались кости домашних и диких животных: коров, лошадей, лосей и оленей. В-третьих, колоды были обёрнуты в берёсту. В-четвёртых, значительная часть покойников захоранивались головами, повёрнутыми направо, т. е. лежащими по-сарматски на правом виске. В-пятых, местами гробы-колоды располагались штабелями до семи штук один на одном. Некоторые колоды находились в небольших кирпичных склепах с размерами кирпича 27,5×14,5×7,0 см. В одном гробу-колоде покойники лежали «валетом». Несколько десятков покойников, захороненных без гробов в глубоких могилах головами на запад, также имели головы повёрнутыми направо. Этих-то и посчитали татарами, однако Чугунов по строению черепов отверг их принадлежность к татарам.

Не трудно видеть, что погребальный обряд не соответствует православному и, следовательно, принадлежит людям, проживавшим здесь до становления Томска. Этими людьми были, скорее всего, грустинцы.

Кто построил город Грустину? Какому этносу он принадлежал? У И. Гондиуса на этот счёт есть весьма определённое высказывание. Надпись на его карте 1606 г. рядом с Грустиной гласит: «В этом холодном городе живут совместно татары и русские».

О городе, построенном Франграссионом, по-видимому, до начала войны с Ираном, в мифах приводится одна чрезвычайно важная подробность: свой город он обустроил под землёй. В «Бундахишне» приводится следующее: «Гора Бакуир — та самая гора, которую Фрасийак Тур (так называли Франграссиона в более поздних источниках. — Н.Н.) использовал как крепость, сделав себе обиталище внутри неё; а в дни (царствования) Йима мириады сёл и городов были воздвигнуты в долине её» (Рак И. В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. — СПб.; М.: журнал «Нева», «Летний сад», 1998). По одной из легенд, именно в пещере после взятия города иранцами был схвачен Франграссион и казнён. В Авесте, кстати, недвусмысленно говорится, что Франграссион лишь продолжил традицию Йимы строительства городов под землёй.

Итак, согласно иранским источникам, город Грассиона имел подземную часть, и, по-видимому, эта часть была весьма обширной. Это сильно укрепляет версию о том, что Томск поставлен на месте древнейшего города Грассионы. Согласно устной народной традиции, под Томском распо-

ложено несметное множество подземных ходов, проходят они и под рекой Томью. Молва утверждает, что размеры этого подземного объекта превышают размеры современного Томска — от устья реки Киргизки на севере до устья реки Басандайки на юге. За время существования Томска имело место неисчислимое количество случаев обнаружения подземных ходов.

К их числу относится обнаружение в 1888 г. кирпичного свода на аршинной глубине во дворе столоначальника казённой палаты Б. Б. Орлова в конце Новой улицы (ныне пер. Орловский). Эта находка изучалась директором университетской научной библиотеки археологом С. К. Кузнецовым, пришедшим к выводу, что вскрыто начало подземного хода. Размер подземных ходов так велик, что в них свободно могли заезжать, а то и развезаться тройки лошадей. Согласно «Тобольским губернским ведомостям» (конец XIX в.) в Томске от почтамта до Лагерного сада прослеживается гигантский подземный ход, названный «томским метро».

В усадьбе на ул. Шишкова, 1 обнаружен выход к реке, закрытый ковеной железной дверью.

Возле Южного переезда экскаваторщик обратил внимание на открывшуюся в земле дыру и прыгнул полюбопытствовать. В подземном ходе он обнаружил сундук со старинными иконами и книгами. Объём грунта, извлечённого из земли при строительстве подземного объекта, составляет многие тысячи кубических метров, что соответствует многим десяткам погонных километров катакомб. В 1908 г. «в Томске в крутом берегу реки Томи найдена пещера, в которой обнаружен прекрасно сохранившийся костяк монгола, одетого в деревянные боевые доспехи и в низкий шлем из лошадиной кожи. Около скелета лежат короткое копьё, лук и топор. Находка передана Томскому университету» («Петербургский листок» N277, 1908). Правда, весьма сомнительно, что этот воин относился к татаро-монголам, у которых вооружение было уже гораздо менее совершенным. Его деревянные обтянутые кожей доспехи характеризуют скорее гуннскую эпоху. Но тогда «пещера воина» древнее Томска более чем на тысячелетие.

Поразительно, но в 2000 г. в МАЭС ТГУ не сохранилось никаких следов этой уникальной находки. Существует план-экспликация Томска (1765 г.), составленная геодезии прапорщиком Петром Григорьевым. На карте очень выразительной рисовкой показаны так называемые «бугорки». В связи с каждым «бугорком» существуют легенды о наличии в недрах подземных ходов невообразимой глубины. Судя по объёму «бугорков», протяжённость подземных сооружений под Томском составляет сотни километров. А если Воскресенская гора тоже имеет насыпной характер, то эти объёмы приближаются к астрономическим.

В этой связи, учитывая всегдашний интерес ВЧК, КГБ, ФСБ к подземным городам, уместен вопрос: не этот ли подземный объект имел в виду перебежчик Олег Гордиевский в своём интервью «АиФ» (N30, 2001). В ответ на вопрос Г. Зотова «Какой главный секрет КГБ не раскрыт до сих пор?» Гордиевский ответил: «Подземные коммуникации спецслужб. Я знаю, что КГБ имеет под землёй грандиозные сооружения, целые города, равных которым просто не существует».

Если эти сооружения создавались самими спецслужбами, то пусть они ими по-прежнему и владеют. А если они создавались тысячелетия назад, если это наша история?

...В 1999 г. СМИ сообщили об открытии новосибирскими археологами древнего города, расположенного в Здвинском районе Новосибирской области на берегу озера Чича. На аэроснимках была обнаружена крупная аномалия. Геофизические исследования подтвердили наличие крупного археологического объекта площадью 600–650×400 м. Бронзовые ножи, железные изделия, различные орудия, украшения, керамика датировали город 800 г. до н. э. В городе имелось развитое металлургическое производство, о чём свидетельствует мощный шлакоотвал.

Тайны подземного царства

Для того чтобы понять, кто, когда и для чего рыл подземные ходы под Томском, нам придётся углубиться в малоизвестную историю нашего края. Есть основания предполагать, что томские катакомбы — это не «убегаловки», не купеческие забавы и не разбойничьи захоронки, а подземный город, созданный задолго до становления Сибирских Афин.

Начнём с того, что в дочингизово время на территории, где через 400 с лишним лет была создана Томская губерния, существовало христианское царство. Правил в этом государстве царь Иван, а по соседству располагался Кара-Китай, в котором были две провинции: Иркания и Готия, а жители также исповедовали христианство. В своём письме к византийскому императору Мануилу Комнину он называл свою страну «Три Индии»

и рассказывал про неё всякие чудеса. Письмо в Византию пришло какими-то окольными путями, написано оно было на арабском языке. Его перевели на латынь и переправили папе Александру III и Фридриху Барбароссе Рыжебородому. В сентябре 1177 года папа Александр III отправил с посланием к царю Ивану лейб-медика магистра Филиппа, экспедиция которого затерялась бесследно на просторах дикой Азии. Из «Книги познания», написанной безымянным испанским монахом в середине XIV века, мы узнаём, что христианское Иваново царство называлось Ардеселиб, а его столица — Грасиона, что означает, по утверждению монаха, «слуга креста», а на самом деле происходит от слова грас — «зелень, трава, молодые побеги». Корневая основа «ард» в слове Ардеселиб даёт основание предполагать, что христианское Иваново царство — это легендарная Артания, в поисках которой сбился с ног учёный мир.

Арабские и персидские учёные тысячелетие назад сообщали о том, что им известны три русские земли: Куявия (Куябия, Куяба), Славия (ас-Славия, Салау) и Артания (Арсания, Арта, Арса, Уртаб). Большинство отечественных историков считают, что Куяба — государственное объединение восточнославянских племён Среднего Приднепровья, столицей которого был Киев. Славия отождествляется одними с областью расселения ильменских словен, другими — с Югославией. Что касается Третьей Руси, — Артании, её локализация до недавнего времени была совершенно неопределённой. Возможно, это было обусловлено тем, что артанские купцы ничего не рассказывали о своей стране и никому не позволяли себя провозжать, а проникавших в Артанию самовольно попросту топили в реке. Купцы же привозили из Третьей Руси чёрных соболей, свинец и очень ценные клинки, которые после сгибания колесом выпрямлялись вновь. Упоминание об этих вещах выводило исследователей, искавших Артанию, на томскую землю по соседству с Кузнецком, где издревле процветала металлургия. Даже московский царь поначалу брал дань с кузнецких умельцев не мехами, а железными изделиями. Здесь же, в Приобье, в прежние времена проживали хазары и болгары, переселившиеся к концу первого тысячелетия в Восточную Европу.

Лишь в самое последнее время, после сопоставления Артании с Ардеселибом, а Грустины с Грасионой, предположение о том, что Третья Русь располагалась на томской земле, нашло своё подтверждение. Дело в том, что столица Артании Грасиона (в транскрипции Грустина) показана на всех средневековых картах Западной Сибири, составленных западноевропейскими картографами. На картах Г. Меркатора, И. Гонди-уса, Г. Сансона, С. Герберштейна этот город стоит на правом берегу Оби в её верховьях. Наиболее детально Грустина показана на карте французского географа Г. Сансона, опубликованной в Риме в 1688 году.

На этой карте обозначена река Томь, и город Грустина расположен возле её устья. Не исключено, что название Грустина более позднее, образовавшееся за счёт христианизации первично «зеленопастбищной» Грасионы не без желания увидеть в этом названии «город креста». Таким образом, можно считать установленным, что Артаня — Третья Русь — располагалась на томской земле.

Ф. И. Страленберг и А. Х. Лерберг считали, что Грустина располагалась на месте Тоянова городка на левом берегу Томи напротив Томска. «Мнение наше, что сии еуштинцы, или гаустинины суть грустинцы, подтверждается тем, что мы здесь находимся в такой области, которая некогда не токмо в Сибири, но и у южных азиатов была в великой славе, по хорошему состоянию жителей оных» [66].

В 1204 году христинское царство в Томском Приобье было, возможно, уничтожено Чингисханом. Однако следы былой жизни на берегах Томи сохранились до прихода казаков и становления Томска в 1604 году. На томских холмах напротив Тоянова городка были луга и «берёзовые рощи, вперемежку с лиственницей, сосной, осиной и кедром» [126, с. 57]. На этих лугах Тояновы эуштинцы пасли табуны своих коней и брали для хозяйственных нужд крапиву и коноплю [49]. Аналогичным образом описывали местную древесную растительность на пути от Тары к Томску пленные шведы в начале XVIII века: кедр, лиственница, берёза, ель, различные кустарники.

Напомним, что берёза обычно тяготеет к пашням, то есть возделываемым землям, а крапива и конопля сопровождают человеческое жильё. Значит, было кому копать подземные ходы. И в старинных книгах есть упоминания об этих ходах или, лучше сказать, о подземном городе. Но обо всём по порядку.

Чёрный народ подземного города

Австрийский посланник в Москве хорват Сигизмунд Герберштейн на основании расспросов русских людей, побывавших за Камнем (Уралом), и из попавшего в его руки так называемого «Сибирского дорожника» писал в «Записках о Московитских делах», опубликованных в Вене в 1549 году, о том, что к грустинцам приходят торговать чёрные люди, не владеющие общепризнанной речью, и приносят жемчуга и драгоценные камни. Видимо, именно эти люди были искусными металлургами, и именно они упоминаются в алтайских и уральских легендах под именем чуди — народа, имевшего тёмный цвет кожи и ушедшего под землю. Известный русский художник, учёный и писатель Н. К. Рерих в книге «Сердце Азии» приводит такую легенду. Жил некогда в хвойных лесах Алтая народ с тёмным цветом кожи, чудью назывался. Высокий, статный, знающий тайную науку земли. Но вот стала в тех

План-экспликация города Томска 1765 г. Составлен геодезии прапорщиком Петром Григорьевым. На карте очень выразительной рисовкой показаны так называемые томские «бугорки»: Загорный (1), Кононовский (2), Алтайский (3), Орловский (4). На местности эти «бугорки» столь же необычны геоморфологически и производят впечатление искусственно насыпанных жерней под Томском составляет сотни километров. Если же и сама Воскресенская гора имеет насыпной характер, эти объёмы приближаются к астрономическим. Ни купцам, ни разбойникам такие объёмы тайных работ были не под силу.

местах расти белая берёза, что по древнему предсказанию означало скорый приход сюда белого народа и их царя, который установит свой порядок. Люди выкопали ямы, поставили стойки, навалили сверху камни. Зашли в укрытие, вырвали стойки и камнями засыпались.

Засыпались, видно, не все, потому что дальше Рерих пишет: «Вышла из подземелья женщина. Ростом высокая, ликом строгая и темнее наших. Ходила по народу — помощь творила, а затем ушла назад в подземелье».

О контактах с народом, ушедшим под землю, свидетельствует следующий пассаж из книги «О человецех незнаемых на Восточной стране», написанной, по мнению специалистов, ещё в 14 веке: «Верх тоя жреки великия Оби есть люди ходят попод землёю иною рекою день да ночь с огни. И выходят на озеро. И над тем озером свет пречуден. И град велик, а посаду нет у него. И кто поедет к граду тому и тогда слышити шум велик в граде том, как и в прочих градах. И как приидут в него, и людей в нём нет и шуму не слышити никоторого. Ни иного чего животна. Но в всяких дровех ясти и пити всего много и товару всякого. Кому что надобе. И он положив цену противу того, да возьмёт что кому надобет и прочь отходят. И кто что бес цены возьмёт, и прочь отидет, и товар у него погыбнет и обряцется паки в своём месте. И как прочь отходят от града того и шум паки слышети как и в прочих градах...»

Коль скоро именно недра Томска изрыты подземными ходами, есть основания предполагать, что в цитированном тексте имеется в виду река Томь, под которой ходят с огнём, и Белое озеро, над которым «свет пречуден».

К изложенному остаётся добавить, что ещё 111 лет назад из-под земли был слышен гул и шёл тёплый воздух. Эти обстоятельства описаны С. К. Кузнецовым в статье «Интересная на-

ходка в Томске», опубликованной в «Сибирском вестнике» 6 ноября 1888 года. «Утром 2 ноября во дворе дома столоначальника казённой палаты В. Б. Орлова, что в конце Новой улицы ...при рытвё ретирадной ямы рабочие наткнулись на кирпичный свод...» С. К. Кузнецов отмечал: «То обстоятельство, что во время осмотра ямы столбом поднимался пар, я склонен считать за указание на существование значительной подземной пустоты, содержащей более тёплый воздух, чем наружный». Столоначальнику В. Б. Орлову, прожившему в этом доме пять лет, «часто приходилось убеждаться в существовании какой-то загадочной пустоты под его двором, особенно когда его начинал беспокоить непонятный гул под землёю». По-видимому, этими и подобными им обстоятельствами обусловлены слухи о том, что в томских катакомбах до сих пор живут какие-то люди.

Многих смущает наличие кирпичных арочных сводов в подземных ходах, ведь первый кирпичных дел мастер уставщик-каменщик Савва Михайлов прибыл в Томск из Тобольска лишь в 1702 году, поставил пять домов и был отозван в Санкт-Петербург на строительство города на Неве. А строительство кирпичных домов в Томске возобновилось лишь через полвека. Но вот англичанин Джон Белл Антермонский, прикомандированный к дипломатической миссии в Китай капитана лейб-гвардии Льва Васильевича Измайлова, вспоминает другое. Проезжая через Томск в 1720 году, он встретил здесь одного бугровщика (так назывались в Сибири грабители древних курганов), и тот рассказал ему, «что однажды неожиданно наткнулся на сводчатый склеп, где нашли останки человека с луком, стрелами, копьём и другим вооружением, лежавшим вместе на серебряной плите. Когда притронулись к телу, оно рассыпалось в пыль» [50, с. 52].

«Рассыпавшееся в пыль» тело свидетельствует о тысячелетней древности останков, а сводчатость склепа, по-видимому, о том, что кирпич строителям склепа был известен за ту же тысячу лет до прихода казаков в Сибирь.

Катастрофа, изменившая лик Земли

Итак, мы с горем пополам ответили на вопрос, кто и когда делал подземелья под Томском. Но остался без ответа вопрос: зачем?

Подземные города известны в Малой Азии, Грузии, в Керчи, в Крыму, Одессе, Киеве, в Сары-Камыше, в Тибете и других местах. Подчас поражают размеры этих подземных сооружений. Так, открытый лет 40 назад подземный город в местечке Глубокий Колодец в Малой Азии имел более восьми подземных этажей и был рассчитан на 20 тысяч населения. В этом городе было много вентиляционных колодцев глубиной до 180 метров, а также около 600 гранитных поворотных

дверей, перекрывавших проходы между отсеками города. Проникнув за одну из таких дверей, исследователи обнаружили подземный тоннель, длиной шесть километров, упирающийся в такую же гранитную задвижку.

Строительство этого города приписывается хеттскому племени муш-ков. Для чего хетты строили свои подземные города? Ведь для того, чтобы вкладывать такое суперколоссальное количество труда, требовалась такая же суперколоссальная идея. Высказывалось предположение, что строили они подземные города, чтобы укрыться от набегов внешних врагов. Но, во-первых, хетты почти 500 лет успешно воевали с Египтом, Ассирией, Миттани, не проиграли ни одной войны и лишь в конце уступили Ассирии часть своей территории. Однако перед волной переселенцев с Балкан оказались бессильными, и примерно в 1200 году до н. э. хеттское царство было уничтожено, вряд ли успев построить свои подземные города, так как хетты были уверены в своей военной силе.

Во-вторых, человечество, называющее себя разумным, воевало всегда и везде. Следуя идее спасения от внешних врагов, логично было бы ожидать повсеместного распространения подземных городов, а этого нет.

Один из наиболее последовательных современных исследователей Гиперборейской проблемы доктор философии В. Н. Дёмин совершенно, на мой взгляд, справедливо утверждает, что идея строительства подземных городов могла родиться лишь под угрозой замерзания. Речь идёт о северной Прародине цивилизованного человечества, носящей в культурах разных народов разные названия: Гиперборея, Скандия, Арьяна-Вэйджо, Меру, Беловодье и др. Зародившись во время голоценового климатического оптимума, Прародина после начала похолодания, словно рой из улья, выбрасывала на юг всё новые и новые племена и народы. Похолодание наступило, скорее всего, в течение нескольких веков. Многие протонароды успели покинуть Прародину, прежде чем условия проживания в ней стали совершенно невыносимыми. Заканчиваться этот процесс мог либо окончательным вымиранием, либо стремительным бегством на юг. А те, кто оставались, были вынуждены зарываться глубже в землю, обустроивая подземные жилища и приспособивая их для продолжительного проживания. Так рождалась технология строительства подземных городов. А уходящие народы уносили её с собой на новые места проживания. Этим обусловлено трассирование пути «из Гипербореи в Греки» подземными городами.

Другой сценарий климатической катастрофы — не постепенный, но внезапный, можно найти в древнекитайском трактате «Хуайнань-цзы», он приводился выше. Небо накренилось на северо-запад, светила переместились. Воды и ил покрыли всю землю.

Этот сценарий похолодания, возможно, был обусловлен внезапным наклоном земной оси в связи с падением астероида. Русские сказания показывают, что в глубине народной памяти сохранились воспоминания о такой именно внезапной климатической катастрофе. Не менее выразительные воспоминания об этом событии есть и у белорусов, которые рассказывают о великом холоде, губившем их далёких предков, о том, что они, не зная огня, пытались собирать солнечный свет в ладони и приносить его в свои жилища, но от этого им не становилось теплее, и они превращались в камни, то есть замерзали.

При втором сценарии похолодания спасение под землёй было единственным способом уберечься и выжить, с тем, чтобы позднее короткими перебежками всё-таки уйти на юг.

Те же, которые оставались, вынуждены были спастись от лютого холода под землёй, строя подземные города. Не случайно в индийских сказаниях северная Шамбала — Агарта считается подземным городом. Не случайны рассказы новгородцев о чуди белоглазой, ушедшей под землю. Показателен в этом плане рассказ новгородца Гюряты Роговича, записанный в Начальной летописи под 6604 (1096) годом: «Послал я отрока своего в Печору, к людям, которые дань дают Новгороду. И пришёл отрок мой к ним, а оттуда пошёл в землю Югорскую. Югра же это люди, а язык их непонятен, и соседят они с самоядью в северных странах. Югра же сказала отроку моему: «Дивное мы нашли чудо, о котором не слыхали раньше, а началось это ещё три года назад; есть горы, заходят они к заливу морскому, высота у них как до неба, и в горах тех стоит клич великий и говор, и секут гору, стремясь высечься из неё; и в горе той просечено оконце малое, и оттуда говорят, но не понять языка их, но показывают на железо и машут руками, прося железа; и если кто даст им нож или секиру, они взамен дают меха. Путь же до тех гор непроходим из-за пропастей, снега и леса, потому и не всегда доходим до них; идёт он и дальше на север».

Когда и эти строители подземных городов вынуждены были мигрировать на юг, они трассировали свой путь подземными городами. Прародина, по нашему мнению, располагалась на Таймыре (тай, тая по хеттски «таить», отсюда Таймыр — «тайный, ушедший под землю мир»). Основной миграционный путь лежал на Северный Кавказ, в Причерноморье и Малую Азию. Томская земля лежала на этом пути и, в силу выдающихся ландшафтно-географических особенностей, служила промежуточным накопителем в миграционном коридоре. Район Томска — это начало лесостепи. Выход из северных лесов в степи требовал крутой смены жизненного уклада, поэтому народы-скитальцы вынуждены были здесь останавливаться для перестройки уклада. Здесь же, на Томском палеозойском выступе, проходит граница Западно-

Сибирской плиты и Томь-Колыванской складчатой области. Именно здесь, в месте, замечательном обилием восходящих родников, столь чтимых древними, можно было углубляться в землю.

По-видимому, не случайно корневое совпадение в огласовке томской Артании и арктической Шамбалы-Агарты: оно указывает направление миграции. Дальнейшее движение на юго-восток переселяющихся народов привело к появлению таких топонимов, как Артек в Крыму, Арта в Греции. Не случайно также, надо думать, совпадение таких испанских и португальских топонимов, как Орта, Ортегал, Ортигейра, Ардила. Совпадение этих топонимов обусловлено переселением вестготов на Пиренейский полуостров в начале пятого века. Столь любезный нашему сердцу Д'Артаньян также, надо думать, получил своё имя благодаря сибирской Арте.

Некоторые смелые исследователи высказывают мнение, что слова «орда» и «орден» также происходят от «арты». По поводу орды вопросов нет, настолько эта родственность терминов очевидна. Если же и слово «орден» происходит от «арты», это могло бы объяснить более чем пристальное внимание, которое оказывали подземным городам отечественные спецслужбы. Следуя обозначенной логике, ордена — это тайные организации, приватизировавшие древние и чрезвычайно глубокие знания, родившиеся в Прародине. Знания эти касались, прежде всего, психофизических технологий, возможности влияния силы духа на материю жизни.

Мировые спецслужбы давно заинтересовались всякими тайными обществами, Орденами и выросшими из них масонскими братствами. Всем царствующим особам было далеко небезразлично содержание тайного знания, лежащего в основе этих полуеретических организаций. Это знание могло нести угрозу вере, монархии и отечеству. От тайной полиции России интерес к масонам, тамплиерам и прочим тайным орденам через привлечённых специалистов ведомства плаща и кинжала плавно передался к руководителям ЧК — ОГПУ — НКВД — КГБ — ФСБ. И коль скоро в среде тайных обществ упорно циркулировали слухи о том, что принадлежащее Агарте тайное знание по-прежнему хранится в подземных городах, первоочекисты не жалели сил и средств на изучение последних. Известно, что сам Дзержинский направлял консультанта спецотдела НКВД А. В. Барченко на поиски подземных городов в Крыму и на Кольском полуострове, а Глеб Боккий посылал своего суперагента Якова Блюмкина в экспедицию Н. К. Рериха по Центральной Азии. Но не смотря на всё это — тайны подземного города продолжают ждать новых исследователей, поскольку требуют современного и более качественного подхода к изучению сакральных тайн канувших в лету исчезнувших цивилизаций.

Автор статьи: Всеволод Грустинин

1918–1933 года геноцида казаков: свидетельства жертв, документы террора

Трагическим страницам истории России посвящён сборник «Геноцид казаков: свидетельства жертв, документы террора 1918–1933», выпущенный издательством «Перо» под редакцией доктора исторических наук Николая Лысенко. Книга была представлена им в узком кругу клириков храма Тихвинской иконы Божией Матери Сестрорецка с участием составителей. В их числе — краевед Леонид Коневиченко, отец настоятеля архимандрита Гавриила (Коневиченко).

Как рассказал главный редактор, это свод свидетельских и документальных материалов о государственной политике в отношении казачества в СССР. Изложена научная концепция преднамеренного, насильственного уничтожения этого дореволюционного сословия в период становления государственной системы в 1918–1933 годах. Впервые в исторической науке дана оценка технологии подавления и террора в отношении казацкого населения Юга и Востока России.

Началом террора стала директива Ленина, Свердлова и Цюрупы от 24 января 1919 года о поголовном уничтожении казачества. Его было приказано «просто уничтожить физически» как класс, сословие и опору самодержавия. По разным источникам, было расстреляно, порублено и замучено от 3,5 до 5,5 млн человек.

О народных страданиях красноречиво говорят простые люди — свидетели убийств, грабежей, лишения имущества, изгнания, переселения семей и целых поселений. Среди документов — переписка 1933 года Михаила Шолохова с Иосифом Сталиным по поводу катастрофического положения в станице Вешенской, где, по словам писателя, по вине коммунистов было «смертельно подорвано колхозное хозяйство», а к земледельцам применялись пытки. «Вождь народов» отвечает автору взволнованных писем со свойственной ему жестокостью.

К сонму новомучеников и исповедников Российских, по мнению издателей, должно быть причислено имя потомственного священника Илии

Попова, который служил в округах Войска Донского и был расстрелян в 1937 году. Материалы к его прославлению переданы в комиссию по канонизации.

Мемуарные источники дополнены многочисленными документами из госархивов России. Подчёркивая, что при этом ведомственные архивы ВЧК-ОПГУ-НКВД закрыты для исследователей, авторы делают вывод о необходимости признания нынешней государственной властью преступлений геноцида и голодомора.

В эпоху электронных гаджетов, такое редкое издание, может занять достойное место и в домашней библиотеке, затем, в последствии перейдёт по наследству потомкам, которым никто уже не сможет рассказать правду страшных лет.

Или, данный фолиант, может быть хорошим подарком для знакомых, который будет бережно читаться и находиться у них в книгохранилищах.

«Нам бы хотелось, чтобы эта книга способствовала просвещению людей о подлинных событиях в истории нашей страны», — добавил автор Николай Николаевич Лысенко.

! Заказать экземпляр книги «Геноцид казаков: свидетельства жертв, документы террора 1918–1933» можно у представителя автора по Санкт-Петербургу, по т. 8-921-340-42-28 или по e-mail: o.linickaya@yandex.ru.

По материалам ИА «Вода живая», 2020 г.

Не трогайте Господа он был и остаётся белым или Black Lives Matter как (анти)религия

Движение Black Lives Matter стало не только расистским, не только уголовным, но и квазирелигиозным, со своими религиозными ритуалами, культом «святых» и даже паломничествами.

Вместо паломничества превратилось место убийства многократно судимого негра-уголовника Джорджа Флойда (по утверждениям ряда экспертов, умершего не от удушения, а от передозировки наркотиков). Тысячи людей ныне приезжают в Миннеаполис, чтобы принять участие в «службах возрождения».

Представители конфессий, посетившие место убийства многократно судимого негра, утверждают, что стали свидетелями чудес. Там даже проводятся обряды крещения. Для этого посреди дороги поставили ванну, в которую окунают людей. Но главное здесь — не наличие простофиля, а тот факт, что вся эта ахинея грамотно раскручивается хладнокровными специалистами из крупных СМИ. Так, CBN News сообщает даже о случае исцеления на месте гибели нераскаянного наркоторговца Флойда.

Здесь видно создание своего рода «антисвятец» и «антипаломничества» — жуткой пародии на церковное предание, столь любимой сатанистами.

Но ещё ярче такая дьявольская подмена видна в нападках руководства движения на Иисуса Христа. Шон Кинг — глава движения Black Lives Matter, бывший пастор и неокommунист — призывает уничтожить все изображения белого Иисуса Христа, объявив их «шовинистическими». И этот бред он явно говорит не от себя, а по приказу глобальных сил, что следует из факта небывалой международной поддержки его дикому заявлению.

Джастин Уэлби, архиепископ Кентерберийский, глава так называемой Англиканской церкви, публично поддержал этот призыв. Также

и Папа Римский Франциск, хоть и не дошёл до заявлений о «чернокожести» Христа, но дал пример квазирелигиозного поклонения неграм, становясь перед ними на колени и даже моя ноги чёрным уголовникам. Вообще роль так называемых христианских лидеров Запада в создании глобальной (анти)религии огромна.

В английских соцсетях началась информационная кампания, которая призвала переделать одну из важнейших британских наград — орден св. Михаила и св. Георгия. По словам инициаторов, сцена с архангелом Михаилом, держащим ногу на голове сатаны, напоминает убийство Джорджа Флойда и символизирует триумф белого мужчины над скованным чернокожим мужчиной.

А члены организации «Сатанинский храм» (The Satanic Temple) предупредили власти Миссисипи, что подадут на них в суд, если на новом флаге штата снова появится надпись: «In God We Trust» («На Бога уповаем»), пишет The Hill. В июне губернатор штата Тейт Ривз подписал закон об отзыве дизайна флага, который был в силе более 120 лет, из-за присутствия на нём

Джастин Уэлби, фото: Википедия

флага Конфедерации — синего Андреевского креста со звёздами на красном поле. Миссисипи стал последним штатом, который избавился от символики Конфедерации на своём флаге под давлением «чёрного майдана». Как видим, сатанисты, стоящие за «мирными» протестами, не удовлетворяются уничтожением символов прошлого, если при этом остаются хоть малейшие остатки христианства. И мнение таких «Сатанинских храмов» становится решающим...

Можно приводить массу других примеров подмены христианства новым глобальным культом с помощью «чёрного майдана». Вся эта кампания стоит огромных денег, требует огромных политических и административных усилий, и ведёт её, конечно же, вовсе не «гонимые» негры из Гарлема, а олигархи и их профессиональные специалисты.

Собственно говоря, эти религиозно-политические тенденции были заметны уже давно, но они резко активизировались теперь, в период негритянских погромов. Интернет полон видеозаписей, где огромные негры, стоящие в странных передниках под плакатами с надписями «бог-666», требуют от белых прохожих целовать их ботинки. Что это за «бог» с таким номером, имеющим в христианстве однозначно сатанинскую трактовку, который требует унижать сынов Яфета, не имеющих никакого отношения к работе?

И такие вещи, кстати, не вызывают гнева властей, которые в это же время под предлогом борьбы с пандемией требуют от христиан не со-

Фото: depositphotos.com

бираться в храмах массово, соблюдая «социальную дистанцию» разобщённости. **Ненависти лидеров квазирелигии Black Lives Matter вызывает ни пророк Авраам, ни основатель ислама Мохаммед (оба светлокожие, согласно описаниям). Нет, они требуют подменить именно Иисуса Христа, архистратига Михаила, христианскую нравственность, на место которой они выдвигают «нравственность» Содомы.**

В общем, всё происходит в опровержение «научного материализма». Крупнейшие капиталисты, которые стоят за «мирными протестами» на Западе, думают вовсе не только о своей прибыли, как любил говаривать незабвенный Карл Маркс. И их не устраивает христианство, которое Маркс называл «опиумом для народа», якобы страшно выгодным для эксплуататоров. Эксплуататоры оказались вполне верующими людьми, только с приставкой «анти».

Источник
Stefani Reynolds/CNP/AdMedia
Автор: Виктор Друзь

Стихи и проза Томских казаков

Зубарев Евгений Анатольевич. Родился 22 мая 1961 года в с. Нарым, Парабельского района, Томской области. Потомственный казак, хорунжий Парабельского хуторского казачьего общества, заместитель атамана по взаимодействию с РПЦ. С юных лет играл в различных ансамблях и рок-группах, бас-гитарист. В Парабели создал рок-клуб, ансамбль фольклорной музыки СВЕТЕЦ, ансамбль авторской песни НБФ, арт-студию ЛУНОХОД, пел в ансамбле казачьей песни ИВЕРЕНЬ. Сейчас руководит Парабельским православным театром СВЕТЕЦ при храме Преображения Господня. Член союза Томских композиторов. Представляем читателю избранную прозу и стихи казака Евгения Зубарева.

Е. Зубарев

ЕДУ ДОМОЙ

Шпалозаводчанам посвящается

Я еду домой. Я оставил на время все свои дела, купил билет, и сегодня еду домой. Мой дом в посёлке Шпалозавод, сорок километров вниз по Оби от районного центра Парабель, где я сейчас живу. Живу уже десять лет, но все эти десять лет меня тянет туда, на мою малую Родину, где я родился, где прожил ровно сорок лет. Сорок лет, которые дал мне Шпалозавод. Он наполнил их знаниями, опытом, любовью. Он наполнил их смыслом, эти мои сорок лет. Сорок лет и сорок километров, которые разделили мою жизнь на две половины, на «до переезда и после переезда».

Еду домой. Велико и многогранно значение и понимание этих слов. «Я возвращаюсь, потому что соскучился». «Еду домой, потому что это мой дом, зачем мне ехать в другую сторону». «Еду к тебе, куда же мне ещё, прости меня, я виноват». «Домой! Поклониться могилам предков моих, сродников, друзей». Или просто: «Еду домой и всё!» Дом, тепло, уют, любовь, мама, детство... Можно очень долго перечислять все достоинства родного дома, все его ипостаси. И я бесконечно счастлив, что Господь подарил мне именно эту Родину с комарами и наводнениями. Пусть!

С трескучими морозами и хлюпающей слякотью. Пусть! Со сплавом, баржами, с лесом и опилками, со звенящими шпалорезными станками, с тросами и баграми. Пусть! С болотными сапогами и промасленной робой, с гулом крутящихся кранов, с натужным рыком, вязнущих в грязи лесовозов, с общежитиями и бараками. Пусть, пусть, пусть! Это моя Родина и другой мне не надо.

И сегодня я еду туда, в Шпалозавод, в некогда великий центр огромного Нарымского сплава-частка. Он уже давно не тот, что был раньше. Давно нет работающих кранов, визжащих пил, запаней полных леса. Нет штабелей шпальной продукции, возвышающихся на берегу золотисто-белыми этажами, нет причалов со всевозможными толкачами, лихтерами, самоходками, с гудками, сиренами, с кричащими шкиперами. Ничего этого давно нет. Всё исчезло, всё было и прошло. Как-то странно и непривычно говорить об этом и особенно писать, вспоминая былой размах, кажущуюся незыблемость и фундаментальность всего существовавшего. Непривычно и странно говорить о Шпалозаводе в прошедшем времени. Я есть, а того, моего Шпалозавода уже нет. Может быть, ничего и не надо: ни говорить, ни писать? Но куда де-

вать мысли, напитанные печалью, болью? Куда девать слова, которые рвутся из истрёпанной души, из сердца, наполненного под завязку великой любовью и преданностью к тем людям, которые там, в Шпалозаводе?! Которые ещё остались, живые свидетели истории и, которых уже нет. Потому-то и еду я домой, чтобы исполниться того духа, особенного шпалозаводского духа. Его гнёт и терзает время, его бьют и ломают перемены, но он живёт, и будет жить, пока жив хотя бы один шпалозаводчанин, пока дышит и дымит трубой хотя бы один домик в посёлке, вроде бы таком же, как другие, но таком непохожем. Потому-то и еду я на Родину, чтобы хоть как-то, своим незамысловатым искренним словом рассказать о своих земляках, о посёлке с рабочим названием Шпалозавод.

В четыре часа пополудни отходит от причала рейсовый КС по маршруту «Парабель — Шпалозавод — Нарым». За час до отправления выхожу из дома, заранее прикупив подарки, сувениры отцу и друзьям. Иду по центральной парабельской улице мимо АТП, мимо храма Преображения Господня, мимо «агеевского» замка в стиле..., в свободном стиле. Останавливаюсь возле стадиона, по привычке ищу глазами среди бегающих футболистов своего приятеля Пашу Сухушина, который неизлечимо болен футболом, как и я болен рок-н-роллом. Иду дальше, вхожу в деловой и культурный центр. Школа, почта, банк, дом детского творчества, штаб победившей партии, в котором мне обязательно при случае напомнят о моём ренегатстве, опять банк, гостиница, налоговая, финотдел. И снова банк, рай-

онная администрация с настораживающими, заставляющими стать по стойке «смирно» словами на фронтоне «Дом советов». Сегодня эти слова осовременены модным сайдингом, но они там есть как напоминание, как истлевшая надежда на возвращение чего-то страшного. Иду дальше, мысленно стряхивая с себя «красную мишуру». Новое здание, напоминающее морской контейнер, гастроном с хорошим выбором продуктов, библиотека, скверик нефтяников, больница. Сворачиваю налево возле украшенного резьбой (по случаю торжественного присвоения имени Геннадия Заволокина) здания бывшей музыкальной школы и (по такому же торжественному случаю) переданного сельской администрации и мировому судье.

Замедляю шаг. Это место в Парабели мне особенно нравится. В летнюю жару здесь всегда тенистая прохлада от тополей. Из бывшего кафе «Восток», (теперешнего магазина для рыбных и охотничьих дел) выходят рыбаки-охотники с обновами, возле магазинов разгружаются машины, деловая суета, продукты, упаковки газированных напитков и минеральных вод. Люди, люди..., кто в магазин, кто на рынок, по делам и просто так. Слева старенькое здание редакции районной газеты «Нарымский вестник», где я частый гость и где у меня много друзей. Дальше райпотребсоюз, рыбозавод и нефтебаза, возле которой ждёт меня быстроходный белый катер. На него я взойду ровно в четыре часа пополудни и в четыре часа я стану другим человеком, совсем другим. Ни солидным и известным президентом Парабельского рок-клуба, ни поэтом

и композитором, которого знает Томск, Алтай, Красноярск, Москва, ни скандальным и своевольным руководителем группы «ARTsystem», а простым обыкновенным шпалозаводским Евгением, Жекой, Женькой, Евгешей. В эти 16.00 слетит с меня оболочка житейских сует, парабельская деловитость и я предстану перед домом чистый и смиренный.

Поднимаюсь по трапу, показываю билет, в салон не спускаюсь, сажусь на скамейку в корме, чтобы смотреть на реку, на проплывающие мимо берега. Жаркий летний день, полный солнца. В такую погоду хорошо путешествовать по реке, вдыхать полной грудью букет запахов, этакий коктейль из таёжных речек, тальников, заливных лугов, шиповника и черёмух. Нефтебаза трудится: баржонки, паромчики, рыбацкие катерки. Машины пятятся к самой воде, загружаются чем-то, сигналият. Мужики таскают ящики, коробки, мешки, чего-то делают, спешат, покрикивают. Не потопаешь — не полопаешь. У всех семьи: надо кормить, зарабатывать копейку.

Все пассажиры поднялись на борт. Кто из гостей, кто в гости, кто-то ездил в райцентр по делам: в больницу, в администрацию с бумажками, в магазины. Я еду просто домой. Дом, малая Родина, маленький осколочек, островок моей большой Родины с красивейшим именем Россия. Без неё я бы не смог жить, без неё меня бы не было. Да и как можно прожить без России, без русских людей. Громкие слова?! Да, громкие. Как хочется иногда крикнуть громко, чтобы стихло всё вокруг: «Я — русский, я люблю свою Россию! Я буду петь Россию!» В моём понимании «любить Россию» — это не значит воспевать только её достоинства, подобострастно восхищаться её бескрайними просторами. Восторженные «ахи» и «охи» не по мне. Пафосные сладко-сопливые вирши — это не моё. Принимать на себя все болезни, сердцем пережить все страдания великой страны, до боли, до слёз сочувствовать и сопереживать — это моё, это я. Вся моя боль — это Россия, Сибирь, Нарым. Как нет России без Сибири, так нет Сибири без неё. Я бывал во многих местах. Валялся на сочинских пляжах, купался в море Азовском, дышал байкальским воздухом, носился на шестьдесят шестом «газоне» по монгольским степям, вкушал плоды украинских садов, ел варёную баранину в Калмыкии. Пил водку с ростовской шпаной, пел песни с алтайскими девчонками, но нигде я не мог находиться больше трёх-пяти дней. Посмотрел, попробовал, пощупал — и доволен: уже надо домой, уже сердце ноет, уже неудобство, дискомфорт, как сейчас говорят. И после недолгой разлуки — встреча, как будто впервые, как будто век не был. Родина. Сибирь. Комары. На Украине тоже есть комары, но они там какие-то недоношенные, какие-то недоделанные. Не то, что наши, доморощенные, матёрые. Уж укусит — так укусит!

А пауты — полосатый ужас в воздухе! «Терпеть не можно такой птица», — говорили восточные ребята, приезжавшие к нам за длинным рублём. А нам — ничего, мы привычные.

Трап поднят, проверены последние билеты. Зажужжал стартёр, содрогнулась палуба, заговорил, захлопотал движок. За кормой вспенилась вода, зафыркал импеллер, отплёвываясь радужными брызгами. Катер задвигался из стороны в сторону, заёрзал, заводил кормой влево, вправо, закрихтел, стаскивая своё железное тело с причала, заскрежетал гравием. На берегу кто-то, прощаясь, помахал рукой. Медленно идём по Полою, чтобы волной не залить лодки, проходим лодочную станцию, выходим на Обь. Я оглядываюсь, гляжу на Парабель, на Заполой. Ничего, дела немножко подождут, я не долго, туда и обратно, повидеюсь, попью домашнего молочка, пройду по шпалозаводским улочкам и назад. Капитан добавил оборотов, двигатель поднатужился, недовольно заурчал. КС набрал скорость, вытолкнул корпус из воды и, глиссируя, понёсся по обской волне навстречу моей любви и моей печали. Ветер в лицо, от рёва двигателя не слышно разговоров. Да и к чему слова. Внизу, в салоне потише и не дует, но я буду здесь, на палубе. Закрываю глаза и дышу, дышу, как охотничья лайка втягиваю в себя воздух, до боли родной, рясный.

Какой-то писака в своей книжице обрисовал обские берега совсем по-другому, не так как надо, не правильно. Будто тайга здесь кругом непролазная, сосны и кедры до неба. Чуть. Обские берега пойменные, заливные и на протяжении всей Оби — «рямник», «рям», смешанный лиственный лес. Осинник, березняк, ветельник, смородяжник и топольник. Шиповниковые непролазные дебри и черёмуховые заросли, грибные и ягодные места. Грузди, подосиновики, подберёзовики, всякие сыроежки и волвенки,

красная и чёрная смородина, костяника. И озёра, озёра. Покосы и озёра. Лога и ложки. Кочкарник и осока. Местами, конечно, проглядывают тёмно-зелёные хвойные островки, но сама тайга дальше, в глубине. Тайга не любит большой воды. Таёжные речки узкие, извилистые, с коряжником и топляками, с тёмной холодной водой и с чёрными окунями. И берут они начало в необозримых Нарымских болотах. Беломошные бора — родина боровиков, лисичек, моховиков, глухарей и тетеревов, и всего того, чем славится и гордится наша матушка — Сибирь и чем хотят поживиться на «дармянку» все, кому не лень.

Навстречу попадают редкие судёнышки. Их мало. Раньше река работала и днём, и ночью. Толкачи с баржами, плотоводы, стремительные «Метеоры», «Восходы». Составы с грузами шли и вверх, и вниз, белые пароходы, гудя басами, подваливали к дебаркадерам, выпуская из своего чрева разноцветную толпу пассажиров с фотоаппаратами, со спиннингами, с блестящими чемоданами. Сейчас другое время, другая жизнь, очень дорогая. Денежные отношения прочно утвердились в нашем жизненном пространстве. Скучно и неприятно думать и говорить всё время о деньгах. Нахлынувшая свобода, водворила нас в рамки служения этому идолу — маммоне, хотя именно в Сибири и сохранились ещё нормальные человеческие отношения. Или я ошибся?! Я не хочу ошибиться, я хочу, чтобы русские люди всегда оставались русскими, везде. Любовь к ближнему, христианская любовь и сострадание — вот основа, вот сущность огромного русского сердца.

А катер мчится дальше, оставляя красные буи по правому борту, белые — по левому, как положено по судоходству, как положено. Вон «перевалка», сейчас возьмёт «право-на-борт», всё по правилам, по логии. Эх, если б жить нам всем по правилам, как положено, не кривя душой, не изворачиваясь, красиво и честно. Как было бы здорово, а?! Но русскому человеку, наверно, на роду написано, как-то выживать, изгаляться, выкручиваться в этой жизни. Там достать, тут украсть, того — «подмаслить». «Ментальность», — скажут учёные дяди из телевизора. «Да-а...» — скажем мы, почёсывая в небритой бороде, и махнём рукой сверху вниз, поднимем и опустим, да с крепеньким словцом, — «Да и...! А, иди оно всё! Прорвёмся, голь на выдумки хитра!»

Ментальность... В Шпалозаводе тоже ментальность. С давних времён Нарым был ссылкой, здесь побывало всякого люду. Каждой твари по паре. Были и бунтари, и крамольники, и добрый человек тоже попадал. В советскую эпоху сюда стекались люди со всех концов нашей необъятной и самой «счастливой» в мире страны. Кто скрывался от властей, кто по оргнабору, по вербовке, «рупь зашибить», кто сам по себе, мир

посмотреть. И многие оставались, создавали семьи и оставались, привнося свою лепту в общую нарымскую копилку под названием «культурное наследие». Поэтому и рок-н-ролл здесь стали играть раньше других, поэтому и театр народный один из первых, и джинсы в начале семидесятых, и рационализаторские предложения в лесной промышленности на уровне страны. Поэтому и пополняют, напиткивают ненасытную, охочую до провинциальных Ломоносовых, Мусоргских и Станиславских Первопрестольную учёные, артисты, музыканты из Шпалозавода, из Нарыма, из Парабели. Ментальность. Вот такая интересная ментальность.

Немного зябко. По левому борту появилась мачта — покосившийся от времени ориентир. Никто не знает, кто его поставил. Старики, наверное, помнят, то ли геодезисты, то ли речники. Да это и не важно, важно то, что для нарымчан он является, как бы маяком, знаком, что дом близко. Так в давние времена сельская церковь на холме являлась ориентиром для путников. Идёт усталый человек с котомкой, с посохом, сколько дорог исходил, сколько порогов обил, а увидит купола — значит дома. И силы прибавлялись, и шаг увереннее. Так и эта мачта, увидел — скоро дом: один поворот и Нарым. Все, кто на палубе, смотрят вперёд, разговоры утихли. Уже не стараются перекричать двигатель, уже ждут. Из салона тоже поднимаются, выходят на палубу, готовят сумки, коробки и разную всякую кладь. В этом месте Обь разделяется на множество рукавов, проток. Здесь впадает Кеть со своей тёмной водой. Место соединения кетской и обской воды никогда не бывает спокойным, даже в тихую, безветренную погоду здесь волны. Спорят две великие реки, сталкиваются плечами, не хотят уступать друг другу. Кеть уходит вправо, питая своими водами Нарымскую Луку, огибают шпалозаводской остров с северо-востока. Обь сворачивает влево и омывает Шпалозавод с юго-запада. С годами, меняя русло, река причудливо изменила местность. Появились различные островки, которые успели обрасти тальником, песчаные косы и закосы. На некоторых новых островах вымахал уже настоящий лес с грибами и ягодами. Угодия. Широкое, раздольное место. Большая вода.

Вот и «Шпалы». Так сокращённо, по-свойски, мы называем Шпалозавод. Постарел, мой дорогой, стал как будто меньше ростом. Никакой суеты на берегу, тишина. Тишина стала достоянием Шпалозавода. Всё правильно, после грома и молнии всегда наступает тишина. Тишина и покой заставляют человека думать, переоценивать нажитый багаж, заставляют разобраться в себе, разложить по полочкам все свои мысли и дела и в итоге понять, чего ты стоишь в этом грешном мире. КС сбавляет обороты, медленно подходит к берегу. Вижу знакомые лица, вот они,

свои. Уже увидели, улыбаются, машут руками. Родные мои, глаза добрые, улыбки настоящие, радостные, не американские зубастые, а наши, немного стесняющиеся. Сама собой в уме творится молитва: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твоё...» Трап подан, схожу на берег, хочется встать на колени, поцеловать эту многострадальную землю и заплакать. Но креплюсь, все слёзы внутри, в сердце. Не спеша, иду по песку, поднимаюсь наверх. Здесь на «Шпалах» какое-то особенное восприятие бытия, с каждым шагом в тебя входит тепло, напитывает силой, соединяясь с душой и сердцем. С каждым шагом ты становишься чище, лучше, каждый шаг на вес золота, идёшь и боишься растерять, растрясти эту благодать. И ещё одно чувство, которое преследует меня с каждым моим приездом и отъездом. Это чувство вины, вины за то, что уехал, бросил на произвол судьбы и, если хотите, предал. Возможно, возможно. Может кто-то скажет: «Убежал от трудностей, как трус, наплевал на всё, а теперь, видите ли, возлюбил». Нет, братцы, всегда любил, может быть, не так остро ощущал эту любовь, может, мало говорил об этом, мало пел. Теперь наверху, теперь всё скажу, всё спою. Каждое слово — вам, каждая строка — для вас, каждая нота — ваша.

Здоровуюсь, жму руки, перебрасываюсь приветствиями. Молодёжь здороваётся, а я уже не знаю, кто есть кто. Только по явно выраженному сходству узнаю: Кайнасов, стал похож на мать, эта, по-моему, из Куринских, эти — не знаю чьи. Иду домой, меня уже ждут. Улица всё та же, дома всё те же, огороды, палисадники, цветы. У калитки дядя Коля Родионов. Улыбается. Друг моего отца, капитан катера, старый сплавщик, сейчас на пенсии, всю жизнь на реке. Много на «Шпалах» людей, которые посвятили жизнь сплаву, почитай, все. Большое производство требовало больших людских ресурсов. В три смены работал завод, в три смены работала река: сортировка, погрузка круглого леса, выкатка, погрузка готовой продукции. Как город горел огнями Шпалозавод. С детства мы пропадали на реке, на запанях. Между пучков леса в прогалах мы ловили ельцов на удочку, ставили перемёты, ловили стерлядку и тут же ели её «чушью» (сырую с солью, прихватив из дома хлебца краюху). Купались до одурения. Верхом мастерства было проплыть стоя на крутящемся бревне и не бултыхнуться в воду или пробежаться по «мулю» («молю») — лесу, плывущему по течению. Когда начинали шалить, мужики, работавшие на сортировке, строжились, покрикивали на нас.

Интересное было время: раньше любой взрослый человек мог наказать тебя, оттащить за уши, погрозить пальцем заслушание, за баловство. И боялись, и слушались, и не жаловались. Самое страшное было, что тот, кто наказал, мог рассказать об этом родителям, тогда ещё и дома

получишь нагоняй. А сейчас дети грозят родителям судом, не говоря уже о том, что кто-нибудь посторонний может надрать уши любимому чаду. Всё изменилось, нравы, поступки, а тогда, давно, много лет назад... Зима. Нижний склад напротив школы, разделка леса. Лесовозы везли из тайги сосняк, пахнущий смолой, хвоей. Мы, мальчишки, на переменах выбегали на улицу, старались ухватиться за ветки, волочащиеся по дороге, и с возом проехаться, стирая валенки до дыр. А после рабочего дня, когда раскряжёвщики расходились по домам, мы прибегали сюда, чтобы пошурудить палками в догорающих кострах, в которых сжигали хвою, сучки и ветки. Возвращались домой все в смоле и в саже довольные и счастливые. На срубках строящихся домов устраивались целые баталии. На мече, на копьях, со щитами мы представляли себя рыцарями, Александрами Невскими. Ныряли на спор с верхотуры в снег вниз головой, съезжали с крыш в сугробы, раздирая штаны. На каждом более или менее замёрзшем озёрке проходили хоккейные матчи. Клюшки и шайбы были дефицитом, и поэтому играли конскими котяхами, бакулками и загнутыми тальниковыми палками. В школах, маленькой и большой, (начальной и средней) было полно народу. Учились в две смены, и всё это кипело, бурлило, свистело и носилось сломя голову. Куда это всё ушло? Куда убежало, умчалось? Куда улетело? Как прозрачное далёкое счастье. Было — и нет. Детство. Оно и вправду счастливое. Огорчение от разбитого носа, от порванных новых штанов не мешало приходить маленьким радостям в виде новой фабричной клюшки, коньков или поездки на МАЗе с дядей Витей Лаптевым в тайгу к отцу на работу.

Подхожу к дому. Отец выходит навстречу совсем белый, седой. Жмём друг другу руки. Он теперь один, мама умерла в прошлом году. Как-то нелепо всё, хотя и закономерно. Была, а теперь нет. Покрестилась перед смертью, и, как будто, гора с плеч. Не оставит Господь. «Ну, как там район?» — шутит отец. Сам справляется с домашней работой, сам стирает, варит, физзарядку делает и гирями балуется. Тоже всю жизнь в сплаве. Тракторист, потом мастер на разделке леса, мастер на шпалопилении. Из своего раннего детства я помню очень отчётливо эпизоды приезда и отъезда отца на вахты. Вот мама заносит из сеней с морозу белые круги топлёного молока — отцу с собой, вот собирает тёплое бельё. На стенке красуются таёжные трофеи отцовских поездок: огромные веера глухариных хвостов и вычурные, похожие на лиры, хвосты косачей. Иногда среди ночи я просыпался и видел папу, сидящего на диване и улыбающегося. Он обнимал меня: колючий, пахнущий соляжкой и морозом. Он приехал только на одну ночь и к утру должен опять уезжать. Мне очень хотелось по-

быть с ним, но поздний час и уговоры мамы заго- няли меня в постель, и я засыпал под негромкую музыку, льющуюся из волшебной светящейся па- нели радиолы, со странными завораживающими и непонятными названиями городов. Эта музыка кружилась в воздухе, наполняла комнату, летала вокруг меня, манила красивыми мелодиями да- лёкого, неизвестного мира, мира, который я дол- жен был постичь, который я должен был объять и жить в нём. И не понимал я тогда, да и не мог понять, что самая ценная, настоящая, самая до- рогая сердцу жизнь не там, в будущем, а именно в прошлом. В счастливом бесшабашном детстве с выгоревшими на солнце вихрами и облуплен- ным носом, детстве в сатиновых штанах и с цып- ками на руках.

Садимся за стол. Отец достаёт бутылочку. Сам гонит, очищает, настаивает на травах, не знаю, как он там колдует, но самогон получается от- менный, вкусный и не больной. Рассказывает мне о каких-то новостях, которые редко слу- чаются теперь. Мама как будто здесь, с нами и знаю, что она далеко, но не могу привыкнуть, да и не привыкну никогда. Моя мама — учитель- ница начальных классов. Много лет работала в школе, потом в детском садике воспитателем, ветеран труда. И бабушка моя, Маргарита Ни- колаевна, тоже была учительницей. Труженица вечная, сколько она выучила ребятишек, сколь- ких воспитала, скольким дала путёвку в жизнь. Десяткам, сотням?! С сорок второго года одна, одна с тремя детьми. Дед Антон в сорок втором погиб под Ленинградом, а она так и не вышла

замуж. Красивая была, статная, две чёрные ту- гие косы заплетала и укладывала причудливо на голове. Говорят, многие сватались, но ни за кого не пошла, любила своего Антона Петровича и детей своих: мою маму, дядю и тётю. Я иногда спрашивал бабушку про деда, как он жил, каким он был, но бабушка как-то грустно улыбалась и нехотя, как бы через силу, говорила мне, что он был спортсмен, охотник, хорошо играл на баяне. Потом молчала, вздыхала, а когда я начинал на- доедать, мама меня одёргивала и шёпотом го- ворила мне, чтоб не приставал. Потом с годами я понял, что нелегко ей было вспоминать про всё, как и нелегко ей было поднимать троих де- тей, растить их во время войны и в послевоен- ную разруху.

Старые учителя... Учителя с большой буквы. Учителя старой закваски. Бессеребрянники, всех себя до капельки отдававшие детям. Как их мало сейчас. Нас тоже учили вот такие бессеребрян- ники, до позднего вечера сидевшие с нами после уроков, вдалбливая нам в лихие головы знания и ничего не требуя взамен. Их желанием было одно, чтобы мы стали людьми, чтобы мы при- носили хоть какую-то посильную пользу стране, чтобы мамы с папами не краснели за нас непутё- вых. И мы выросли. Не все из нас, конечно, стали Кобзонами, Никулиными, Ковалевскими и Ка- пицами, но, глядя на сегодняшних школьников, невольно задумываешься о своей гениальности и о своём советском образовании, без сомнения лучшим в мире. Анна Никифоровна Степанова, Агния Яковлевна Вайцехович, Галина Хайру-

ловна Садовская, Инна Васильевна Бояринова, Нина Иннокентиевна Грабовская, Лидия Сергеевна Синюткина, Тамара Дмитриевна Ростовцева, Тамара Ильинична Шабурова, Лариса Ивановна Скирневская, Нина Георгиевна Абакумова, Мария Архиповна Багина, Галина Степановна Заварзина, Нина Яковлевна Михальчук, Анна Ефимовна Нестерова, Аркадий Тихонович Останин, Леонид Игнатьевич Багин, Юрий Данилович Собакин, Александр Кузьмич Парфиненко, Анатолий Иванович Кураков, Владимир Акимович Бояринов, тётя Шура Агеева, тётя Маша Александровна, тётя Аня Лысенко, тётя Маша Иванова, тётя Надя Золотарёва, тётя Дуся Гилёва. Пусть все знают ваши имена. В каждом из нас частичка вашего сердца, в каждом из нас лучик вашей душевной теплоты.

Летний вечер. Но ещё жарко, ещё припекает. Скоро всё стихнет. Спадает жара. Ни ветерка. Лишь изредка ленивым, еле приметным дуновением принесёт из распаренных за день тальников, из разогретых трав тонкий, будоражащий голову запах покосов, луговых цветов, камышей. Река не шелохнётся, только рыба всплещивает то там, то там. Долго слышится звенящая нота далёкой «моторки». Природа готовится ко сну, но сон будет краток. Как можно спать в такую пору?! Волшебная пора сибирских белых ночей. Солнце ненадолго спрячется за горизонт и опять появляется весёлое, умытое. Солнце улыбается и говорит: «Вставайте! Смотрите, какое Божественное утро! Возрадуйтесь новому дню!» В это время, часа в четыре- в пять, хорошо сидеть на озерке с удочкой. Если клюёт — прекрасно, если нет, то и так ладно. Сидишь на берегу, розовеющее небо отражается в зеркальной озёрной глади, и дышишь сплошным волшебством просыпающегося дня. Почему-то вспомнились запанцики, бригада запанциков. Можно сказать, элита сплавного дела. И зарплата, и слава — всё им. Меня охватывал благоговейный трепет, когда я видел их на берегу деловитых, шагающих пружинистой походкой, грузивших на катер баржевые багры, жома, кувалды и троса. Я им немножко завидовал и как-то не заметно для себя перенимал их походку, уверенную, привыкшую к постоянной качке наплавных сооружений. Попасть к ним в бригаду было практически невозможно, да и не каждый мог справиться с их специфической работой. Сразу после ледохода начиналась установка запаней, с утра и до позднего вечера они были на реке. Дядя Ваня Коробкин, отец моего одноклассника Лёшки, добродушный здоровяк, прекрасный рассказчик, всё время вспоминал какие-то забавные случаи из своей жизни, добрые и смешные. Немножко привирал, конечно. Все смеялись. Мне всё-таки довелось немного поработать с ними какое-то время, и я понял, что эти байки, эти воспоминания были просто необходимы при такой тя-

жёлой работе. Особенно осенью, когда по реке несёт «шугу», когда всё на реке покрывается льдом: плашкоуты, жёсткие боны, «плитки», «головки». Ветер пронизывает до костей и обдаёт брызгами с головы до ног, когда запросто можно упасть за борт, но надо всё снимать, все наплавные и уводить в безопасные тихие заводи, чтобы весной, когда вскроется Обь, опять всё ставить и «вешать» на место ради одного, ради леса. Лес! Лес был для шпалозаводчан смыслом жизни. Лес давал работу, обувал, одевал, кормил, а теперь остались только воспоминания. Леса всё меньше, а воспоминаний всё больше.

Решил пройтись. Выхожу на дамбу, построенную в конце шестидесятых для защиты от наводнений, иду в сторону «маленького» магазина. Сколько себя помню, его всегда называли «маленьким магазинчиком», потому что он и есть маленький. Но каково было моё удивление и радость, когда в один из моих приездов я прочитал вывеску: «Магазин «Маленький». То есть, он официально стал называться «Маленьким», и я исполнился чувством благодарности к тем, кто всё это так прекрасно устроил. Конечно, любые названия магазинов имеют право на жизнь. Пусть будут «Одуванчики», «Колокольчики», «Радуги», «Леночки», «Шурочки». А у нас на Шпалах — «Маленький»! Здорово! Иду дальше. Прохожу условную границу между Шпалозаводом и Камчаткой. Она проходит незримо по озеру «Бахилинскому», позже — «Сафоновскому». Камчатка, так неофициально называется район Шпалозавода. Между прочим, Камчатка значилась на картах древнего Нарыма. История её очень интересна. Я, прожив на Шпалах сорок лет, впервые услышал эту историю совсем недавно от моей хорошей знакомой и коллеги Екатерины Тузаковой. Так вот, напротив Нарыма через речку (чтобы не баламутить народ, наверное) жила женщина лёгкого поведения, к которой на ночь-другую заезжали купцы, следовавшие в Нарым. А расплачивались они с нею, по обыкновению, модной и дорогой в то время камчатой тканью, «камкой». Вот тебе и Камчатка, Шпалы-Шпалами, а Камчатка сама по себе, сама себе хозяйка. Иду не просто так, иду верным маршрутом к моему давнему другу, первому «звукарю» нашего первого рок — коллектива Мише Огиенко. Дружим мы давно, вместе работали когда-то, вместе проводили время. Наши чайные (и не только) посиделки у них дома (тогда Миша и брат его Андрей жили в дедовском старом доме) с «Флоидами», с «Дипами» и «Цепеллинами» плавно переходили в философские беседы о смысле жизни, о любви, о музыке и живописи или просто о работе. Андрей — талантливый художник. Он очень индивидуален и его творчество не каждый мог понять. А мы понимали его, и он всегда удивлял нас своими сюрреалистическими творениями, над которыми надо было думать. Великий смысл, заключён-

ный в его рисунках будоражил наши молодые горячие сердца. Братья Огиенко всесторонне развитые люди. Мне всегда было с ними интересно и не скучно. Они являют собой образ, если можно так сказать, того самого народа трудолюбивого и умного, которым и заселяли, не по доброй воле, конечно, наши сибирские просторы «красные» самодержцы. Когда я приезжаю, мы засиживаемся с Мишей далеко за полночь и не можем наговориться. Андрей давно живёт в Братске, женат, у него дочь. У Миши дочь и сын, жена Танюша — такая же добрая, отзывчивая женщина, абсолютная вторая половинка. По пути захожу поздороваться к Любви Антоновне, маме Андрея, Миши и Нади, их сестрёнки. Дяди Володи, их отца, нет с нами. Он умер. Всех их я хорошо знаю и люблю. С дядей Володей мы работали вместе на сплаве в «Куржино», на погрузке круглого леса. С Любовью Антоновной — на шпалопилении. Работа всех связала на Шпалах одной ниточкой. Кто-то с кем-то когда-то где-то работал. И эта незримая нить соединяла всех шпалозаводчан в единую и неделимую семью работников леса. Вальщики, раскряжёвщики, сучкорубы, пилоточи, «делители» (операторы шпалорезных станков). Укладчики, крановщики, стропальщики, чокеровщики, сплотчики. Столяры и плотники, электрики и слесари, токари и рамщики, трактористы и шофёры. Зацепщики, сварщики, кузнецы, десятники, маркировщики, запонщики, капитаны, рулевые-мотористы и т. д., и т. п. Сколько профессий давала лесная промышленность, сколько сил и умения люди этих профессий отдавали лесной промышленности.

Сегодня я опять припозднюсь. Мы будем разговаривать, пить чай, вспоминать, а потом я пойду домой, Миша проводит меня до калитки. Я пойду по Камчатке, буду дышать сладостным духом нарымской ночи. Сломлю веточку черёмухи отгонять комаров, но уже и комары угомонились. Ночь пролилась на Шпалозавод. Летняя, тёплая, белая сибирская ночь. На «Середовском» озере, наполовину заросшем камышами и «телорезником», квакают лягушки. Где-то на Старой Камчатке (той самой) перебрёхиваются собаки. Дышится легко и жадно. Хочется пить и пить эту хмельную, умопомрачительную нарымскую ночь. Стою, повернувшись лицом к востоку, оттуда придёт рассвет, оттуда будет сигнал наступающего дня. Закрываю глаза, откуда-то издалека, еле уловимо донёсся запах чего-то знакомого, очень знакомого. Этот запах я знаю, так пахнет тайга. Большая тайга. Это речка Пайдуга дразнит и зовёт, манит своей дикой красотой, прельщает запахом то ли мхов, то ли папоротников. Каждую весну, пробудившиеся от зимней спячки таёжные речки, приносят вместе со льдом этот запах, подогретый весенним солнцем. Каждую весну мужики-сплавщики собира-

лись вечером на берегу поглазеть на очистившуюся ото льда реку, перешучивались, курили, травили байки, а сами нет-нет да поглядывали в сторону Кети, куда впадает речка Пайдуга. «Скоро попрём! — говорили улыбаясь. — Зовёт Пайдуга-то? Зовёт, тудыть...» Каждый год, закончив сплав, ворачивались мужики к семьям, к домашнему уюту, к чистым простыням, к пирогам и ругали, крыли этот сплав «трёхэтажным»... Эту каторжную работу, этот гнус, это начальство — «едрить-твою семь-восемь». И подвыпившие, раскрасневшиеся после бани, клялись своим любимым жёнам, что: «Всё! Это был последний раз, больше никакого сплава! Пусть другие едут, нашли дураков». Громыхали по столу кулачищами, распаялись, били себя в грудь. А счастливые жёны, жёны вернувшихся из тайги сплавщиков-лесников, поддакивали, грозились «распатронить» начальство в пух и прах, поглаживали непослушные вихры расхрабренных мужиков своих, но в сердце своём прекрасно знали, что придёт весна и... «Скоро попрём! Зовёт, тудыть-твою семь-восемь». Сплав! О нём не напишешь в двух словах. Это целая книга, целый том под названием «Жизнь». Не помню, кто-то сказал: «Настоящий сплавщик треть своей жизни проводит на сплаве». Возможно. Только жизнь-то у сплавщиков короткая. Не буду копаться и допытываться, не наше дело знать времена и сроки, но нарымчане живут мало. Может, суровость земли нашей, может, тяжёлая работа..., не знаю. Господу видней.

Вот и совсем всё стихло, всё уснуло. Только розово-голубая полоса горизонта, куда нырнуло ненадолго солнце, белёсым своим оком смотрит на задремавшую землю, заглядывает в зеркала озёр, следит за течением Оби и не позволяет тёмной стороне неба захлопнуть свой звёздный купол до конца. Скоро снова зарозовеет, зажелтеет, заголубеет и поднимется светило, озаряя и согревая эту землю и не только эту, но и всю другую. Поднимется великое, созданное Богом, непостижимое Солнце и будет дарить тепло, свет и радость всем, всем. Нарымчанам и парабельцам, томичам и москвичам. Добрым и сердитым, весёлым и грустным, толстеньким и тоненьким, маленьким и высоким. Чёрным, белым, жёлтым, всяким-всяким. Будет светить всем созданиям Божьим от ныне и до скончания века.

«Женька, ты помнишь, как мы с твоим отцом в «Кандиной» пахали в пятьдесят седьмом году?» — частенько спрашивал меня дядя Саша Чепец. А я отвечал: «Конечно, помню», — хотя сам родился только в шестьдесят первом. Мой любимый дядя Саша Чепец, мой бригадир, самый лучший бригадир на свете. Добрейший человек, трудяга. Про таких говорят — «пахарь». Для всех он был всем, для всех находил весёлое словцо, всем улыбался. Я никогда не видел его скандалящим, он всегда избегал всякого рода

стычек, перебранок. Дядя Саня. В 1970 году его наградили медалью «За доблестный труд», а в 1974-м орденом «Знак почёта». Вот так-то! Его с нами нет. Жил тихо и скромно, и помер тихо и скромно. Упокой, Господи, душу его. Я работал с ним в «Куржино», в «Песчановке» на сплотке. Он учил меня премудростям лесного дела, спокойно, не торопясь, объяснял все тонкости нелёгкой работы зацепщика. И я, не лесной, в общем-то, человек, получал огромное удовольствие от работы. Я мокрый от пота парил на морозе, сняв шапку, и с гордостью глядел, как агрегат В-43 медленно затягивает пачку леса на себя. Под стон лебёдки душа моя пела, я хотел кричать: «Это я! Это и моя частичка труда тебе, страна!» Да, это было так. Тогда мы ещё верили в ту страну, мы на неё обижались, она была к нам не справедлива, но мы всё ещё верили ей и надеялись, что всё будет хорошо. В светлое будущее мы, конечно, не верили, но в нормальное настоящее очень даже, может быть. Дядя Саня, что он сказал бы сейчас? «Женька, ты помнишь...»

Как-то отвык от родительского дома, уснуть не могу, ворочаюсь. Светит ночь в окно без конца. Закрываю глаза, насильно заставляю себя заснуть, но сна нет. «Не спи, Евгеша, замёрзнешь!» — как наяву эхом прокатилось в моей голове. Третья смена на шпалопилении. Зима, морозец градусов 20–25. Ночь. Укладка. Валентина Константиновна Полосина с конвейера кричит мне, смеётся. Видимо, закимарил, дожидаясь, пока она сбросит на поката несколько шпал, чтоб доложить стопку. Мой напарник дядя Толя Наймушин посмеивается: «Тяжеловато в ночную. Сейчас доложим первый тип и пойдём, покурим». Валентина Константиновна Полосина, кому-то, просто, Валя, кому-то тётя Валя. Мы её звали по-свойски, по-сибирски уважительно — Константиновна. «Заводила» нашей бригады, председатель цехкома, умная, хорошая женщина. Одна воспитывала сына Витьку, носила короткую стрижку, была полна, купалась в Оби сразу после ледохода, гоняла на мотолодке, рыбачила и курила сигареты «Шипка». Кого-то она несколько шокировала своими поступками, а мы восхищались ею, её современностью, её независимостью. Очень хорошо помню её низкий распевный голос и грамотную речь. Боже мой, она тоже ушла от нас. Скольких нет уже, с кем я когда-то работал, сколько ушло друзей и знакомых. Но память не даёт забыть их, да и нет у меня такого права забывать. Душа не позволяет забыть, сердце не позволяет, как бы давно ни жили эти люди, как бы давно всё это ни происходило. Да так ли уж давно, если это всё было на моей памяти, если всё вспоминается как будто вчера.

Вот и утро пришло, как будто и не уходило. Выхожу на «зады», в огород, щурюсь, солнце щекочет в носу. На небе ни облачка, всё сияет. Пчёлка прожужжала, мушки с комарами, пока не

жарко, толкутся, звенят. Шмель примеривается к цветку, день начинается. Все заботятся, добывают пропитание, все трудятся, заготавливают запасы впрок, скоро зима. Готовь сани летом! Лето сибирское скоротечно, всходит, расцветает очень быстро, казалось бы, вот только что сошли снега, вот только что оттаяло, а уже там и сям зазеленело, запахло, зазвенело. Ложился спать — ничего не было, проснулся утром — выросло. Буйно и скоро живёт сибирская природа, потому что всё надо успеть до холодов, всё надо сделать. Не слишком ярко, не навязчиво, не охально. Просто, удобно, со вкусом и главное на одной волне с нами сибиряками, на одной частоте, т. е., мы сочувствуем. Если говорить сугубо индивидуально, то я и природа нарымская, мы сопереживаем, мы созерцаем, мы сосуществуем. Вот как. Создатель Непостижимый и Милосердный ничего не делает просто так. Во всём есть Великий смысл, Великая идея. Родились мы все здесь, в Нарыме, а не в Гондурасе, например, значит так надо, так задумано Вседержителем и самое главное для нашей же пользы.

Отец нарвал с грядки луку, несёт охапку. Лук крупный с длинными зелёными перьями, укропчик, редиска. Вспоминается мамина окрошка. Мамочка моя делала изумительную окрошку, самую лучшую еду в летнее время. В ней всё, все витамины: мясо со сметаной и яйцами — для сытости, холодный квас — для прохлады, а остальное для повышения тонуса или поправки иммунитета, или, не знаю для чего ещё. Я могу есть окрошку всё лето, каждый день. Особенно хороша окрошка после покоса. Придёшь домой вечером раскалённый, искусанный паутами и всякой другой кровососущей братией, вселенная качается в глазах, сердце бьётся в такт качающейся вселенной. Сперва сползёшь в озеро и там получаешь первую восстановительную порцию удовольствия. Полежишь на спинке, перевернёшься лицом вниз, нырнёшь, откроешь глаза — зелень, а на дне — темень. Барахтаешься в воде и чувствуешь, как вливаются силы, проникают во все члены. Вода, волшебная вода, живительная влага в секунды делает тебя жизнеспособным, активным. На поверхности она тёплая, а встанешь столбиком — ноги сводит от холода. Это ключи бьют на дне. Озёрная вода стоячая, не проточная, как в реке, и поэтому прогревается не равномерно, но в этом-то и удовольствие. Похолодишь ноги, потом ляжешь на спинку и греешь их, шевелишь пальцами, смотришь в небо и думаешь: «Эх, до чего ж хорошо жить! Ведь всё создано для тебя. И озеро это, и камыши, и покос, и окрошка». Да! Конечно, окрошка ждёт. Выстреливаешься из воды на мостик, быстрым шагом пружинисто идёшь, на ходу растираясь полотенцем. Идёшь упругий, новый, молодой, красавец-сибиряк, нарымский кедр. На душе радостно, в сердце ангелы поют, и нет на свете никого

счастливей тебя, потому что родился здесь и живёшь здесь, на этой земле. Потому что любишь эту землю и никуда не хочешь отсюда уезжать.

Сейчас будем завтракать. Я сходил к моему «однокашнику» Сергею Казанцеву, принёс от него молочка. Молоко у Серёги очень хорошее, жирное, вкусное, потому что корова хорошая и уход за ней, потому что у Серёги всё нормально: и жена Аля, и двое сыновей, и дом, как у настоящего хозяина. Потому что у Серёги голова на плечах, а не банка трёхлитровая из-под браги. Отец нарезал редиски, луку, укропчика, кинул пару ложек сметанки, варёная картошка, кусочек салца — самый русский завтрак, самый хороший, лучше и не придумаешь. Какие там папайи, авокады..., сало с картошкой! Жуём, о чём-то говорим, что-то управим сегодня по хозяйству, завтра съездим на могилки, почти все наши там.

Кладбище нарымское большое, с каждым разом всё больше, целый город. Город тишины. Ходишь между могил как по улицам и переулкам, смотришь на овалы фото и ведь почти всех знаешь. Вместе жили, работали, а теперь вот, они далеко, в вечности, а ты здесь пока. Пока ещё дано тебе время одуматься, исправиться, пересчитать свои «за», чтобы можно было надеяться на десную часть и свои «против», чтобы отомолиться от «шуиной» стороны. Сколько их там молодых, не дотянувших даже до пятидесяти, скольких уложила в землю пьяночка-гуляночка, и каких уложила! Красивых, сильных, работающих! И до сих пор укладывает! Наша долгожданная свобода, желанная наша вольность тысячами отправляет на тот свет без покаяния простые доверчивые души, кругом водка льётся рекой. Пей — не хочешь! Водочка-наливочка, магазинчики, ларьки и ларёчки, рюмочные, закусовые. Везде можно «дробалызнуть» и в любое время. Пей, Россия! Пиво, водка, коньячок — «прилепи-ка», дурачок! «Детское Шампанское» — привыкай с детства, лови кайф смолу! Гуляй, славяне! Всё пропьём — броню не опозорим! Как будто нарочно всё это устроено, как будто специально истребляют нашу нацию. В маленьких деревеньках, где и жителей-то осталось «полторы тараты» — и там «забегаловки». Чтобы последних добить?! Это к такой свободе стремились мы, это о такой вольнице мечтали мы, свалив с себя «красный туман»?! И что пришло на смену этому «красному туману», какая такая власть? Жестокость, насилие, воровство немислимое, безнаказанность, безразличие...

Православие бьётся за каждую душу, пытается хоть как-то образумить, хоть как-то оградить от зла, хотя бы детей. Но и здесь извращают, клеветают, шипят из-за угла на Церковь Христову. Развелись всякого рода секты, толки, течения, субкультуры, я даже не хочу перечислять их названия, и всё это на Святой-то Руси!

Вера, Вера и Покаяние — наше единственное спасение! Бежать, что есть мочи, лететь в лоно Церкви под защиту Божию! Может быть, кто и осудит меня или удивится, может быть, возмутится от моих слов. Скажут: «Эка, куда хватил, всех хочет в церковь затолкать!» Пусть осуждают, пусть возмущаются, я не боюсь! Один священник сказал: «Сегодня многим, чтобы прийти в храм, не хватает решительности». Так и есть, не решительные мы какие-то, какие-то мы все противоречивые, внезапно-угловатые.

А пока что, вот они все лежат, наши ребята, работяги: Витя Докшин — «доктор Докшин» — слесарь, мастер, какого поискать, Коля Колотовкин — бригадир-раскряжёвщик, запонщик, начитанный грамотный человек. Алик Манучаров — талантливый музыкант, душа компании, речник и просто друг. Витя Михальчук — оператор ЛО-15А, юморист, хохмач. Братья Горх, Вова и Витя — речники, капитаны, Рая Кузнецова — моя одноклассница, добрейшая душа, мать двоих детей. Коська Волков, Вовка Лиер, — «король», Серёга Певнев, брат мой, Андрей. И это только самая малость, мизерное число, частичка тех, кто почивает на нашем кладбище. А сколько таких кладбищ по России?! Сколько лежит на них Ваней, Маней, Серёжек, Сашек, которых споили и умертвили те самые «безразличие», «безнаказанность», «никчёмность» и «невостребованность». И сколько ещё будет — неизвестно, и когда закончится этот пьяный беспредел — не понятно.

Горько и больно. Страшно. Страшно всё это переживать. Страшно. Страшно и жалко. Жалко нас, русских и не только русских, жалко всех. И тех, кто пострадал от зла, и тех, кто творит зло. Ведь и те, и те, мы все носим в себе образ Божий. Если хорошо вдуматься в эти слова: «образ Божий»... Как же мы умудряемся так осквернять его?! Каждый день, каждый час, каждую минуту и секунду мы распинаем Христа своей чёрной руганью, осуждением, завистью. Своей алчностью, погоней за тленным богатством, своим патологическим исканием удовольствий и наслаждений. С оттяжкой забиваем ржавые гвозди чёрных мыслей и поступков в Его руки и ноги. В пьяной дикой пляске, визжа и хохоча, надеваем на Его светлую главу терновый венец грязных и мерзких дел своих. Хватит! Пора остановиться! Упереться, наконец, «бестолковой» в стену и сказать себе — всё, хорош! Пригладить «граблями» буйную русую головушку, умыть свою курносую славянскую «физию» колодезной водой, пока ещё остались на Руси колодцы. Продрать глаза да глянуть вокруг на красоту такую, которая Родиной зовётся, пока она есть ещё у нас, Родина-то.

Другие люди, другие нравы, другие дела, время другое. Раньше было лучше? Нет, наверно. Нельзя точно сказать лучше или хуже: и тогда было хоро-

шее и сейчас есть хорошее, и тогда было плохое и сейчас не очень всё как-то. Добрее были люди — это да, добрее, без сомнения. Была какая-то уверенность, что, если что-нибудь случится с тобой, тебе обязательно придут на помощь, было чувство защищённости. Ты прекрасно знал, что, в крайнем случае, можно пожаловаться куда надо. Мои сверстники и люди постарше хорошо помнят нашего дядю Серёжу — сторожа. Здоровенного деда с палкой. Каждый вечер он ходил в центр Шпалозавода проверять свои объекты. Как сейчас вижу: мы, пацаны, зимой после детского киносеанса на семь тридцать возвращаемся домой по темноте переулочками и дворами. В метель, в «хиос» идём по улице, порывы ветра рвут фонари, раскачивают их, как коровьи ботала и хотят сорвать со столбов. Провода гудят, качаются из стороны в сторону, пурга задувает за воротник, снегом бросает в лицо, не видно не зги. Пока идём стайкой, вроде ничего, терпимо, весело, играем в «отдавало» (то же самое, что пятнашки, только ногами), а когда все постепенно расходятся по домам и остаёшься один, становится немножко жутковато. Идти дальше всех, дом возле школы, камчатским ещё дальше, но они уже убежали. Идёшь один, темно, метель, с опаской поглядываешь по сторонам, и вдруг из этой тёмной снежной круговерти возникает огромная фигура дяди Серёжи в полушубке, в большущих рукавицах-шубинках и в валенках немислимого размера. И сразу становится хорошо, спокойно и не страшно, и сразу всё в порядке. Дядя Серёжа здесь, он в обиду не даст, а вон и дом, в окнах свет, мама приготовила что-нибудь вкусенькое и уже летишь бегом в калитку, в дверь, к печке, лицо обдаёт печным жаром, пахнет щами и чем-то стряпанным... Хорошо!

Вот этого покоя, этого сладко-щемящего чувства защищённости, может быть, и не хватает нам сегодня, потому что жить стали каждый за себя, не для других, а именно для себя, оставляя «за бортом» боль и страдания других. «Самость», наше собственное «я», а по сути, просто гордость глушит в нас всё доброе и светлое. Как же мы превозносим себя, как же мы ошибочно полагаемся на свои собственные силы и возможности, не понимая, что человек без общества обречён! «Один в поле не воин», — говорили древние. Есть в русском языке прекрасное слово «соборность». Соборность, а не коллективизм. И ещё есть — Вера. Вера в Бога, а не в «светлое будущее». Интересная вырисовывается картина: Нарым построили казаки, они несли в этот суровый край слово Божье, и Нарым стоит. Трудно ему живётся, но он стоит, бьётся его сердце, дышит грудь. А где спецпереселенческие посёлки, где Борки, Кайнасово, Берёзовка, где Караси, Рыбное, Коганьжа? И сколько таких посёлков-призраков по стране?! Нет их, стёр ветер истории с лица земли, потому что создавались они без слова Божия для уничтожения людей. Где колхозы, совхозы и прочие

«выкидыши совдепа»? Соборность, а не коллективизм... «Нравоучения, нравоучения», — скажет читатель и будет прав. «Какое воспою песнь Господню на земли чуждей!» Эти слова нужно понимать так: какое я имею право учить кого-то, говорить о Высшем, будучи сам грешником. Всё правильно, всё справедливо...

После завтрака укладывали с отцом старые, потемневшие от времени, но ещё годные доски. Плахи, тес уложили ровной стопкой на прокладки и обрезки всякие тоже сложили — в хозяйстве всё уйдёт в дело. Глядя на длинные, шестиметровые тесины, вспомнил Борю Долгорожева, этого укротителя пилорам. Он пожизненно, по-моему, был приговорён к пилораме. Приходил на работу рано и к началу рабочего дня у него уже стояли точёные пилы. Ровно в девять «врубались» и, — получай, страна, тес, плаху, лафет, брус. Под «ширкающую» пилораму хорошо было петь всякие песенки. Она давала точный ритмический размер, и всю смену можно было заливать соловьём. «Шанди-манди, гыр, гыр, гыр, пиролама» — была такая хохма у нас. Я всегда дружески подтрунивал над Семёнычем, Иваном Семёновичем Гордиенко, членом нашей бригады, пел на манер Владимира Кузьмина: «Семё-о-о-ныч, девушка моей мечты, Семё-о-о-ныч, королева красоты!» Борька икал от смеха, его переламывало пополам, когда я начинал: «Семё-о-о-ныч...»

Боря с Камчатки, всю жизнь живёт там. Камчатские всегда были какими-то приблатнёнными и более свободными. Они не боялись выпить «портвешку» в открытую, при взрослых, они откровенно любили подраться, похулиганить. В обнимку ходили с девчонками по улице, что категорически не приветствовалось с точки зрения советской морали. Они не боялись носить длинные волосы, цветные рубахи «в петухах» и, приводящие учителей в полуобморочное состояние, широченные клёши. Они «бацали» на гитарах с ГДРовскими наклейками и пели гнусавыми голосами: «Тополя, тополя, все в пуху. Потерял я любовь, не найду. Потерял я любовь и девчонку свою, вы постойте, а я поищу, ша-лу-ла...». Появиться на Камчатке одному даже в дневное время было небезопасно. Девчонки камчатские тоже были не промах. Сверхкороткие юбки и туфли на платформе сводили нас с ума. Камчатка оправдывала своё название. Камчатка — страна сама по себе. Нет сейчас той Камчатки, и сводят с ума не девчонки длинноногие на «платформе», а покосившиеся домики, разрушенные и частью разобранные на дрова бараки, переломанные тротуары и заросшие крапивой и лебедой огороды. Мы раньше дрались с «камчатскими». И со «шпалозаводскими», и с «пристанскими», так неофициально Шпалозавод делился на районы или, как сейчас бы сказали, сферы влияния. Но больше всего, конечно, дрались с нарымскими. Шпалозаводские пацаны

гуляли с девчонками нарымскими, а нарымские пацаны с девчонками шпалозаводскими. В итоге женились нарымские на шпалозаводских, а шпалозаводские на нарымских. Не все, конечно, но очень много случаев.

Я — из «пришкольных». Всех, кто жил рядом со школой, называли «пришкольными». Мы играли в футбол, в лапту, «выжигало» — во всё то, во что играли дети той поры. Благо, школьная спортивная площадка и хоккейная коробка были в нашем распоряжении. «Чика», «кульда», «румбы» — теперь и не знают, что это такое. Мы лазали за малиной к деду Кропотову, «тырили» огурцы у тёти Шуры Скулкиной, это называлось «гонять хорька». Конечно, всего этого и дома было полно, но лихость и хулиганский азарт брали своё. Наша «шайка-лейка» славились на всю округу: Вовка Плындин, Серёга и Лёва Рудаковы, Витька «Вася» Азаков, Володя Типсин, Боря Типсин, братья Бояриновы Витя и Сергей, Витька «Лыма» Колмаков, Серёга «Чолпик» Челпанов, Женька «Данил» Зубарев, Серёга «Гришка» Мирошкин, Коля Агеев, Серёга «Кораблик» Кораблёв, Серёга «Махач» Новосельцев, Саня «Кэп» Полежако, Серёга «Кроха» Ахметов. Иногда Боря Типсин вытаскивал из дома гармошку, (он уже мальчишкой играл очень хорошо) и мы «отрывались», как теперь говорят, на все сто. Полные воровской романтики блатные песни, привезённые на Шпалы вербованными ребятами, завораживали нас, но более всего, конечно, нам нравились баллады о любви. Мы с нетерпением ждали, когда наступит вечер, и Костя Колотовкин придёт с гитарой. Тут мы просто обалдевали от этого волшебного гитарного звука, от аккордов, которых, казалось, нам никогда не освоить и вообще не суметь, так, как Костя. «Для меня нет тебя прекрасней, но ловлю я твой взор напрасно...» У Кости красивый и мощный голос от природы. Он мог бы быть великим артистом. Константин Павлович Колотовкин до сих пор поёт и радуется своим песнями. Уйма народу собиралась на «Голубом Дунае» — ОРСовском ларьке или на «пяточке» возле клуба. Балагурили, втихаря курили, пускали по кругу бутылку «Портвейна 777» и с благоговением слушали этих «кудесников гитар»: Костю Колотовкина, Шуру Белкина, Колю Желтухина и Мишу Агишева.

*Ещё деревья спят под снежной тяжестью,
Ещё кружатся белые метели,
А мне всё кажется, а мне всё кажется,
Что ты вдруг скажешь: «Первое апреля».*

Опять нахлынули воспоминания. Шпалозавод превратился в одно большое воспоминание. Снова наступил вечер. Такой же тёплый и духмяный, как и вчера. Опять тихо. Вечерняя Обь несёт свои воды к океану. Кулички затевают знакомую перекличку: «Кули-тр-р-рис, кули-тр-

р-рис, кули-тр-р-рис». Завтра уезжать. Снова захватит парабельский вихрь и понесёт над землёй куда-то далеко, далеко, в непонятное нечто. Для чего, почему — нет ответа. Житейские проблемы, деловая суета, суета сует. Летишь, подчиняясь силе этого вихря и, так и не заметишь, что вот-вот — конец, конец всем проблемам житейским и деловым. И станет тогда ясно и понятно, что всё сделанное тобой и не сделанное — такая чушь, такая ерунда по сравнению с вечностью, по сравнению с тем, для чего ты вообще создан.

Надо попытаться заснуть. Завтра понадобятся силы, завтра нужно быть бодрым. Снова, снова эта ночь светит в окошко. Белая, наглая, беспардонно зовущая встать и пойти куда-нибудь. Пойти надышаться нарымским воздухом, выкупаться в этой нарымской ночи и, захмелев, потерять над собою всякий контроль. А зачем мне этот контроль? Я весь твой, нарымская ночь, делай со мной что хочешь, бери меня, подымай к звёздам, неси меня над лесом, над рекой, над лугами и озёрами. Нарымская ночь! Фея, принцесса, королева, владычица! Нарымская ночь! Порочная дева, блудница, грешница! Нарымская ночь! Красива, желанна, восхитительна! Любимая, единственная, моя, моя...! Закрываю глаза. Красивая девушка с русыми волосами что-то говорит мне, улыбаясь, глаза голубые, брови чёрные. Может быть это моя мечта, может быть это моя юная любовь, чистая и светлая. Вижу Якова Николаевича Абакумова с покрывшейся инеем папиросой во рту, давно забытой и потухшей. Лесовозы, прицепа, туман от мороза и выхлопных газов, тётя Берта со стаканом морса, дядя Гоша «болезный»... Откуда-то издалека доносятся удары кузнечного молота, звон наковальни. «Здорово, Алитет!» — сквозь звон молотков и шум пылающих горнов слышу громкий голос дяди Паши Типсина. Дядя Володя Полежако гладит меня по голове и говорит: «Чтоб тебя Бог любил, Женёк...». Треск сверкающей электросварки, «ширкание» пилорамы, гул ползущего по весенней грязи 130-го ЗИЛа плавно, незаметно перешёл в знакомую мелодию. Да, это же: —

*Когда уйдём со школьного двора,
Под звуки не стареющего вальса...*

Выпускной бал. Накрытые столы, Шампанское. Наши девочки в белых платьях...

*Для нас всегда открыта в школе дверь,
Прощаться с ней не надо торопиться...*

Робкие парни в чёрных брюках и белых рубашках — это мы, юные, несмышлёные... Мягкий, негромкий голос Анны Никифоровны, первой учительницы: «Ребята, вы теперь не просто дети, вы теперь — ученики». А это что такое?! Все притихли, уткнулись в книги. Вова Пушкарёв закрыл лицо руками, Миша Певнев прячется за спину Наташи Павловой. Это урок литературы.

Агния Яковлевна строго глядит поверх очков, оглядывает класс и решительно говорит: «Образ Катерины в драме Островского «Гроза». К доске пойдёт, к доске пойдёт... Нина Осипова». Вздох облегчения! Миша радостный, Вова радостный, я — счастливый! Все счастливы!

Воспоминания, воспоминания, как падающие осенние листья. Один за другим отрываются от веток, кружась и планируя, переворачиваются в воздухе, падают на холодеющую землю, падают в лужи, на тротуары, на крыши. Накладывают жёлтые и красные мазки на потемневший от времени, обносившийся холст моей жизни. Одни — большие, красивые, с толстыми прожилками, другие — маленькие с коричневыми и чёрными пятнышками, третьи — красные, продолговатые. Память многогранна, многолика. Сотни эпизодов, сотни сюжетов, сотни лиц, тысячи рук, глаз... Память, память... Для чего дана человеку память? Чтобы воспоминаниями причинять себе боль? Возбуждать в себе сладкую печаль, совлекаться с мыслью, с той самой, что тогда-то и было всё здорово, в том самом прошлом? Но воспоминания гнетут, не позволяют жить полной жизнью, не дают созидать теперь, в это время, сейчас. Шпалозаводская поэтесса Катя Носкова сказала:

*Жить нужно только, только настоящим,
Сегодня и сейчас, лишь в этом суть...*

Права, девочка, права. Сегодня и сейчас... Воспоминания тянут назад, в прошлое, которого не вернуть, не дают работать, создавать для сегодняшнего, для теперешнего. Всё, что было — прошло, и не надо распускать нюни. Никому не интересно, кем ты был в прошлом, всем интересно, кто ты сейчас, сегодня, и что ты ещё сделаешь, чтобы наступило завтра. Несомненно, детство, юность, пора влюблённости — это лучшие периоды в жизни, но не надо на них заикливаться, не нужно кричать на каждом углу про клёши, портвейн и про тогдашнюю музыку, не нужно возводить их в ранг святынь. Клёши давно сносили, портвейн выпили и музыка теперь другая, более интересная. Мне интереснее сейчас, чем тогда. Так для чего дана человеку память? Наверно, для того, чтобы извлечь уроки из прошлого, не повторять снова тех ошибок, которые мы допустили там, в той жизни. Научить молодых и неопытных, мол: «Ребята, мы те — гораздо хуже нас этих, не делайте того, что мы делали тогда, потому что это приведёт к тому, что вы видите теперь».

«Думы, мои, думы! Боль в висках и в темени...» — сказал великий поэт. У меня всегда так бывает, когда собираюсь уезжать. Думы, думы, сам себе противоречу. Не даёт покоя память, как застарелая рана. Тянет, саднит, ноет, не даёт уснуть, лезет назойливо в душу, как одуревшая луна в окно. Зачем нужна память? Наверное, всё-таки нужна, раз она есть. Хотя бы для того,

чтобы рассказать внукам. А нужна ли внукам твоя исповедь? Много ли ты слушал старших?

Что-то я разбухтелся, раскрипелся, как старые ворота. Возраст что ли подходит скрипучий? Так всё-таки, где же то — настоящее, родное, незапятнанное? Там или здесь? Как легко склонить чашу весов в ту или иную сторону. Как легко, не подумав, опустить гирьку на одну, единственную чашу: на ту или на эту. А если подумать, без прошлого не было бы настоящего. Во как! Ну, подумался! Философ! Да об этом каждый средне-статистический, мало-мальски себя уважающий гражданин знает. Короче! Живи, созидай, твори, не оглядываясь назад, иди вперёд, в небо смотри! Захотелось взгрустнуть — вечером дома за рюмкой чаю с карамелькой во рту вспомни детство золотое. Поплачь, повздыхай и будет. А назавтра встань рано, на зорьке, умойся, как в молодости, холодной водой, разотри полотенцем своё, тронутое вторым тысячелетием, тело и скажи себе (можно вслух, но чтоб никто не слышал) твёрдо: «Я — красавец, сибиряк, нарымский кедр!» Выстрелиться из дома на улицу лихо, с задором, как раньше, у тебя, конечно, не получится, но выйти степенно, важно, как будто твой кабинет и кресло, как минимум на втором этаже, ты сможешь.

Проснулся рано, если это можно было назвать сном. На часах шесть. Отец на кухне гремит чайником. В восемь КС и вообще скоро осень. Осень! Осень пора поэтов и влюблённых, которым за... Если весна — пора всех влюблённых, то осень — тех, кому весной уже, вроде бы и не удобно. Осень — это хорошее прикрытие для тех, кто боится разоблачения и не очень удобная пора для тех, кто спит и видит вас разоблачить. Гуляешь по осеннему парку, шаркаешь ногами по опавшим листьям, таким же, как ты жёлтым и мятым, прохожие восторгаются: «Ах, какая прелесть, ах, чудо — эти листья!» И вдруг из ниоткуда:

— Здравствуйте! Как, и вы здесь?! Что-то глаза у вас какие-то странные и улыбка не по возрасту... А, может быть, вы влю...?!

— Нет, нет, что вы! Я, просто, гуляю, дышу... не весна, ведь, да и весной поздно вато уже влю...

— Да-да, конечно. Ваше дело теперь такое: кашне, шапочку поглубже, тёплое бельишко, обуть соответственно. А лучше дома: чай с малинишным вареньем, сериал в телевизоре, кошка на коленях...

Кошмар! До чего можно дожить!

Пришли на берег. Отец натолкал мне рыбы мешок. Никогда не получается уехать налегке, всегда везу что-нибудь. Родина. Отчий дом просто так не отпустит. Подходят другие пассажиры и провожающие, здороваемся, но болтать не хочется. Отхожу в сторонку, смотрю на реку. Скоро из-за поворота покажется катер. Отец с кем-то разговаривает.

И всё-таки осень! Осень, ребята! Очаровательная осень! Ещё, конечно, лето, но уже где-то там,

за каким-то поворотом осень. Жёлтый лес с красными пятнами пламенеющих рябин, последние цветы в палисадниках. Пахнет картофельной ботвой, урожай собран, только морковка торчит в грядках. Её можно убрать к первым заморозкам. Скоро придут хмарь и холод, нависшее прямо над головой рваными тучами серое небо, мелкий затяжной дождь. Хлябь и морось. Это моя любимая пора. Никогда так не пишется, как в эту пору. Моя любимая Ниночка Притула написала прекрасные строки:

*«Осень рассыпает «жёлтые монеты»,
Разжигает в чаще яркие костры...»*

В самом деле, «жёлтыми монетами» покрыта вся земля. Жёлтые поля, леса, дороги, жёлтые палисадники и огороды. Под ногами, под колёсами автомобилей, даже в карманах и за шиворотом — везде сплошное золото осени.

*«Я возьму на память «жёлтые монеты»,
Кисточку калины, стебелёк травы.
Позову тихонько: «Лето, где ты? Где ты?
Только шёпот ветра: «Всё прошло, увы!»*

Да, прошло, увы! Как и всё когда-то проходит, кончается. Кончается и моя поездка в Шпалозавод. Есть такое маленькое местечко, такая маленькая точка на огромной карте великой страны.

Подошёл КС, трап подан. Капитан Олег Зорин принимает на борт поклажу: коробки, ящики, мешки, тюки. Обнялись с отцом, в глаза стараюсь не смотреть. Отходим. Стою на корме. Душат слёзы. Хочется рвануть ворот рубахи и выдохнуть скопившуюся горечь. Чтобы отвлечься смотрю на реку, на берег, на тальники. На небе снова ни облачка, а у меня в сердце опять тучи. Разворачиваемся против течения, и Шпалы остаются за кормой. Всё меньше и меньше становятся домики, всё дальше и дальше от меня Шпалозавод. Уменьшается, уменьшается, пока совсем не исчезнет за поворотом в туманной тальниковой дымке.

Вот также тридцать с лишним лет назад уменьшался и отодвигался берег за кормой, бегущего по обским волнам парусника с пиратским названием «Призрак». На борту этого «брига» находились три юнца, три романтика, готовых идти за мечтой в далёкое далеко, через моря и океаны в неизведанное нечто. Это были мы, три друга, три «неразлейвода» товарища: я, Серёга Новосельцев («Махач») и Саня Полежако («Кэп»). Смастерили из лодки-моторки яхту, приладили киль, поставили мачты, натянули паруса и айда на ту сторону Оби. На обратном пути разыгралась непогода, поднялся ветер, и мы потерпели кораблекрушение. Черпанули воды и перевернулись. Спас нас тогда Вася Копылов, не побоялся в такую «валишшу» подплыть к нам на лодке и вытащить как кутят из воды. Наделяли шуму на Шпалах, перепугали родителей, но

среди ровесников мы стали героями. Девчонки смотрели на нас с восхищением, ребята — с уважением. Дядя Костя, Серёгин отец, порубил потом наш «Призрак» топором на мелкие кусочки, чтобы неповадно было. Такелаж пошёл на бельевые верёвки, а парус из полосатой матрасовки долго ещё служил в нашей столярке каким-то экраном для защиты от стружек и опилок.

«Женюшка, да штоб вас щерти б узяли! Это в таку непогодь, да родненькие вы мои!» — отчитывала меня потом баба Шура, моя вторая бабушка, отцова мама, Александра Ефимовна Зубарева, Анциферова в девичестве. У неё были седые, белые до желтизны волосы, уложенные и заколотые гребёнкой. Она очень гордилась своими детьми, вышедшими в люди, показывала свою медаль, «даденную за детей», пекла вкуснейшие блины, вязала тёплые зимние чулки на одной игле, не любила пьяниц и всех их называла «набирушками», от слова «набраться». Однажды зимой, глядя в окно, увидела пьяненького соседа дядю Ваню и бросила реплику, которую я запомнил на всю жизнь: «О! О! Гля! Ваня! Постебал, постебал, набирушка щёртова!» Я бился в конвульсиях от смеха, и, когда переехал в Парабель, уже работая в ДК, увидел танец, поставленный парабельским хореографом Зоей Барышниковой «Парабельская с набирушками». Я подумал: «Парабельская с пьяницами» что ли?! Велик и многозначителен наш язык! «Набраться» можно всего, чего хочешь! Хочешь — грибов набери, а хочешь — чего и покрепче...

Вообще люблю я всё русское: одежду, быт, еду, песни, особенно духовные и казачьи. Русские избы люблю, бревенчатые, с красивыми наличниками на окнах. Сердце радуется, когда смотришь на всякие ромбики, завитушки, сердечки, рыбки, вырезанные и раскрашенные в разные цвета с душой, с любовью. Сейчас вокруг современность, строгая практичность. Чужеродное всё, евростандарт, стеклопакеты без излишеств, эмоций, всё по-деловому, но красоты нет, умиления нет, пусто на душе. То ли дело — наше, родное, окошки, окошечки, вы вдумайтесь в эти слова! Сколько доброты, любви и нежности в этих словах — «окошки», «окошечки», от слова «око». Очи, глаза, глазки, Анютины глазки. Идёшь мимо такого бревенчатого дома, рубленного в «обло» или в «лапу» из кругляка и представляешь себе такую Анюту в платочке с «причелинами». Здесь и «очелье» есть с «ушками», и «поясок», и «сухарики» с «подзором», а ещё «лобань» с «обвязкой», «фартук» с «поясом» и даже «веер». Сколько забытых красивых русских слов! Не растерять бы нам их до конца, не лишиться бы безвозвратно!

Мы быстро научились американизировано, сленгово-жаргонно «ботать» — худому учишься быстро — и стали забывать исконно русскую речь. Бог дал нам великий язык, а мы пачкаем

его «базарами в натуре», «океями», «есами», а от «вау» меня начинает «колбасить» и «плющить» уже в натуре! Да! Время, времечко! Внутри себя заглянуть некогда, некогда спросить себя, а кто я вообще, что я сделал хорошего для людей, для страны?! Да-а, в натуре, финиш... А что же наш домик с Анютиными глазками?! А глаз там нету уже, вытащили! Вместо них вставили иностранные линзы, и стоит деревянный русский дом, пучит на мир свои стеклопакеты и не может понять — за что так, зачем так, можно же как-то по-другому, по-русски... Евростандарт, так-растак, заплатил и, — быстро, удобно, комфортно, не надо каждый год подкрашивать, вставлять и выставлять рамы, замазывать... Да, удобно, быстро, но нету теплоты душевной, нету чего-то такого родного из детства. Помните, как осенью, перед самыми холодами, мы вставляли рамы на зиму. Это было целое событие! Мама мыла окна, потом вставляли вторую раму, замазывали замазкой или клеили полоски бумаги на клейстер, а между рам клали вату, ветки сосновые с хвоей, шишки, рябиновые гроздья, украшали игрушечными петушками, собачками, сыпали конфетти, раскладывали новогодний ёлочный дождик. Это была сказка, зимняя сказка! За окном зима, стужа, морозец расписал стёкла своими причудливыми узорами, а ты сидишь у окна и любишься волшебством зимнего вечера, от печки тепло и на душе сладостно.

Подходим к Парабели, заходим в Полой, идём медленно, наплывом. Ну, что ж, жизнь продолжается, надо жить дальше, работать. Всё, что было — прошло, тебя ждут, ждут твоих стихов, песен, поэтому надо жить, жить для других, для страны, во славу Божию. КС причалил к берегу, схожу по трапу, поднимаюсь наверх, иду, впечатывая подошвы в земную кору. На сердце тишина молчащая, в душе — умиротворение. Последний раз оглядываюсь на реку и иду, иду навстречу продолжающейся интереснейшей истории под названием Жизнь. Новый день начинается! Спаси, Господи, люди Твоя!

Автор: Е. Зубарев. 2011

СТИХИ

Моя мечта когда-то сбудется,
И внемлет Бог мольбам моим,
Крестовоздвиженская улица
Опять вернётся в мой Нарым.

Взметнётся ввысь златыми главами,
Восстанет злу наперекор,
Блеснёт крестами православными
Крестовоздвиженский собор.

Перед иконой Абалакскою
Пречистой Деве помолюсь,
За павильон — «Беседку Царскую»
Нарыму низко поклонюсь.

И со Христовым изволением
Живи, Нарым, трудись, как встарь,
И крестным осенит знамением
Нас Стратотерпец Государь.

2019

Вот и август остыл

Вот и август остыл, по-осеннему воздух
прозрачен,
Скоро ляжет листва неохотно в сырую постель.
Я куплет сочинил, я осенним мотивом захвачен.
На палитре судьба пыльно-жёлтую мажет
пастель.
Жёлтым миром войдёт в моё сердце покой
и надежда,
И туманная хмарь меня в миг от забот отрезвит.
Жизнь идёт и идёт, всё понятно без слов
и как прежде
Разложила пасьянс и не сходится что-то, увы.
Ветер рвёт провода, проверяет деревья
на прочность
И на крышах цветных в догонялки играет
с листвой.
Всё сегодня не так, всё туманно, не зримо,
не точно,
Словно плохонький стих бледно-матовой давит
строкой.
Скоро ахнет зима, переокрасит холсты
постепенно.
В красной шапке бармен мне со льдом
приготовит коктейль.
Стрелки время назад на часах отсчитают
настенных,
Лишний час разрешат повлюбляться с тобой,
Парабель.
Вот и август ушёл, отступил на покой восвосяи,
И бродяга сентябрь постучался в окно
невзначай.
Я, наверно, смешон, не имею монетки в запасе
Заплатить за проезд и вскочить в уходящий
трамвай.

2019

Парабель

В жизни долго бродил по дорогам,
Много разных людей повидал.
Собирал я багаж понемногу,
Но тяжёлой мощны не искал.
Не завидовал чьим-то успехам,
Чёрной злобою я не болел,
Равнодушен был к праздным утехам
И рубля никогда не жалел.

Я заброшу свой посох усталый,
И суму я повешу на гвоздь,
Чтоб судьба мне кричать перестала —
В жизни ты не хозяин, а гость.
Нарисую дождём я картину,

Разолью по листу акварель,
Мир придуманный скоро покину,
Растворюсь я в тебе, Парабель.

Восхищаться никак не устану
Красотой этих сказочных муз,
Из колодца я радость достану
И хмельною водою напьюсь.
Пусть преграды, лавины, метели,
Сто тоннелей, и снова тоннель,
Чистым сердцем, душою и телом
Я останусь с тобой, Парабель.

Отцу Александру

Иногда я сижу у стремнины-реки
Весь укрытый ветвями белобрысой берёзы.
Иногда я брожу, где не видно ни зги,
Изливая потоком горько-жгучие слёзы.

И от всех этих дрязг, застарелых страстишек
Лечишь ты Божьим словом, с любовью,
с надеждой,
Что во зло, что в добро, что мне вовсе излишне,
А я снова являюсь в небрачной одежде.

Ты на рану мне — пластырь, ты огонь и прохлада,
Так и делай, учи, Божье слово носи.
Ты любимый мой пастырь, ты свеча, ты лампада,
Сохрани тебя, Боже, помилуй, спаси!

Я боюсь

Я боюсь, я боюсь, я всё время боюсь.
За друзей, что уедут, а приедут враги,
Что не будет луны, и дороги не будет,
Я боюсь, что ослабнут на гитаре колки.

Я боюсь темноты, что свет вдруг отключат,
Что по трассе помчится пьяный шофёр,
Я боюсь, что кого-то петь не научат,
И убийца над жертвой поднимет топор.

Я боюсь за деревню, что скоро закроют,
Я боюсь за людей, куда же пойдут!?
Я боюсь, меня вскорости в землю заруют,
Я боюсь, что песни мои не споют.

Я боюсь за детей, что будет им плохо
И за маму, что старше день ото дня,
Я боюсь за цветы, что скоро засохнут,
Я боюсь, что чего-то нет у меня.

Ах, как хочется жить. Ничего не бояться.
Созидать, наслаждаться земной красотой,
Но скажу вам по правде, надо бояться,
Ведь боязнь — это наша совесть и боль.

Я хотел...

Я хотел уехать к морю, не уехал.
Я хотел пойти к вершинам, не пошёл.
Клад искал я людям на потеху,
Но богатства так и не нашёл.

Я хотел поставить в лодку белый парус,
Вместе с ветром мчаться по волнам.
От всего мирского отрекаясь,
Убежать к зелёным островам.

Я хотел летать по небу вольной птицей,
С облаками в салки поиграть.
Я хотел поверить в сказку небылицу
И удачу за крыло поймать.

Я мечтал стать знаменитым и богатым.
На свои концерты залы собирать
И всех женщин молодых и статных
Без разбору в губы целовать.

Никуда я, братцы, в общем, не уехал
И богатой знаменитостью не стал.
Ну, а вам, пусть будет, на потеху
Я всё это нынче написал.

Прости мне, Боже!

Прости мне, Боже, прегрешения мои,
Соблазны бьют, как штормовые волны.
Покаюсь, Господи, услышь, благоволи,
Очисти душу, верою наполни.

*Международная академия
русской словесности*

ИНФОРМАЦИЯ ПО ИТОГАМ ПЕРВОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА В ЧЕСТЬ 75-ЛЕТИЯ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

**Учредитель
и организатор конкурса:**

Австралийское отделение Международной Академии русской словесности (МАРС), город Сидней.

Президент Александр Григорьевич Сидоров — член Союзов писателей РФ и Интернационального СП, поэт, публицист, автор многих книг и исследовательских статей по истории русской литературы 19 века, лауреат нескольких российских и международных литературных премий. За многолетний писательский труд и подвижническую деятельность на ниве отечественной словесности награждён орденом В. В. Маяковского, Золотой медалью имени И. А. Бунина. Доктор филологических наук. В прошлом — офицер-десантник, участник войны в Афганистане в составе ограниченного контингента советских войск в ДРА, гвардии капитан 80-й отдельной разведывательной роты 103-ей Гвардейской Воздушно-десантной дивизии. Имеет боевые ранения — кавалер Ордена Красной Звезды, медали «За отвагу». Он же автор, идейный вдохновитель, и главный координатор проекта. Александр Григорьевич Сидоров родился в 1949-м году, спустя 5 лет после Победы.

Жизнь и судьба его родителей тесно связана с Великой Отечественной войной, Ленинградской блокадой. Да и сам он, пройдя через испытания Афганской войны, ранения, тяжелейшую контузию, потери боевых товарищей, до сих пор не утратил боевой дух, сохранил в сердце не только Память о подвиге русских солдат, но и чувство патриотизма и любви к Родине. Именно эта, горячая любовь к России, вдохновила Александра Григорьевича на смелую идею — в самый разгар Пандемии провести под эгидой австралийского

отделения Международной академии русской словесности, где собрались профессионалы и единомышленники, Первый Международный литературный конкурс и посвятить его святому для русского человека празднику — 75-летию Великой Победы над фашизмом!

Для творческих людей — писателей, поэтов находится «в самоизоляции», то есть в уединении, и работать в тишине, — обстановка привычная, даже необходимая. Но, понимая, как сложно переживать Пандемию в одиночестве, замкнутом пространстве, особенно пожилым людям, а также —

детям, лишённым возможности ходить в школу, мы объявили наш литературный конкурс, придав ему международный статус, чтобы наши соотечественники могли поделиться творчеством, наладить новые связи и вместе вспомнить имена героев.

Ещё 8 июля 2019 года Указом за номером 327 Президент Российской Федерации, Владимир Путин, в целях сохранения исторической памяти и в ознаменование 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945-го годов, объявил нынешний, 2020-й год, — **Годом Памяти и Славы!**

Эту идею горячо поддержали все, кто сегодня активно выступает против любых военных агрессий на планете, все, кто гордится нашей национальной Святыней — Великой Победой над фашизмом. И без преувеличения можно сказать, что 2020-й год стал Годом Памяти и Славы не только в России, но и на всём Земном Шаре. Прогрессивное человечество на планете мечтает о любви и счастье, о возможности растить детей под светлым, безоблачным, мирным небом, о радости творчества и созидания. Но без исторической памяти любой народ никогда не сможет осмыслить настоящее и построить будущее.

2.

Великая Победа была выстрадана и высоко оценена несколькими поколениями людей, муже-

ственно пережившими Вторую мировую войну. В 40-е годы XX столетия под ружьё встали армии 61 страны, боевые действия проходили на территориях 40 государств. Главный удар принял на себя Советский Союз, он же понёс наибольшие потери.

СССР... Сегодня нет на карте мира этого государства. Но есть Россия, и есть генная память народа. Не растеряны духовные ценности и не утрачена главная временная нить, исторически связующая многие поколения. Есть Русский Мир, который составляют диаспоры наших соотечественников, живущих в 98 странах планеты. Есть Великий русский язык и Великая русская культура, объединяющие народы и национальности всего мира! Многие зарубежные любители и поклонники русского языка изучают его глубоко, как иностранный, желая читать в подлиннике всемирно известные произведения русской классической литературы. И есть Победа и её священный праздник, один для всех! Конечно, 75-летний юбилей Победы советского народа в войне с фашистской Германией, этот славный день, 9 мая, мы планировали провести ещё более торжественно, чем в минувшие годы.

Как сказала об этом, единственном на планете, празднике «со слезами на глазах» известная приморская поэтесса, Нина Неупокоева:

*«Забыв на миг людские беды,
Народ от счастья ликовал.
И долгожданную Победу
Господь с небес благословял!»*

Однако, в 2020-м году, в связи с ограничительными мерами, направленными на предупреждение распространения коронавирусной инфекции, Парад Победы был перенесён и прошёл не столь масштабно, как планировалось. Акция «Бессмертный полк» почти повсеместно отменена, состоявшись лишь в режиме «онлайн», либо в узком кругу людей. И многие намеченные традиционные мероприятия в честь Дня Победы широко не проводились, что помешало людям собраться вместе и вспомнить погибших солдат Второй мировой войны, отдавших свои жизни за родную землю.

Для многих участников Международного литературного конкурса желание поделиться своим творчеством было — единственной возможностью почувствовать себя важным и значимым Человеком для других людей, высказать публично свои самые сокровенные мысли о войне и Победе, рассказать о родовой и даже национальной памяти, и назвать имена тех, кому они обязаны жизнью.

Кураторы конкурса:

— **Посольство России в Австралии**, город Канберра, Чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации, кандидат исторических наук, российский дипломат Алексей Викторович Павловский.

3.

— **Генеральное консульство РФ** в г. Сидней, Генеральный консул Аржаев Игорь Николаевич, Почётный Генеральный консул Российской Федерации в округах Квинсленд и Виктория — Ирина Александровна Брук.

— **Международная Академия русской словесности (МАРС)**. Президент Академии, член двух творческих Союзов писателей и журналистов России, доктор философии Григорий Борисович Осипов. Вице-президент Нелли Копейкина. Россия, Москва;

— **Интернациональный Союз писателей**. Президент писатель-фантаст, лауреат многих почётных литературных премий Майкл СУЭНВИК, Филадельфия, штат Пенсильвания, США. **Председатель Международного правления** Александр Гриценко. Штаб-квартира — Россия, Москва.

— **Союз писателей РФ**, Председатель правления, российский писатель и публицист, автор более 20 книг прозы и драматургии, военный журналист, в прошлом — офицер-десантник, участник нескольких локальных военных кампаний — Николай Фёдорович Иванов, Москва.

— **Региональные Писательские организации Москвы и Московской области, ЛИТО города Фрязино;**

— **Союз журналистов России, г. Москва;**

— **Издательский Дом «АНДРЕЕВСКИЙ» и Издательство «Русский Остров» из Владивостока.**

Отдельная благодарность спонсорам: Михаилу Моисеевичу Овчинникову, известному меценату, благотворителю, бизнесмену, основателю и руководителю Первого русского музея в Австралии, на базе которого 25 октября 2020 года в Сиднее открылся Кабинет фонда «Русский Мир», что в дальнейшем поднимет на более высокий уровень просветительскую работу по развитию и сохранению русского языка, культуры и истории.

И Генеральному Консульству РФ в г. Сидней — в лице известного российского дипломата — Генерального Консула Аржаева Игоря Николаевича.

Благодарим средства массовой информации за поддержку Международного литературного конкурса в честь 75-летия Победы:

— старейшую русскую газету в Австралии «Единение» (главный редактор Владимир Кузьмин) и электронную версию еженедельника «Горизонт» + МК в Австралии (главный редактор Семён Пинчук), город Сидней;

— «Русское радио», город Мельбурн;

— Российское государственное информационное агентство «ТАСС», «Литературную газету», журнал «Русский мир.RU», город Москва;

— старейший, литературно-художественный журнал «МАХ ДУГ» («Наша эпоха»), который выходит с 1934 года при поддержке правительства республики Северная Осетия — Алания в городе Владикавказ.

От имени Оргкомитета и Международного жюри литературного конкурса в честь юбилея Великой Победы над фашизмом хочется передать тёплые слова признательности:

4.

— главному редактору этого издания — **Оксане Нодаровне Хетагуровой и её коллегам, членам редколлегии журнала «Мах Дуг»,**

— а также — педагогам, преподавателям русского языка и литературы гимназии № 45 имени Жоржа Дюмезиля города Владикавказ за работу по популяризации нашего литературного конкурса в республике Северная Осетия-Алания и отбору на конкурс лучших авторских произведений. При содействии этих высокопрофессиональных и неравнодушных людей на конкурс поступили лучшие работы, как именитых, так и молодых писателей Северной Осетии, а также — наиболее талантливые детские сочинения, интересные документальные, архивные исследования мало известных, но героических событий Великой Отечественной войны. Превосходящие силы фашистских армий штурмовали легендарный Севастополь более восьми месяцев. Благодаря поисковым работам детей стало известно о новых подробностях боевых операций

воинов Отдельной Приморской армии на Южном и Северо-Кавказском фронтах при обороне Крыма, боях за Одессу, Севастополь и срыве плана немцев по захвату Кавказа. Русский город-крепость на Чёрном море — Севастополь — был освобождён за 35 суток. Школьники восстановили неизвестные страницы Великой Отечественной войны, и новые имена её героев были вписаны в летопись подвигов народа Северной Осетии, приблизившего День Великой Победы вместе с другими народами братских республик Советского Союза.

Поддержал наш Международный литературный конкурс и независимый, историко-литературный журнал «Казачье Братство» — официальный печатный орган Межрегиональной Общественной Организации Союза казачьих Журналистов Сибири и Дальнего Востока, город Томск, Россия, главный редактор Алексей Владимирович Сафронов. Вместе с казачьим священником, главой Большекаменской, Древлеправославной общины во имя Сретения Господня — протоиереем отцом Елисеём Елисеевым, редакция журнала активно помогала оргкомитету конкурса.

— **ИНТЕРНЕТ.** За 6 месяцев, пока продолжался литературный конкурс, организованный по инициативе Австралийского отделения Международной Академии русской словесности (МАРС), на веб-сайте Facebook вышло 147 информационных выпусков, посвящённых авторам и их конкурсным работам. У конкурса есть своя страница: «МАРС. Общедоступная группа» в соц-сети Фейсбук — <https://www.facebook.com/groups/3860036559192856>.

Благодаря выше названным средствам массовой информации Оргкомитет и Международное Жюри приняли решение на месяц продлить приём заявок для участия в нашем литературном конкурсе, которые практически каждый день поступали в Сидней из разных уголков Австралии, Российской Федерации, Европы и Америки. Начавшись официально 1 мая, приём конкурсных работ от авторов завершился 31 октября 2020 года.

Наступило время сказать несколько слов и о географии конкурса. Она, действительно, впечатляюще обширна, так как охватывает: континенты, страны, столичные и малые города, совсем небольшие посёлки и станицы, разбросанные по планете от Австралии до Европы, от Азии до Америки...

Австралия — города Сидней, Мельбурн, Голд-Кост, Брисбен, Аделаида;

Соединённые Штаты Америки;

5.

Израиль, город Ариэль;

Франция — город Париж;

Прибалтика — Литва и Латвия;

Украина — города Киев и Кременчуг; Казахстан; Узбекистан;

Республика Северная Осетия-Алания — города Владикавказ и Алагир;

Республика Беларусь — города Минск, Могилёв и Бобруйск;

Российская Федерация — от Москвы до Владивостока: город Москва, Московская область, город Видное; Ростовская область — город Морозовск и станица Тацинская; Самарская область — село Челно-Вершины; город Сызрань; город Петербург; Алтайский край — город Бийск; Сибирь — города Иркутск и Новосибирск; Бурятия — город Улан-Уде; Приморский край — город Находка, село Суходол, города Большой Камень и Владивосток; Хабаровский край — город Хабаровск; Амурская область — город Благовещенск.

Пока перечисляешь некоторые географические названия, невольно вспоминаешь о том, что многие из них входили в бывшие республики СССР, сломавшего хребет фашизму и подарившего жизнь и свободу всему миру.

Международное жюри приняло к рассмотрению на участие в литературном конкурсе 148 заявок от авторов. Из них — 39 детских работ.

Стоит отдельно сказать и о многообразии жанров произведений, поступивших на наш Международный литературный конкурс. Это — гражданская и лирическая поэзия о Великой Отечественной войне; документальный рассказ, очерк; научно-исторические (архивные) исследования; мемуары; художественная проза (рассказы, новеллы, эссе, небольшие повести и отдельные главы из романов и повестей); драматургия и школьные сочинения.

Возраст участников литературного конкурса — от 7 до 106 лет!

Все эти объективные факторы повлияли на единодушное решение Международного жюри — в рамках одной организационной идеи литературного конкурса разделить авторские работы на две творческих группы: взрослую и детскую. В каждой из этих групп, согласно утверждённым Оргкомитетом Положений о конкурсе, выделить по 4 номинации — гран-при, 1-е, 2-е и 3-е места. На память об участии в Первом Международном литературном конкурсе Австралийского отделения Международной Академии русской словесности — МАРС -наградить всех авторов званием Лауреатов Международного литературного конкурса, посвящённого 75-летию юбилея Великой Победы, Благодарственными письмами с пожеланием активной жизненной позиции и дальнейших успехов в литературном творчестве. Принято также решение: итоги **взрослого и детского конкурсов подвести 15 ноября 2020 года в Генеральном консульстве г. Сидней.**

Итоги специального конкурса детских сочинений учащихся, изучающих в Австралии русский язык, Председатель жюри детского конкурса Анна Белоусова объявит отдельно.

6.

— в начале декабря 2020 года в Школе изучения русского языка «Ромашка» (директор Виктор Анатольевич Овчинников) с участием Почётного консула в штатах Квинсленд и Виктория — российского дипломата Ирины Александровны Брук.

Неоценимый вклад в проведении Международного литературного конкурса внесли представители Высшего духовенства Австралии и России.

С Божьей помощью и благословением настоятеля старейшего русского православного Свято-Николаевского прихода — протоиерея Гавриила Макарова, на конкурс поступило 28 детских сочинений из австралийских школ штата Квинсленд, где учащиеся с 5-го по 9-й класс изучают русский язык. Особую признательность хочется высказать всем педагогам и преподавателям русского языка в Австралии. **В Свято-Серафимовской Русской школе — лично завучу Трефиловой Светлане Юрьевне. В Свято-Николаевской Прицерковной школе — лично завучу Галине Васильевне Драпкиной и члену конкурсного Оргкомитета и Международного жюри — педагогу Наталье Семёновне Буденной.** Обе русские церковно-приходские школы действуют в Брисбене под опекой и руководством отца Гавриила.

Благодарим Председателя Международного Жюри детского конкурса — Белоусову Анну Владимировну, завуча Школы русского языка «Ромашка», город Голд-Кост, чьи ученики блеснули не только знаниями русского языка, но и умением по-философски и творчески мыслить, вы-

сказывать свою личную жизненную позицию и продемонстрировали серьёзные литературные способности.

Собственно говоря, ради этого и проводился конкурс, чтобы открыть новые имена в русской современной литературе, молодые писательские таланты и поддержать творчески одарённых людей, особенно школьников. В Австралии и в России, во всём Русском Мире подрастает прекрасное молодое поколение, которое чтит свои русские корни, глубоко изучает русский язык, хранит родовую память и уже сегодня понимает высокую нравственную цену Великой Победы своего народа в минувшей войне с фашизмом.

Школьники из Мельбурна, Брисбена и Голд-Коста стали безусловными победителями в номинации «Проза». Австралийцы завоевали все призовые места, включая гран-при, который был присуждён за рассказ «Панда» 12-летней Соне Вуковик из Мельбурна, ученице Русской школы «Пушкинский лицей» (директор школы — Марина Павловна Макарова).

11 детских работ из России написано ребятами, в основном, в жанре документалистики. Это научно-исторические и архивные исследования, кропотливая и многолетняя работа в составе поисковых патриотических отрядов. Документальные очерки о героических подвигах участников Великой Отечественной войны, написанные школьниками Северной Осетии и России, получили высшую оценку Международного Жюри конкурса. Члены жюри детского конкурса с волнением рассматривали, присланные

в Австралию фотоиллюстрации военных лет. Мы увидели не только портреты родных людей, дедов и прадедов, о которых писали дети. Но и фотодокументы и исторические фотографии военных событий, снимки боевых наград и солдатских треугольников — драгоценных и долгожданных писем с фронта, приказов о награждении героев и... фотокопии «похоронок» — извещений о гибели солдат Великой Отечественной, отдавших свои жизни в боях за Родину. Такие «похоронки» уже 75 лет бережно хранятся во многих российских семьях, передаются, как святыни, от поколения к поколению.

7.

Архив конкурса впечатляет и достоин быть переданным в Первый русский музей Австралии. Одним из самых ярких и неожиданных событий, произошедших в дни конкурса и заставивших сердечно поволноваться Оргкомитет и Международное жюри, было — официальное зачисление в список участников конкурса ... двоих, давно погибших, героев Великой Отечественной войны. Дело в том, что в городе Находка Приморского края, в средней школе № 10, под руководством преподавателя истории и завуча, Татьяны Юрьевны Тыщенко, с 1980-го года действует школьный поисковый отряд. За 40 лет под руководством опытного педагога ребята собрали уникальные исторические и архивные документы о ветеранах Великой отечественной войны. Эти материалы легли в основу созданной в школе комнаты Боевой славы, посвящённой 92-й Стрелковой дивизии. Дивизия ушла на фронт осенью, 1941 года из Приморья, начала боевой путь

под Ленинградом и закончила в победном, 1945-м году, в Силезии. На конкурс высланы отрывки из воспоминаний фронтовика, ветерана 92-й стрелковой дивизии — Георгия Паланича. Полная книга его мемуаров хранится в комнате Боевой Славы школы № 10 города Находка.

Ещё одной поисковой работой учащихся средней школы № 10 города Находка, представленной на конкурс членом Международного жюри литературного конкурса, директором и главным редактором владивостокского издательства «Русский Остров» — Александром Яковцом, — это фронтовые стихи Валентина Алексева, воевавшего в составе 92-ой Стрелковой дивизии. Благодаря стараниям ребят стихи героя, нигде прежде не опубликованные, теперь получают новую жизнь, найдут своего читателя, а имя талантливого поэта-фронтовика, Валентина Леонидовича Алексева, родившегося и умершего на украинской земле, займёт достойное место в истории и антологии советской поэзии времён Великой Отечественной войны.

По единодушному решению Международного Жюри конкурса и Австралийского отделения Международной Академии русской словесности (МАРС) в номинации «Поэзия» фронтовой поэт **Валентин Алексев удостоен посмертно Золотой медали Сергея Есенина за прекрасное поэтическое творчество в годы Великой Отечественной войны.** Главная награда конкурса, Наградное Удостоверение и Диплом Гран-при будут отправлены из Австралии в Россию, в приморский город Находка, в Среднюю образовательная школу № 10.

В знаменитой теперь на весь мир Комнате Боевой Славы 92-й Стрелковой дивизии появятся новые реликвии, как яркий пример того, что в год Памяти и Славы, в юбилейный год Великой Победы над фашизмом, «никто не забыт и ничто не забыто»!

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ И СЛАВА ГЕРОЯМ, ПАВШИМ ЗА РОДИНУ!

Татьяна Зимич,
*член Оргкомитета и Международного
Жюри ПМЛК, общественный академик МАРС,
город Владивосток*

P.S. Принято решение, что все присланные на конкурс произведения будут объединены в альманах, который оргкомитет планирует опубликовать и предоставить для ознакомления всем заинтересованным лицам.

**ПРИЗЁРЫ ПЕРВОГО
МЕЖДУНАРОДНОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА (МЛК),
УЧРЕЖДЁННОГО МЕЖДУНАРОДНОЙ
АКАДЕМИЕЙ РУССКОЙ
СЛОВЕСНОСТИ В АВСТРАЛИИ
И ПРИУРОЧЕННОГО К ПАМЯТНОЙ
ДАТЕ 75-ЛЕТИЯ ПОБЕДЫ В ВОВ**

МЛК прошёл при поддержке Генерального Консульства РФ в Австралии.

Поэзия

ГРАН-ПРИ

Награждается **Тыщенко Татьяна Юрьевна**, преподаватель истории школы № 10 города Находка. В течение 40 лет Татьяна Юрьевна руководила поисковой группой учащихся школы и представила на конкурс военные стихи **В. Л. Алексеева**.

Посмертно, поэт В. Л. Алексеев награждается «Золотой Есенинской медалью», которая передаётся школе № 10 города Находка. Она будет храниться в комнате «Боевой Славы».

*Решение Президиума
Международной академии
русской словесности
в Австралии от 09.11.2020*

ПЕРВОЕ МЕСТО

Борис Константинович Рябухин.

Стихотворение:

«Я был с рожденья на войне».

ВТОРОЕ МЕСТО

Иван Иванович Тимченко.

Стихотворение: «41-й».

ТРЕТЬЕ МЕСТО

Георгий Бурцев.

Стихотворение: «Письмо в 41-й год».

Проза

ГРАН-ПРИ

Борис Семёнович Мисюк.

Рассказ: «Самый трудный в жизни день, или СТИГМАТЫ той войны».

ПЕРВОЕ МЕСТО

Эсфирь Коблер.

Рассказ: «Смерть на двоих».

ВТОРОЕ МЕСТО РАЗДЕЛИЛИ:

Константин Джагарьянц (США).

Рассказ: «Сейсин».

Вадим Григорьевич Шкода.

«На золотом крыльце сидели»

ТРЕТЬЕ МЕСТО РАЗДЕЛИЛИ:

Юрий Табачников (г. Ариэль, Израиль).

Рассказ: «Жидёнок».

Алмас Коптлеуов.

«Солдат из Семиречья в битве За Москву».

ПООЩРИТЕЛЬНАЯ ПРЕМИЯ:

Яков Александрович Смагаринский (Австралия, Сидней).

Рассказ: «Морзяночка».

Климент Первушин.

«Цветок Победы».

Документалистика

ГРАН-ПРИ

Изабелла Аркадьевна Светлосанова (США).

Документальный очерк: «Блокада Ленинграда».

ПЕРВОЕ МЕСТО

Светлана Коростелёва (Удмуртия).

«В вихре войны»

ВТОРОЕ МЕСТО

Батрадз Касаев.

«Дедова песня».

ТРЕТЬЕ МЕСТО

Юрий Борисович Левин (Австралия, Сидней).

Документальный рассказ:

«Воспоминания 100-летнего ветерана».

**Организационный комитет
Первого Международного литературного
конкурса (ПМЛК):**

- председатель орг. комитета — А. Г. Сидоров
- председатель жюри ПМЛК — В. Л. Дубосарский
- Члены жюри ПМЛК — Н. В. Макарина — Тунолей (Мельбурн, штат Виктория)
- М. И. Кондратьева (Сидней, штат НЮУ)
- Ответственный секретарь ПМЛК — Л. В. Голенищева

09.11.2020 г.

(Австралия, Сидней).

Избранные стихи и проза участников конкурса

Смагаринский Я. А.

МОРЗЯНОЧКА

«Ах ты, моя морзяночка!» — говорил мой будущий папа моей будущей маме, брал её лицо двумя руками и целовал, целовал горячо и быстро, приговаривая:

«... точка, тире, тире, точка...» У неё на лице было несколько любимых им «точек»: ямочки на щёчках, кончик носика и губки. Остальные места считались «тире». Чтобы сказать фразу, с которой я начал своё повествование, он должен был чмокнуть её пятьдесят раз, а с учётом запятой и восклицательного знака — все шестьдесят два! Педант он был ещё тот!

Встретились они, восемнадцатилетние, на курсах телеграфистов-морзистов при Хабаровском военкомате. Точечные поцелуи настигли их только в конце, после экзаменов. А до этого были записки азбукой Морзе между изучением теории, соревнованиями на скорость передачи кодовой дроби и приёма на слух ритмичных «напевов».

Папа сдал экзамены успешно и был зачислен в резерв ГУСКА — Главного Управления Связи Красной Армии. Маме не повезло: она недостаточно хорошо владела грамматикой русского языка.

Горе было бездонным. «Ах ты, моя морзяночка! — успокаивал её папа. — Не плачь, я беру над тобой шефство! У меня русский язык и литература всегда были на высоте!»

Повестка молодому мужу пришла летом со школьного. Начиная солдатка регулярно получала по шесть почтовых открыток в неделю. Хотелось семь... «Ишь ты, ненасытная, — укоряла её свекровь, — на седьмой день и боги отдыхают!»

Всё пространство открыток, кроме адреса, заполняли точки и тире. Это были поцелуи военного телеграфиста в письменном виде. Они начинались с: «Ах ты, моя морзяночка!» и кончались удивительным четверостишием. Каждый раз новым! От стихов кружилась голова и счастливая улыбка не сходила с лица всё время, пока она «выстукивала» свои ответные нетерпеливые поцелуи...

То было время безмятежного «до». С июня срок первого началось тревожное «после».

Письма стали приходиться редко. И уже не на открытках, а в треугольниках, но по-прежнему в точках и тире и со стихотворением в конце, по-

сле которого, как подпись, стояло краткое: «Я вернусь!»

Она работала сортировщицей на Главпочтамте. Весь день на ногах перед необъятной стеной из клеток, постоянно раскрытых, как рты птенцов, требующих: «Писем! Писем! Писем!» Она помнила каждую улицу, каждый дом всех почтовых отделений города!

После смены работницы Главпочтамта отправлялись в районные узлы связи, где не хватало своих почтальонов. Мама разносила почту по домам, чувствуя себя то ангелом, оставляющим на крыльце заветный треугольник, то чёрной птицей, приносящей скорбную весть в тяжёлом казённом конверте.

А по ночам, обессиленная, перечитывала старые письма... Какие красивые строчки о любви! Где её родной, её любимый красноармеец находит такие слова! И казалось ей неправильным, что только она одна радуется таким стихам.

Однажды она решила отправить его письма в хабаровскую газету «Тихоокеанская Звезда». Там, наверняка, найдутся люди, знающие код Морзе, разберутся и напечатают стихи в газете. И не ошиблась: нашёл в редакции военный моряк Алексей Кривошеин. Он ответил ей коротким письмом:

«Дорогая Фаина, Ваш муж прислал Вам замечательные стихи. К сожалению, мы не можем напечатать их за его именем, так как они уже давно опубликованы за именами Тютчева, Фета, Баратынского, Есенина... Но не огорчайтесь: письма бесценны: они, возможно, единственный в мире сборник русской лирической поэзии на языке Морзе...»

Она и не огорчилась, поняла: стихи эти — давнишнее обещанное шефство, уроки русского языка и литературы. «Ненаглядный мой, — шептала она, — спасибо тебе! Я верю, что ты вернёшься. Ты обещал. Ты всегда выполняешь обещанное!»

И он не обманул. Он вернулся утром в августе сорок пятого, когда она выходила на работу... Они бежали друг другу навстречу вдоль покосившегося палисадника, по высокому бурьяну: она, задыхаясь от счастья, а он, сильно припадая на правую ногу.

«Ах ты, моя морзяночка!» — Он одной рукой прижал её лицо к своему и целовал, целовал горячо и быстро, приговаривая: «...точка, тире, тире, точка...»

Так для нашей семьи была поставлена последняя точка в войне. Так началась моя жизнь!..

Борис Рябухин МАТЬ БЕЖАЛА РОЖАТЬ...

Мать бежала рожать
По пурге до хутора.
Ей в больнице б лежать —
Повитуха спутала.

Мать бежала со мной
По дорогам беженцев.
Немец бил, как шальной,
Промахнулся в бешенстве.

И в жару, и в пургу —
Сын, работа, хлопоты.
Так вся жизнь на бегу,
Без обид, без ропота.

Я решил уезжать,
Навсегда оставив дом.
Мать рванулась бежать,
В панике, за поездом.

Лишь осталось ей — ждать,
Говорить, как некогда:
«Ну, пора мне бежать», —
А бежать и некуда.

ВСЕЛЕНСКАЯ ДЫРА

Мы поедem к станции «Римской»,
Где возносится Третий Рим.
Век Молоха — эпоха риска,
Только дух наш неборим.

Приходили варяги-немцы
Насаждают чужебесья гнусь,
Но по промыслу страстотерпцев
Все, как в омут, впадали в Русь.

Быть вселенской дырой не тяжко.
Принимаем каждый карат:
Самый русский цветок — ромашка,
Самый русский поэт — арап.

Сколько раз пожары насилья
По дубовым прошли векам!
Сколько раз глотали Россию
Целиком или по кускам!

Смыла варваров беспощадно
Эта прорва пространств и лет.
Память целого возвращала
В берега святой континент.

ЗНАМЯ ПОБЕДЫ

Наденьте свои боевые награды
За юность седую дорог фронтовых
Живые и павшие, майским парадом
Пройдите по гулкой броне мостовых

А мирное племя, равняйся на знамя,
В том знамени кровь заклемила рейхстаг.
В том знамени — красная правда, как пламя.
В нём — боль отступлений и ярость атак.

В нём — сплавилась скорбь с ликованием победы.
В нём — грань между мирной весной и войной.
В нём — клятва людей поредевшей планеты:
Навечно последний закончился бой.

ФОТО ИЗ СТАРИННЫХ КАЗАЧЬИХ АЛЬБОМОВ

Отпечатано в типографии издательства «Ветер»,
г. Томск, пл. Соляная, 6, тел. (3822) 706-319

